

2022 № 3

ISSN (online): 2222-5196



ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

Сетевой научный журнал
«Психология и право»

Редакционная коллегия

Дворянчиков Н.В. (Россия) – главный редактор
Бовина И.Б. (Россия) – заместитель главного редактора
Коноплева И.Н. (Россия) – заместитель главного редактора
Нуцкова Е.В. (Россия) – заместитель главного редактора

Богданович Н.В. (Россия), Булыгина В.Г. (Россия), Васкэ Е.В. (Россия), Дебольский М.Г. (Россия), Делибальт В.В. (Россия), Дозорцева Е.Г. (Россия), Ениколопов С.Н. (Россия), Калашникова А.С. (Россия), Курбатова Т.Н. (Россия), Миронова О.И. (Россия), Пимонов В.А. (Россия), Сачкова М.Е. (Россия), Секераж Т.Н. (Россия), Ульянина О.А. (Россия), Чиркина Р.В. (Россия), Шаболтас А.В. (Россия), Шипшин С.С. (Россия), Сафуанов Ф.С. (Россия), Гранхаг Пер-Андерс (Швеция), Гессманн Ханс-Вернер (Германия), Хартвиг Пол (Норвегия), Синг Джей П. (США), Стошич Лазар (Сербия), Козлова Н.В. (Россия), Шаранов Ю.А. (Россия), Поздняков В.М. (Россия), Нуркова В.В. (Россия), Кекелидзе З.И. (Россия), Козлов А.А. (Россия)

Секретарь

Захарова А.В.

Редактор и корректор

Лопина Р.К.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

Адрес редакции

127051 Россия, Москва, ул. Сретенка, д. 29, ком. 209.
Телефон: +7 (495) 608-16-27

E-mail: info@PsyAndLaw.ru

Сайт: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/contacts/>

Индексируется:

ВАК Минобрнауки России, Российский Индекс Научного Цитирования (РИНЦ), Международный Индекс Научного Цитирования Web of Science (ESCI), Международный каталог научных периодических изданий открытого доступа (DOAJ)

Издается с 2011 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-66446 от 14.07.2016

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2022

Electronic Scientific Journal
«Psychology and Law»

Editorial board

Dvoryanchikov N.V. (Russia) – editor-in-chief
Bovina I.B. (Russia) – deputy editor-in-chief
Konopleva I.N. (Russia) – deputy editor-in-chief
Nutskova E.V. (Russia) – deputy editor-in-chief

Bogdanovich N.V. (Russia), Bulygina V.G. (Russia), Vaske E.V. (Russia), Debolsky M.G. (Russia), Delibalt V.V. (Russia), Dozortseva E.G. (Russia), Enikolopov S.N. (Russia), Kalashnikova A.S. (Russia), Kurbatova T.N. (Russia), Mironova O.I. (Russia), Pimonov V.A. (Russia), Sachkova M.Ye. (Russia), Sekerage T.N. (Russia), Ulyanina O.A. (Russia), Chirkina R.V. (Russia), Shaboltas A.V. (Russia), Shipshin S.S. (Russia), Safuanov F.S. (Russia), Granhag P.-A. (Sweden), Gessmann H.-W. (Germany), Hartvig P. (Norway), Singh J.P. (USA), Stosic L. (Serbia), Kozlova N.V. (Russia), Sharanov Yu.A. (Russia), Pozdnyakov V.M. (Russia), Nurkova V.V. (Russia), Kekelidze Z.I. (Russia), Kozlov A.A. (Russia)

Secretary

Zakharova A.V.

Editor and proofreader

Lopina R.K.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology & Education (MSUPE)

Editorial office address

Sretenka Street, 29, office 209 Moscow, Russia, 127051
Phone: + 7 495608-16-27

E-mail: info@PsyAndLaw.ru

Web: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/contacts/>

Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian Index of Scientific Citing database, Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI), DOAJ

Published quarterly since 2011

The mass medium registration certificate:

EL FS77-66446 number. Registration date 14.07.2016

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text and images are the property of MSU PE and copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the publisher.

© MSUPE, 2022



СОДЕРЖАНИЕ:

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК:

СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И КОМПЛЕКСНЫЕ ЭКСПЕРТИЗЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Сафуанов Ф.С.

Вступительное слово 1–2

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ | FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Сафуанов Ф.С.

Внутрисемейная криминальная агрессия: глазами судебного эксперта-психолога 3–13

Кулаков С.С.

Судебно-психологическая экспертная диагностика семейных взаимоотношений:
возможности психосемантического подхода 14–26

Ильина О.Ю., Русаковская О.А., Туманова Л.В., Чубарова О.Е.

Некоторые психолого-юридические вопросы обязательного
учета мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет,
при рассмотрении судами споров о его воспитании 27–38

Полкунова Е.В.

Применение методики «Родительское сочинение» в целях установления
родительского отношения при проведении судебной психологической
экспертизы по спорам, связанным с воспитанием детей 39–51

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ | JUVENILE LEGAL PSYCHOLOGY

Савина О.Ф., Морозова М.В.

Проблемные зоны экспертного исследования
по факту суицида у несовершеннолетних 52–65

Нуцкова Е.В., Дозорцева Е.Г.

Клинико-психологические особенности несовершеннолетних,
потерпевших от кибербуллинга 66–76

Калинина А.С., Секераж Т.Н.

Взаимодействие с несовершеннолетними потерпевшими лиц,
привлекаемых к ответственности за совершение развратных
действий в сети Интернет: интенциональный аспект 77–87

Конищева А.В.

Подходы к исследованию родительского отношения в российской психологии 88–96

Ошевский Д.С., Федонкина А.А.

Возможности и проблемы использования информации с цифровых носителей при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних, обвиняемых в незаконном распространении наркотиков97–108

Матафонова С.И., Рерке В.И., Кротова Т.Е.

Взаимосвязь оценок детско-родительского взаимодействия и копинг-стратегий подростков «группы риска» 109–123

**ПРАВОВАЯ ПСИХОЛОГИЯ |
LEGAL PSYCHOLOGY**

Краснова Т.В.

Принципы построения модели психологического анализа интересов для решения задач алгоритмизации правоприменения (на примере семейно-правовых споров)..... 124–133

**ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО И КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ |
PSYCHOLOGY OF DEVIANT AND CRIMINAL BEHAVIOR**

**Качаева М.А., Дозорцева Е.Г., Нуцкова Е.В., Харитоновна Н.К., Шишкина О.А.,
Васянина В.И., Скибина Н.В., Назарова Л.Н.**

Влияние негативного эмоционального опыта детства на криминальную активность у женщин с органическим расстройством личности 134–150

**ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ |
PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE**

Поздняков В.М., Хрушкова К.А.

Методолого-теоретические ориентиры изучения выученной беспомощности у осужденных с длительными сроками отбывания уголовного наказания 151–167

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY**

Горбатов С.В., Арбузова Е.Н., Заварзина М.В.

Апробация русскоязычной версии методики «Шкала импульсивного поведения UPPS-P»..... 168–179

Ильина В.И., Каменсков М.Ю., Дворянчиков Н.В.

Методические особенности оценки педофильного расстройства с применением айтрекера 180–196

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES**

Свободный Ф.К., Лаврешкин Н.В.

Опознавание лица по фотографии в условиях неосознаваемого восприятия 197–208

CONTENTS:

THEMATIC ISSUE:

FORENSIC PSYCHOLOGICAL AND COMPLEX EXPERTISE: THEORY AND PRACTICE

Safuanov F.S.

Foreword..... 1–2

FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Safuanov F.S.

Intra-family Criminal Aggression: In the Opinion of Forensic Expert-psychologist..... 3–13

Kulakov S.S.

Forensic Psychological Assessment of Family Relationships:
the Potential for a Psychosemantic Approach 14–26

Ирина О.Ю., Русаковская О.А., Туманова Л.В., Чубарова О.Е.

Some Psychological and Legal Issues of Mandatory Consideration
of the Opinion of a Child who Has Reached the Age of Ten Years
in Judicial Consideration of Disputes About His Upbringing..... 27–38

Polkunova E.V.

Application of the “Parent Essay” to Study Parental Attitudes
in Forensic Psychological Examination 39–51

JUVENILE LEGAL PSYCHOLOGY

Savina O.F., Morozova M.V.

Problem Areas of Expert Research on the Fact of Suicide in Minors..... 52–65

Nutskova E.V., Dozortseva E.G.

Clinical and Psychological Features of Minor Victims of Cybergrooming 66–76

Kalinina A.S., Sekerazh T.N.

Interaction with Minor Victims of Persons Held to Account
for Committing Online Sexual Abuse: the Intentional Aspect..... 77–87

Konishcheva A.V.

Approaches to the Study of Parental Attitude in Russian Psychology..... 88–96

Oshevsky D.S., Fedonkina A.A.

Opportunities and Problems of Using Information from Digital Media
in a Comprehensive Forensic Psychological and Psychiatric Examination
of Minors Accused of Illegal Drug Distribution 97–108

Matafonova S.I., Rerke V.I., Krotova T.E.

Interrelation between Assessments of Child-Parental Interaction
and Coping Strategies of “Most at Risk” Adolescents 109–123

LEGAL PSYCHOLOGY

Krasnova T.V.

Principles of Model Construction of Psychological Analysis of Interests
for Solving Problems of Algorithmization of Law Enforcement
(on the Example of Family Law Disputes)..... 124–133

PSYCHOLOGY OF DEVIANT AND CRIMINAL BEHAVIOR

**Kachaeva M.A., Dozortseva E.G., Nutskova E.V., Kharitonova N.K., Shishkina O.A.,
Vasianina V.I., Skibina N.V., Nazarova L.N.**

The Influence of Negative Emotional Experiences of Childhood
on Criminal Activity in Women with Organic Personality Disorder 134–150

PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Pozdnyakov V.M., Khrushkova K.A.

Methodological and Theoretical Guidelines for the Study of Learned Helplessness
in Convicts with Long Terms of Serving Criminal Sentences 151–167

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Gorbatov S.V., Arbuzova E.N., Zavarzina M.V.

Approbation of the Russian Version of the Impulsive Behavior Scale (UPPS-P) 168–179

Пыина V.I., Kamenskov M.Yu., Dvoryanchikov N.V.

Methodological Features of Pedophilic Disorder Assessment Using an Eyetracker 180–196

INTERDISCIPLINARY STUDIES

Svobodny F.K., Lavreshkin N.V.

Identification of a Person from a Photo in Conditions of Unconscious Perception 197–208

Уважаемые читатели, коллеги!

Перед вами номер журнала, посвященный актуальным проблемам теории и практики судебных экспертиз с участием психолога.

В настоящее время в нашей стране сложилась четкая инфраструктура службы судебно-психологических и комплексных экспертиз. Медицинские психологи, работающие в судебно-психиатрических экспертных учреждениях Минздрава России, выступают в качестве судебных экспертов при проведении комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз. Эксперты-психологи, работающие в судебно-экспертных учреждениях Минюста России, проводят однородные судебно-психологические и комплексные психолого-лингвистические экспертизы. Однородные судебно-психологические экспертизы в гражданском процессе проводятся и психологами, не являющимися сотрудниками государственных организаций, по поручению следователей и судов.

Осмысление практики судебных экспертиз приводит к постоянному исследованию теоретических и методологических проблем, касающихся как традиционных, так и относительно новых предметных видов судебно-психологической и комплексных экспертиз. Особо бурное развитие в последнее время получила экспертиза семейных взаимоотношений, необходимая в ситуациях судебного определения места жительства ребенка при раздельном проживании родителей и установления порядка встреч отдельно проживающего родителя с ребенком. Различным аспектам производства таких экспертиз посвящены статьи, затрагивающие методологические и методические проблемы (С.С. Кулаков, Е.В. Полкунова), правовые вопросы, связанные с психологическим обоснованием норм семейного права (О.Ю. Ильина, О.А. Русаковская, Л.В. Туманова, О.Е. Чубарова), содержание основных экспертных понятий (А.В. Конищева). К этим работам примыкают исследования, в которых раскрываются принципы психологического анализа интересов ребенка и родителей в правоприменении (Т.В. Краснова) и специфика взаимосвязи оценок детско-родительского взаимодействия и копинг-стратегий подростков во внесудебной ситуации (С.И. Матафонова, В.И. Рерке, Т.Е. Кротова).

Высококонтрастные семейные взаимоотношения интересуют психологов не только в контексте гражданского процесса: практика судебных экспертиз предоставляет обширный материал о психологии внутрисемейной криминальной агрессии (Ф.С. Сафуанов), о влиянии негативного эмоционального опыта детства на криминальную активность у женщин с психическими расстройствами (М.А. Качаева, Е.Г. Дозорцева, Е.В. Нуцкова и др.).

Еще одной особенностью в последнее время, с которой сталкиваются эксперты-психологи, является киберпреступность. В номере представлены психолого-лингвистические исследования взаимодействия с несовершеннолетними потерпевшими лиц, совершающих развратные действия в сети Интернет (А.С. Калинина, Т.Н. Секераж), вопросы использования цифровой информации при психолого-психиатрической экспертизе несовершеннолетних обвиняемых в незаконном распространении наркотиков (Д.С. Ошевский, А.А. Федонкина).

Одной из самых сложных является посмертная судебная экспертиза суицидентов, проблемы ее производства исследованы в работе М.В. Морозовой, О.Ф. Савиной.

Специальные знания психолога нужны не только в судопроизводстве, но и для помощи сотрудникам правоохранительных органов на стадии предварительного следствия, а также при ресоциализации осужденных. Работа Ф.К. Свободного и Н.В. Лаврешкина посвящена проблеме, имеющей значение для такого процессуального действия, как опознание. В исследовании В.М. Позднякова и К.А. Хрушковой проанализирована методология изучения выученной беспомощности осужденных на длительные сроки отбывания наказания.

Наконец, в статье А.С. Горбатова, Е.Н. Арбузовой, М.В. Заварзиной представлена апробация русскоязычной версии методики «Шкала импульсивного поведения», которая может быть продуктивно использована и в судебно-психологической экспертизе.

Наш журнал и в дальнейшем будет освещать актуальные проблемы судебно-психологической экспертизы, как в текущих номерах, так и в тематических выпусках.

Ф.С. Сафуанов
заместитель председателя редакционного совета журнала «Психология и право»,
ответственный за выпуск номера

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ |
FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Внутрисемейная криминальная агрессия: глазами судебного эксперта-психолога

Сафуанов Ф.С.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

Проведен анализ психолого-криминологических особенностей 353 обвиняемых в преступлениях против жизни и здоровья, в отношении которых ведется производство комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. На первом этапе производился сравнительный анализ особенностей обвиняемых в преступлениях против членов семьи (116 человек) и обвиняемых в преступлениях против иных лиц (237 человек). На втором этапе было проведено сравнительное исследование аналогичных показателей обвиняемых во внутрисемейной агрессии, совершивших правонарушения в нейтральной (32 человека) и психотравмирующей (84 человека) ситуации. На третьем этапе обвиняемые в семейных насильственных действиях сравнивались с остальными подэкспертными по психологическим механизмам криминальной агрессии. Показано, что среди совершивших внутрисемейные правонарушения относительно больше доля женщин. В качестве основных факторов внутрисемейной криминальной агрессии выделены: длительная психотравмирующая ситуация, связанная с систематическими противоправными или аморальными действиями членов семьи; состояние алкогольного опьянения; пограничные психические расстройства.

Ключевые слова: семейное насилие, внутрисемейная криминальная агрессия, комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, длительная психотравмирующая ситуация.

Для цитаты: Сафуанов Ф.С. Внутрисемейная криминальная агрессия: глазами судебного эксперта-психолога [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 3–13. DOI: [10.17759/psylaw.2022120301](https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120301)

Intra-family Criminal Aggression: In the Opinion of Forensic Expert-psychologist

Farit S. Safuanov

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

The psychological and criminological features of 353 persons accused of crimes against life and health while they were undergoing the complex forensic psychological and psychiatric examination have been analysed by 155 parameters. At the first stage a comparative analysis of the features of accused of crimes against the family members (116 persons) and against other persons (237 persons) has been carried out. During the second stage the same features of the accused of intra-family aggression in neutral (32) and psychotraumatic (84 persons) situations have been compared. At the third stage the psychological mechanisms of criminal aggression of the accused of family violence and other accused of crimes have been compared. It has been found that that proportion of women among persons committed intra-family offenses is relatively higher. The following factors are highlighted as main for intra-family criminal aggression: long-term psychotraumatic situation, connected with systematic illegal or immoral actions of the family members; the state of alcoholic intoxication; border-line mental disorders.

Keywords: family violence, intra-family criminal aggression, complex forensic psychological and psychiatric examination, long-term psychotraumatic situation.

For citation: Safuanov F.S. Intra-family Criminal Aggression: In the Opinion of Forensic Expert-psychologist. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 3–13. DOI:10.17759/psylaw.2022120301 (In Russ.).

Введение

Домашнее (семейное) насилие представляет актуальную междисциплинарную (социальную, правовую, психологическую, медицинскую, демографическую) проблему. По данным многих авторов [1; 5; 6], количество актов внутрисемейного насилия имеет, к сожалению, положительную динамику. Традиционно в состав домашнего насилия включают «...все акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, которые происходят в кругу семьи или в быту или между бывшими или нынешними супругами или партнерами, независимо от того, проживает или не проживает лицо, их совершающее, в том же месте, что и жертва» [9]. В работах, посвященных насилию в семье (в основном написанных представителями юридической науки), анализируется широкий круг действий, которые могут квалифицироваться как нарушающие уголовное или административное законодательство, так и не носящие характера деликта. Научно-исследовательских работ, посвященных преступлениям против родственников, очень мало, а если взять более узкий аспект — внутрисемейную криминальную агрессию (преступления против жизни и здоровья членов семьи), — еще меньше. Эти исследования, как правило, посвящены изучению криминологических и социально-демографических данных, как преступников, так и жертв внутрисемейного

насилия [2; 3; 5; 6]. Клинико-психологические факторы рассматриваются в основном в отношении жертв преступлений в семье [8; 10]. Особенности личности насильственных преступников и механизмы криминальной агрессии, совершаемой в отношении родственников, с психологических позиций практически не рассматривались, за редким исключением исследований личностных особенностей таких лиц, находящихся в местах лишения свободы [16; 17]. На материале судебно-психиатрической экспертизы проводились исследования клинических особенностей лиц с пограничной психической патологией, обвиняемых в агрессивных деяниях в семье [4; 7].

Специальная методология юридической психологии определяет системное исследование на основе многопредметного характера специальных психологических знаний, с учетом юридического значения изучаемого явления [14]. Поэтому актуальной проблемой является исследование психологических аспектов внутрисемейной криминальной агрессии обвиняемых в сочетании с криминологическими и клиническими особенностями в практике комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ), заключения которой об ограниченной вменяемости и аффекте имеют прямые правовые последствия.

Цель исследования — выявить психолого-криминологические особенности обвиняемых, в отношении которых ведется производство КСППЭ, в преступлениях против жизни и здоровья членов собственной семьи.

Программа исследования

Было проанализировано 353 случая стационарной КСППЭ совершеннолетних обвиняемых (274 мужчин, 79 женщин), совершивших агрессивные правонарушения и признанные экспертными комиссиями способными осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими во время совершения инкриминируемых им деяний. У 10,2% подэкспертных была установлена «ограниченная вменяемость», у 18,4% — состояние аффекта во время совершения деликта. Основные виды преступлений — убийство (ст. 105—108 — 280 случаев, 79,3%), причинение вреда здоровью (ст. 111—113 — 64 случая, 18,1%). Примерно треть подэкспертных были психически здоровыми (32,3%), у лиц с психическими аномалиями преобладали органические психические расстройства (41,6%) и расстройства личности (18,1%).

Использовалась формализованная карта обследования, включающая 155 показателей: социально-демографические характеристики; данные об особенностях воспитания; криминологические сведения (квалификация преступления по УК РФ, место совершения правонарушения, способ его реализации, групповой или индивидуальный характер криминальных действий, сведения о рецидивности и мерах сокрытия следов преступления, наличие состояния алкогольного опьянения, характеристика жертв агрессии и т. д.); индивидуально-психологические особенности; характер ситуации, предшествовавшей деликту; психопатологические данные; клинико-психологические судебно-экспертные решения.

На первом этапе производился сравнительный анализ социально-демографических, криминологических и индивидуально-психологических особенностей обвиняемых в преступлениях против членов семьи (116 человек) и обвиняемых в преступлениях против иных лиц (237 человек).

На втором этапе было проведено сравнительное исследование аналогичных показателей обвиняемых во внутрисемейной агрессии, совершивших правонарушения в нейтральной (32 человека) и психотравмирующей (84 человека) ситуации.

На третьем этапе обвиняемые в семейных насильственных действиях сравнивались с остальными подэкспертными по психологическим механизмам криминальной агрессии.

Статистическая обработка полученных сведений осуществлялась с помощью критерия хи-квадрат Пирсона.

Результаты и обсуждение

Внутрисемейная и внесемейная криминальная агрессия. В исследованной группе количество внутрисемейных преступлений составило 32,9% (116 человек), что согласуется с данными общероссийской выборки: по данным С.Н. Золотухина, 30—40% всех тяжких насильственных преступлений совершается в семье [6].

Среди внутрисемейных насильственных правонарушителей больше доля женщин, чем в другой группе (53,4% и 7,2% соответственно, $p=0,001$), и меньше доля мужчин (46,6% и 92,8%, $p=0,001$). Эти данные не отличаются от общероссийской статистики, в которой доля женщин, совершивших тяжкие преступления в семье, составляет 55—60% [6]. Сравнение по возрасту показывает, что у обвиняемых в домашнем насилии чаще встречаются лица старше 30 лет (64,7% и 48,5%, $p=0,01$), тогда как в другой группе преобладают обвиняемые в возрасте от 18 до 30 лет (51,5% и 35,3%, $p=0,001$). Похожие данные на выборке осужденных за внутрисемейные преступления приводят Ю.М. Антонян, И.В. Горшков, Р.М. Зулкарнеев [2].

По уровню образования, условиям воспитания в семье, рецидивности и использованию мер сокрытия следов преступления, а также по квалификации уголовных преступлений достоверных различий не обнаружено. Преступления в состоянии алкогольного опьянения в обеих группах также встречаются одинаково часто (внутрисемейные — 56,9%, внесемейные — 61,6%), однако обращает на себя внимание, что больше половины случаев криминальной агрессии в семье совершались нетрезвыми лицами.

В профессиональном статусе выявлено два отличия. Военнослужащих среди лиц, проявивших агрессию внутри семьи, достоверно меньше ($p=0,001$), а лиц, занятых неквалифицированной работой или безработных, больше ($p=0,001$), чем в другой группе правонарушителей. Это объясняется тем, что в этой группе много женщин, совершивших убийство супруга или ребенка (в том числе новорожденного), являющихся домохозяйками.

Лица, проявившие внутрисемейную агрессию (116 человек) совершили правонарушения в отношении 124 потерпевших. Чаще всего жертвами (в 50,8% случаев) становились супруги (бывшие супруги, сожители и сожительницы): из них женщин — 24,2%, мужчин — 26,6%. Значимых различий между долями мужчин и женщин, жертвами которых стали их супруги, не выявлено. Собственные дети были подвергнуты домашнему насилию в 21,8% случаев, из них в 4,8% было совершено убийство матерью новорожденного ребенка. В отношении родителей супругов совершено 5,6% общественно опасных действий, собственных родителей — 11,3%, бабушек и дедушек — 1,6%, братьев и сестер — 4,8%, невесток и зятей — 3,2%, иных родственников — 2,6%. Такое соотношение близко к данным О.А. Дмитриевой с соавт. [5], где доля супругов среди жертв семейных насильственных преступлений составляет примерно 40%, лиц более старшего поколения — 26%, детей — 22%. Если не считать в качестве жертвы новорожденного ребенка, то в работе Н.А. Безвербной [3] в отношении потерпевших детей приводятся близкие нашим данные — 14%.

По психопатологическому фактору обнаружилось отличие только по диагнозу «органическое психическое расстройство» (в основном — органическое расстройство личности), который чаще ставился обвиняемым во внесемейных правонарушениях ($p=0,05$).

По экспертным решениям в группе внутрисемейной агрессии у обвиняемых чаще определялось состояние кумулятивного аффекта во время совершения инкриминируемых им деяний ($p=0,001$). Различий по экспертному решению о физиологическом аффекте и ограниченной вменяемости в сравниваемых группах не обнаружено.

Среди индивидуально-психологических особенностей у обвиняемых в семейных правонарушениях чаще, чем у представителей другой группы, обнаруживались следующие черты личности: высокий интеллект ($p=0,001$), подчиняемость, зависимость ($p=0,05$), низкий уровень спонтанности поведения ($p=0,001$), низкий уровень активности ($p=0,001$), ориентация на групповые нормы ($p=0,001$), опосредованность поведения ($p=0,001$), неуверенность в себе, склонность к чувству вины ($p=0,05$), консерватизм установок ($p=0,001$), устойчивость к стрессу ($p=0,05$), интроверсия ($p=0,05$), низкий порог фрустрации ($p=0,001$). Кроме того, у них более развиты ценностные ($p=0,001$) и когнитивные ($p=0,05$) личностные структуры, преградные по отношению к возникающим в разных ситуациях агрессивным намерениям и побуждениям [12], а также психологические защитные механизмы ($p=0,05$).

Внутрисемейная криминальная агрессия в нейтральных и психотравмирующих ситуациях. Поведение является результатом взаимодействия личностных и ситуативных факторов [18]. В относительно нейтральных условиях криминальная агрессия определяется в большей степени личностными особенностями, является проактивной. В психотравмирующих ситуациях в генезе криминальной агрессии больший удельный вес имеют внешние воздействия, она становится реактивной. При характеристике ситуации как психотравмирующей необходимо учитывать, что она должна реально восприниматься человеком как стрессогенная, обладать высокой субъективной значимостью, затрагивать ведущие ценностно-смысловые образования личности. При оценке ситуации как психотравмирующей большую роль играют и особенности личности и, соответственно, смыслового восприятия. Стресс является результатом совокупного влияния психотравмирующей ситуации и дефицита личностных ресурсов совладания с психогенными воздействиями [12].

Семейные насильственные правонарушения в обследованной группе совершались 84 (72,4%) обвиняемыми (36 мужчин и 48 женщин) в психотравмирующих, и 32 (27,6%) — в относительно нейтральных ситуациях (18 мужчин и 14 женщин).

По социально-демографическим показателям (пол, возраст, образовательный и профессиональный статус) значимых различий между двумя группами не обнаружено. Однако криминологические данные существенно различались. Обвиняемые, проявившие агрессию в нейтральных ситуациях, чаще совершали правонарушения в состоянии алкогольного опьянения ($p=0,05$) и принимали меры по сокрытию преступления ($p=0,001$).

Убийство обвиняемые в обеих группах совершали примерно в одинаковых пропорциях: в психотравмирующих ситуациях — 77,4%, в нейтральных — 84,4%.

По родственному положению потерпевших (супруги, дети и т. п.) в сравниваемых группах различий не обнаружено.

Среди совершивших правонарушения в нейтральной ситуации достоверно больше было лиц с расстройством личности (0,05), и меньше — психически здоровых ($p=0,01$).

Экспертные решения о наличии у обвиняемых состояния аффекта в ответ на психотравмирующие воздействия со стороны потерпевшего или вследствие длительной психотравмирующей ситуации, связанной с поведением потерпевшего, выносились в 36 случаях из 84 (42,9%).

Значимые различия в выраженности черт личности обнаружены по высокой степени опосредованности поведения, развитому самоконтролю ($p=0,01$) и независимости ($p=0,001$) у

лиц, совершивших насильственные действия против членов семьи в психотравмирующих условиях, и по высокому эгоцентризму и склонности к самовзвинчиванию ($p=0,05$) у совершивших аналогичные действия в нейтральных условиях. С учетом того, что в генезе криминальной агрессии определяющее значение имеет соотношение про- и антиагрессивных факторов, проведен их сравнительный анализ. Выявлено, что среди обвиняемых в правонарушениях в нейтральной ситуации выражена диспозиционная агрессивность ($p=0,001$) и антисоциальные установки ($p=0,001$). У лиц, проявивших насилие в стрессовых условиях, напротив, выражены личностные ценностные ($p=0,001$), эмоциональные ($p=0,05$), коммуникативные ($p=0,05$) ингибиторы агрессии.

Психологические механизмы криминальной внутрисемейной агрессии. В целом, насильственные преступления совершаются по разнообразным психологическим механизмам [12]. При внутрисемейной агрессии — это непосредственная реализация агрессивных побуждений (4,5%); агрессия, обусловленная состоянием алкогольного опьянения (26%); инструментальная агрессия (2,5%); отсроченная агрессия (2,5%); ситуативная агрессия (15,5%); агрессия в структуре эмоционального возбуждения (23%); агрессия как разрядка эмоционального напряжения (26%) в структуре стресса или личностного конфликта.

При сравнительном анализе психологических механизмов агрессии обвиняемых во внутрисемейных и внесемейных преступлениях выявлено, что они существенно различаются только по некоторым из них.

Насильственные действия против знакомых и незнакомых чаще, чем такие же действия против членов семьи, совершались по механизму непосредственной реализации собственной агрессивности в относительно нейтральных ситуациях ($p=0,001$). Он заключается в стремлении к реализации собственной агрессивности, которое приобретает самодовлеющее мотивирующее значение вне зависимости от внешних стимулов. Непосредственное удовлетворение своих выраженных агрессивных побуждений может быть связано с тремя классами источников мотивации: с антисоциальными ценностями, с некоторыми чертами личности (возбудимость, эксплозивность, враждебность), с сексуальными влечениями (нередко садизмом) [12].

Напротив, лица, жертвами которых становились члены семьи, чаще совершали правонарушения по механизму ситуативной агрессии ($p=0,05$), в котором реализацию ситуативных агрессивных мотивов в ответ на психотравмирующие воздействия, даже незначительные, облегчает наличие высокой базовой агрессивности в сочетании с невыраженностью антиагрессивных личностных факторов. Высокая агрессивность связана в основном с ситуационными факторами и выступает не как мотивационная тенденция или устойчивая черта личности, реализующаяся в любых ситуациях, а как реактивная агрессивность, импульсивно актуализирующаяся в ответ на внешние воздействия [12].

По другим выделенным нами психологическим механизмам криминальной агрессии достоверных количественных различий между группами внутрисемейной и внесемейной агрессии обнаружено не было. Однако качественный анализ такого механизма, как разрядка эмоциональной напряженности кумулятивного генеза, развившегося в условиях длительной психотравмирующей ситуации в семье, позволяет говорить о содержательном его своеобразии.

Практически только при совершении внутрисемейных правонарушений мы видим агрессию как разрядку эмоциональной напряженности кумулятивного генеза в структуре *личностного конфликта*, развившегося в условиях длительной психотравмирующей ситуации. Личностный конфликт переживается обвиняемыми в двух основных формах — ревности и нежеланной беременности [12]. Ревность, как амбивалентное переживание любви и ненависти одновременно, держит человека в постоянном напряжении, и это напряжение может раз-

решиться только при реализации какой-либо стороны конфликта. Во всех случаях внутрисемейной агрессии уровень эмоциональной напряженности, обусловленный личностным конфликтом, был настолько высок, что на высоте самого напряжения, или сменившего его эмоционального возбуждения и аффекта, обвиняемые не были способны в полной мере осознавать окружающую реальность, своих действия, не могли полноценно опосредовать и контролировать свои агрессивные побуждения.

Личностный конфликт при нежеланной беременности между желанием родить ребенка и требованиями окружающих избавиться от плода, а чаще — между желанием родить и собственными референтными представлениями о греховности, недопустимости внебрачного материнства, обуславливает кумуляцию эмоционального напряжения с последующей разрядкой во время или сразу после родов [15]. Эти преступления обычно квалифицируются не как простое убийство (ст. 105 УК РФ), а как убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации (ст. 106 УК РФ).

Наиболее типичные случаи насильственных действий при разрядке эмоциональной напряженности кумулятивного генеза в структуре *стресса*, развившегося в условиях длительной психотравмирующей ситуации, обусловлены систематическими противоправными или аморальными действиями членов семьи (жестокие и злоупотребляющие алкоголем мужья; реже изменяющие жены; сыновья с синдромом зависимости от психоактивных веществ; отцы, домогающиеся своих дочерей) на протяжении долгого (до нескольких лет) времени. При совершении правонарушений против знакомых и незнакомых круг психотравмирующих воздействий более широк — это и неуставные отношения в вооруженных силах, рэкет, вымогательство, грубость начальников и т. п. В большинстве случаев у обвиняемых обеих групп уровень накопленного эмоционального напряжения был настолько высоким, что сопровождался неполным осознанием своих действий и их дезорганизацией — это служило основанием для вынесения экспертных решений об аффекте или ограниченной вменяемости.

Заключение

Как показывает наше исследование, существенных различий по социально-демографическим и криминологическим показателям между выборкой подэкспертных, обвиняемых в насильственных преступлениях против членов семьи, и более широкими выборками, изученными в криминологических работах, не выявляется. В то же время отчетливо проявляется специфика внутрисемейной криминальной агрессии по клинико-психологическому и половому факторам.

Среди совершивших внутрисемейные правонарушения относительно больше доля женщин, реже встречаются лица с диагнозом «органическое психическое расстройство». В целом, их личностные особенности характеризуются, по сравнению с обвиняемыми в правонарушениях против знакомых и незнакомых, более высокими показателями интеллекта, стрессоустойчивости, самоконтроля и ориентации на групповые нормы, пассивности поведения, интроверсии, неуверенности в себе и подчиняемости. Эти черты личности образуют личностные ингибиторы агрессивных намерений и побуждений.

В то же время анализ механизмов криминальной агрессии и сравнительное исследование лиц, обвиняемых в насильственных общественно опасных деяниях против членов семьи в нейтральных и психотравмирующих ситуациях, демонстрирует неоднородность психологических факторов внутрисемейных преступлений.

Обвиняемые, проявившие проактивную агрессию, гораздо чаще, по сравнению с проявившими реактивную агрессию, совершали правонарушения в состоянии алкогольного опья-

янения и принимали меры по сокрытию следов преступления. При этом среди них чаще встречались лица с расстройством личности (психопатией) и реже — психически здоровые.

Сравнительный анализ психологических детерминант криминальной агрессии показывает, что у обвиняемых в правонарушениях, совершенных в психотравмирующих ситуациях, преобладают личностные структуры, тормозящие агрессивные намерения или побуждения (высокий самоконтроль), при относительной невыраженности агрессивности. Напротив, у обвиняемых другой группы выявляются выраженные проагрессивные личностные особенности (агрессивность, антисоциальность, эгоцентризм, склонность к самовзвинчиванию) и менее выражены антиагрессивные.

В целом, можно выделить в качестве основных детерминант криминальной внутрисемейной агрессии следующие факторы.

Длительная психотравмирующая ситуация, связанная с систематическими противоправными или аморальными действиями членов семьи. В силу выраженности у обвиняемого антиагрессивных личностных структур непрекращающиеся психотравмирующие воздействия приводят к росту эмоциональной напряженности в структуре стресса или личностного конфликта, которая, после исчерпания личностных ресурсов совладания с психогенной ситуацией, может разрядиться в агрессивных поступках на высоте аффективного взрыва или резкого роста эмоционального напряжения.

У лиц со слабо сформированными личностными антиагрессивными структурами внутрисемейная агрессия возникает на фоне эмоционального возбуждения на реальные или незначительные психотравмирующие воздействия.

Одним из факторов, облегчающих проявление внутрисемейной агрессии, является состояние алкогольного опьянения. Противоправное поведение лиц, находящихся в состоянии простого алкогольного опьянения, является реализацией агрессивных побуждений, возникающих вследствие смыслового восприятия и субъективной оценки ситуации как более угрожающей, опасной (что обусловлено актуальным влиянием алкоголя на сознание и когнитивные процессы), при отсутствии или слабой выраженности компенсаторных защитных механизмов, способных или снизить уровень субъективной значимости ситуации, или препятствовать прямому проявлению агрессии, независимо от исходного уровня агрессивности [13].

И, наконец, при оценке внутрисемейной агрессии нельзя игнорировать и влияние пограничных психических расстройств, не исключающих вменяемости: только треть обвиняемых (31,9%) были психически здоровыми. Психические аномалии обуславливают снижение способности к осознанной регуляции поведения. С этим же связана другая их особенность: большее влияние, чем у здоровых, ситуативных факторов на формирование мотивации криминальной агрессии [12].

Литература

1. Акуленко В.А. Криминологический анализ понятия «домашнее насилие» [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 64–66. doi:10.24411/2073-0454-2019-10196
2. Антонян Ю.М., Горшков И.В., Зулкарнеев Р.М. Проблемы внутрисемейной агрессии. М.: НИИ МВД России, 1999. 13 с.
3. Безвербная Н.А. Анализ демографических групп, подвергающихся внутрисемейному насилию // II Всероссийский демографический форум с международным участием: материа-

Сафуанов Ф.С.
Внутрисемейная криминальная агрессия:
глазами судебного эксперта-психолога
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 3–13.

Safuanov F.S.
Intra-family Criminal Aggression:
In the Opinion of Forensic Expert-psychologist
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 3–13.

лы форума (Москва, 4–5 декабря 2020 г.). М.: ООО «Объединенная редакция», 2020. С. 97–100.

4. Горшков И.В., Горинов В.В. Личностная патология и внутрисемейная агрессия // Социальная и клиническая психиатрия. 1997. Том 7. № 2. С. 25–30.
5. Дмитриева О.А., Федченко Т.М. Внутрисемейное насилие: судебно-медицинский анализ // Проблемы экспертизы в медицине. 2009. Том 9. № 4 (36). С. 11–14.
6. Золотухин С.Н. Криминальное насилие в сфере семейно-бытовых отношений. Челябинск: ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2019. 196 с.
7. Качаева М.А., Расторгуев А.Г. Внутрисемейная агрессия лиц с органическими психическими расстройствами // Российский психиатрический журнал. 2008. № 6. С. 40–45.
8. Качаева М.А., Дозорцева Е.Г., Нуцкова Е.В. Клинико-психологические проблемы внутрисемейного насилия в отношении женщин и девочек // Российский психиатрический журнал. 2016. № 6. С. 25–32.
9. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбул, 11 мая 2011 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/168046253f> (дата обращения: 05.05.2022).
10. Лефтеров В.А., Вакулич Т.М. Психологические особенности виктимного поведения женщин в ситуациях домашнего насилия [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. Том 3. № 2. С. 33–43. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61022.shtml> (дата обращения: 05.05.2022).
11. Саламова С.Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика [Электронный ресурс] // Lex Russica. 2018. № 9 (142). С. 129–138. doi:10.17803/1729-5920.2018.142.9.129-138
12. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003. 300 с.
13. Сафуанов Ф.С., Иконникова Е.Ю., Филимонова Т.Н., Игонин А.Л. Психологические механизмы агрессивных действий, совершенных в состоянии алкогольного опьянения больными алкоголизмом // Российский психиатрический журнал. 1997. № 3. С. 34–37.
14. Сафуанов Ф.С. Существует ли специальная методология юридической психологии? Приглашение к дискуссии // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 8–18.
15. Сафуанов Ф.С., Сарычева Ю.А. Психотравмирующая ситуация как признак состава преступления по ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 193–207. doi:10.17759/psylaw.2021110214
16. Старикова О.В., Хрушкова К.А. Психологические особенности «Я-концепции» осужденных за преступления против близких родственников // Прикладная юридическая психология. 2011. № 3. С. 105–115.
17. Сухов А.Н., Старикова О.В., Молоствов А.В. Криминальное насилие в семье: личностный аспект. М.: ООО «ФЛИНТА», 2019. 74 с.
18. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. СПб: Питер; М.: Смысл, 2003. 860 с.

References

1. Akulenko V.A. Kriminologicheskii analiz ponyatiya “domashnee nasilie” [Criminological analysis of the concept of domestic violence] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 4, pp. 64–66. doi:10.24411/2073-0454-2019-10196 (In Russ.).
2. Antonyan Yu.M., Gorshkov I.V., Zulkarneev R.M. Problemy vnutrisemeinoi agressii. Moscow: NII MVD Rossii Publ., 1999. 13 p. (In Russ.).

3. Bezverbnaya N.A. Analiz demograficheskikh grupp, podvergayushchikhsya vnutrisemeinomu nasiliyu [Analysis of demographic groups exposed to domestic violence]. *II Vserossiiskii demograficheskii forum s mezhdunarodnym uchastiem: materialy foruma (Moskva, 4–5 dekabrya 2020 g.)*. Moscow: OOO “Ob”edinennaya redaktsiya”, 2020, pp. 97–100 (In Russ.).
4. Gorshkov I.V., Gorinov V.V. Lichnostnaya patologiya i vnutrisemeinaya agressiya. *Sotsial’naya i klinicheskaya psikiatriya = Social and Clinical Psychiatry*, 1997. Vol. 7, no 2. pp. 25–30 (In Russ.).
5. Dmitrieva O.A., Fedchenko T.M. Vnutrisemeinoe nasilie: sudebno-meditsinskii analiz [Intra-family violence: the medicolegal analysis]. *Problemy ekspertizy v meditsine = Medical Examination Problems*, 2009. Vol. 9, no. 4(36), pp. 11–14 (In Russ.).
6. Zolotukhin S.N. Kriminal’noe nasilie v sfere semeino-bytovykh otnoshenii. Chelyabinsk: ZAO “Biblioteka A. Millera”, 2019. 196 p. (In Russ.).
7. Kachaeva M.A., Rastorguev A.G. Vnutrisemeinaya agressiya lits s organicheskimi psikhicheskimi rasstroistvami [Intrafamilial aggression by individuals with organic psychic disorders]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2008, no. 6, pp. 40–45 (In Russ.).
8. Kachaeva M.A., Dozortseva E.G., Nutsikova E.V. Kliniko-psikhologicheskie problemy vnutrisemeinogo nasiliya v otnoshenii zhenshchin i devochek [Clinical and psychological problems of domestic violence against women and girls]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2016, no. 6, pp. 25–32 (In Russ.).
9. Konventsiya Soveta Evropy o predotvrashchenii i bor’be s nasiliem v otnoshenii zhenshchin i domashnim nasiliem (Stambul, 11 maya 2011 g.) [Elektronnyi resurs]. URL: <https://rm.coe.int/168046253f> (Accessed 05.05.2022) (In Russ.).
10. Lefterov V.A., Vakulich T.M. Psikhologicheskie osobennosti viktimnogo povedeniya zhenshchin v situatsiyakh domashnego nasiliya [Psychological characteristics of victim behavior of women in situations of domestic violence] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2013. Vol. 3, no. 2, pp. 33–43 URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61022.shtml> (Accessed 05.05.2022) (In Russ., abstr. in Engl.).
11. Salamova S.Ya. Domashnee nasilie v sovremennoi Rossii: obshchaya kharakteristika [Domestic violence in modern russia: general characteristics] [Elektronnyi resurs]. *Lex Russica*, 2018, no. 9 (142), pp. 129–138. doi:10.17803/1729-5920.2018.142.9.129-138 (In Russ.).
12. Safuanov F.S. Psikhologiya kriminal’noi agressii. Moscow: Smysl, 2003. 300 p. (In Russ.).
13. Safuanov F.S., Ikonnikova E.Yu., Filimonova T.N., Igonin A.L. Psikhologicheskie mekhanizmy agressivnykh deistvii, sovershennykh v sostoyanii alkohol’nogo op’yaneniya bol’nymi alkoholizmom [Psychological mechanisms of aggressive actions committed in the state of alcoholic intoxication by patients with alcoholism]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 1997, no 3, pp. 34–37 (In Russ.).
14. Safuanov F.S. Sushchestvuet li spetsial’naya metodologiya yuridicheskoi psikhologii? Priglasenie k diskussii [Is there a special methodology of legal psychology? Invitation for debate]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2011, no. 1, pp. 8–18 (In Russ.).
15. Safuanov F.S., Sarycheva Yu.A. Psihotravmiruyushchaya situatsiya kak priznak sostava prestupleniya po st. 106 UK RF (Ubiistvo mater’yu novorozhdenного rebenka) [Psychologically Traumatic Situation as a Formal Element of an Offence under Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation (Murder by a Mother of Her Newborn Child)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 193–207. doi:10.17759/psylaw.2021110214 (In Russ.).

Сафуанов Ф.С.
Внутрисемейная криминальная агрессия:
глазами судебного эксперта-психолога
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 3–13.

Safuanov F.S.
Intra-family Criminal Aggression:
In the Opinion of Forensic Expert-psychologist
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 3–13.

16. Starikova O.V., Khrushkova K.A. Psikhologicheskie osobennosti “Ya-kontseptsii” osuzhdennykh za prestupleniya protiv blizkikh rodstvennikov [Psychological features of the «I» concept convicted of offences against close relatives]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2011, no. 3, pp. 105–115 (In Russ.).
17. Sukhov A.N., Starikova O.V., Molostvov A.V. Kriminal’noe nasilie v sem’e: lichnostnyi aspekt. Moscow: ООО “FLINTA”, 2019. 74 p. (In Russ.).
18. Heckhausen H. Motivatsiya i deyatel’nost’. Saint Petersburg: Piter; Moscow: Smysl, 2003. 860 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Сафуанов Фарит Суфиянович, доктор психологических наук, профессор, руководитель, лаборатория психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им В.П. Сербского»); заведующий, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

Information about the authors

Farit S. Safuanov, Doctor of Psychology, Professor, Head, Psychology Laboratory, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Head, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

Получена 10.02.2022
Принята в печать 05.05.2022

Received 10.02.2022
Accepted 05.05.2022

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ |
FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

**Судебно-психологическая экспертная
диагностика семейных взаимоотношений:
возможности психосемантического подхода**

Кулаков С.С.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0203-1332>, e-mail: novik_010979@mail.ru

В научном обзоре анализируются возможности применения психосемантического подхода в исследовании смыслового восприятия в русле семейных отношений. Рост числа дисгармоничных семей обуславливает увеличение числа разводов, в которых в ряде случаев взаимоотношения между супругами носят высококонфликтный характер и сопровождаются спорами о воспитании ребенка, что, в свою очередь, определяет рост числа гражданских судебных экспертиз по спорам о воспитании ребенка. Существует ряд теоретических направлений исследования дисфункциональных семей и семейных конфликтов и множество практических подходов по работе с ними. Однако, как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях дисфункциональных семей, основное внимание уделяется преимущественно феноменологическому анализу и выделению формально-структурных признаков, тогда как их структурно-содержательному анализу уделяется меньше внимания. К одному из перспективных направлений изучения системы семейных отношений, на наш взгляд, относится психосемантический подход — исследование содержательного компонента психологического отношения — эмоционально-смысловых конструкторов, лежащих в основе смыслового восприятия друг друга и ребенка родителями.

Ключевые слова: комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, высококонфликтная семья, супружеский конфликт, психосемантика, образ семьи.

Для цитаты: Кулаков С.С. Судебно-психологическая экспертная диагностика семейных взаимоотношений: возможности психосемантического подхода [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 14–26. DOI: [10.17759/psylaw.2022120302](https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120302)

Forensic Psychological Assessment of Family Relationships: the Potential for a Psychosemantic Approach

Sergey S. Kulakov

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0203-1332>, e-mail: novik_010979@mail.ru

This scientific review analyses the potential for applying the psychosemantic approach in researching semantic perception within the context of family relationships. The growing number of dysfunctional families leads to an increased divorce rate, with high-conflict spousal relationships often accompanied by parenting disagreements. This, in turn, increases the frequency of court-ordered psychological evaluations due to parenting disagreements in civil cases. There are many theoretical pathways when it comes to studying dysfunctional families and conflicts within families, as well as numerous practical approaches to dealing with them. However, both Russian and international research on dysfunctional family structures is mostly confined to predominantly phenomenological analysis, as well as identifying formal characteristics, whereas the semantic analysis of family structures is largely neglected. We believe that one of the promising avenues in researching the family relationship system is the psychosemantic method: that is, the study of the semantic component of psychological relations: the emotional and semantic constructs underlying the semantic perception by the parents of each other and of their child.

Keywords: comprehensive forensic psychological and psychiatric examination; high-conflict family; spousal conflict; psychosemantics; family image.

For citation: Kulakov S.S. Forensic Psychological Assessment of Family Relationships: the Potential for a Psychosemantic Approach. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 14–26. DOI:10.17759/psylaw.2022120302 (In Russ.).

Специфика подхода при производстве комплексных психолого-психиатрических экспертиз (КСППЭ) по судебным спорам между родителями о воспитании ребенка, в отличие от других видов экспертиз в уголовном и гражданском процессах, заключается в том, что диагностируется вся система семейных отношений. Отличительной чертой данного вида экспертиз является высокий уровень конфликта между родителями и вовлечение детей в семейный конфликт [25].

Традиционно проблема семейного конфликта в зарубежной литературе рассматривается в рамках в консультативной практики в исследованиях, посвященных дисфункциональным семьям и высококонфликтным разводам.

Выделяют несколько направлений анализа супружеских конфликтов и дисфункциональных семейных отношений: мотивационное, психодинамическое, социокультурное, бихевиористское и когнитивистское.

Мотивационное направление связывается с изучением проблемы межличностной совместимости — потребностной и поведенческой. Считается, что человек выстраивает свои отношения с другими людьми на основе типичных для него моделей межличностной ориентации,

которые определяются тремя фундаментальными интерперсональными потребностями: включенности, контроля и любви. Разнообразные сочетания этих потребностей образуют, в свою очередь, три типа совместимости: взаимообменную, реципрокную и инициаторную [45].

В рамках психодинамического направления дисгармония семейной жизни рассматривается с позиций классического психоанализа. Основной причиной семейной дисгармонии выступают защитные механизмы, выработанные в детстве, ведущим из которых выступает страх потери ценности собственного Я и в необходимости его «защиты» от партнера. Неудовлетворенная в детстве потребность в безопасности ведет к конфликтам в браке и определяет их неотвратимость. Кроме того, психодинамическое направление постулирует прямой перенос отношений в родительской семье на отношения в супружеской паре [6].

В рамках социокультурного подхода исследования сосредоточены на изучении распределения ролевых ожиданий и собственно ролевого поведения в семье. Конфликты в семье порождаются либо из-за неправильного распределения ролей, либо из-за искажений в реализации роли. А трудности в осознании семейных конфликтов коренятся в рассогласовании между ожиданиями и актуальной реализацией ролевого поведения, что и составляет мишени коррекционного воздействия [31].

В рамках бихевиористского подхода диадическое взаимодействие рассматривается как соотношение вознаграждений и издержек (как материальных, так и психологических) — положительного или отрицательного подкрепления, баланса между «брать» и «отдавать». Считается, что кризисные пары характеризуются в большей степени наказывающим, а не вознаграждающим типом взаимодействия [47].

С позиций когнитивистского подхода, опирающегося на идеи конструктивного альтернативизма Дж. Келли [11], предполагается, что у каждого члена семьи есть свой взгляд на проблему, опирающийся на индивидуальную систему конструкторов, а исследование конструкторов семьи позволяет исследовать стоящую за ними систему смысловых установок.

Конструкторы позволяют прогнозировать ситуации, их изменчивость определяется их гибкостью, а развитие — новым опытом; и напротив, ситуации эмоциональной напряженности, фиксация на старом опыте препятствуют выработке новых систем конструкторов. В рамках когнитивного подхода принято считать, что люди выбирают партнеров, которые могут формировать конструкторы, позволяющие сделать их мир более предсказуемым; системы конструкторов у партнеров формируют паттерны взаимодействия внутри семьи; дисгармония в семейной системе наступает в случае несформированной, нерелексивной, либо ригидной системы конструкторов [35]. Супружеские конфликты обусловлены несходными конструкторами партнеров по браку [28; 29; 42; 44; 46], а также дефицитом конструкторов, касающихся семейной жизни, их упрощенностью, отсутствием градаций [32].

В социальной психологии под конфликтом понимается столкновение несовместимых по тем или иным причинам целей, интересов, позиций, мнений субъектов взаимодействия. При этом конфликт рассматривается не только в негативном, но и в позитивном ключе — как конструктивное решение проблемной ситуации. В зарубежной и отечественной психологии отсутствует общепринятая теория супружеских конфликтов, изучаются в основном такие аспекты, как обуславливающие их факторы, их динамика и т. п. В семейной психологии выделены основные характеристики семейного конфликта. К ним относят: вид конфликта — актуальный, прогрессирующий, хронический; форма его протекания — явный, скрытый; способ разрешения — конструктивный, деструктивный. Развод относится к ненормативному кризису семейной жизни [10], которому, как правило, предшествует хроническая, деструк-

тивная, неразрешенная совокупность конфликтных ситуаций. Анализируя зарубежные исследования, посвященные высококонфликтным разводам (High divorce conflict), можно выделить ряд существенных характеристик родителей, оказавшихся в длительной ситуации судебного спора о воспитании и месте жительства ребенка. Так, в случае высококонфликтных разводов судебные разбирательства становятся новой формой борьбы между конфликтующими родителями [39]. При разводах, сопровождающихся судебным спором, причинами конфликта между родителями являются неспособность одного или обоих родителей принять расторжение брака, противоречивое отношение к разводу, трудности в переориентации отношений от супружеских к со-родительским, фиксированность на собственных переживаниях и неспособность оградить ребенка от них и от участия в родительских конфликтах, а также неспособность сфокусироваться на потребностях детей. Считается, что высококонфликтный развод сам по себе может быть формой проявления заостренных личностных особенностей или их психопатологических эквивалентов, либо личностные и психопатологические особенности родителей являются реакцией на стрессовую субъективно значимую ситуацию [38].

Согласно зарубежным исследованиям, считается, что в ситуации развода некоторый уровень конфликта между родителями является нормой [40] и в последующем, в течение 2—3 лет после развода, выраженность конфликта уменьшается. Вместе с тем выделяются 8—12% разведенных родителей, уровень конфликта между которыми остается достаточно высоким [37; 41; 43]. В случае высококонфликтных разводов родители не способны самостоятельно прийти к соглашению, как о порядке общения отдельно проживающего родителя с ребенком, так и о месте жительства ребенка. При этом дети в таких семьях приобретают особую значимость из-за потребности родителей как в эмоциональной поддержке, так и в создании альянсов и коалиций с детьми против другого родителя и тем самым вовлекаются в конфликт выбора между родителями — «конфликт лояльности». Наиболее часто в зарубежных исследованиях используется типология конфликта в разведенных семьях, предложенная К.Б. Гарри-ти и М.А. Баррисом, которая описывает пять уровней выраженности конфликта между родителями, последовательно вычленяющие нарастание стрессогенности этой ситуации, выраженность агрессии, нарушения способности родителей к сотрудничеству, степень вовлечения ребенка в супружеский конфликт [36].

Как видно, зарубежные исследования семейных конфликтов в ситуации развода родителей сводятся к выделению их формально-структурных признаков и направлены преимущественно на феноменологический анализ, тогда как структурно-содержательному анализу уделяется меньше внимания.

В концепции позитивной семейной психотерапии Н. Пезешкиана получила свое развитие проблема содержания и переработки семейного конфликта [20]. Им были выделены четыре формы переработки конфликтов: телесная — через ощущение и восприятие; деятельностная — через деятельность; социально-коммуникативная — через социальные контакты; общение — через воображение и интуицию. Эффективную переработку конфликта обеспечивает согласованное взаимодействие всех четырех форм, что возможно при условии того, что все четыре формы будут отражаться в смысловом взаимовосприятии партнеров целостно. Тогда как доминирование одной из форм переработки конфликта приводит к невротическим симптомам [10].

Таким образом, одним из продуктивных подходов к изучению семейного конфликта как феномена супружеской жизни и его более специфической формы в случае высокого уровня

конфликта между супругами в ситуации развода, может выступить исследование смыслового восприятия родителями друг друга и ребенка, интегрирующее телесные, деятельностные и коммуникативные аспекты семейных взаимоотношений.

Из общей психологии известно, что образ восприятия является регулятором деятельности субъекта и отражает личностное, пристрастное отношение к объекту восприятия [13].

В социальной психологии термин «социальная перцепция» изначально подчеркивал факт детерминации перцептивных процессов социальными факторами, но позднее приобрел второе значение — восприятия социальных объектов [15] и в дальнейшем свелся к терминам межличностной перцепции как восприятия одной личностью другой личности. Однако в отличие от общей психологии в социальной психологии межличностное восприятие исследуется в совокупности всех когнитивных компонентов, а также эмоций, мотивации, личности, как «...результатирующий аспект, зафиксированный в индивидуальном «образе» значимого социального объекта ...» [15, с. 20—21]. Восприятие людьми друг друга представляет собой единство двух различных процессов, которые могут быть разделены лишь условно: выделения (наблюдения, оценка, селекция признаков, качеств, свойств объекта) и приписывания другому человеку признаков, свойств, черт характера [4]. Структура межличностного восприятия описывается как состоящая из четырех компонентов: объекта (воспринимаемого), субъекта (воспринимающего), собственно процесса межличностного восприятия и отражения социального объекта в сознании субъекта. Психологическая характеристика «... “взаимодействия” субъекта и объекта межличностного восприятия заключается в построении образа другого человека» [15; 33]. Подчеркивается, что «... “качество” такого прочтения обусловлено как способностями читающего, так и ясностью текста... поэтому для результата межличностного восприятия значимыми являются характеристики и субъекта, и объекта» [15; 32].

В отечественных исследованиях, посвященных исследованию восприятия в семье, большое внимание уделяется образу родителя как воспитателя, его представлению о системе семейного воспитания, а также образу ребенка глазами родителя — т. е. делается упор на изучение психолого-педагогического аспекта образной регуляции воспитательного взаимодействия [10]. Тогда как собственно особенности межличностного восприятия в супружеских парах занимают существенно меньшее место. Открытым остается вопрос о выработке единого понятия, обозначающего семейные представления, поставлена, но не раскрыта проблема их содержания. Для описания восприятия семьи ее членами существует ряд понятий: «образ Мы» (А.В. Черников) [30]; «семейная идентичность» (Н. Аккерман) [1; 2]; «внутренняя картина семьи» (Э.Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис) [33]; «семейные мифы» (А.Я. Варга) [5]; «семейное самосознание» (О.А. Карабанова) [10]; «семейный нарратив» (Е.Е. Сапогова) [24]; имплицитная теория семьи (L.R. Barnhill) [34].

В последнее время в отечественных исследованиях, посвященных проблеме социального познания, наметилась тенденция к активному использованию психосемантического подхода, отражающего переход от объектной логики к логике субъектной парадигмы.

По мнению Е.Л. Доценко, «... работ, в которых психосемантика использовалась для исследования межличностного общения, очень мало. А возможности психосемантического подхода в данной области... очень широки» [8; 41]. Логика объектной парадигмы в психологии определяется как «...структура экспериментально-психологических данных, в рамках которой человек описывается как объект, обладающий определенными психическими свойствами, но не как

субъект, строящий собственную модель (образ) мира» [32; с. 33—37]. Психосемантика позволяет переменить исследовательскую позицию с объектной на субъектную [8].

В последние годы в отечественных исследованиях, выполненных в рамках семейной психологии, получило распространение изучение семейных представлений как фрагмента имплицитных теорий семьи (ИТС) методами психосемантики [16; 17]. Понятие имплицитной теории семьи впервые употребил Л.Р. Бранхил [34], отметив, что стабильно функционирующая семья описывается исследователями не на научном уровне, а на уровне «имплицитных теорий семьи».

По мнению А.Г. Лидерса, «...имплицитная теория семьи является фрагментом образа мира, организует восприятие реальной семьи и регулирует поведение в ней. На основании собственной имплицитной теории семьи каждый член семьи имеет какое-то представление о том, какая она, его семья, что она из себя представляет и какое место в ней он занимает. Представления о семье определяют реальные взаимоотношения в семейной сфере. Имплицитные теории семьи относятся к разряду имплицитных социальных теорий; соответственно, они могут быть представлениями целой группы, а не только одного человека» [23, с. 163]. Опираясь на представления о по-уровневой структуре образа мира [22; 27], О.А. Минеева предполагает, что ИТС структурируют семантический слой образа мира: она может быть представлена как трехуровневая структура двухполюсных конструкторов, состоящая из: ядерного (инвариантного) уровня — системы базовых конструкторов, общих для всех людей; группового уровня — набора имплицитных теорий, разделяемых индивидом со своими референтными социо-культурными группами, образованными на основании сходного жизненного опыта; индивидуального уровня, формирующегося на основании личного опыта [18].

Изучение стереотипов «обыденного» сознания представляет интерес для исследования регуляторной роли «...образа — стереотипа как носителя социальных установок, представляющих некий стандартизированный вариант личностного смысла группы». Вместе с тем указанное понимание не исчерпывает всего спектра исследований индивидуального сознания.

Сформировавшаяся в недрах психосемантики, психология субъективной семантики отличается от ИТС, как в основных методических подходах к описанию структур субъективного опыта, так и в построении его моделей.

«Предметом психосемантики является моделирование систем значений как структур презентации опыта в сознании» [26, с. 6], при этом «...для построения моделей психосемантики требуется априорное постулирование существования семантического пространства, организованного по типу разнообразных метрических пространств» [26, с. 6]. Однако ряд допусков математического моделирования делают затруднительным использование математических моделей для описания субъективного опыта, поскольку они не описывают «...качественное своеобразие изучаемых явлений, а “приписывают” экспериментальному материалу свойства используемых математических описаний» [26, 10]. Кроме того, ряд содержательных трудностей, связанных с привнесением элемента субъективности в интерпретацию полученных данных, могут исказить результаты измерительной процедуры. Поэтому большинство математических моделей называются не моделями субъективного опыта, а операциональными аналогами опыта [21].

«В отечественной психологии на основе принципа единства сознания и деятельности развивалась парадигма моделирования структур субъективного опыта с максимально меньшим числом допусков модели и с максимально меньшим количеством формализаций данных эксперимента. Это необходимо для моделирования не только результатов, но и механизмов се-

мантического оценивания. Необходимым требованием к модели является постоянно дорабатываемое соответствие аксиоматики модели с аксиоматикой моделируемой реальности» [26, с. 11]. Такие модели носят название парадигмальных [3].

Согласно В.Н. Мясищеву, «...отношения образуют целостную систему избирательных, сознательных связей личности с разными сторонами объективной действительности»; отношение к социализированным объектам «...вытекает из всей истории развития человека, выражает его личный опыт и внутренне определяет его действия, его переживания» [19, с. 426]. Отношения понимаются как «...многомерная, многоуровневая, динамическая система субъективно-личностных отношений», которые можно представить в виде многомерного «...субъективного пространства, каждое измерение которого соответствует определенному субъективно-личностному аспекту» [14, с. 444].

Согласно парадигмальной модели движения смысла по слоям субъективного опыта, «элементы семантического слоя субъективного опыта понимаются нами как следы деятельности, зафиксированные в отношении к предметам, объектам манипуляции и условиям этих деятельностей». [3, с. 23]. Обобщая большой эмпирический материал, накопленный в психологии субъективной семантики, Е.Ю. Артемьева утверждала, что «...предметами в субъект-объектных отношениях являются не вещи, не объекты, ситуации, явления, а свернутые следы взаимодействия с ними, некоторое состояние, реализация в здесь-и-сейчас образа мира» [3, с. 352], т. е. «...отношения к объектам фиксируются в виде операций, которые субъект использовал при взаимодействии с предметами внешнего мира» [7, с. 65]. С полным правом это положение можно отнести и к реальности субъект-субъектных межличностных отношений. При этом «квазивеществом» субъективного пространства образа семьи, на наш взгляд, выступают «психологические» отношения человека, существо которых черпается из реальности межличностных взаимодействий, и возможность их экспериментальной фиксации методами психосемантики на материале восприятия позволяет выявлять и описывать в традициях построения парадигмальных моделей, — приближая (дорабатывая) аксиоматику модели к аксиоматике психологического механизма, — малоосознаваемые, трудно вербализуемые пласты «психологических» отношений личности в контексте семейных отношений.

Такой подход близок к теории личностных конструктов Дж. Келли [11], раскрывающей конструкт как определенное смысловое образование, посредством которого человек воспринимает, понимает, оценивает окружающую действительность.

Принимая за основу работы системный анализ человеческого сознания, наиболее перспективным в изучении особенностей семейных представлений (образа семьи) видится рассмотрение его эмоционально-смыслового аспекта — системы субъективных отношений как составляющей индивидуального сознания родителей — субъектов гармоничных и дисфункциональных семейных отношений. В качестве примера исследования, выполненного с опорой на методологию психологии субъективной семантики, можно привести исследование содержательного компонента психологического отношения — эмоционально-смысловых конструктов, лежащих в основе смыслового восприятия друг друга и ребенка родителями — участниками судебного спора. Было показано, что в семьях, характеризующихся высокой степенью конфликта, единство позитивных оценок ограничивается оценкой себя и ребенка, тогда как при оценке супруга (супруги) наблюдается своеобразная инверсия оценки. При этом отрицательное отношение к супругу (супруге) выражается не в наделении другого родителя отрицательными характеристиками, а в отказе от признания у них положительных свойств. В гармоничных же семьях выявлено позитивное принятие всех членов семьи [12].

В исследовании, посвященном анализу системы конструкторов приемных родителей, применение метода репертуарных решеток, выявило его эффективность в качестве инструмента психологической помощи в плане: развития восприятия детско-родительских отношений; работы с ригидными убеждениями; развития конгруэнтности и рефлексии убеждений; выявления отвержения кого-либо из семейной системы [9].

Таким образом, подход, опирающийся на методологические и методические принципы психологии субъективной семантики, открывает перспективы в изучении и выявлении имплицитной структуры внутрисемейных отношений, их эмоционально-смыслового аспекта с содержательной стороны, позволяет дополнить арсенал идеографических методов исследования личности, преодолевающих факторы социальной желательности и установочного поведения родителей, а его результаты могут продуктивно применяться в различного вида психологических практиках — в том числе и при производстве судебно-психологических экспертиз по делам, связанным со спорами о воспитании детей.

Литература

1. Аккерман Н. Семья как социальная и эмоциональная единица // Семейная психотерапия: Хрестоматия. СПб: Речь, 2007. С. 16–23.
2. Аккерман Н. Теория семейной динамики // Семейная психотерапия: Хрестоматия. СПб: Речь, 2000. С. 70–77.
3. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Смысл, 1999. 352 с.
4. Бодалев А.А. Личность и общение: Избранные психологические труды. 2-е изд., перераб. М.: Международная педагогическая академия, 1995. 328 с.
5. Варга А.Я. Системная семейная терапия: краткий лекционный курс. СПб: Речь, 2001. 144 с.
6. Дикс Г.В. Теория объектных отношений и исследование брака // Журнал практической психологии и психоанализа. 2007. № 1.
7. Доценко Е.Л. Семантика межличностного общения: Дисс. ... докт. психол. наук. М., 2000. 510 с.
8. Доценко Е.Л. Межличностное общение: семантика и механизмы. Тюмень: ТОГИРРО. 1998. 202 с.
9. Жуйкова Е.Б., Печникова Л.С., Рыжов А.Л. Переосмысление психодиагностической работы с принимающими семьями с позиций конструктивизма [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2019. Том 12. № 63. С. 3. doi:10.54359/ps.v12i63.244
10. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие. М.: Гардарики. 2005. 320 с.
11. Келли Дж. Теория личности: психология личных конструкторов. СПб: Речь, 2000. 249 с.
12. Кулаков С.С. Эмоционально-оценочное отношение родителей из высококонфликтных семей друг к другу и ребенку [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Том 6. № 4. С. 126–141. doi:10.17759/psylaw.2016060412
13. Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1979. № 2. С. 3–14.
14. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.

15. Межличностное восприятие в группе / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 294 с.
16. *Минеева О.А., Лидерс А.Г.* ИмPLICITные теории семьи // Семейная психология и семейная психотерапия. 2004. № 4. С. 3–22.
17. *Минеева О.А., Лидерс А.Г.* Многомерное шкалирование психосемантических данных, как прием исследования имPLICITных теорий (на примере имPLICITных теорий семьи) // Психологическая диагностика. 2007. № 6. С. 26–49.
18. *Минеева О.А.* Возрастные и гендерные особенности содержания имPLICITных теорий семьи: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2011. 36 с.
19. *Мясищев В.Н.* Личность и неврозы. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. 426 с.
20. *Пезешкиан Н.* Позитивная семейная психотерапия: семья как терапевт. М.: Март, 1996. 336 с.
21. *Петренко В.Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 176 с.
22. *Петухов В.В.* Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1984. № 4. С. 13–21.
23. Психология субъективной семантики: истоки и развитие / Под ред. И.Б. Ханиной и Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. 471 с.
24. *Сапогова Е.Е.* Концепты семейного нарратива в структуре первичной социализации субъекта // Семейная психология и семейная психотерапия. 2004. № 4. С. 23–28.
25. *Сафуанов Ф.С., Харитоновна Н.К., Рукавская О.А.* Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. М.: Генезис, 2011. 192 с.
26. *Серкин В.П.* Методы психосемантики: Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2004. 382 с.
27. *Смирнов С.Д.* Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: Изд-во МГУ, 1985. 231 с.
28. *Тащёва А.И.* Атрибутивные процессы в супружеских конфликтах: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1987. 172 с.
29. *Фрондзей С.Н.* Личностные детерминанты конфликтов в неофициальном молодежном браке: Дисс. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 175 с.
30. *Черников А.В.* Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики. М.: Класс, 2001. 208 с.
31. *Черников А.В.* Введение в семейную психотерапию (Интегративная модель диагностики). М., 1998. 152 с.
32. *Шмелев А.Г.* Психодиагностика личностных черт. СПб: Речь, 2002. 373 с.
33. *Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.* Психология и психотерапия семьи. СПб: Питер, 2008. 672 с.
34. *Barnhill L.R.* Healthy family system // The Family Coordinator, 1979. Vol. 28(1). P. 94–100. doi:10.2307/583274
35. *Carr A.* Family therapy: concepts, process and practice. Chichester: Wiley, 2006. 624 p.
36. *Garrity K.B., Barris M.A.* Caught in the Middle: Protecting the Children of High-conflict Divorce. San-Francisko: Jossey-Bass, 1994. 192 p.
37. *Hetherington E.M.* Should we stay together for the sake of the children? // E.M. Hetherington (Ed.). Coping with Divorce, Single Parenting, and Remarriage. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1999. P. 93–116.

38. Johnston J.R. High-conflict divorce // *The Future of Children and Divorce*. 1994. Vol. 4(1). P. 165–182. doi:10.2307/1602483
39. Johnston J.R., Campbell E.G. *Impasses of Divorce: The Dynamics and Resolution of Family Conflict*. N.Y.: The Free Press, 1988.
40. Kelly J.B., Emery R.E. Children's adjustment following divorce: risk and resilience perspectives // *Family Relation*. 2003. Vol. 52(4). P. 352–362. doi:10.1111/j.1741-3729.2003.00352.x
41. King V., Heard H.E. Nonresident father visitation, parental conflict, and mother's satisfaction: What's best for child well-being? // *Journal of Marriage and Family*. 1999. Vol. 61(2). P. 385–396. doi:10.2307/353756
42. Kotler T., Chetwynd J. Changes in family members during psychotherapy // *Human relations*. 1980. Vol. 33(2). P. 101–110. doi:10.1177/001872678003300202
43. Maccoby E.E., Mnookin R.H. *Dividing the Child: Social and Legal Dilemmas of Custody*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. 369 p.
44. McConahie H. *Parents and Young Mentally Handicapped Children: A Review of Research Issues*. London: Routledge, 1986. 288 p.
45. Schutz W.C. *FIRO, A three-dimensional theory of interpersonal behavior*. N.Y.: Rinehart & Company, Inc., 1958. 267 p.
46. Sharma S., Winter D., McCarthy M. A personal construct approach to understanding stress in mothers of children diagnosed with autism spectrum disorders // *Journal of constructivist psychology*. 2013. Vol. 26(1). P. 50–61. doi:10.1080/10720537.2013.732534
47. Thibaut J.W., Kelley H.H. *The social psychology of groups*. N.Y.: Wiley, 1959. 286 p.

References

1. Akkerman N. Sem'ya kak sotsial'naya i emotsional'naya edinitsa. *Semeinaya psikhoterapiya: Khrestomatiya*. Saint Petersburg: Rech', 2007, pp. 16–23 (In Russ).
2. Akkerman N. Teoriya semeinoi dinamiki. *Semeinaya psikhoterapiya: Khrestomatiya*. Saint Petersburg: Rech', 2000, pp. 70–77 (In Russ).
3. Artemeva E.Yu. Osnovy psikhologii sub'ektivnoi semantiki. Moscow: Smysl, 1999. 352 p. (In Russ).
4. Bodalev A.A. Lichnost' i obshchenie: Izbrannye psikhologicheskie trudy. 2nd ed. Moscow: Mezhdunarodnaya pedagogicheskaya akademiya, 1995. 328 p. (In Russ).
5. Varga A.Ya. Sistemnaya semeinaya terapiya: kratkii lektsionnyi kurs. Saint Petersburg: Rech', 2001. 144 p. (In Russ).
6. Dicks H.V. Teoriya ob'ektnykh otnoshenii i issledovanie braka [Object relations theory and marital studies]. *Zhurnal prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza = Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis*, 2007, no. 1 (In Russ).
7. Dotsenko E.L. Semantika mezhlichnostnogo obshcheniya: Diss. dokt. psikhol. nauk. Moscow, 2000. 510 p. (In Russ).
8. Dotsenko E.L. Mezhlichnostnoe obshchenie: semantika i mekhanizmy. Tyumen': TOGIRRO Publ., 1998. 202 p. (In Russ).
9. Zhuikova E.B., Pechnikova L.S., Ryzhov A.L. Pereosmyslenie psikhodiagnosticheskoi raboty s prinimayushchimi sem'yami s pozitsii konstruktivizma [Rethinking psychodiagnostic of adoptive / foster families from the positions of constructivism] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2019. Vol. 12, no. 63, pp. 3. doi:10.54359/ps.v12i63.244 (In Russ).

10. Karabanova O.A. *Psikhologiya semeinykh otnoshenii i osnovy semeinogo konsul'tirovaniya: Uchebnoe posobie*. Moscow: Gardariki, 2005. 320 p. (In Russ).
11. Kelly G.A. *Teoriya lichnosti: psikhologiya lichnykh konstruktov* [A theory of personality. The psychology of personal constructs]. Saint Petersburg: Rech', 2000. 249 p. (In Russ).
12. Kulakov S.S. *Emotsional'no-otsenochnoe otnoshenie roditel'ei iz vysokokonfliktnykh semei drug k drugu i rebenku* [Emotionally evaluative attitude of parents in the high conflict families to each other and the child] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2016. Vol. 6, no 4, pp. 126–141. doi:10.17759/psylaw.2016060412 (In Russ).
13. Leontiev A.N. *Psikhologiya obraza. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin. Series 14. Psychology*, 1979, no. 2, pp. 3–14 (In Russ).
14. Lomov B.F. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii*. Moscow: Nauka, 1984. 444 p. (In Russ).
15. Andreeva G.M., Dontsov A.I. (eds.). *Mezhlichnostnoe vospriyatie v grupe*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1981. 294 p. (In Russ).
16. Mineeva O.A., Liders A.G. *Implitsitnye teorii sem'i. Semeinaya psikhologiya i semeinaya psikhoterapiya = Family Psychology and Family Therapy*, 2004, no. 4, pp. 3–22 (In Russ).
17. Mineeva O.A., Liders A.G. *Mnogomernoe shkalirovanie psikhosemanticheskikh dannykh, kak priem issledovaniya implitsitnykh teorii (na primere implitsitnykh teorii sem'i)*. *Psikhologicheskaya diagnostika = Psychological Diagnostics*, 2007, no. 6, pp. 26–49 (In Russ).
18. Mineeva O.A. *Vozrastnye i gendernye osobennosti sodержaniya implitsitnykh teorii sem'i: Avtopef. diss. kand. psikhol. nauk*. Moscow, 2011. 36 p. (In Russ).
19. Myasishchev V.N. *Lichnost' i nevrozy*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1960. 426 p. (In Russ).
20. Peseschkian N. *Pozitivnaya semeinaya psikhoterapiya: sem'ya kak terapevt* [Positive Family Therapy]. Moscow: Mart, 1996. 336 p. (In Russ).
21. Petrenko V.F. *Vvedenie v eksperimental'nyu psikhosemantiku: issledovanie form reprezentatsii v obydennom soznanii*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1983. 176 p. (In Russ).
22. Petukhov V.V. *Obraz mira i psikhologicheskoe izuchenie myshleniya. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin. Series 14. Psychology*, 1984, no. 4, pp. 13–21 (In Russ).
23. Khanina I.B., Leontiev D.A. (eds.). *Psikhologiya sub'ektivnoi semantiki: istoki i razvitie*. Moscow: Smysl, 2011. 471 p. (In Russ).
24. Sapogova E.E. *Kontsepty semeinogo narrativa v strukture pervichnoi sotsializatsii sub'ekta. Semeinaya psikhologiya i semeinaya psikhoterapiya = Family Psychology and Family Therapy*, 2004, no. 4, pp. 23–28 (In Russ).
25. Safuanov F.S., Kharitonova N.K., Rusakovskaya O.A. *Psikhologo-psikhiatricheskaya ekspertiza po sudebnym sporam mezhdru roditelyami o vospitanii i meste zhitel'stva rebenka*. Moscow: Genезis, 2011. 192 p. (In Russ).
26. Serkin V.P. *Metody psikhosemantiki: Uchebnoe posobie*. Moscow: Aspect Press, 2004. 382 p. (In Russ).
27. Smirnov S.D. *Psikhologiya obraza: problema aktivnosti psikhicheskogo otrazheniya*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1985. 231 p. (In Russ).
28. Tashcheva A.I. *Atributivnye protsessy v supruzheskikh konfliktakh konfliktakh: Diss. kand. psikhol. nauk*. Moscow, 1987. 172 p. (In Russ).

29. Frondzei S.N. Lichnostnye determinanty konfliktov v neofitsial'nom molodezhnom brake: Diss. kand. psikholog. nauk. Rostov-on-Don, 2009. 175 p. (In Russ).
30. Chernikov A.B. Sistemnaya semeinaya terapiya: Integrativnaya model' diagnostiki. Moscow. Klass, 2001. 208 p. (In Russ).
31. Chernikov A.V. Vvedenie v semeinuyu psikhoterapiyu (Integrativ. model' diagnostiki). Moscow, 1998. 152 p. (In Russ).
32. Shmelev A.G. Psikhodiagnostika lichnostnykh chert. Saint Petersburg: Rech', 2002. 373 p. (In Russ).
33. Eidemiller E.G., Yustitskis V. Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i. Saint Petersburg: Piter, 2008. 672 p. (In Russ).
34. Barnhill L.R. Healthy family system. *The Family Coordinator*, 1979. Vol. 28, no. 1, pp. 94–100. doi:10.2307/583274
35. Carr A. Family therapy: concepts, process and practice. Chichester: Wiley, 2006. 624 p.
36. Garrity K.B., Barris M.A. Caught in the Middle: Protecting the Children of High-conflict Divorce. San-Francisko: Jossey-Bass, 1994. 192 p.
37. Hetherington E.M. Should we stay together for the sake of the children? In E.M. Hetherington (Ed.). *Coping with Divorce, Single Parenting, and Remarriage*. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1999, pp. 93–116.
38. Johnston J.R. High-conflict divorce. *The Future of Children and Divorce*, 1994. Vol. 4, no. 1, pp. 165–182. doi:10.2307/1602483
39. Johnston J.R., Campbell E.G. Impasses of Divorce: The Dynamics and Resolution of Family Conflict. N.Y.: The Free Press, 1988.
40. Kelly J.B., Emery R.E. Children's adjustment following divorce: risk and resilience perspectives. *Family Relation*, 2003. Vol. 52, no. 4, pp. 352–362. doi:10.1111/j.1741-3729.2003.00352.x
41. King V., Heard H.E. Nonresident father visitation, parental conflict, and mother's satisfaction: What's best for child well-being? *Journal of Marriage and Family*, 1999. Vol. 61, no. 2, pp. 385–396. doi:10.2307/353756
42. Kotler T., Chetwynd J. Changes in family members during psychotherapy. *Human relations*, 1980. Vol. 33, iss. 2, pp. 101–110. doi:10.1177/001872678003300202
43. Maccoby E.E., Mnookin R.H. Dividing the Child: Social and Legal Dilemmas of Custody. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. 369 p.
44. McConahie H. Parents and Young Mentally Handicapped Children: A Review of Research Issues. London: Routledge, 1986. 288 p.
45. Schutz W.C.. FIRO, A three-dimensional theory of interpersonal behavior. N.Y.: Rinehart & Company, Inc., 1958. 267 p.
46. Sharma S., Winter D., McCarthy M. A personal construct approach to understanding stress in mothers of children diagnosed with autism spectrum disorders. *Journal of Constructivist Psychology*, 2013. Vol. 26, no. 1, pp. 50–61. doi:10.1080/10720537.2013.732534
47. Thibaut J.W., Kelley H.H. The social psychology of groups. N.Y.: Wiley, 1959. 286 p.

Информация об авторах

Кулаков Сергей Сергеевич, научный сотрудник, лаборатория психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени

Кулаков С.С.
Судебно-психологическая экспертная
диагностика семейных взаимоотношений:
возможности психосемантического подхода
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 14–26.

Kulakov S.S.
Forensic Psychological Assessment
of Family Relationships:
the Potential for a Psychosemantic Approach
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 14–26.

В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0203-1332>, e-mail: novik_010979@mail.ru

Information about the authors

Sergey S. Kulakov, Research Assistant, Psychology Laboratory, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0203-1332>, e-mail: novik_010979@mail.ru

Получена 24.02.2022
Принята в печать 05.05.2022

Received 24.02.2022
Accepted 05.05.2022

Некоторые психолого-юридические вопросы обязательного учета мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, при рассмотрении судами споров о его воспитании

Ильина О.Ю.

Тверской государственный университет (ФГБОУ ВО «ТвГУ»), г. Тверь, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1939-9712>, e-mail: ilina.oy@tversu.ru

Русаковская О.А.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5602-3904>, e-mail: rusakovskaya.o@serbsky.ru

Туманова Л.В.

Тверской государственный университет (ФГБОУ ВО «ТвГУ»), г. Тверь, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2438-7428>, e-mail: tumanova.lv@tversu.ru

Чубарова О.Е.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7123-6489>, e-mail: o.chubarova.psy@mail.ru

С целью обозначения дискуссионного характера правовой нормы ст. 57 Семейного кодекса Российской Федерации — обязательность учета мнения ребенка, достигшего возраста 10 лет, при рассмотрении судами споров о воспитании — изучены особенности анализа детьми 9,5—11-летнего возраста (N=68) неоднозначных с морально-нравственной точки зрения проблемных ситуаций. Методы исследования: составление рассказа по последовательным картинкам, дилеммы Л. Кольберга. Установлено, что большинство детей находятся на 3-й стадии конвенционального уровня развития нравственного сознания, по Кольбергу. Среди мальчиков больше тех, которые не успешны в понимании скрытого морально-нравственного смысла ситуаций, так и тех, которые в своих рассуждениях склонны опираться на требования общества в целом. Девочки чаще опираются на собственный опыт и более склонны учитывать предполагаемые переживания другого. Приведенные результаты и выводы могут послужить основой для совершенствования соответствующей правовой нормы и практики ее применения.

Ключевые слова: права ребенка; учет мнения ребенка; проблемные ситуации; морально-нравственное сознание, по Кольбергу; судебная экспертиза по спорам о воспитании.

*Ильина О.Ю., Русаковская О.А.,
Туманова Л.В., Чубарова О.Е.*
Некоторые психолого-юридические вопросы
обязательного учета мнения ребенка, достигшего
возраста десяти лет, при рассмотрении судами
споров о его воспитании
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 27–38.

*Ilyina O.Yu., Rusakovskaya O.A.,
Tumanova L.V., Chubarova O.E.*
Some Psychological and Legal Issues
of Mandatory Consideration of the Opinion of a Child
who Has Reached the Age of Ten Years in Judicial
Consideration of Disputes About His Upbringing
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 27–38.

Для цитаты: *Ильина О.Ю., Русаковская О.А., Туманова Л.В., Чубарова О.Е.* Некоторые психолого-юридические вопросы обязательного учета мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, при рассмотрении судами споров о его воспитании [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 27–38. DOI:10.17759/psylaw.2022120303

Some Psychological and Legal Issues of Mandatory Consideration of the Opinion of a Child who Has Reached the Age of Ten Years in Judicial Consideration of Disputes About His Upbringing

Olga Yu. Ilyina

Tver State University, Tver, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1939-9712>, e-mail: ilina.oy@tversu.ru

Olga A. Rusakovskaya

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5602-3904>, e-mail: rusakovskaya.o@serbsky.ru

Lidiya V. Tumanova

Tver State University, Tver, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2438-7428>, e-mail: tumanova.lv@tversu.ru

Olga E. Chubarova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7123-6489>, e-mail: o.chubarova.psy@mail.ru

In order to indicate the debatable nature of the legal norm of Art. 57 of the Family Code of the Russian Federation — the obligation to take into account the opinion of a child who has reached the age of 10 years, when considering disputes about education by the courts - the features of the analysis by children of 9.5—11 years of age (N=68) of morally ambiguous problem situations are studied. Research methods: compiling a story based on sequential pictures, Dilemmas of L. Kohlberg. It has been established that the majority of children are at the 3rd stage of the conventional level of development of moral consciousness according to Kohlberg. There are more boys among those who are not successful in understanding the hidden moral meaning of situations, and those who, in their reasoning, tend to rely on the requirements of society as a whole. Girls are more likely to draw on their own experience and are more likely to take into account the perceived experiences of another. The above results and conclusions can serve as a basis for improving the relevant legal norm and the practice of its application.

Ильина О.Ю., Русаковская О.А.,
Туманова Л.В., Чубарова О.Е.
Некоторые психолого-юридические вопросы
обязательного учета мнения ребенка, достигшего
возраста десяти лет, при рассмотрении судами
споров о его воспитании
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 27–38.

Ilyina O.Yu., Rusakovskaya O.A.,
Tumanova L.V., Chubarova O.E.
Some Psychological and Legal Issues
of Mandatory Consideration of the Opinion of a Child
who Has Reached the Age of Ten Years in Judicial
Consideration of Disputes About His Upbringing
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 27–38.

Keywords: rights of the child, the opinion of the child, moral development, Dilemmas of L. Kohlberg, child custody evaluations.

For citation: Ilyina O.Yu., Rusakovskaya O.A., Tumanova L.V., Chubarova O.E. Some Psychological and Legal Issues of Mandatory Consideration of the Opinion of a Child who Has Reached the Age of Ten Years in Judicial Consideration of Disputes About His Upbringing. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 27–38. DOI:10.17759/psylaw.2022120303 (In Russ.).

Введение

Согласно ст. 57 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) [12], «...ребенок вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам». Данная норма соответствует требованиям ст.12 Конвенции о правах ребенка [4], согласно которой ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, должно быть обеспечено право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка. Как показало обобщение судебной практики, при рассмотрении судами гражданских споров об определении места жительства ребенка и порядка общения с родителем, проживающим отдельно, мнение ребенка выявлялось органами опеки и попечительства, педагогами, воспитателями, социальными педагогами детских образовательных учреждений, в ходе проведения диагностического обследования в центрах психолого-медико-социального сопровождения, в ходе комплексной психолого-психиатрической экспертизы, а также в ходе непосредственного опроса ребенка, достигшего 10-летнего возраста, в судебном заседании [2]. При учете мнения ребенка, достигшего возраста 10 лет, судами выяснялось, не является ли мнение ребенка следствием воздействия на него одного из родителей или других заинтересованных лиц, осознает ли ребенок свои собственные интересы при выражении своего мнения и как он его обосновывает.

Как уже отмечалось ранее одним из авторов, «...использование законодателем понятия «учет мнения» лишает правовые последствия какого-либо признака формализма, что в равной степени относится и к полярности баланса интересов родителей и интересов ребенка» [3].

Представители юриспруденции включают в сферу своих исследований в постоянном режиме вопрос определения возраста, по достижении которого ребенок может не просто выражать свое мнение, но и рассчитывать на обязательный учет своей позиции, на наступление соответствующих правовых последствий. Как отмечает С.П. Гришаев, «...закон не содержит указания на минимальный возраст, начиная с которого ребенок обладает этим правом. В Конвенции ООН о правах ребенка (ст. 12) закреплено, что такое право предоставляется ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды. Следовательно, как только ребенок достигнет достаточной степени развития для того, чтобы это сделать... он имеет право быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, непосредственно его касающегося и затрагивающего его интересы» [1].

*Ильина О.Ю., Русаковская О.А.,
Туманова Л.В., Чубарова О.Е.*
Некоторые психолого-юридические вопросы
обязательного учета мнения ребенка, достигшего
возраста десяти лет, при рассмотрении судами
споров о его воспитании
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 27–38.

*Ilyina O.Yu., Rusakovskaya O.A.,
Tumanova L.V., Chubarova O.E.*
Some Psychological and Legal Issues
of Mandatory Consideration of the Opinion of a Child
who Has Reached the Age of Ten Years in Judicial
Consideration of Disputes About His Upbringing
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 27–38.

Н.Н. Тарусина, обобщая суждения коллег, утверждает: «Далеко не все семейноведы согласны с установлением именно 10-летнего возрастного барьера. В частности, некоторыми из них проводятся аналогии с гражданским законодательством, которое предусматривает частичную дееспособность несовершеннолетних с 14 лет и не упоминает, в связи с правом на юридически значимую позицию, о детях до 14 лет. Другие называют предпочтительным 12-летний рубеж. Медицинское законодательство предполагает, что следует испрашивать мнение несовершеннолетнего с 15 лет (ч. 3 ст. 54 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ») и т. д. С одной стороны, вроде бы единая позиция законодателя предпочтительнее (по крайней мере, в тех случаях, когда речь идет о 14 или 15 годах), с другой стороны, права и интересы разной отраслевой принадлежности существенно различаются по своим природе и содержанию. Соответственно, различна и способность ребенка их осознавать и адекватно оценивать, поэтому некоторая возрастная дифференциация, возможно, и правомерна» [13].

В науке семейного права справедливо отмечается и проблема выявления мнения и согласия ребенка в ходе судебного разбирательства, а именно: либо ребенок заслушивается в судебном заседании лично, либо мнение ребенка доводится до сведения суда органами опеки и попечительства, которые дают заключение по рассматриваемому спору. И вот здесь, как верно утверждает Е.Е. Пирогова, «кроется неопределенность» [7].

Аналогично, обоснованность установления законодателем формального возрастного порога в 10 лет, как обязательного для учета мнения ребенка, с психологической точки зрения вызывает ряд вопросов. Во-первых, относимый психологами к «младшему школьному» или рубежу между «младшим» и «средним школьным» возрастом возраст десяти лет не предполагает завершения какого-либо критического этапа развития, а является лишь условной границей, после которой начинают решаться следующие специфические возрастные задачи: формирование способности рефлексировать, внутренней позиции и «чувства взрослости». Во-вторых, десятилетний возраст попадает в тот интервал 9—12 лет, когда типичной реакцией ребенка на высококонфликтный развод родителей является формирование альянса с одним родителем и негативного, отвергающего отношения к другому, что может как достигать клинического уровня сенситивных идей негативного отношения, так и быть расценено при психологическом исследовании как индукция [14; 11].

При назначении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (далее КСППЭ) по спорам о воспитании частыми вопросами экспертного задания являются вопросы о желании ребенка проживать с отцом или матерью, самостоятельности данного мнения и способности его выразить. В то же время, как справедливо замечает Л.Б. Максимович, «... на практике до сих пор не решен вопрос о том, как установить истинное мнение ребенка. Ведь не секрет, что зачастую мнение ребенка формируется родителем, с которым он проживает и который оказывает на него мощное психологическое давление, а затем при рассмотрении судом спора о ребенке навязанное родителем мнение выдается за мнение самого ребенка» [5]. С другой стороны, проводимое в рамках КСППЭ исследование мнения ребенка должно опираться на объективные данные об особенностях формирования такого мнения у нормотипичных детей того же пола и возраста. В противном случае этот недостаток теоретических знаний может вести к тому, что экспертные выводы могут быть рассмотрены судом как недостаточно научно обоснованные [9]. В то же время таких исследований в отношении детей,

Ильина О.Ю., Русаковская О.А.,
Туманова Л.В., Чубарова О.Е.
Некоторые психолого-юридические вопросы
обязательного учета мнения ребенка, достигшего
возраста десяти лет, при рассмотрении судами
споров о его воспитании
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 27–38.

Ilyina O.Yu., Rusakovskaya O.A.,
Tumanova L.V., Chubarova O.E.
Some Psychological and Legal Issues
of Mandatory Consideration of the Opinion of a Child
who Has Reached the Age of Ten Years in Judicial
Consideration of Disputes About His Upbringing
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 27–38.

достигших формального возрастного порога, с которого учет мнения ребенка становится обязательным, до настоящего времени не проводилось.

Идея настоящего исследования, целью которого являлось изучение особенностей мнения нормотипичных детей 10-летнего возраста по поводу неоднозначных с морально-нравственной точки зрения проблемных ситуаций, была подсказана экспертной практикой. В ходе беседы с одной из наших испытуемых — девочкой 10-летнего возраста — выяснилось, что она отлично учится, любит читать, недавно прочитала «Приключения Тома Сойера». На наш вопрос, кто в этом произведении ее любимый герой, она ответила, что Сид, потому что только он «хороший», а на уточняющий вопрос про самого Тома Сойера категорично заявила, что он «хулиган». После этого мы, в некотором недоумении, предложили ей составить рассказ по одному из сюжетов Н.Э. Радлова, в котором кошка сталкивает цветок на спящую собаку, попадает по граблям и получает ими по носу [8]. Далее приведем отрывок из протокола беседы. Испытуемая: «Кошка сидела на окошке и толкнула цветок, и он упал на землю. Цветок летел, и упал на собаку и на грабли. А собака не спала, и все видела, и грабли ударили кошку в нос». Эксперт: «А зачем кошка скинула цветок?» Испытуемая: «Она нечаянно задела лапкой». Эксперт: «А какая главная мысль?» Испытуемая: «Что не надо сталкивать цветы». Мы предположили, что дети, достигшие возраста 10 лет, могут представлять собой очень неоднородную группу по способности анализировать ситуации, имеющие морально-нравственное значение, и по уровню развития морально-нравственного сознания, что может влиять на формирование их мнения о сложившейся в семье ситуации и своей, т. е. самостоятельно выражаемой, позиции. Для проверки этой гипотезы, а также для предварительного выявления гендерных особенностей анализа ситуаций, имеющих морально-нравственное значение, и было осуществлено настоящее исследование.

Материалы и методы исследования

Выборку составили 68 учащихся 4-го класса общеобразовательной школы: 34 девочки и 34 мальчика. Исследование проводилось в течение учебного года. Критерий включения — возраст 9,5—10,5 лет на 1 сентября учебного года. Критерий исключения — наличие статуса ОВЗ.

На первом этапе исследования испытуемым предлагалось составить рассказ по последовательным картинкам «Кошка и собака» [8]. На основании составления рассказа по картинкам оценивалась способность понимать связь событий и их скрытый морально-нравственный смысл, строить последовательные умозаключения. Использовались следующие критерии оценки: скрытый смысл не понят; скрытый смысл понят после наводящих вопросов; скрытый смысл понят, но ребенок не может сделать вывод или вывод не соответствует составленному рассказу; смысл понят, вывод сделан самостоятельно и полностью соответствует рассказу.

На втором этапе для исследования особенностей понимания неоднозначных с морально-нравственной точки зрения ситуаций использовалась методика «Дилеммы Л. Кольберга» [15; 6]. С девочками обсуждались дилеммы VI, VIII, с мальчиками — дилеммы III, VIII, которые были отобраны как наиболее показательные в ходе пилотного исследования, проведенного К.А. Юшиной в рамках дипломного проекта (2017 г.).

При анализе результатов методики «Дилеммы Л. Кольберга» оценивался уровень и стадия морально-нравственного развития, по Л. Кольбергу: 1-я стадия (доконвенциональный

Ильина О.Ю., Русаковская О.А.,
Туманова Л.В., Чубарова О.Е.
Некоторые психолого-юридические вопросы
обязательного учета мнения ребенка, достигшего
возраста десяти лет, при рассмотрении судами
споров о его воспитании
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 27–38.

Ilyina O.Yu., Rusakovskaya O.A.,
Tumanova L.V., Chubarova O.E.
Some Psychological and Legal Issues
of Mandatory Consideration of the Opinion of a Child
who Has Reached the Age of Ten Years in Judicial
Consideration of Disputes About His Upbringing
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 27–38.

уровень) — ориентация на наказание и послушание, т. е. главенствует страх перед наказанием; 2-я стадия (доконвенциональный уровень) — морально то поведение, которое удовлетворяет собственные нужды и лишь случайно нужды других людей, преобладает страх упустить выгоду; 3-я стадия (конвенциональный уровень) — основными регуляторами поведения являются требования малой референтной группы (друзья, семья), страх стыда перед близкими; 4-я стадия (конвенциональный уровень) — человек руководствуется требованиями норм и правил общества в целом, страх стыда перед социумом в целом.

При помощи контент-анализа оценивались следующие содержательные параметры:

- обращение к своему опыту («я знаю, что...», «на месте героя я бы...», «мне сложно в таких ситуациях», «я решаю с помощью совести», «я считаю, что он заслужил...»);
- обращение к авторитету родителей или других значимых людей («мама всегда права», «отец лучше знает, как нужно», «мама — самый главный человек», «друг сам решает, как поступить»);
- обращение к каким-либо правилам (маркером было использование неагенсных конструкций: «нужно выполнять обещание», «нельзя врать», «надо доверять родителям», «не надо доверять», «нужно чтобы не было стыдно»).

Помимо этого нами оценивались такие психосемиотические параметры ответов, как наличие внутренних предикатов, относящихся к родителю («мама считает», «мама расстроится», «папа не так сильно хочет»); к себе («я понимаю», «я обижаюсь»); к главному герою дилеммы («он должен понять папу», «он очень хочет поехать», «ему жалко»); к другим героям («он (моряк) должен лучше был бы знать и понимать, почему Вальжан так поступил», «он нечестно поступил»); неагенсные предложения («будет стыдно», «надо доверять», «надо слушаться») [10].

Обследование проводилось с каждым ребенком индивидуально.

Результаты обрабатывались при помощи программы SPSS 17.0. Использовались методы описательной статистики, частотный анализ, непараметрические методы: U-критерий Манна—Уитни; коэффициент корреляции r Ч. Спирмена.

Результаты и обсуждение

9 человек (5 мальчиков и 4 девочки) не поняли скрытого смысла последовательных картинок Н. Радлова; 6 человек (5 мальчиков и 1 девочка) поняли его лишь с помощью; поняли скрытый смысл, но не смогли сделать соответствующий составленному рассказу вывод 26 человек (8 мальчиков и 18 девочек); поняли скрытый смысл и самостоятельно сделали соответствующий вывод 27 человек (16 мальчиков и 11 девочек). Таким образом, несмотря на то, что большинство детей (77,9%) поняли скрытый смысл картинок, 10 мальчиков (29%) и 5 девочек (14,7%) 10-летнего возраста, обучающихся в общеобразовательной школе, понять его самостоятельно не смогли.

И в общей выборке, и отдельно в подгруппах мальчиков и девочек наиболее часто встречались индикаторы 3-й стадии конвенционального уровня развития нравственного сознания — руководство требованиями и правилами малой референтной группы, что является нормативным для данного возраста. Количество этих индикаторов составило 148 (80 у мальчиков и 68 у девочек). Менее часто встречались индикаторы 2-й стадии доконвенционального уровня — страх упустить свою выгоду ($N=108$; 62 у мальчиков и 46 у девочек), что также вполне допустимо, с учетом возраста детей. У мальчиков индикаторы 2-го

Ильина О.Ю., Русаковская О.А.,
Туманова Л.В., Чубарова О.Е.
Некоторые психолого-юридические вопросы
обязательного учета мнения ребенка, достигшего
возраста десяти лет, при рассмотрении судами
споров о его воспитании
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 27–38.

Ilyina O.Yu., Rusakovskaya O.A.,
Tumanova L.V., Chubarova O.E.
Some Psychological and Legal Issues
of Mandatory Consideration of the Opinion of a Child
who Has Reached the Age of Ten Years in Judicial
Consideration of Disputes About His Upbringing
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 27–38.

уровня встречались незначительно чаще, чем у девочек — 62 и 46 соответственно. Индикаторы 4-й стадии конвенционального уровня — руководство требованиями общества в целом — у мальчиков встречались значимо чаще, чем у девочек: 57 и 17 соответственно ($p=0,000$; 1% уровень статистической значимости). Индикаторы 1-й стадии доконвенционального уровня развития нравственного сознания — страх перед наказанием — значимо чаще встречались у девочек, чем у мальчиков (24 и 8; $p=0,022$; 5% уровень статистической значимости).

Контент-анализ содержания высказываний подтвердил полученные данные и показал, что и мальчики, и девочки в 10 лет при анализе проблемных ситуаций, предполагающих морально-нравственный выбор, наиболее часто апеллируют к незыблемым нормам и правилам, затем — к личному опыту, реже всего — к опыту и авторитету родителей. При этом мальчики опираются на незыблемые нормы и правила значимо чаще, чем девочки ($p=0,020$; 5% уровень статистической значимости), тогда как девочки чаще, чем мальчики, обращаются к собственному опыту ($p=0,000$; 1% уровень статистической значимости).

Подсчет внутренних предикатов показал, что девочки используют внутренние предикаты более чем в 2 раза чаще, чем мальчики (209 и 89). Наиболее часто и мальчики, и девочки использовали внутренние предикаты, относящиеся к главному герою дилеммы. Реже всего и те, и другие использовали внутренние предикаты, относящиеся к родителю. Значимые различия между подгруппами мальчиков и девочек были обнаружены по следующим шкалам: внутренние предикаты, относящиеся к главному герою ($p=0,009$; 1% уровень статистической значимости), к себе ($p=0,000$; 1% уровень статистической значимости), к другим взрослым ($p=0,000$; 1% уровень статистической значимости). Более половины детей (55,9%) ни разу не употребили внутренние предикаты, относящиеся к родителю. Для сравнения, только 2 ребенка (2,9%) ни разу не употребили неагенные предложения («так надо», «это нечестно» и т.п.).

При сравнении ответов детей разного возраста по оцениваемым параметрам установлено следующее. Между детьми 9,5 и 10 полных лет значимые различия отсутствовали. Дети 9,5 лет в сравнении с детьми 10,5—11 лет значительно чаще употребляли внутренние предикаты, относящиеся к себе ($p=0,018$; 5% уровень статистической значимости), чаще опирались на собственный опыт ($p=0,017$; 5% уровень статистической значимости), чаще использовали неагенные предложения ($p=0,043$; 5% уровень статистической значимости). Кроме того, в ответах детей 9,5 лет чаще встречались маркеры 2-й стадии доконвенционального уровня развития нравственного сознания ($p=0,040$; 5% уровень статистической значимости). Дети 10 лет в сравнении с детьми 10,5—11 лет значительно чаще употребляли внутренние предикаты, относящиеся к себе ($p=0,034$; 5% уровень статистической значимости) и неагенные предложения ($p=0,032$; 5% уровень статистической значимости).

Возраст испытуемых обратно коррелирует с частотой употребления внутренних предикатов к себе ($r=-0,24$ при $p\leq 0,05$) и апелляцией к личному опыту в процессе решения сложных задач ($r=-0,25$ при $p\leq 0,05$), что, по нашему мнению, свидетельствует о снижении эгоцентричности мышления с возрастом.

Маркеры 1-й стадии доконвенционального уровня развития нравственного сознания положительно коррелируют с частотой обращения к собственному опыту в процессе

Ильина О.Ю., Русаковская О.А.,
Туманова Л.В., Чубарова О.Е.
Некоторые психолого-юридические вопросы
обязательного учета мнения ребенка, достигшего
возраста десяти лет, при рассмотрении судами
споров о его воспитании
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 27–38.

Ilyina O.Yu., Rusakovskaya O.A.,
Tumanova L.V., Chubarova O.E.
Some Psychological and Legal Issues
of Mandatory Consideration of the Opinion of a Child
who Has Reached the Age of Ten Years in Judicial
Consideration of Disputes About His Upbringing
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 27–38.

решения нравственных задач ($r=0,33$ при $p\leq 0,01$) и отрицательно — со способностью понимать скрытый смысл последовательных картинок Радлова ($r=-0,33$ при $p\leq 0,01$).

Дети, которые чаще опирались на свой опыт, чаще использовали внутренние предикаты, относящиеся к родителям ($r=0,26$ при $p\leq 0,05$), другим взрослым ($r=0,41$ при $p\leq 0,01$), к себе ($r=0,46$ при $p\leq 0,01$). И наоборот, чем реже ребенок использовал внутренние предикаты, тем реже он опирался на свой опыт, а больше — на незыблемые нормы и правила. Дети, у которых выявлялись маркеры 4-й стадии конвенционального уровня развития нравственного сознания были более успешны в понимании скрытого смысла последовательных картинок ($r=0,37$ при $p\leq 0,01$) и чаще использовали неагенные конструкции в дилеммах Л. Кольберга ($r=0,43$ при $p\leq 0,01$). Маркеры 3-й стадии конвенционального уровня развития нравственного сознания, по Кольбергу, также положительно коррелировали с частотой употребления неагенных предложений ($r=0,32$ при $p\leq 0,01$).

Таким образом, дети 9,5—11 лет, обучающиеся в общеобразовательной школе, представляют собой неоднородную группу по способности анализировать ситуации, имеющие морально-нравственное значение, и по уровню развития морально-нравственного сознания. Большинство детей данного возраста находятся на 3-й стадии конвенционального уровня развития нравственного сознания — руководство требованиями и правилами малой референтной группы.

Среди мальчиков больше как тех, которые не успешны в понимании скрытого морально-нравственного смысла ситуации, так и тех, которых на основании их суждений формально можно отнести к 4-й стадии морально-нравственного развития. Однако, по нашему мнению, это не является показателем большей сознательности мальчиков, а связано с тем, что девочки, чаще опираясь на собственный опыт и больше рефлексировав, более склонны учитывать в своих рассуждениях предполагаемые переживания другого. С другой стороны, именно в ответах девочек встречалось больше индикаторов 1-й доконвенциональной стадии морально-нравственного сознания, по Кольбергу.

Редкая апелляция и мальчиков, и девочек к родительскому опыту, наименьшее количество внутренних предикатов, относящихся к родителям, по-видимому, может свидетельствовать о происходящей в данном возрасте эмансипации детей и уменьшении роли родителей как референтной группы.

Выводы

Исследуемая нами проблема представляет равный по степени интерес для представителей как юриспруденции, так и психологии.

Учитывая столь большие различия между детьми 9,5—11-летнего возраста в оценке ситуаций, имеющих скрытое морально-нравственное значение, и ситуаций, предполагающих морально-нравственный выбор, по нашему мнению, можно говорить о дискуссионном характере установления формального возрастного порога в 10 лет для обязательности учета мнения ребенка.

В рамках комплексной психолого-психиатрической экспертизы при ответе на вопросы, касающиеся мнения ребенка, целесообразно учитывать такие индивидуально-психологические особенности, как способность понимать скрытый морально-нравственный смысл проблемных ситуаций, эгоцентричность, способность к рефлексии, ориентация в

*Ильина О.Ю., Русаковская О.А.,
Туманова Л.В., Чубарова О.Е.*
Некоторые психолого-юридические вопросы
обязательного учета мнения ребенка, достигшего
возраста десяти лет, при рассмотрении судами
споров о его воспитании
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 27–38.

*Ilyina O.Yu., Rusakovskaya O.A.,
Tumanova L.V., Chubarova O.E.*
Some Psychological and Legal Issues
of Mandatory Consideration of the Opinion of a Child
who Has Reached the Age of Ten Years in Judicial
Consideration of Disputes About His Upbringing
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 27–38.

большей степени на нормы и правила или на собственный опыт, роль родителя как референтной для ребенка группы.

Проведенное нами исследование выступает в то же время посылом для постановки новой гипотезы и ее доказывания в рамках специального исследования. Материалы практики исполнительного производства подтверждают: «Известно, что даже после вынесения судом решения по порядку общения с ребенком в пользу истца ответчик всячески противится исполнению такого решения. Распространившаяся в судах общей юрисдикции практика внесения в резолютивную часть решения условия о необходимости учета мнения и желания ребенка общаться с отдельно живущим родителем уже привела к тому, что родитель, с которым проживает ребенок, сделает все возможное для того, чтобы путем психологического воздействия заставить ребенка транслировать на стадии исполнительного производства навязанное ему родителем мнение о нежелании общаться со вторым родителем. В этой ситуации решение суда фактически блокируется и становится неисполнимым» [11].

Литература

1. *Гришаев С.П.* Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=18540#D9nusFTwB9A009Ru> (дата обращения: 29.06.2021).
2. *Егорова О.А., Беспалов Ю.Ф.* Настольная книга судьи по семейным делам: Учебно-практическое пособие. М.: Проспект, 2013. 240 с.
3. *Ильина О.Ю.* Мнение и согласие ребенка при рассмотрении споров о его воспитании: формы выражения и правовые последствия // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Ребенок и правосудие» (г. Москва, 13 декабря 2018 года). М.: АППП, 2018. С. 66–72.
4. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 29.06.2021).
5. *Максимович Л.Б.* Право ребенка выражать свое мнение: содержание и границы // Семейное и жилищное право. 2018. № 6. С. 4–6.
6. Методика оценки уровня развития морального сознания (Дилеммы Л. Колберга) // Диагностика эмоционально-нравственного развития / Ред. и сост. И.Б. Дерманова. СПб, 2002. С. 103–112.
7. *Пирогова Е.Е.* Проблемы реализации права ребенка выражать свое мнение в суде по делам о защите его прав // Семейное и жилищное право. 2016. № 3. С. 10–13.
8. *Радлов Н.Э.* Рассказы в картинках. М.: Мелик-Пашаев, 2017. 48 с.
9. *Русаковская О.А., Калашиникова А.С., Харитонов Н.К., Сафуанов Ф.С.* Актуальное состояние и проблемы комплексной психолого-психиатрической экспертизы по спорам о воспитании [Электронный ресурс] // Российский психиатрический журнал. 2021. № 1. С. 24–36. doi:10.47877/1560-957X-2021-10103

Ильина О.Ю., Русаковская О.А.,
Туманова Л.В., Чубарова О.Е.
Некоторые психолого-юридические вопросы
обязательного учета мнения ребенка, достигшего
возраста десяти лет, при рассмотрении судами
споров о его воспитании
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 27–38.

Ilyina O.Yu., Rusakovskaya O.A.,
Tumanova L.V., Chubarova O.E.
Some Psychological and Legal Issues
of Mandatory Consideration of the Opinion of a Child
who Has Reached the Age of Ten Years in Judicial
Consideration of Disputes About His Upbringing
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 27–38.

10. Русаковская О.А., Новикова-Грунд М.В., Андрианова С.Б. Психосемантический подход к оценке родительского отношения [Электронный ресурс] // Российский психиатрический журнал. 2019. № 4. С. 27–35. doi:10.24411/1560-957X-2019-11933
11. Сафуанов Ф.С., Калашикова А.С., Переpravина Ю.О., Черненко А.Д. Методологические основы диагностики психологического индуцирования ребенка при производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о защите интересов детей: Методические рекомендации. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2020. 39 с.
12. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 29.06.2021).
13. Тарусина Н.Н. Несколько тезисов о праве ребенка на выражение мнения [Электронный ресурс] // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2018. № 2 (44). С. 49–53. doi:10.18255/1996-5648-2018-2-49-53
14. Харитонова Н.К., Русаковская О.А. Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза по спорам о порядке воспитания детей родителями, проживающими раздельно // Судебно-психиатрическая диагностика / Под ред. Е.В. Макушкина и А.А. Ткаченко. М.: ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П.Сербского» Минздрава России, 2017. С. 601–625.
15. Kohlberg L. Development of moral character and moral ideology // Review of child development research / Eds. M.L. Hoffman, L.W. Hoffman. N.Y.: Russel Sage Foundation, 1964. Vol. 1. P. 381–431.

References

1. Grishaev S.P. Postateinyi kommentarii k Semeinomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii. 2nd ed. [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus*. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=18540#D9nusFTwB9A009Ru> (Accessed 29.06.2021). (In Russ.).
2. Egorova O.A., Bepalov Yu.F. Nastol'naya kniga sud'i po semeinym delam: Uchebno-prakticheskoe posobie. Moscow: Prospekt, 2013. 240 p. (in Russ.).
3. Ilyina O.Yu. Mnenie i soglasie rebenka pri rassmotrenii sporov o ego vospitanii: formy vyrazheniya i pravovye posledstviya. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Rebenok i pravosudie"* (g. Moskva, 13 dekabrya 2018 goda). Moscow: APPP Publ., 2018, pp. 66–72 (In Russ.).
4. Konventsiya o pravakh rebenka (odobrena General'noi Assambleei OON 20.11.1989) [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (Accessed 29.06.2021). (In Russ.).
5. Maksimovich L.B. Pravo rebenka vyrazhat' svoe mnenie: sodержanie i granitsy [The child's right to express his/her opinion: the content and limits]. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and Housing Law*, 2018, no 6, pp. 4–6 (In Russ.).
6. Metodika otsenki urovnya razvitiya moral'nogo soznaniya (Dilemmy L. Kolberga). In Dermanova I.B. (ed.). *Diagnostika emotsional'no-nravstvennogo razvitiya*. Saint Petersburg, 2002, pp. 103–112 (In Russ.).
7. Pirogova E.E. Problemy realizatsii prava rebenka vyrazhat' svoe mnenie v sude po delam o zashchite ego prav [Issues of exercising the child's right to express in court its opinion on cases of

Ильина О.Ю., Русаковская О.А.,
Туманова Л.В., Чубарова О.Е.
Некоторые психолого-юридические вопросы
обязательного учета мнения ребенка, достигшего
возраста десяти лет, при рассмотрении судами
споров о его воспитании
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 27–38.

Ilyina O.Yu., Rusakovskaya O.A.,
Tumanova L.V., Chubarova O.E.
Some Psychological and Legal Issues
of Mandatory Consideration of the Opinion of a Child
who Has Reached the Age of Ten Years in Judicial
Consideration of Disputes About His Upbringing
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 27–38.

protection of its rights]. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and Housing Law*, 2016, no. 3, pp. 10–13 (In Russ.).

8. Radlov N.E. *Rasskazy v kartinkakh*. Moscow: Melik-Pashaev, 2017. 48 p. (In Russ.).
9. Rusakovskaya O.A., Kalashnikova A.S., Kharitonova N.K., Safuanov F.S. Aktual'noe sostoyanie i problemy kompleksnoi psikhologo-psikhiatricheskoi ekspertizy po sporam o vospitanii [The current state and problems of complex psychological and psychiatric evaluation in child custody disputes] [Elektronnyi resurs]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2021, no. 1, pp. 24–36. doi:10.47877/1560-957X-2021-10103 (In Russ., abstr. In Engl.).
10. Rusakovskaya O.A., Novikova-Grund M.V., Andrianova S.B. Psikhosemanticheskii podkhod k otsenke roditel'skogo otnosheniya [The psychosemiotic approach towards assessment of parental attitude] [Elektronnyi resurs]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2019, no. 4, pp. 27–35. doi:10.24411/1560-957X-2019-11933 (In Russ., abstr. In Engl.).
11. Safuanov F.S., Kalashnikova A.S., Perepravina Yu.O., Chernenkov A.D. Metodologicheskie osnovy diagnostiki psikhologicheskogo indutsirovaniya rebenka pri proizvodstve kompleksnoi sudebnoi psikhologo-psikhiatricheskoi ekspertizy po delam o zashchite interesov detei: Metodicheskie rekomendatsii. Moscow: FGBU "NMITs PN im. V.P. Serbskogo" Minzdrava Rossii Publ., 2020. 39 p. (In Russ.).
12. Semeinyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.1995 No. 223-FZ (red. ot 04.08.2020). [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (Accessed 29.06.2021). (In Russ.).
13. Tarusina N.N. Neskol'ko tezisov o prave rebenka na vyrazhenie mneniya [A Few Points on the Child's Right to Express Opinion] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik YarGU. Seriya Gumanitarnye nauki = Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya humanitarnye nauki*, 2018, no. 2(44), pp. 49–53. doi:10.18255/1996-5648-2018-2-49-53 (In Russ., abstr. In Engl.).
14. Kharitonova N.K., Rusakovskaya O.A. Kompleksnaya psikhologo-psikhiatricheskaya ekspertiza po sporam o poryadke vospitaniya detei roditelyami, prozhivayushchimi razdel'no. In Makushkin E.V., Tkachenko A.A. (eds.). *Sudebno-psikhiatricheskaya diagnostika*. Moscow: FGBU "FMICPN im. V.P. Serbskogo" Minzdrava Rossii, 2017, pp. 601–625 (In Russ.).
15. Kohlberg L. Development of moral character and moral ideology. In M.L. Hoffman, L.W. Hoffman (eds.). *Review of child development research*. N.Y.: Russel Sage Foundation, 1964. Vol. 1, pp. 381–431.

Информация об авторах

Ильина Ольга Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, декан, юридический факультет, Тверской государственный университет (ФГБОУ ВО «ТвГУ»), г. Тверь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1939-9712>, e-mail: ilina.oy@tversu.ru

Русаковская Ольга Алексеевна, кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник, отдел судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); доцент, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный

*Ильина О.Ю., Русаковская О.А.,
Туманова Л.В., Чубарова О.Е.*
Некоторые психолого-юридические вопросы
обязательного учета мнения ребенка, достигшего
возраста десяти лет, при рассмотрении судами
споров о его воспитании
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 27–38.

*Ilyina O.Yu., Rusakovskaya O.A.,
Tumanova L.V., Chubarova O.E.*
Some Psychological and Legal Issues
of Mandatory Consideration of the Opinion of a Child
who Has Reached the Age of Ten Years in Judicial
Consideration of Disputes About His Upbringing
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 27–38.

психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Феде-
рация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5602-3904>, e-mail: rusakovskaya.o@serbsky.ru

Туманова Лидия Владимировна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
судебной власти и правоохранительной деятельности, юридический факультет, Тверской
государственный университет (ФГБОУ ВО «ТвГУ»), г. Тверь, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2438-7428>, e-mail: tumanova.lv@tversu.ru

Чубарова Ольга Евгеньевна, педагог-психолог, Московский государственный психолого-
педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7123-6489>, e-mail: o.chubarova.psy@mail.ru

Information about the authors

Olga Y. Ilyina, Doctor of Law, Professor, Dean, Faculty of Law, Tver State University, Tver, Rus-
sia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1939-9712>, e-mail: ilina.oy@tversu.ru

Olga A. Rusakovskaya, PhD in Medicine, Senior Researcher, Department of Forensic Psychiatric
Examination in Civil Proceedings, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry
and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Associate Professor, Depart-
ment of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University
of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5602-3904>, e-
mail: rusakovskaya.o@serbsky.ru

Lidiya V. Tumanova, Doctor of Law, Professor, Department of Judiciary and Law Enforcement Ac-
tivities, Faculty of Law, Tver State University, Tver, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2438-7428>, e-mail: tumanova.lv@tversu.ru

Olga E. Chubarova, Teacher-Psychologist, Moscow State University of Psychology & Education,
Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7123-6489>, e-mail: o.chubarova.psy@mail.ru

Получена 30.06.2021
Принята в печать 08.09.2021

Received 30.06.2021
Accepted 08.09.2021

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ |
FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

**Применение методики «Родительское сочинение»
в целях установления родительского отношения
при проведении судебной психологической экспертизы
по спорам, связанным с воспитанием детей**

Полкунова Е.В.

Тамбовская лаборатория судебной экспертизы Минюста России (ФБУ Тамбовская ЛСЭ Минюста России), г. Тамбов, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4346-4118>, e-mail: lenaaks@mail.ru

Представлен опыт применения методики «Родительское сочинение» при производстве судебной психологической экспертизы по семейным спорам. Экспериментальную группу составили 60 человек, проходивших экспертизу с целью определения судом места жительства ребенка или порядка общения с отдельно проживающим родителем (30 женщин в возрасте от 25 до 43 лет и 30 мужчин в возрасте от 28 до 62 лет), контрольную группу — 60 родителей (30 женщин в возрасте от 27 до 45 лет и 30 мужчин в возрасте от 31 до 60 лет). 18 матерей и 8 отцов экспериментальной группы на период исследования проживали совместно с ребенком. Исследование демонстрирует информативность методики «Родительское сочинение» в условиях судебно-экспертного психологического обследования родителей. Наибольшие различия выявились по параметрам: оправдание негативных черт; неблагожелательное отношение к мыслям, чувствам, увлечениям; отношение к ребенку как к равному; отрицание прав ребенка, доминирование, занижение его возраста; ощущение родственности, единства; хорошее знание ребенка.

Ключевые слова: судебная психологическая экспертиза, интересы ребенка, детско-родительские отношения, родительское сочинение.

Для цитаты: Полкунова Е.В. Применение методики «Родительское сочинение» в целях установления родительского отношения при проведении судебной психологической экспертизы по спорам, связанным с воспитанием детей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 39–51. DOI: [10.17759/psylaw.2022120304](https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120304)

**Application of the “Parent Essay” to Study
Parental Attitudes in Forensic Psychological Examination**

Elena V. Polkunova

Tambov Forensic Laboratory of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Tambov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4346-4118>, e-mail: lenaaks@mail.ru

Полкунова Е.В.
Применение методики «Родительское сочинение»
в целях установления родительского отношения
при проведении судебной психологической экспертизы
по спорам, связанным с воспитанием детей
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 39–51.

Polkunova E.V.
Application of the “Parent Essay”
to Study Parental Attitudes
in Forensic Psychological Examination

Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 39–51.

The article presents examination data of parental essays' application in a forensic psychological examination in family disputes. There were 60 participants in the experimental group undergoing an examination in court in determining the child's place of residence or the order of meetings with a separately living parent (30 women aged 25 to 43 years and 30 men aged 28 to 62 years), the control group — 60 parents (30 women aged 27 to 45 and 30 men aged 31 to up to 60 years old). 18 mothers and 8 fathers of the experimental group were living together with the child during the study period. The study demonstrates the information content of the “parental essay” in the context of a forensic psychological examination of parents. The greatest differences were revealed in terms of the justification of negative traits; unfavorable attitude to thoughts, feelings, hobbies; treating the child as an equal; denial of the rights of the child, dominance, underestimation of his age; feeling of resonance, unity; good knowledge of the child.

Keywords: forensic and psychological examination, interests of a child, child-parent relationship, parent essay.

For citation: Polkunova E.V. Application of the “Parent Essay” to Study Parental Attitudes in Forensic Psychological Examination. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 39–51. DOI:10.17759/psylaw.2022120304 (In Russ.).

Введение

При разрешении семейных споров, связанных с воспитанием детей, суду необходимо учесть ряд обстоятельств, при установлении которых возникает потребность в специальных знаниях. К таким обстоятельствам относятся, согласно ч. 3 ст. 65 Семейного кодекса Российской Федерации, «отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком». Таким образом, одним из предметов экспертизы является действительное родительское отношение к ребенку [21]; его выявление и оценка представляют наибольшую трудность для эксперта [15]. Оценка родительского отношения в судебной психологической и комплексной психолого-психиатрической экспертизе необходима, в первую очередь, для установления его негативного влияния на эмоциональное состояние и развитие ребенка. Важным является правильное понимание экспертом того, какие именно особенности родительского отношения неблагоприятны для развития ребенка.

Детско-родительские отношения всегда являлись предметом рассмотрения самых различных психологических школ и направлений как ведущий фактор развития личности ребенка — исследовались представителями этологического подхода (К. Лоренц), классического психоанализа (З. Фрейд), неотрейдизма (Э. Эриксон, К. Хорни, Э. Фромм), транзакционного анализа (Э. Берн), теории привязанности (Дж. Боулби, М. Эйнсворт), теории социального научения (Р. Сире) и другими.

Интерперсональным отношениям ребенка с родителями была отведена значимая роль в теории объектных отношений, представителями которой впервые обоснована идея негативного воздействия на ребенка нарушенных отношений с матерью или замещающим ее взрослым. Такие особенности родительского поведения, как гиперопека, гиперстимуляция, противоречивое или непредсказуемое поведение матери, О. Кернберг рассматривал как предпосылку эмоциональных расстройств во взрослом возрасте [8].

М. Малер, как представитель психоаналитического понимания эволюции объектных отношений, внесла фундаментальный вклад, показав, что адекватная эмоциональная открытость матери и аффективный контакт младенца с ней является необходимым фактором благоприятных условий для формирования психических структур, которые, в конечном счете, способствуют независимому эмоциональному функционированию [11].

Г. Салливан в рамках теории интерперсональных отношений пришел к выводу, что базой нормального психического развития ребенка являются его надежные и эмоционально удовлетворительные отношения с близкими [16].

Дж. Боулби и М. Эйнсворт в результате масштабных эмпирических исследований установили, какое именно поведение заботящегося взрослого благоприятно для развития ребенка и какая форма его привязанности к нему безопасна [2]. В рамках теории привязанности были выделены ее типы, по-разному влияющие на психическое развитие ребенка. Так, привязанность, при которой ребенок осуществляет активную исследовательскую деятельность в незнакомой обстановке, используя мать как «базу», не реагирует отрицательно на приближение незнакомого человека, радостно приветствует мать при ее появлении, считалась М. Эйнсворт надежной привязанностью (*secure*), а пассивное поведение ребенка в незнакомой ситуации даже в присутствии матери, его отрицательная эмоциональная реакция на приближение незнакомого человека, беспомощность и дезориентированность в отсутствии матери и пассивность при ее появлении — ненадежной (*insecure*) [22]. Две формы тревожной привязанности, амбивалентная и избегающая, могут сформироваться из-за неправильного воспитания. Было приложено много усилий, чтобы экспериментально показать, что амбивалентная и избегающая привязанности создают высокий риск возникновения эмоциональных нарушений у детей в будущем и неконструктивных отношений с другими людьми. Теория привязанности породила многочисленные, в том числе лонгитюдные исследования [7; 20].

В отечественных исследованиях подчеркивается ведущая роль взрослого в общении и психическом развитии ребенка, активность ребенка в формировании детско-родительских отношений (Л.С. Выготский, А.Н. Запорожец, М.И. Лисина, Д.Б. Эльконин и др.). Описаны различные варианты родительских установок и отношения: сотрудничество; изоляция; соперничество; псевдосотрудничество; авторитет любви, доброты и уважения; авторитет подавления и др. (А.С. Макаренко) [10]; симбиоз (чрезмерная эмоциональная близость); авторитарность, эмоциональное отвержение (А.Я. Варга) [3]; поддержка; разрешение; приспособление к потребностям ребенка; формальное чувство долга при отсутствии подлинного интереса к ребенку; непоследовательное поведение (В.Н. Дружинин) [6]; позитивная модель поведения, гибкая или уравновешенная, в которой различные приемы используются сознательно, с учетом их последствий (В. Сатир) [17] и др.

Таким образом, влияние родительского отношения на психическое и эмоциональное развитие ребенка существенно, его особенности во многом определяют дальнейшее развитие личности ребенка, и задача его установления является важной судебно-экспертной задачей. При этом в экспертной практике нет единого подхода к ее решению, само родительское отношение понимается по-разному, исходя из многообразия подходов к его определению. В экспертной практике «родительское отношение» предлагается понимать интегративно, как целостную систему разнообразных чувств по отношению к ребенку, поведенческих стереотипов, практикуемых в общении с ним, особенностей восприятия и понимания характера и личности ребенка, его поступков, В этом случае оно включает и особенности эмоционально-

го отношения к ребенку, и особенности его восприятия родителем, и способы взаимодействия с ребенком, т. е. эмоциональные, когнитивные и поведенческие компоненты [12].

Методический инструментарий для диагностики родительского отношения также разнообразен. Чаще всего для исследования родительского отношения используются анкетирование родителей, тесты-опросники («Анализ семейных взаимоотношений» Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса, «Опросник родительского отношения» А.Я. Варги, В.В. Столина, «Методика изучения родительского отношения» Е.С. Шефер и Р.К. Белла, «Взаимодействие “родитель—ребенок”» И.М. Марковской и др.), которые в экспертной практике не защищены от социальной желательности ответов и могут исказить действительное отношение вследствие проявления установочного поведения [13].

Обзор распространенных в современной психологической практике методов и методик, направленных на исследование родительского отношения, показал, что большинство из них представляют собой самоотчетные тесты и опросники, проективные и полупроjektивные методики, предназначенные для диагностики в ситуации психологического консультирования. Большинство разработанных опросных методов позволяют установить либо когнитивный, либо эмоциональный компонент родительского отношения. Поведенческий же компонент родительского отношения может быть установлен только путем включенного наблюдения за взаимодействием родителя и ребенка в различных жизненных ситуациях (либо приближенных к ним, экспериментальных), на что, в частности, направлена «Проба на совместную деятельность» [18; 19].

Актуальной является проблема применения в судебно-психологической экспертизе метода, наиболее адаптированного к экспертным условиям и позволяющего диагностировать особенности родительского отношения к ребенку. Одной из методик исследования родительского отношения в экспертной практике, позволяющих достаточно информативно и надежно решать задачу диагностики особенностей родительской позиции, отношения и типа семейного воспитания, выявить особенности восприятия и переживания родителем характера отношений и взаимодействия с ребенком, является «Родительское сочинение» В.В. Столина [9].

Целью исследования стало изучение с помощью методики «Родительское сочинение» особенностей родительского отношения у разведенных родителей, проходящих судебно-психологическую экспертизу по делам об определении места жительства их детей, в сравнении с родителями из полных, условно гармоничных семей.

Методы исследования

Характеристика выборки. В исследовании приняли участие 120 родителей. Экспериментальную группу составили 60 человек, проходивших экспертизу с целью определения судом места жительства ребенка или порядка общения с отдельно проживающим родителем (из них 30 женщин в возрасте от 25 до 43 лет и 30 мужчин в возрасте от 28 до 62 лет), контрольную группу — 60 родителей (из них 30 женщин в возрасте от 27 до 45 лет и 30 мужчин в возрасте от 31 до 60 лет). Из респондентов экспериментальной группы 18 матерей и 8 отцов на период исследования проживали совместно с ребенком.

Всем участникам исследования было предложено написать сочинение открытого типа в свободной форме на тему «Мой ребенок». Использовался вариант методики «Родительское сочинение» В.В. Столина в адаптации А.И. Тащевой [5].

Как отмечает автор методики В.В. Столин, ее проективный характер требует от эксперта высокой профессиональной культуры и квалификации при интерпретации полученных дан-

ных. Для преодоления проблем интерпретации им была разработана специальная контент-аналитическая процедура на основе выделения смысловых единиц — категорий контент-анализа и их эмпирических индикаторов, присутствующих в текстах респондентов [1]. Исходя из этого, анализ сочинений, написанных родителями, проводился по трем параметрам: «Симпатия—антипатия», «уважение—неуважение», «близость—отдаленность», в которые вошли следующие рубрики:

«Симпатия»: 1) любование, умиление ребенком, одобрение его поступков, благожелательность, удовлетворенность сделанным им; 2) употребление имени ребенка, эмоционально окрашенных слов, ласкательных, уменьшительных суффиксов, его любимых словечек; 3) смягчение или оправдание негативных черт, социальных параметров в характеристике ребенка;

«Антипатия»: 1) негативное отношение к внешности ребенка, негативная оценка черт, даже социально одобряемых, утрирование его отрицательных черт; 2) неблагоприятное отношение к личности, мыслям, чувствам, увлечениям ребенка; 3) раздраженность по поводу динамических черт его поведения, неадекватная раздраженность по отношению к мелочам; 4) негодование, укор, злая ирония по поводу деятельности ребенка, его отношения к взрослым и сверстникам;

«Уважение»: 1) высокая оценка интеллекта, признание достоинств, уважение к занятиям и увлечениям ребенка; 2) указание в личности ребенка социально одобряемых черт; 3) отношение к ребенку как к равному;

«Неуважение»: 1) отрицание способностей, наличия интеллекта, перспектив ребенка; 2) отрицание прав ребенка, занижение его возраста, доминирование, властвование над ним; 3) указание на личностные качества, которые выдают его как неадаптивного (слабый, неответственный, несамостоятельный и пр.);

«Близость»: 1) ощущение родственности, единства (выражения типа «мы», «наш» и т. д.); 2) хорошее знание ребенка (развернутое описание свойств личности ребенка, его мыслей, чувств, мелочей, любимых игр, книг, фильмов, музыки и пр.); 3) оправдание ребенка, скрывание его недостатков;

«Отдаленность»: 1) формальное описание ребенка, перечисление по пунктам его свойств, сухость в описании интимной жизни ребенка; 2) постоянное неупотребление имени ребенка; 3) отстранение, незнание родителями друзей ребенка, его увлечений, забот, проблем, привязанностей.

На первом этапе проводился контент-анализ текстов родительских сочинений в соотношении высказываний подэкспертных с выделенными автором методики категориями. В зависимости от наличия либо отсутствия в сочинении индикаторов указанных категорий в соответствующей графе таблицы результатов придавалось значение 0—1.

Результаты исследования

Показатели категорий и шкал в целом по каждой группе (абсолютные и относительные) приведены в табл. 1.

Таблица 1

Показатели отношения у родителей экспериментальной и контрольной групп

Параметры отношения	Матери эксп. группы, N=30	Отцы эксп. группы, N=30	Матери контр. группы, N=30	Отцы контр. группы, N=30
Шкала «Симпатия»	67 (74%)	48 (53%)	47 (52%)	35 (39%)
1 Любование, умиление ребенком, одобрение его поступков	26 (86,6%)	20 (67%)	23 (77%)	28 (93%)
2 Употребление имени ребенка, эмоционально окрашенных слов	23 (77%)	26 (87%)	22 (73%)	5 (17%)
3 Оправдание негативных черт	18 (60%)	2 (7%)	8 (27%)	2 (7%)
Шкала «Антипатия»	22 (18%)	18 (15%)	8 (7%)	12 (10%)
1 Негативное отношение к внешности ребенка, негативная оценка черт характера	0	0	0	0
2 Неблагожелательное отношение к личности, мыслям, чувствам, увлечениям ребенка	16 (53%)	9 (30%)	0	0
3 Раздраженность по поводу динамических черт поведения ребенка, неадекватная раздраженность	4 (13%)	6 (20%)	8 (27%)	12 (40%)
4 Негодование, укор, злая ирония по поводу деятельности и др. ребенка	2 (7%)	3 (1%)	0	0
Шкала «Уважение»	61 (68%)	74 (82%)	50 (56%)	63 (70%)
1 Высокая оценка, признание достоинств, уважение к занятиям и увлечениям ребенка	26 (86,7%)	28 (93%)	23 (76,6%)	30 (100%)
2 Указание в личности ребенка социально одобряемых черт	27 (90%)	28 (93%)	23 (76,6%)	30 (100%)
3 Отношение к ребенку как к равному	8 (26,6%)	18 (60%)	24 (80%)	3 (10%)
Шкала «Неуважение»	18 (20%)	12 (13,3%)	8 (8,9%)	3 (3,3%)
1 Отрицание способностей и перспектив	0	0	0	0
2 Отрицание прав ребенка, занижение его возраста, доминирование, властвование	10 (11%)	4 (4,4%)	2 (2,2%)	1 (1,1%)
3 Указание на неадаптивные личностные качества	8 (26,7%)	8 (26,7%)	6 (20%)	2 (6,7%)

Шкала «Близость»		40 (44,4%)	52 (57,8%)	59 (65,6%)	56 (62,2%)
1	Ощущение родственности, единства	17 (56,7%)	25 (83,3%)	27 (90%)	28 (93,3%)
2	Хорошее знание ребенка	13 (43,3%)	24 (80%)	30 (100%)	28 (93,3%)
3	Оправдание ребенка	10 (33,3%)	3 (10%)	2 (6,7%)	0
Шкала «Отдаленность»		21 (23,3%)	27 (30%)	2 (2,2%)	11 (12,2%)
1	Формальное описание ребенка	7 (23,3%)	10 (33,3%)	0	3 (10%)
2	Постоянное неупотребление имени ребенка	9 (30%)	8 (26,7%)	2 (6,7%)	8 (26,7%)
3	Отстраненность, незнание друзей ребенка, его увлечений, забот, проблем	5 (16,7%)	9 (30%)	0	0

Примечание: наполнение рубрик в таблице приводится сокращенно.

Различия оказались статистически незначимы по критерию Манна—Уитни ($p > 0,05$). Вместе с тем качественный анализ показателей и особенностей выполнения сочинения выявил ряд особенностей. Время, которое затрачивалось на написание сочинения, в целом не различалось в сравниваемых группах. Общий объем написанного сочинения матерями обеих групп был несколько больше по сравнению с отцами, которые не очень охотно выполняли задание. Родители из экспериментальной группы, в основном отцы, чаще испытывали трудности при выполнении задания, ссылались, что плохо писали сочинения в школе, не знают, о чем именно писать, интересовались необходимым объемом текста.

В экспериментальной группе матери и отцы, которые проживали отдельно с детьми на период исследования, нередко использовали жанр письма своему ребенку. Этим письмам были свойственны, например, такие высказывания: *...Думаю, что мы с тобой наладим наши взаимоотношения и будем с тобой вместе. Я уверена, что ты будешь хорошим человеком, успешным в жизни профессионалом, любящей мамой и женой, будешь заботиться о родных и близких тебе людях. ...Ты самая лучшая, внимательная и отзывчивая девочка. Всегда будь и оставайся такой, я тебя очень люблю.*

Родители экспериментальной группы часто описывали текущую, конфликтную ситуацию или негативное влияние на ребенка родителя, проживающего с ним совместно, например: *...Он там подросток, стал много что замечать, высказывать свои мысли, при этом также дерзить, капризничать и возмущаться; ...Если бы моя бывшая жена не клеветала бы на меня моей дочери и не настраивала бы против, то я с дочерью прекрасно бы общался, были бы в большой дружбе и доверии.* Те родители, которые проживали совместно с ребенком, часто вообще не упоминали другого родителя, обходили тему его взаимоотношения с ребенком.

Родители обеих групп в целом позитивно, тепло описывали своих детей, отцы акцент делали на интеллектуальном и личностном развитии, поощряли такие качества и поведение, как достижение успехов, а матери — послушание. Также отцы контрольной группы чаще проявляли раздражение по поводу поведения ребенка в быту, нарушений дисциплины.

Родители обеих групп называли положительные качества своих детей, чаще такие, как доброта, любознательность, коммуникабельность, ответственность, активность, а критически оценивали их лень, упрямство, рассеянность, вспыльчивость. Родителям хотелось видеть

своих детей достигшими успеха и высоких результатов (на первом месте по числу упоминаний), аккуратными, целеустремленными, трудолюбивыми, смелыми, уверенными в себе.

Родители экспериментальной группы содержательнее и чаще, чем родители контрольной группы, говорили о собственном вкладе в ребенка, связывали положительные качества и достижения детей, которыми они гордятся, со своими усилиями, считали их своей родительской заслугой. Например: *...С детского сада именно я занимаюсь воспитанием и проявляю ласку и заботу за моей доченькой; Я с детства прививал им качества быть честными и ответственными и мне это удастся; Я смог привить Саше интерес к шахматам, языку, истории, теперь могу гордиться, что у меня получилось.*

Родители же экспериментальной группы больше репрезентировали близкие, теплые отношения с ребенком и общность «мы».

По параметру «Симпатия—антипатия» в обеих группах родители примерно в равной мере любовались, умилялись ребенком, одобряли его поступки, проявляли благожелательность. Например: *...Мой ребенок как солнышко, от него всегда тепло и ясно; Моя дочь София, самый любимый, желанный, самый лучший ребенок на свете; С рождения Анечка является для меня самым дорогим, светлым, ласковым человеком, она как солнечный лучик для всех.*

При этом в контрольной группе родители смягчали или оправдывали негативные черты и поступки своего ребенка, проявляемые больше на бытовом уровне (не соблюдает режим дня, не убирает постель, не всегда чистит зубы и т. п.) и оправдывали это возрастом ребенка, его незрелостью, некомпетентностью, состоянием, загруженностью и т. д. В экспериментальной группе смягчение или оправдание негативных черт, поступков имело другое проявление в поведении детей и иные причины. Так, чаще описывалось негативное поведение, использовались высказывания в отношении того родителя, который проживал отдельно с ребенком. Причиной негативного поведения родитель считал влияние актуального ближайшего окружения на ребенка, а не его действительное отношение к родителю. При этом порой негативное отношение ребенка к отдельно проживающему родителю оправдывалось негативным поведением самого этого родителя, считалось «заслуженным» им.

Отцы контрольной группы несколько больше любовались ребенком, одобряли его поступки, испытывали удовлетворенность сделанного им. В экспериментальной группе отцы, которые проживали отдельно от ребенка, выражали меньше одобрения к его поступкам, поведению и отношению к родителю, при этом больше использовали ласкательные слова в адрес ребенка.

По сравнению с матерями в экспериментальной группе у отцов смягчение негативных черт ребенка было менее выражено. Например: *...В душе я поняла, что мой сыночек, мой Владик, по-прежнему помнит и любит, где-то глубоко в душе у него остались теплые воспоминания, которые ему нельзя сейчас показать; Я знаю, что она все равно любит меня, ей нужна мама, она сейчас говорит не своими словами.* Вероятно, это обусловлено большим пониманием матерями, живущими отдельно со своим детьми, их эмоционального состояния. С этим же фактором связано проявляемое родителями той же группы негативное отношение к мыслям, чувствам ребенка как «не своим», навязанными извне. Более критично матери, живущие с детьми отдельно, относились к их увлечениям, считали их неподходящими, вредными, а, с другой стороны, также критично относились к отсутствию занятий, способных развить ребенка, воспринимая это как способ усилить доминирование над ребенком со стороны отца, ограничив общение вне диады «отец—ребенок». Такие особенности не

встречались у родителей контрольной группы. В экспериментальной группе родителями, проживающими отдельно, частым являлось описание слабости характера ребенка, неспособность проявить самостоятельность в связи с влиянием окружения. Хорошее знание увлечений, любимых занятий и интересов ребенка особенно полно демонстрировали родители экспериментальной группы, проживающие совместно с ребенком.

В обеих группах не отмечалось негативного отношения к внешности ребенка с негативной оценкой его черт или утрированием отрицательных характеристик.

В контрольной группе раздраженность по поводу динамических черт поведения была связана у родителей преимущественно с повышенной физической активностью ребенка, непослушанием, неаккуратностью, небрежливостью к вещам (*все раскидывает, не ценит, не хочет запомнить, что мальчики должны поднимать сидение унитаза, все пачкает*). Раздражение вызывал беспорядок, неукладывание на место своих вещей, разбрасывание школьных принадлежностей, оставление после себя грязной посуды и т. п. В экспериментальной группе такие особенности практически не проявились.

Выражение негодование или укора, злой иронии по поводу деятельности ребенка, его отношений отсутствовало в обеих группах.

По параметру «Отдаленность» матери экспериментальной группы, которые проживали совместно со своими детьми, несколько чаще, чем матери контрольной группы, описывали ребенка формально, с перечислением его черт характера и рода занятий, без употребления имени ребенка, используя варианты «мой ребенок», «мой сын», «дочь».

Родители экспериментальной группы чаще по сравнению с контрольной солидаризировались со своим ребенком, видели в нем продолжение себя или такие же черты характера. Например: *...В каждом ребенке есть что-то от меня, и я это вижу и мне это очень приятно, видеть продолжение себя; старшая дочь полностью моя душа, один в один такая же ранимая, как я был в детстве, переживательная. Младшая, смотрю на ее руки, они полностью мои!* Матери этой группы несколько занижали возможности своего ребенка, относились к нему более снисходительно, как к маленькому, несамостоятельному, менее выражено было отношение, адекватное возрасту и компетенциям ребенка.

Матери контрольной группы чаще упоминали о недостатках ребенка, не скрывали их, не считали это следствием своей родительской некомпетентности. В то же время матери экспериментальной группы чаще оправдывали ребенка, особенно в ситуации раздельного проживания с ним, списывали недостатки на влияние ближайшего неблагоприятного поведения родственников, подчеркивая несамостоятельность и зависимость ребенка от них.

Кроме того, родители экспериментальной группы часто описывали текущую конфликтную ситуацию или негативное влияние на ребенка родителя, проживающего с ним совместно; содержательнее и чаще говорили о собственном вкладе в ребенка, своих родительских компетенциях, достижениях. Эта же группа больше репрезентировала общность «мы», смягчала, оправдывала негативные черты, поступки детей влиянием актуального ближайшего окружения на ребенка. Негативное отношение ребенка к отдельно проживающему родителю оправдывалось негативным поведением самого этого родителя, считалось «заслуженным» им, а родители, которые проживали совместно с ребенком, часто вообще не упоминали другого родителя. Родители, проживающие отдельно, чаще описывали слабости характера ребенка, неспособность проявить самостоятельность в связи с влиянием окружения, не одобряли увлечений ребенка.

Параметр «Симпатия» чаще встречался у родителей экспериментальной группы, а в рубрике «Оправдание негативных черт» у матерей выявлялась значительная разница. Матери определяли, «оправдывали» негативное поведение ребенка влиянием его актуального ближайшего окружения, ситуацию, в которой он находился на период исследования. По этой же причине, по шкале «Антипатия» в экспериментальной группе у родителей, живущих врозь с ребенком, более выражены особенности в виде неблагожелательного отношения к мыслям, чувствам, увлечениям ребенка, отстраненность, незнание его забот, друзей и т. д. Отцы экспериментальной группы больше проявляли симпатию в виде употребления ласковых слов, имени ребенка.

Родители контрольной группы больше выражали уважительное отношение к ребенку, относились к нему как к равному. Матерям экспериментальной группы, проживающим совместно с ребенком, более свойственно отрицать права ребенка, проявлять позицию доминирования, инфантилизировать ребенка, считая его менее самостоятельным. При этом они чаще декларировали собственный вклад в ребенка, свои родительские компетенции и достижения.

Ощущение родственности, единства, хорошее знание ребенка было более выражено по шкале «Близость» у родителей контрольной группы. В экспериментальной группе родители, проживающие раздельно с ребенком на период исследования, формально описывали ребенка, не проявляли знания его действительных забот, интересов, друзей, что могло быть связано как с объективным отдалением от ребенка в условиях раздельного проживания и препятствий для общения, так и с субъективными причинами (новым браком, появлением в семье ребенка, занятостью и др.).

Выводы

Качественный анализ полученных данных позволяет сделать вывод об информативности методики «Родительское сочинение» В.В. Столина в условиях судебно-экспертного психологического обследования родителей с целью установления их родительского отношения к детям, по поводу места жительства которых идет спор, а также в отношении которых решается вопрос об участии отдельно проживающего родителя в их воспитании. Методика успешно репрезентирует особенности действительного родительского отношения, за счет проективного характера преодолевает ограничения, связанные с социальной желательностью, при глубоком качественном анализе дает эксперту ценную информацию. Безусловно, использование только одной методики при производстве экспертизы не практикуется. Представленные результаты отражают только часть исследования с применением различных средств диагностики родительского отношения. Дальнейший анализ данных будет направлен на сопоставление результатов, полученных с помощью различных диагностических средств, а также на установление различий между родителями, живущими вместе и раздельно с ребенком.

Литература

1. Бодалев А.А., Столин В.В. Общая психодиагностика. СПб: Речь, 2000. 440 с.
2. Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарика, 2003. 447 с.
3. Варга А.Я. Структура и типы родительского отношения: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1987. 25 с.
4. Варга А.Я. Тест-опросник родительского отношения // Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы / Под ред. А.Я. Варги, В.В. Столина. М.: МГУ, 1988. 128 с.

5. Диагностика и коррекция детско-родительских отношений: Практикум / Автор-сост. О.Н. Истратова. Ростов-на-Дону: Феникс, 2017. 316 с.
6. Дружинин В.Н. Психология семьи. 3-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 208 с.
7. Искольдский Н.В. Исследование привязанности ребенка к матери // Вопросы психологии. 1985. № 6. С. 146–152.
8. Кернберг О. Агрессия при расстройствах личности и перверсиях. М.: Класс, 1998. 368 с.
9. Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи: Учебное пособие-практикум. 2-е изд., стер. М.: Академия, 2007. 432 с.
10. Макаренко А.С. Цель воспитания: Учебное пособие. М.: Педагогика, 1984. 380 с.
11. Малер М., Пайн Ф., Бергман А. Психологическое рождение человеческого младенца. Симбиоз и индивидуация. М.: Когито-Центр, 2011. 412 с.
12. Русаковская О.А. Проблемы судебно-психиатрической экспертизы по искам об ограничении родительских прав лиц с психическими расстройствами // Российский психиатрический журнал. 2018. № 6. С. 27–34.
13. Русаковская О.А., Калашиникова А.С., Харитоновна Н.К., Сафуанов Ф.С. Актуальное состояние и проблемы комплексной психолого-психиатрической экспертизы по спорам о воспитании [Электронный ресурс] // Российский психиатрический журнал. 2021. № 1. С. 24–36. doi:10.47877/1560-957X-2021-10103
14. Русаковская О.А., Новикова-Грунд М.В., Андрианова С.Б. Психосемантический подход к оценке родительского отношения [Электронный ресурс] // Российский психиатрический журнал. 2019. № 4. С. 27–35. doi:10.24411/1560-957X-2019-11933.
15. Русаковская О.А., Сафуанов Ф.С., Харитоновна Н.К. Актуальные вопросы участия специалистов в судебных спорах о воспитании детей раздельно проживающими родителями [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. Том 1. № 1. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/39325.shtml> (дата обращения: 15.01.2022).
16. Салливан Г.С. Интерперсональная теория в психиатрии. М.: КСП+; СПб: Ювента, 1999. 347 с.
17. Сатир В. Психотерапия семьи. СПб: Речь, 2000. 283 с.
18. Сафуанов Ф.С. [и др.]. Взаимодействие ребенка с родителем: судебно-психологические экспертные оценки [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 115–132. doi:10.17759/psylaw.2022120110
19. Сафуанов Ф.С. [и др.]. Метод исследования взаимодействия родителя с ребенком в комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе по семейным спорам между родителями о воспитании ребенка [Электронный ресурс] // Российский психиатрический журнал. 2021. № 4. С. 36–47. doi:10.47877/1560-957X-2021-10405
20. Смирнова Е.О. Теория привязанности. Концепция и эксперимент // Вопросы психологии. 1995. № 3. С. 139–150.
21. Харитоновна Н.К., Сафуанов Ф.С., Вострокнутов Н.В., Русаковская О.А. Методологические основы проведения комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз при спорах о праве на воспитание детей // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 3 (35). С. 93–106.
22. Ainsworth M. Attachment: Retrospect and prospect // С.М. Parkes, J. Stevenson-Hinde (eds.). The place of attachment in human behavior. N.Y., 1982.

References

1. Bodalev A.A., Stolin V.V. *Obshchaya psikhodiagnostika*. Saint Petersburg: Rech', 2000. 440 p. (In Russ.).
2. Bowlby J. *Privyazannost' [Attachment]*. Moscow: Gardarika, 2003. 447 p. (In Russ.).
3. Varga A.Ya. *Struktura i tipy roditel'skogo otnosheniya: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk*. Moscow, 1987. 25 p. (In Russ.).
4. Varga A.Ya. *Test-oprosnik roditel'skogo otnosheniya*. In A.Ya. Varga, V.V. Stolin (eds.). *Praktikum po psikhodiagnostike. Psikhodiagnosticheskie materialy*. Moscow: MGU Publ., 1988. 128 p. (In Russ.).
5. Istratova O.N. (ed.). *Diagnostika i korrektsiya detsko-roditel'skikh otnoshenii: Praktikum*. Rostov-on-Don: Feniks, 2017. 316 p. (In Russ.).
6. Druzhinin V.N. *Psikhologiya sem'i*. 3rd ed. Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2000. 208 p. (In Russ.).
7. Iskoldsky N.V. *Issledovanie privyazannosti rebenka k materi. Voprosy psikhologii = Voprosy Psikhologii*, 1985, no. 6, pp. 146–152. (In Russ.).
8. Kernberg O.F. *Agressiya pri rasstroistvakh lichnosti i perversiyakh [Aggression in Personality Disorders and Perversions]*. Moscow: Klass, 1998. 368 p. (In Russ.).
9. Liders A.G. *Psikhologicheskoe obsledovanie sem'i: Uchebnoe posobie-praktikum*. 2nd ed. Moscow: Akademiya, 2007. 432 p. (In Russ.).
10. Makarenko A.S. *Tsel' vospitaniya: Uchebnoe posobie*. Moscow: Pedagogika, 1984. 380 p. (In Russ.).
11. Mahler M.S., Pine F., Bergman A. *Psikhologicheskoe rozhdenie chelovecheskogo mladentsa. Simbioz i individuatsiya [The Psychological Birth of the Human Infant. Symbiosis and Individuation]*. Moscow: Kogito-Tsentr, 2011. 412 p. (In Russ.).
12. Rusakovskaya O.A. *Problemy sudebno-psikhiatricheskoi ekspertizy po iskam ob ogranichenii roditel'skikh prav lits s psikhicheskimi rasstroistvami [Problems of forensic-psychiatric assessment in litigation over limiting parental rights of individuals suffering from mental disorders]. Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2018, no. 6, pp. 27–34 (In Russ.).
13. Rusakovskaya O.A., Kalashnikova A.S., Kharitonova N.K., Safuanov F.S. *Aktual'noe sostoyanie i problemy kompleksnoi psikhologo-psikhiatricheskoi ekspertizy po sporam o vospitanii [The current state and problems of complex psychological and psychiatric evaluation in child custody disputes] [Elektronnyi resurs]. Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2021, no. 1, pp. 24–36. doi:10.47877/1560-957X-2021-10103 (In Russ., abstr. In Engl.).
14. Rusakovskaya O.A., Novikova-Grund M.V., Andrianova S.B. *Psikhosemanticheskii podkhod k otsenke roditel'skogo otnosheniya [The psychosemiotic approach towards assessment of parental attitude] [Elektronnyi resurs]. Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2019, no. 4, pp. 27–35. doi:10.24411/1560-957X-2019-11933 (In Russ., abstr. In Engl.).
15. Rusakovskaya O.A., Safuanov F.S., Kharitonova N.K. *Aktual'nye voprosy uchastiya spetsialistov v sudebnykh sporakh o vospitanii detei razdel'no prozhivayushchimi roditelyami [Current issues of experts' participation in child custody in the event of parents' separation] [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2011. Vol. 1, no. 1. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/39325.shtml> (Accessed 15.01.2022). (In Russ.).
16. Sullivan H.S. *Interpersonal'naya teoriya v psikhiatrii [The Interpersonal Theory of Psychiatry]*. Moscow: KSP+; Saint Petersburg: Yuventa, 1999. 347 p. (In Russ.).

Полкунова Е.В.

Применение методики «Родительское сочинение» в целях установления родительского отношения при проведении судебной психологической экспертизы по спорам, связанным с воспитанием детей
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 39–51.

Polkunova E.V.

Application of the “Parent Essay” to Study Parental Attitudes in Forensic Psychological Examination

Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 39–51.

17. Satir V. *Psikhoterapiya sem'i*. Saint Petersburg: Rech', 2000. 283 p. (In Russ.).
18. Safuanov F.S. et al. *Vzaimodeistvie rebenka s roditelem: sudebno-psikhologicheskie ekspertnye otsenki* [Parent-Child Interaction: Forensic and Psychological Expert Evaluations.] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 115–132. doi:10.17759/psylaw.2022120110 (In Russ.).
19. Safuanov F.S. et al. *Metod issledovaniya vzaimodeistviya roditelya s rebenkom v kompleksnoi sudebnoi psikhologo-psikhiatricheskoi ekspertize po semeinym sporam mezhdou roditelyami o vospitanii rebenka* [The method of studying the interaction of a parent with a child in a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of family disputes between parents about the upbringing of a child]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2021, no. 4, pp. 36–47. doi:10.47877/1560-957X-2021-10405 (In Russ.).
20. Smirnova E.O. *Teoriya privyazannosti. Kontseptsiya i eksperiment. Voprosy psikhologii = Voprosy Psikhologii*, 1995, no. 3, pp. 139–150 (In Russ.).
21. Kharitonova N.K., Safuanov F.S., Vostroknutov N.V., Rusakovskaya O.A. *Metodologicheskie osnovy provedeniya kompleksnykh sudebnykh psikhologo-psikhiatricheskikh ekspertiz pri sporakh o prave na vospitanie detei. Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy = Theory and Practice of Forensic Science*, 2014, no. 3 (35), pp. 93–106 (In Russ.).
22. Ainsworth M. *Attachment: Retrospect and prospect*. In Parkes C.M., Stevenson-Hinde J. (eds.). *The place of attachment in human behavior*. N.Y., 1982.

Информация об авторах

Полкунова Елена Владленовна, ведущий государственный судебный эксперт, Тамбовская лаборатория судебной экспертизы Минюста России (ФБУ Тамбовская ЛСЭ Минюста России), г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4346-4118>, e-mail: lenaaks@mail.ru

Information about the authors

Elena V. Polkunova, Leading State Forensic Expert, Tambov forensic laboratory of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Tambov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4346-4118>, e-mail: lenaaks@mail.ru

Получена 30.04.2022

Принята в печать 30.06.2022

Received 30.04.2022

Accepted 30.06.2022

Проблемные зоны экспертного исследования по факту суицида у несовершеннолетних

Савина О.Ф.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7548-5239>, e-mail: psychol1@yandex.ru

Морозова М.В.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3788-209X>, e-mail: marina@serbsky.ru

Проведен психологический анализ 41 КСППЭ по факту смерти (суицида) у несовершеннолетних. Цель работы: определение психологических феноменов, маскирующих истинные переживания и состояния подростков перед реализацией суицида. Были выделены значимые категории анализа, задающие структуру исследования данного предметного вида КСППЭ. Описаны различные проявления образа Я у несовершеннолетних, определяемые подвижностью психики и процессами адаптации к различным жизненным обстоятельствам, требованиям, ожиданиям микросоциума; отсутствие у значительной части суицидентов внешних устойчивых признаков снижения настроения и суицидальной готовности. Раскрыт феномен маскированности пресуицидальных состояний у подростков, его предикторы и механизмы. Выявленная диссоциация между отсутствием внешних проявлений пресуицидального состояния, объективно острой психотравмирующей ситуации и самим поступком затрудняет оценку меры субъективной непереносимости для несовершеннолетнего его положения, определение истинных мотивов и поводов суицида, транслируемых и скрывааемых эмоций.

Ключевые слова: комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, суицид несовершеннолетних, экспертные критерии оценки, суицидоопасные состояния, маскирующие психологические феномены.

Для цитаты: Савина О.Ф., Морозова М.В. Проблемные зоны экспертного исследования по факту суицида у несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 52–65. DOI:10.17759/psylaw.2022120305

Problem Areas of Expert Research on the Fact of Suicide in Minors

Olga F. Savina

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7548-5239>, e-mail: psyhol1@yandex.ru

Marina V. Morozova

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3788-209X>, e-mail: marina@serbsky.ru

The psychological analysis of 41 complex inpatient psychological and psychiatric examination of the suicidal state of minors was carried out. The purpose of the work: to identify psychological phenomena that mask the true experiences and states of adolescents before the realization of suicide. Significant categories of analysis have been identified that determine the structure of this expert study. Various manifestations of the self-image in minors are described, determined by the mobility of the psyche and the processes of adaptation to various life circumstances, requirements, expectations of the microsocium; the absence of external stable signs of mood decline and suicidal readiness in a significant part of suicides. The phenomenon of masking pre-suicidal states in adolescents, its predictors and mechanisms are revealed. The revealed dissociation between the absence of external manifestations of the presuicidal state, an objectively acute psychotraumatic situation and the act itself makes it difficult to assess the measure of subjective intolerance for a minor of his position, to determine the true motives and reasons for suicide, broadcast and hidden emotions.

Keywords: comprehensive forensic psychological and psychiatric examination, juvenile suicide, expert evaluation criteria, suicidal states, masking psychological phenomena.

For citation: Savina O.F., Morozova M.V. Problem Areas of Expert Research on the Fact of Suicide in Minors. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 52–65. DOI:10.17759/psylaw.2022120305 (In Russ.).

Введение

Суициды детей и подростков признаны значимым тревожным социальным явлением: хотя, по данным Росстата, число суицидов среди несовершеннолетних в России и имеет тенденцию к снижению, но превышает соответствующие мировые показатели. В связи с этим проблема суицида в среде несовершеннолетних требует всестороннего изучения и разработки научным сообществом [1; 2; 4; 6], в том числе и в рамках экспертологии.

Комплексные судебные психолого-психиатрические экспертизы по факту смерти несовершеннолетних с суицидальным поведением (будем называть их посмертными) решают задачу реконструкции динамики психического (эмоционального) состояния субъекта с учетом особенностей его личности и конкретных обстоятельств. Они относятся к числу наиболее сложных видов экспертных исследований, поскольку экспертное суждение формируется только на основании ретроспективного анализа материалов уголовного дела, что предполагает их максимально полный, исчерпывающий характер, а также предъявляет высокие требо-

вания к профессиональным компетенциям эксперта. Сведения, содержащиеся в уголовном деле, о проблемах, переживаниях, личности погибшего часто субъективны, достаточно пристрастны и противоречивы либо же однотипны и формальны. Посмертная экспертиза, будучи лишена информации об оценках суицидентом своих действий, в то же время позволяет увидеть в единстве разные составляющие суицидальной активности и суицида как таковых.

Следственные органы нередко не вполне четко представляют себе возможности психолога-эксперта, порой назначают экспертизу, хотя еще нет доказательной правовой оценки, что имел место суицид. Они пытаются заполнить дефицит объективной информации, ставя перед психологом различные гипотетические вопросы, ожидая квалификации факта суицида (дифференцировки с несчастным случаем, убийством), выявления неизвестных лиц, виновных в доведении до самоубийства, раскрытия механизмов без сведений о предшествующих событиях, контактах и переживаниях погибшего. В то же время важно понимание юристами и экспертами, что в некоторых случаях даже длительное и тщательное расследование не позволит установить особенности и содержание внутреннего мира суицидента (он этим ни с кем не делился) — сколько бы допросов проведено ни было, верифицирующая информация никогда не будет получена, и причины такого поступка останутся неизвестны [15]. В других же ситуациях затруднения в вынесении экспертного заключения могут быть связаны с маскированностью суицидальных тенденций, обыденностью содержания показаний, не фиксирующих каких-то экстраординарных фактов и наблюдений. Риск необоснованного суждения является для эксперта внутренней преградой, ведет к отказу от принятия вообще какого-либо решения, что приводит к дополнительным и повторным экспертизам в связи с якобы обоюдными недоработками юристов и специалистов.

В Центре имени В.П. Сербского психологами и психиатрами проводится большое многоэтапное исследование [7; 10; 11; 12; 13; 14], где суицид несовершеннолетних рассматривается в широком контексте деструктивного, аддиктивного поведения; подвергаются анализу различные протектирующие рост числа самоубийств факторы, в том числе психопатологические, социально-демографические и социально-психологические, в частности, включенность в интернет-сообщества, группы, социальные сети. Исследователями сформулированы основные организационные и методологические положения производства таких КСППЭ, определены подходы и модели анализа и оценки суицидального поведения.

Несмотря на внимание к этой проблеме, у практиков посмертные экспертизы несовершеннолетних вызывают большое количество вопросов, что обусловлено и спецификой самого контингента. Помимо вариативности социальных предикторов и внешних факторов суицидального поведения для подростков значим аспект формирующейся психики: ее незрелость; неустойчивость мотивационно-ценностной системы; неполная интегрированность самознания, образа Я; повышенная зависимость от внешних воздействий; разрыв между декларируемой взрослостью и истинной инфантильностью; субъективность (протрагированность и/или облегченность) интерпретации событий с легкостью возникновения внутриличностных конфликтов при недостаточной сформированности механизмов их преодоления; неспособность справиться с переживаниями при их остроте и драматичности; недопонимание необратимости суицидального поступка — желание «умереть не до конца», изменить ситуацию и готовность к риску при низкой компетенции [3].

Цель исследования — определение психологических феноменов, маскирующих истинные переживания и состояния подростков перед реализацией суицида.

Программа исследования. Материал и методы

Проведен психологический анализ 112 КСППЭ по факту смерти несовершеннолетних, выполненных в отделении и лаборатории психологии Центра с 2016 по 2021 г. Из них были исключены случаи, содержащие отказ от вынесения суждений из-за недостаточности данных в материалах уголовных дел для оценки состояния в период, предшествующий гибели, а также случаи с психопатологическими механизмами суицидов, однако исследовались заключения не только психически здоровых подростков, но и тех, которым психиатрами был установлен диагноз, а в механизме образования их суицидальной активности в значительной степени были представлены психологические (патопсихологические) закономерности на фоне возрастных особенностей развития. В результате были отобраны материалы 41 КСППЭ с обоснованием психологических механизмов развития пресуицидального состояния и реализации самого суицида. Возраст суицидентов колебался от 9 до 17 лет: 22 человека — от 16 до 17 лет; 16 человек — 14—15 лет; 2 человека — 13 лет; 1 — 9 лет. Из них 17 лиц мужского пола, 24 — женского.

Метод исследования: ретроспективный анализ материалов уголовных дел, включая герменевтический анализ письменной и рисуночной продукции, переписки в Интернете. В качестве предварительной гипотезы выступило предположение о том, что для подростков характерен феномен маскированности суицидоопасного состояния. Были выделены экспертно значимые категории для анализа заключений, куда помимо возраста, наличия проявлений психического расстройства вошли: уровень социальной адаптации; успешность в учебе; наличие жизненных перспектив, планов на будущее; отношения с родителями и сверстниками; содержание доминирующих негативных переживаний; наличие упоминаний о суициде, его репрезентированность в сознании; наличие маскирующих феноменов; механизмы суицида.

Результаты и обсуждение

При анализе материала по указанным категориям было выявлено следующее. У 25 несовершеннолетних отношения с родителями оценивались как хорошие, у 11 — формально нормальные, неустойчивые или хорошие с одним из родителей, все они были из достаточно благополучных семей. 30 несовершеннолетних не обнаруживали выраженных нарушений адаптации, были достаточно общительны. У 28 подростков механизмы суицида аффективные, из них 7 — импульсивные, спонтанные. По содержанию переживаний у 20 человек — протест, обида; у 5 — самообвинение; у 6 — любовные переживания; у 6 — смысловые, экзистенциальные; 4 суицида отказа от жизни в связи с отсутствием сил справиться с проблемами и переживаниями. У 29 суицидентов обнаруживались маскированные суицидальные тенденции за счет легкости переключения в разных обстоятельствах, не было устойчивого снижения настроения, заметного окружающим, при этом более половины несовершеннолетних (23) часто упоминали о суициде. Содержательно эти показатели будут раскрыты далее в статье.

В результате проведенной обработки обратило на себя внимание значительное число случаев с отсутствием устойчивого снижения настроения у суицидентов, их включенность в разные сферы жизни, наличие жизненной перспективы, а часто и конкретной программы, что сочеталось с интересом к суициду как явлению, реальной проекцией его на себя, суицидальными высказываниями в анамнезе. Мысль о суициде во внутренней картине мира у них существовала с комплексом мотивов противоположной направленности, не вызывая когнитивного диссонанса, борьбы мотивов и не формируя внутриличностного конфликта. В рам-

как обсуждения полученных результатов проанализируем психологические механизмы указанного феномена.

У несовершеннолетних психика отличается высокой подвижностью, подросток в настоящее время живет в широком информационно-событийном поле, его жизнь протекает как бы на различных «орбитах», между которыми он легко переключается либо «вынужден» это делать. Самосознание и личность находятся в процессе формирования, его Я достаточно диффузно, поэтому быть разным при смене условий и окружения в большей части достаточно естественно, как сознательно, так и спонтанно. Это способ включения в социум, когда подросток, «примеряя» на себя различные роли, адаптируется к разным сферам жизни со специфичными для каждой из них приоритетами и ценностями, формами реагирования и степенью «допуска» к собственному внутреннему миру в зависимости от внешних обстоятельств. При этом «статусы-личности» могут быть не тождественны, а потребности в самоинтеграции зачастую нет. При гармоничном развитии они имеют существенные пересечения и базируются на едином личностном ядре, при неблагоприятном — не только не сближены, но и противостоят друг другу. Так, инфантильными подэкспертными утрированная многоликость собственного Я даже рефлексивируется, а порой его составляющие персонифицируются, получая имена и относительно цельную характеристику, зону ответственности за различные аспекты бытия, принятия решений, форму, методы самовыражения. Это своеобразный способ адаптации к реальности, являющийся, по сути, и копинг-стратегией, и защитным механизмом, снижающим внутреннее напряжение, смещающим locus контроля.

С учетом выделенных ранее параметров экспертного анализа представим обобщенные варианты проявления Я подростка-суицидента.

Семья — социальный институт, который оказывает определяющее влияние на формирование ребенка в детстве, закладывая основы его ценностей, жизненных установок, самопринятия, самооценки и доверия к миру, систему долженствований. Опыт семейного взаимодействия интегрируется и приводит к возникновению различных личностных смыслов у подростка — от неприятия и обвинения родителей до любви (иногда безответной), желания угождать или, наоборот, к становлению рентажных и потребительских установок, меркантильной позиции. Эффект от влияния родителей на психическое развитие сына или дочери может быть как положительным (в разной степени выраженности), так и отрицательным — в ситуациях семейного неблагополучия (в нашем материале 5 случаев). Оно имеет разное качественное выражение — неисполнение родительских обязанностей (например, оставление ребенка в опасности, неудовлетворение базовых потребностей, алкоголизм родителей), эмоциональная депривация и формальность взаимодействия, проявление жестокости или агрессии.

В наших наблюдениях преобладает обратный вариант — семья представляется внешне благополучной, что не всегда сопряжено с реальным комфортом ребенка в ней. В большинстве случаев у родителей, что следует из их показаний, имеется ложное представление о близости и доверительности контакта с ребенком, поскольку он транслирует им ожидаемые от него установки и оценки. В основе этого лежит желание либо соответствовать представлениям близких и не расстраивать их, либо избежать наказания и нравучений. Часто в процессе семейного общения он и ощущает себя именно таким, хотя внутренние переживания гораздо глубже, не всегда осознаются до конца, могут вытесняться, а иногда и скрываться, поскольку именно в них несовершеннолетний может быть особенно уязвим.

Родители, считающиеся социально благополучными, часто склонны предъявлять детям крайне высокие требования и ориентиры, достижение которых не отвечает их наклонностям, возможностям и ресурсам. Высокая значимость успеха, интериоризированная несовершен-

нолетним от родителей, провоцирует у него постоянное эмоциональное напряжение, переоценку неудач с приравниванием их к жизненной трагедии. Наиболее неблагоприятно, если родители фактически отождествляют подростка с его достижениями, лишая его самооценки и не удовлетворяя потребность в безусловной любви. В ходе анализа материалов уголовных дел зачастую обращает на себя внимание то, что при описании ребенка родители воссоздают идеальный или, наоборот, противоположный желаемому образ, при этом они оба, как правило, далеки от реального.

В отдельных случаях, которые заслуживают особого внимания, подростки упоминали, а иногда и достаточно явно сообщали родителям о суицидальных мыслях. Однако вместо попытки разобраться во внутренних побуждениях ребенка, что давало родителю шанс уберечь его от непоправимого, следовало увещание: это «плохие мысли» и такой способ ухода из жизни допускают «только слабые люди». Иногда такие высказывания трактовались в семье как шутка или воспринимались как шантаж и манипуляция. Среди анализируемых посмертных экспертиз не было случаев, где родители задумывались над словами ребенка, фиксировали их как опасный сигнал, стремились понять причины и содержание его переживаний. В наших материалах, как правило, родители, концентрировались на моментах, значимых для взрослого с точки зрения перспектив, планов, социальной успешности их отпрыска (пробелы в учебе, плохие оценки, конфликты в школе). Для решения не корригируемых традиционными «домашними» методами проблем они выбирали считающиеся эффективными стратегии, например, сменить среду обитания и обстановку для ребенка; вырывая его из привычной атмосферы, они нередко усугубляли его психологическое состояние. В лучшем случае сына или дочь посылали к школьному или частно практикующему психологу, не устанавливая обратной связи и не возвращаясь к этой теме, если ребенок сам ее не актуализировал или же отказывался от дальнейших посещений специалиста.

Образовательное учреждение. Большинство подростков, совершивших суицид, учились в школе, лицее или колледже, при этом нередко меняли места обучения в связи со сменой места жительства или переходом в специализированные классы с перспективой на будущее, а отдельные — из-за конфликтов в классе. Представленные в материалах дела характеристики, показания преподавателей преимущественно отличались формальностью, без описания каких-либо проблем у ученика, а, наоборот, с акцентом на отсутствие буллинга, что обусловлено как незнанием проблем ученика, так и естественными защитными тенденциями, нежеланием бросать тень на учреждение. Более или менее развернутые характеристики личности погибшего часто разнятся с описанием родителей; это определяется тем, что в учебной деятельности подросток, адаптируясь к среде, проявляет себя несколько иначе, чем дома. За исключением единичных случаев преподаватели не были информированы о суицидальных мыслях учеников, но иногда отмечали потребность в психологической помощи, высказывали рекомендации родителям индивидуально обратиться к школьному психологу за консультацией.

Из материалов дела прослеживается и то обстоятельство, что проводимые профилактические мероприятия, включая тестирование на определение суицидального риска, не дают ожидаемого результата, а иногда именно из таких бесед ученики узнают о суицидах в среде несовершеннолетних и способах их совершения. Тесты же отражают суицидальную настроенность, только если мысли о самоубийстве устойчивые, доминирующие, а ответы даются искренне, без учета социальной желательности, что не свойственно подросткам с учетом особенностей их психики и жизненных установок, если не существует индивидуального доверительного контакта.

Очень редко в материалах дела содержится информация об отрицательной динамике психологического, эмоционального состояния ученика, наоборот, обычно отмечают, что он был активен, строил планы на будущее, участвовал в общих делах класса либо вел себя, как обычно, ничем не выделяясь. Это нельзя объяснить исключительно невниманием педагогов к настроению своих подопечных: будучи включенным в учебный процесс и коллективную деятельность, подросток отвлекается от отрицательных эмоций и переключается на актуальное «поле».

Показания соучеников, как свидетельствует проведенный нами анализ, зависят от сплоченности класса, наличия в нем неформальных групп, близости общения потерпевшего с другими. Чем формальнее взаимодействие в процессе учебы, тем однотипнее показания и больше их пересечение со свидетельствами преподавателей. Наряду с этим часто отмечается иной ракурс личностной самореализации подростка среди одноклассников, зависящий от групповой динамики, сочетания индивидуальных и общих приоритетов, доступных и эффективных способов коммуникации, доверительности и открытости в общении, желаемого образа Я в кругу сверстников, а также статуса, роли и имиджа в восприятии его коллективом. Нередко соученики припоминают, если не интерес погибшего к теме суицида, то наличие отдельных ситуативных высказываний о подобном способе решения трудностей, чему они раньше не придавали значения, поскольку не только декларация таких намерений, но и даже аутоагрессивные действия (самопорезы, в том числе демонстративные, попытки отравления) не воспринимались как реально угрожающие жизни.

В кругу **близких друзей**, ценности которых он разделяет или принимает дабы не быть отвергнутым, даже если они входят в противоречие с его принципами, проявляется еще одна «статус-личность» подростка. В референтной группе несовершеннолетний реализует потребности в интимно-личностном общении, самоактуализации. Подростку важно иметь эмоциональный резонанс, занять комфортную для себя нишу с дифференцированным соотношением доминирования и подчинения. В этой сфере позиции и роли динамичны и не имеют жесткой регламентации — в одних условиях можно вдруг стать лидером, в других неожиданно изгоем. Подросток среди близких друзей наиболее уязвим к отрицательным сигналам, переживает их глубоко лично и, как правило, мало с кем может поделиться. В результате многие аспекты своего реального Я для сохранения общности и причастности приносятся в жертву, причем с готовностью трансформировать его не только в лучшую, но и худшую сторону.

В тех КСППЭ, где среди свидетелей было и «доверенное», посвященное в проблемы суицидента лицо, его показания прямо или косвенно содержат наиболее экспертно значимую информацию о переживаниях, причинах и мотивах самоубийства. В то же время близкие друзья не всегда опрошены следствием или же рассказывают о погибшем в присутствии и с оглядкой на опекуна, поэтому не раскрывают знаемое, а иногда и сознательно избегают откровенности, сохраняя верность другу и ореол тайны.

С референтной группой, как правило, поддерживается **общение и в Интернете**, при этом Я подростка в онлайн-контактах с теми же лицами не всегда тождественно тому, что проявляется в непосредственном общении. Иногда для анализа предоставляются скриншоты переписки за длительный период, отражающие динамику переживаний, личностных смыслов, в том числе и суицидального характера, отношение к этому феномену, упоминаются и аутодеструктивные действия. Наиболее ценна для понимания механизмов принятия решения была переписка, осуществлявшаяся непосредственно перед и в момент реализации суицида.

Проведенный нами анализ подтвердил, что **роль Интернета в суицидальной активности** несовершеннолетних отнюдь не сводима к так называемым группам смерти. Его влияние многолико и значительно шире, он внес новые predispositions в развитие психики, формирование духовного мира, ценностей и личностного смысла современного подростка, специфику коммуникации [16]. Не только расширились, но и получили другое смысловое наполнение представления о суициде, отношение к нему существенно трансформировалось по сравнению с советским периодом. Социалистическая мораль и кодекс поведения налагали на суицид запреты даже более жесткие, чем религиозные. В этом контексте самоубийство воспринималось как проявление слабости, низкой социальной ответственности, недостойный, унижающий человека поступок, налагающий соответствующее клеймо, стигму при неудачной попытке на самого суицидента, после гибели же — на память о нем, и в какой-то мере на всю семью.

О суициде в те годы общедоступной информации было очень мало, он изучался только специалистами в рамках профессиональных познаний и не был темой для открытого обсуждения. Ограниченность информационного поля, трудоемкость получения сведений, замалчивание фактов способствовали тому, что аутодеструктивный опыт не интегрировался в когнитивные схемы, не входил в апперцептивные установки, не присутствовал в качестве латентных личностных смыслов на периферии сознания подростков. Наряду с этим бытовали житейские обобщенные, транслируемые в неформальном кругу суждения по типу своеобразных «апокрифов», отношение к которым было неоднозначным. В силу этого самоубийство воспринималось подростками как нечто экстраординарное, далекое, особенно для современной молодежи — случаи суицида среди подростков были достаточно редки, не становились достоянием средств массовой информации и примером для подражания.

Отказ от жесткой регламентации интимной, духовной жизни человека совпал со стремительным развитием цифровых технологий, расширивших информационное поле, но снизивших качество и достоверность общедоступных сведений. Несистематизированные околонучные взгляды, примитивные обывательские суждения и даже досужие вымыслы, в большинстве своем противоречивые, но изложенные эмоционально притягательно и доступно для понимания, дают ответ на любой вопрос, помогают без труда заполнить содержательные лакуны. Неискушенному пользователю сложно дифференцировать их с компетентными подходами, для этого требуется интеллектуальный потенциал, жизненный опыт, толерантность к неопределенности.

У несовершеннолетних особый интерес вызывают «запретные» для обсуждения темы, среди них и суицид — от обыденного способа совладания с трудностями до акта, наполненного особым смыслом: проверка на смелость и состоятельность, способность противостоять ординарности, проявление свободы духа, а иногда и приверженность определенной социальной группе. Для большинства подростков на фоне юношеского максимализма и категоричности когнитивных схем многие чувства особо остры, испытываются впервые, представляются неповторимыми, уникальными, а ценность жизни и необратимость смерти, преходящий характер невзгод и неудач не подкреплены опытом пережитого; данная категория лиц наиболее виктимна в отношении циркулирующего в Интернете контента по проблеме самоубийства. Подросток, задающий порой из любопытства такой поисковый запрос, получает обширные сведения о способах и вариантах аутоагрессивных действий, узнает о размышлениях и намерениях других — от общих мировоззренческих позиций до конкретных фактов реализованных суицидов. Такая информация, если и не принимается, то остается на «периферии сознания» и может актуализироваться при неблагоприятном стечении обстоятельств. Иссле-

дования показывают наличие прямой зависимости между посещением деструктивных сайтов и аутоагрессивным поведением несовершеннолетних [8].

Деструктивное поведение может быть направлено и на то, чтобы стать достоянием подросткового сообщества, без Интернета оно в значительной степени утрачивает привлекательность, ведь в системе личностных смыслов важен отклик на поступок, хотя реально суицидент об этом уже не узнает. Так, в отдельных случаях суицид стал осмысляться молодыми людьми не как цель, а как завершающее, но всего лишь операциональное звено, своего рода цена в структуре деятельности с иным ведущим мотивом — самоактуализации (привлечь внимание к себе, показать собственную неординарность, инакость, превосходство, поставить себя выше других) либо мести за унижение, отвержение, неуспех; самоценность собственной жизни вообще не рассматривается.

Проблема **взаимодействия в социальных сетях** многоаспектнее, чем виртуальные контакты с близкими друзьями. Социальные сети и мессенджеры существенно расширили круг общения несовершеннолетних, у них остается все меньше интимного, личного, защищенного пространства. Сложившаяся в подростковой среде неформальная специфика онлайн-контактов подразумевает необходимость ответа на адресованные тебе обращения, при этом не принято игнорировать высказывания, в том числе и негативные, унижающие, что значительно расширяет фрустрационное поле в пространстве и времени. Обратная сторона этого явления — отсутствие реакции на собственное самовыражение становится основанием для роста эмоционального напряжения, тревоги, возникновения ощущения неустраиваемости, снижения самооценки.

В Интернете подросток часто развивает статус-личность, сильно отличающуюся от образа Я в семье, в школе, в референтном общении. Онлайн-контакты дают возможность без труда переформатировать собственный образ: совместить реальность и вымысел, поменять внешность, пол, возраст, социальный статус. В конечном итоге, истинное Я замещается предпочитаемым, лишенным собственных слабостей и проблем. Наряду с этим такое взаимодействие снимает барьер перед обсуждением любых тем, неспровоцированными жесткими оценками, в том числе по типу «реакций мимо» — обесцениванием личности другого, его травлей для отреагирования собственных обид и комплексов. Вошедший в употребление письменный сленг с относительно безобидными нарочитыми аграмматизмами, упрощенной вербализацией включает в себя и грубые, циничные обозначения тонких душевных переживаний, широкое использование нецензурных выражений, изменяя содержательно-смысловое наполнение высказываний. Даже подростки, которым такая лексика в обычной жизни чужда, при переходе на онлайн-контакты принимают данную стилистику, тем самым входя в иное смысловое поле.

В подростковой среде социальные сети используются и для обсуждения темы суицида, что в большинстве случаев не всегда связано со специальными сайтами. Она актуализируется как некая обыденность или же, наоборот, как проявление исключительности. К ее актуализации подводят как сиюминутные обиды, так и неудовлетворенность жизнью, поиски ее смысла. В ответ поисковые системы выдают выплеснутые кем-то вовне негативные эмоции, деструктивные реакции, как известно, имеющие высокий индуцирующий потенциал. При таком широком и лишенном внутренних барьеров интернет-общении с людьми разных возрастных категорий и социальных групп повышенная внушаемость подростка, склонность «заражаться чужими эмоциями» способствуют успешной внешней провокации незрелой психики, интервенции в самосознание нигилистических представлений за счет актуализации

механизмов подражания и идентификации, что является важным протектирующим фактором суицидоопасного поведения.

Наиболее **интимное и сокровенное Я** проецируется **в собственной продукции** несовершеннолетних, их дневниковых записях, рисунках, фанфиках и др. Эта творческая активность лишь иногда направлена на восприятие другими или подражательна, но чаще ориентирована на самого себя, в ней проявляется внутренний мир подростка. Обычно в представленных материалах содержится лишь «покадровая нарезка» интимных статусов подростка, для них в целом характерна эклектичность, мозаичность, если брать каждый отдельный фрагмент. Такой тип самовыражения может выступать защитным механизмом и свидетельствовать об истинности и глубине чувств, нарастании психалгии. Целостный анализ продукции позволяет реконструировать систему сложных отношений и неоднозначного самоотношения, борьбы мотивов, ситуативные всплески эмоций, неустойчивость проецируемых статусов-личностей. Интегрируя эту информацию с представленными выше смысловыми блоками, эксперт выявляет динамику переживаний подростка, их содержание и остроту, соотношение между позитивным и негативным мировосприятием; зарождение и процесс формирования антивитаальных тенденций, их причины, периоды роста-спада эмоционального напряжения. Исследование собственной продукции несовершеннолетнего дает основания для дифференциации внутренних предрасполагающих факторов и внешних поводов суицида. Личная продукция, содержащаяся в материалах уголовного дела, позволяет в каждом конкретном случае увидеть и раскрыть феномен маскированности пресуицидальных состояний и, определив закономерности, на их основе осуществить научную проекцию на более широкий спектр изучаемого психического явления, что облегчает вынесение экспертного суждения.

Заключение

Проведенный нами анализ показывает, что для подростковой психики характерна многоликость, параллельное функционирование статусов-личностей образа Я, которые определяются адаптацией несовершеннолетних к различным условиям, обстоятельствам, требованиям, ожиданиям микросоциума. В таких проявлениях и ипостасях существования подросток искренен, все они являются значимыми для формирующейся личности, накладываются и дополняют друг друга, порой входя в противоречие, но не препятствуя самоидентичности благодаря гибкости психических процессов, легкости переключения и вхождения в разные системы деятельности.

Данный феномен существенно затрудняет диагностику суицидальной опасности у несовершеннолетних, маскирует истинное состояние подростка. Е.М. Вроно [3], обследовавшая этот контингент после незавершенных попыток самоубийства, подчеркивала недопустимость игнорирования «сигналов» подростка о возникновении у него суицидальных намерений, ведь желание «умереть не до конца» сочетается у них с высокорисковым, крайне аутодеструктивным поведением. Она указывает на расхождение восприятия другими и самовосприятия ее пациентов, убежденных, что они явно давали понять окружающим о наличии у них антивитаального настроения.

Наш анализ подтверждает, что эти тенденции трудно распознать. Пестрота, неоднородность рисунка поведения несовершеннолетних, диссоциация между отсутствием внешних проявлений пресуицидального состояния, объективно острой психотравмирующей ситуации и самим поступком маскируют меру субъективной непереносимости для несовершеннолетнего его положения, истинные мотивы и поводы суицида, транслируемые и скрывающиеся им эмоции. В силу этого при экспертном исследовании возникают сложности оценки личности

несовершеннолетнего, соотношения протектирующих и сдерживающих механизмов, аффективных и рациональных составляющих поступка. Алгоритм анализа по приведенным выше категориям дает возможность раскрыть и сопоставить мозаику Я-структуры, помогает преодолеть кажущуюся противоречивость показаний, раскрыть механизмы и содержание суицида.

Литература

1. Алимова М.А. Суицидальное поведение подростков: диагностика, профилактика, коррекция: Методические рекомендации. Барнаул, 2014. 100 с.
2. Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Сыроквашина К.В., Шкитырь Е.Ю., Александрова Н.А. Суициды подростков: социальные, клинические и психологические факторы // Российский психиатрический журнал. 2016. № 4. С. 58–62.
3. Вроно Е.М. Спросите прямо: «Ты говоришь о самоубийстве?» Лекция ведущего суицидолога Елены Вроно [Электронный ресурс] // Новая газета. 2016. № 54. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2016/05/21/68681-171-sprosite-pryamo-ty-govorish-o-samoubiystve-187-lektsiya-veduschego-suitsidologa-eleny-vrono-v-171-novoy-gazete-187> (дата обращения: 15.03.2022).
4. Григорьева А.А. Выявление риска суицидального поведения у подростков в общеобразовательных школах [Электронный ресурс] // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2019. Том 7. № 3 (26). doi:10.23888/humJ20193513-523.
5. Дозорцева Е.Г., Сыроквашина К.В. Проблемные вопросы проведения посмертной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о самоубийствах несовершеннолетних // Вопросы экспертной практики. 2019. № 1. С. 179–182.
6. Мазаева Н.А. Суицидальная активность подростков (по данным зарубежных публикаций) // Психиатрия и психофармакотерапия. 2016. Том 18. № 1. С. 14–19.
7. Макушкин Е.В., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Сыроквашина К.В., Ошевский Д.С., Чибисова И.А., Терехина С.А. Возрастные особенности психического развития и состояния несовершеннолетних, совершивших суициды [Электронный ресурс] // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 2019. Том 119. № 7. Вып. 2. С. 20–24. doi:10.17116/jnevro201911907220
8. Соколова М.В., Дозорцева Е.Г. Склонность к аутоагрессивному поведению у подростков и информация, потребляемая ими в Интернете [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 22–35. doi:10.17759/psylaw.2019090102
9. Сафуанов Ф.С., Сочивко О.И. Психологическая оценка суицидального риска: соотношение про- и антисуицидальных личностных факторов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 211–224. doi:10.17759/psylaw.2019090415
10. Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н. Деятельность, направленная на побуждение детей к суицидальному поведению: возможности судебно-психологической экспертизы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 2. С. 33–45. doi:10.17759/psylaw.2017060203
11. Сыроквашина К.В., Ошевский Д.С., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Макушкин Е.В., Александрова Н.А., Терехина С.А., Нуцкова Е.В., Федонкина А.А., Чибисова И.А., Шкитырь Е.Ю. Факторы риска формирования суицидального поведения у детей и подростков (по результатам анализа региональных посмертных судебных экспертиз) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 1. С. 71–84. doi:10.17759/psylaw.2019090105

12. Сыроквашина К.В. Алгоритмы судебно-психологической оценки психических состояний, предшествующих самоубийству у подростков [Электронный ресурс] // Будущее детей с особенностями психического развития (г. Москва, 28–29 ноября 2019 года). М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2019. С. 253–255. URL: <https://serbsky.ru/wp-content/uploads/2019/06/Сборник-тезисов.pdf> (дата обращения: 19.04.2022).
13. Сыроквашина К.В. Психологический анализ в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о самоубийстве несовершеннолетних: алгоритм, факторы, основные элементы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том. 10. № 3. С. 248–259. doi:10.17759/psylaw.2020100317
14. Шкитырь Е.Ю., Бадмаева В.Д. Детерминанты суицидального поведения несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Психическое здоровье. 2018. Том 16. № 9. С. 50–60. doi:10.25557/2074-014X.2018.09.50-60
15. Ferraro P. et al. A focus on recent cases of suicides among Italian children and adolescents and a review of literature // Italian Journal of Pediatrics. 2014. Vol. 40. P. 69. doi:10.1186/s13052-014-0069-3
16. Sher L., Vilens A. Internet and suicide. N.Y.: Nova Science, 2009. 452 p.

References

1. Alimova M.A. Suitsidal'noe povedenie podrostkov: diagnostika, profilaktika, korrektsiya: Metodicheskie rekomendatsii. Barnaul, 2014. 100 p. (In Russ.).
2. Badmaeva V.D., Dozortseva E.G., Syrokvashina K.V., Shkityr E.Yu., Aleksandrova N.A. Suitsidy podrostkov: sotsial'nye, klinicheskie i psikhologicheskie faktory [Suicide in adolescents: social, clinical and psychological factors]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2016, no. 4, pp. 58–62 (In Russ.).
3. Vrono E.M. Sprosite pryamo: “Ty govorish’ o samoubiistve?” Lektsiya vedushchego suitsidologa Eleny Vrono [Elektronnyi resurs]. *Novaya gazeta*, 2016, no. 54. URL: <https://novyagazeta.ru/articles/2016/05/21/68681-171-sprosite-pryamo-ty-govorish-o-samoubiistve-187-lektsiya-vedushchego-suitsidologa-eleny-vrono-v-171-novoy-gazete-187> (Accessed 15.03.2022). (In Russ.).
4. Grigorieva AA. Vyyavlenie riska suitsidal'nogo povedeniya u podrostkov v obshcheobrazovatel'nykh shkolakh [Identification of the risk of suicidal behavior in adolescents in secondary schools] [Elektronnyi resurs]. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitie = Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development*, 2019. Vol. 7, no. 3 (26). doi: 10.23888/humJ20193513-523 (In Russ.).
5. Dozortseva E.G., Syrokvashina K.V. Problemnye voprosy provedeniya posmertnoi kompleksnoi sudebnoi psikhologo-psikhiatricheskoi ekspertizy po delam o samoubiistvakh nesovershennoletnikh [Problematic issues of the posthumous complex judicial psychological and psychiatric examination in cases of suicide of minors]. *Voprosy ekspertnoi praktiki = Voprosy ekspertnoi praktiki*, 2019, no. 1, pp. 179–182 (In Russ.).
6. Mazaeva N.A. Suitsidal'naya aktivnost' podrostkov (po dannym zarubezhnykh publikatsii) [Suicidal activity in adolescence (according to foreign publications)]. *Psikhiatriya i psikhofarmakoterapiya = Psychiatry and Psychopharmacotherapy*, 2016. Vol. 18, no. 1, pp. 14–19 (In Russ.).
7. Makushkin E.V., Badmaeva V.D., Dozortseva E.G., Syrokvashina K.V., Oshevskii D.S., Chibisova I.A., Terekhina S.A. Vozrastnye osobennosti psikhicheskogo razvitiya i sostoyaniya nesovershennoletnikh, sovershivshikh suitsidy [Age-related features of psychic development and mental state of adolescents, who have committed suicides] [Elektronnyi resurs]. *Zhurnal nevrologii*

- i psikhiatrii im. S.S. Korsakova = S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, 2019. Vol. 117, no. 7(2), pp. 20–24. doi:10.17116/jnevro201911907220 (In Russ.).
8. Sokolova M.V., Dozortseva E.G. Sklonnost' k autoagressivnomu povedeniyu u podrostkov i informatsiya, potrebyaemaya imi v Internete [The Tendency to Auto-aggressive Behavior in Adolescents and the Information they consume on the Internet] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 4, pp. 22–35. doi:10.17759/psylaw.2019090102 (In Russ.).
 9. Safuanov F.S., Sochivko O.I. Psikhologicheskaya otsenka suitsidal'nogo riska: sootnoshenie pro- i antisuitsidal'nykh lichnostnykh faktorov [Psychological Assessment of Suicidal Risk: the Ratio of Pro- and Anti-Suicidal Personality Factors] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol 9, no. 4, pp. 211–224. doi:10.17759/psylaw.2019090415 (In Russ.).
 10. Safuanov F.S., Sekerazh T.N. Deyatel'nost', napravlenaya na pobuzhdenie detei k suitsidal'nomu povedeniyu: vozmozhnosti sudebno-psikhologicheskoi ekspertizy [Activities aimed at encouraging children to suicidal behavior: judicial-psychological examination] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2017. Vol. 7, no. 2, pp. 33–45. doi:10.17759/psylaw.2017060203 (In Russ.).
 11. Syrokvashina K.V., Oshevsky D.S., Badmaeva V.D., Dozortseva E.G., Makushkin E.V., Aleksandrova N.A., Terekhina S.A., Nutskova E.V., Fedonkina A.A., Chibisova I.A., Shkityr E.Yu. Faktory riska formirovaniya suitsidal'nogo povedeniya u detei i podrostkov (po rezul'tatam analiza regional'nykh posmertnykh sudebnykh ekspertiz) [Risk factors of fashioning of suicidal behavior in children and adolescents (based on the analysis of regional posthumous forensic evaluation)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 1, pp. 71–84. doi:10.17759/psylaw.2019090105 (In Russ.).
 12. Syrokvashina K.V. Algoritmy sudebno-psikhologicheskoi otsenki psikhicheskikh sostoyanii, predshestvuyushchikh samoubiistvu u podrostkov [Elektronnyi resurs]. *Budushchee detei s osobennostyami psikhicheskogo razvitiya (g. Moskva, 28–29 noyabrya 2019 goda)*. Moscow, FGBU “NMITs PN im. V.P. Serbskogo” Minzdrava Rossii Publ., 2019, pp. 253–255. URL: <https://serbsky.ru/wp-content/uploads/2019/06/Сборник-тезисов.pdf> (Accessed 19.04.2022) (In Russ.).
 13. Syrokvashina K.V. Psikhologicheskii analiz v ramkakh kompleksnoi sudebnoi psikhologo-psikhiatricheskoi ekspertizy po delam o samoubiistve nesovershennoletnikh: algoritm, faktory, osnovnye elementy [Psychological Analysis in the Framework of the Comprehensive Forensic Psychological and Psychiatric Examination in Cases of Juvenile Suicide: Algorithm, Factors, Main Elements] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 248–259. doi:10.17759/psylaw.2020100317 (In Russ.).
 14. Shkityr E.Yu., Badmaeva V.D. Determinanty suitsidal'nogo povedeniya nesovershennoletnikh [Determinants of suicidal behavior of minors] [Elektronnyi resurs]. *Psikhicheskoe zdorov'e = Mental Health*, 2018. Vol. 16, no. 9, pp. 50–60. doi:10.25557/2074-014X.2018.09.50-60 (In Russ.).
 15. Ferraro P. et al. A focus on recent cases of suicides among Italian children and adolescents and a review of literature. *Italian Journal of Pediatrics*, 2014. Vol 40, pp. 69. doi:10.1186/s13052-014-0069-3
 16. Sher L., Vilens A. Internet and suicide. N.Y.: Nova Science, 2009. 452 p.

Савина О.Ф., Морозова М.В.
Проблемные зоны экспертного исследования
по факту суицида у несовершеннолетних
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 52–65.

Savina O.F., Morozova M.V.
Problem Areas of Expert Research
on the Fact of Suicide in Minors
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 52–65.

Информация об авторах

Савина Ольга Феликсовна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7548-5239>, e-mail: psychol1@yandex.ru

Морозова Марина Валентиновна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3788-209X>, e-mail: marina@serbsky.ru

Information about the authors

Olga F. Savina, PhD in Psychology, Leading Researcher, Psychology Laboratory, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7548-5239>, e-mail: psychol1@yandex.ru

Marina V. Morozova, PhD. in Psychology, Senior Researcher, Psychology Laboratory, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3788-209X>, e-mail: marina@serbsky.ru

Получена 20.04.2022
Принята в печать 20.06.2022

Received 20.04.2022
Accepted 20.06.2022

Клинико-психологические особенности несовершеннолетних, потерпевших от кибергруминга

Нуцкова Е.В.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nutskova@serbsky.ru

Дозорцева Е.Г.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

С целью выделения факторов риска виктимизации и определения клинико-психологических последствий кибергруминга для несовершеннолетних потерпевших было проведено пилотажное исследование. Обследовано 40 несовершеннолетних девочек в возрасте от 8 до 18 лет, потерпевших от развратных действий в Интернете. Ретроспективно оценивалось состояние различных сфер психической деятельности и состояния потерпевших до вступления ими в коммуникацию с посягателем, изучались особенности криминальной ситуации, выявлялись и подвергались анализу последствия перенесенного насилия и злоупотребления. Диагностический комплекс включал методы и методики, направленные на изучение познавательных функций, личностной сферы и поведения потерпевших. Также в работе был использован метод изучения документов (медицинской документации, материалов уголовного дела, включающих интернет-переписку потерпевших и обвиняемых). Статистическая обработка результатов проводилась методами описательной статистики. Были выделены факторы риска для девочек стать жертвой кибергруминга, описаны непосредственные клинико-психологические последствия злоупотребления. Описаны перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: кибергруминг, Интернет, несовершеннолетние потерпевшие, насилие и злоупотребление в отношении детей, виктимность, судебно-психологическая экспертиза несовершеннолетних потерпевших.

Для цитаты: Нуцкова Е.В., Дозорцева Е.Г. Клинико-психологические особенности несовершеннолетних, потерпевших от кибергруминга [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 66–76. DOI:10.17759/psylaw.2022120306

Clinical and Psychological Features of Minor Victims of Cybergrooming

Elena V. Nutskova

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nutskova@serbsky.ru

Elena G. Dozortseva

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

In order to identify the risk factors of victimization and determine the clinical and psychological consequences of cybergrooming for underage victims, a pilot study was conducted. 40 underage girls aged from 8 to 18 years, victims of sexual abuse on the Internet, were examined. The state of various spheres of mental activity and the state of victims were retrospectively assessed at the time before they entered into communication with the offender, features of the criminal situation were studied, the consequences of violence and suffered abuse were identified and analyzed. The diagnostic complex included methods and techniques aimed at studying cognitive functions, individual characteristic and behavior. The method of studying documents (medical documentation, criminal case materials, including Internet correspondence of victims and offenders) was also used in the work. Statistical processing of the results was carried out by methods of descriptive statistics. Risk factors for girls to become a victim of cybergrooming were identified, and the immediate clinical and psychological consequences of abuse were described. Prospects for further research are described.

Keywords: cyber (online) grooming, Internet, sexual abuse, child victims, victimization, forensic psychological expertise.

For citation: Nutskova E.V., Dozortseva E.G. Clinical and Psychological Features of Minor Victims of Cybergrooming. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 66–76. DOI:10.17759/psylaw.2022120306 (In Russ.).

Введение

Использование информационно-коммуникационных технологий прочно вошло в жизнь современных детей и подростков. Интернет все глубже проникает во все сферы жизни ребенка, увеличивается частота и длительность его использования, данное времяпрепровождение становится повседневной активностью, зачастую заменяя живое взаимодействие [11]. Современные технологии позволяют несовершеннолетним быть на связи с родственниками и друзьями в любых месте и времени, делиться своими переживаниями и опытом, дистанционно заводить дружбу, быстро получать любую информацию по интересующим вопросам, все эти несомненные позитивные моменты в то же время таят в себе множество опасностей. Дефицит личностных и социальных компетенций, присущих любому ребенку, делает их уязви-

мыми перед криминальной агрессией и злоупотреблениями, а преступления, совершаемые в Сети, носят скрытый характер, их трудно обнаружить и расследовать [1; 10]. По данным Следственного комитета, в 2021 г. было возбуждено свыше 22 тысяч уголовных дел о преступлениях против детей, на 16,9% больше, чем годом ранее. Кроме того, за 2021 год отмечен рост половых преступлений против детей. Установить долю киберпреступлений в отношении детей и подростков среди общего количества пока затруднительно, статистикой данный вид посягательств не выделяется. Регуляция преступлений, совершаемых с использованием интернет-технологий, не успевает получить необходимого законодательного закрепления, в силу их новизны и быстрой изменчивости.

Среди всех киберпреступлений, направленных против несовершеннолетних, сексуальные домогательства и эксплуатация в коммерческих целях являются наиболее опасными по своим социальным и клинико-психологическим последствиям. Сексуальные домогательства, или кибергруминг (вариант — онлайн-груминг), включают в себя выстраивание доверительных отношений с ребенком для его подготовки к дальнейшему сексуальному злоупотреблению [17]. Исследование кибергруминга в основном входит в сферу научных интересов правоведов. Многие работы посвящены квалификации такого рода преступлений, методикам их расследования, уголовно-правовой оценке. Юридическая практика демонстрирует трудности выявления случаев производства и распространения детской порнографии, что связано, в первую очередь, со способом совершения данного вида преступлений. Возможности информационно-коммуникационных технологий позволяют посягателям сохранять анонимность и затрудняют их поимку, определение личности жертв преступлений также остается проблематичным [16; 18; 20]. Несмотря на то, что изготовление и распространение порнопродукции в сети Интернет приобретает все большие масштабы, в России возбуждение уголовных дел по ст. 242 УК РФ («Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов») еще достаточно редкое явление. Исследователи сходятся во мнении, что остро необходимо введение новых статей в Уголовный кодекс РФ и Кодекс РФ об административных правонарушениях, которые будут регламентировать преступления, совершаемые посредством сети Интернет [1; 2].

Психологические исследования проводятся по нескольким направлениям и зачастую имеют междисциплинарный характер. В рамках психолингвистики изучаются особенности переписки преступника и жертвы. В задачи судебной психолингвистической экспертизы входит определение наличия или отсутствия принуждения к действиям сексуальной направленности, психологического воздействия или давления на несовершеннолетнего, установление ролей, осуществляемых каждым из участников коммуникации. Психологи, лингвисты и культурологи изучают переписки посягателя и жертвы также вне рамок судебных экспертиз. Интерес для их исследований представляют коммуникативные приемы, используемые преступниками, реакции несовершеннолетних на интеракции грумера, стадии развития их взаимодействия [3; 5; 7; 8; 13; 14; 21].

Исследование жертв кибергруминга проводилось, в первую очередь, для разработки профилактических мер, направленных на предотвращение сексуальных домогательств к несовершеннолетним. Исследователей интересовало, какие особенности предопределяют большую подверженность детей и подростков развратным действиям, а какие факторы, наоборот, имеют протективную силу [4; 6; 9; 12; 15].

Несмотря на интерес со стороны широкого круга специалистов к проблеме кибергруминга, недостаточно разработанными остаются как правовые, так и психологические подходы к исследованию данной проблемы. До настоящего времени не описаны клинико-

психологические последствия развратных действий с использованием сети Интернет у различных групп несовершеннолетних потерпевших; для судебной психологии остаются насущными проблемы разработки критериев диагностики и оценки таких последствий, определения способности жертвы понимать характер и значение совершаемых в отношении нее противоправных действий. Это определило выбор цели настоящего исследования.

Программа исследования

Было проведено пилотажное исследование с целью выделения факторов риска виктимизации и определения клинико-психологических последствий кибергруминга для несовершеннолетних потерпевших.

Материалом исследования стала сплошная выборка из 40 несовершеннолетних девочек, потерпевших от развратных действий в Интернете (прошли судебную экспертизу в ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» МЗ РФ в 2011—2022 гг.). Все потерпевшие находились в возрастном диапазоне от 8 до 18 лет. Самую многочисленную группу составили девочки в возрасте от 12 до 14 лет (20 человек); 10 девочек имели возраст 8—11 лет и 10 — 15—18 лет.

Были использованы *методы и методики*, направленные на изучение познавательных функций, личностной сферы и поведения: наблюдение, беседа, патопсихологические методики, проективные и опросные методы. Также в работе был использован метод изучения документов (медицинской документации, материалов уголовного дела, включающих интернет-переписку потерпевших и обвиняемых). Статистическая обработка результатов проводилась методами описательной статистики.

Результаты исследования и их обсуждение

Изучение клинико-психологических особенностей несовершеннолетних, потерпевших от кибергруминга, проводилось в трех направлениях: ретроспективно анализировались состояние различных сфер психической деятельности и состояние потерпевших на период, предшествовавший вступлению ими в коммуникацию с посягателем; подвергались изучению особенности криминальной ситуации; выявлялись и подвергались оценке последствия перенесенного насилия и злоупотребления.

Из всех сфер психической деятельности наибольший интерес для нашего исследования представляли семейная сфера, сфера общения и овладения учебными навыками. Отдельно оценивалось состояние психического и соматического здоровья девочек на докриминальном этапе.

Анализ семейной ситуации потерпевших показал, что в 52,5% случаев отношения в семье имели ту или иную степень дисфункциональности. Так, у 27,5% девочек семейная ситуация носила выражено неблагоприятный характер. В материалах уголовного дела содержалась информация о том, что родители злоупотребляют алкоголем, мать или отец лишены родительских прав, семья состоит на учете в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. В остальных 25% случаев девочки жаловались на конфликтные отношения в семье.

Проблемы в общении со сверстниками отмечали 65% потерпевших. Среди них 37,5% общались о том, что зачастую чувствуют себя одиноко, не имеют круга общения и близкого человека, с которым могли бы поделиться личными переживаниями. Материалы уголовных дел и самоотчет самих девочек показали, что 27,5% из них являлись жертвами буллинга со стороны одноклассников.

Представлялось важным оценить состояние психического и соматического здоровья потерпевших, так как наличие психиатрического диагноза и соответствующих дефицитов психического функционирования сказывалось на их способности правильно оценить посяга-

тельства грумера и выстроить свое поведение с учетом этой оценки, а проблемы с соматическим здоровьем влияли на качество жизни девочек, зачастую ограничивая их возможности в оффлайн-общении. У 25% потерпевших имелись хронические психические расстройства: умственная отсталость, задержка психического развития, инфантильное расстройство личности, психопатология органического генеза. Данные расстройства объединяют между собой различные когнитивные нарушения и дефициты. В 35% случаев обнаруживались проблемы с соматическим здоровьем: ожирение, ихтиоз, косоглазие, глухота, эписиндром. Можно отметить, что при затрагивании в беседе темы состояния здоровья девочки реагировали психическим напряжением и повышением уровня тревоги, считали внешние проявления своих заболеваний причинами множества проблем; они делились тем, что у них не получается заводить друзей; некоторые страдали от болезненных ощущений или дискомфорта в теле, испытывали ограничения в физической активности; части девочек периодически требовалось стационарное лечение (рис. 1).

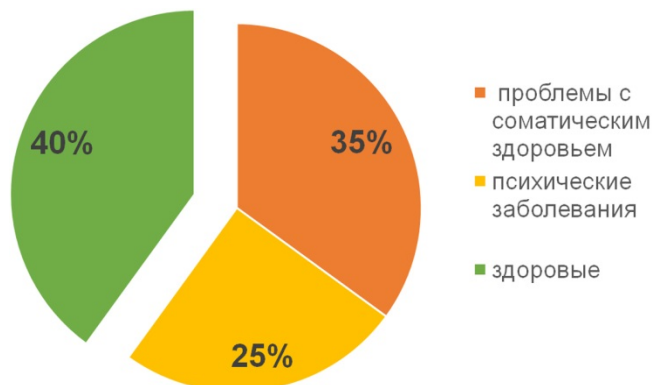


Рис. 1. Состояние здоровья потерпевших

При изучении особенностей криминальной ситуации анализу подвергались причины, по которым девочки вступали в коммуникацию с посягателем, влияние социального окружения на вовлечение девочек в общение с грумером, возможное офлайн-взаимодействие жертв и преступника. Обнаруживались различные виды мотивов, побуждавшие девочек включаться в контакт с посягателем. Часть из них были связаны с ситуацией правонарушения, часть — с индивидуальными особенностями жертв (рис. 2).



Рис. 2. Причины, по которым девочки вступали во взаимодействие с посягателем

Так, 30% девочек объясняли свое взаимодействие с грумером тем, что нуждались на тот момент в общении и внимании, которое не могли получить в семье или от других детей. 25%

потерпевших были введены в заблуждение, они не знали настоящего пола и возраста человека, с которым ведут переписку, и считали, что проходят кастинг в модельное агентство или для съемок в музыкальном клипе. 22% расценивали свои отношения с преступником как романтические, называли его своим «молодым человеком». 18% девочек сообщали, что им просто была интересна тема взаимоотношения полов и хотелось узнать «что-то новое». И наконец, 5% девочек воспринимали посягательства как возможность заработка, материально зависели от грумера. Кроме того, девочки могли вовлекаться во взаимодействие с грумером другими детьми, так 50% девочек из общей выборки были лично знакомы с другими жертвами грумера, учились в одном классе, посещали одни и те же секции и кружки. Девочки могли предоставлять сведения о своих подругах грумеру или предлагать подругам написать ему самостоятельно. Старшие сестры, находящиеся в зависимости от грумера, производили фото- и видеоконтент порнографического содержания с младшими и передавали его преступникам.

Опыт длительного общения с посягателем, включение криминальных действий в иные отношения между жертвой и преступником толкали девочек на то, чтобы встретиться с грумером вживую. 22,5% жертв после онлайн-общения с грумером согласились на офлайн-встречу с ним, что повлекло за собой совершение в отношении них более тяжких преступлений: 3 девочки были признаны потерпевшими по ст. 131 УК РФ («Изнасилование»); 5 девочек — по ст. 132 УК РФ («Насильственные действия сексуального характера»); 1 девочка — по ст. 127.1 УК РФ («Торговля людьми»). 30% девочек из общей выборки были жертвами двух и более посягателей, что демонстрирует высокий уровень ревиктимизации для данного вида преступлений.

Пережитый опыт насилия и злоупотребления воспринимался девочками по-разному. 60% потерпевших оценивали его как травматический; 22,5% относились к нему облегченно, не считая, что это как-то повлияло на их психологическое благополучие и жизнь. Последствия насилия и злоупотребления у жертв имели различную глубину и охват нарушений. У 12,5% девочек комиссией экспертов-психиатров было выявлено психическое расстройство в виде тревожно-депрессивной реакции (F 43.2 МКБ-10). У 20% девочек экспертами-сексологами были описаны симптомы ранней сексуализации поведения. Ранняя сексуализация девочек могла быть как мотивационным фактором риска кибергруминга (в случаях, когда повышенный интерес к теме взаимоотношения полов толкал несовершеннолетних на поиск соответствующей информации и провоцировал рискованное поведение в онлайн-пространстве), так и его последствием, в тех случаях, когда половое воспитание жертвы шло под влиянием посягателя и имело девиантный характер.

На психологическом уровне потерпевшие демонстрировали актуальные переживания, связанные с опасением, что полученные посягателем фото- и видеоматериалы попадут в открытый доступ или третьим лицам, а произошедшее приобретет широкую огласку (узнают друзья, одноклассники, учителя). Девочки испытывали чувства самообвинения, безысходности, социальной изоляции и одиночества. Выявленные актуальные опасения и переживания были напрямую связаны с характером преступления. Полученные грумером компрометирующие жертв материалы могут широко распространяться по Глобальной сети, «всплывать» через многие годы, и, к сожалению, нет механизмов, для их полного извлечения. Таким образом, травматическое воздействие на жертву в виде страха огласки и осуждения длится и после возбуждения уголовного дела и поимки преступника.

Основываясь на результатах, полученных в проведенном пилотажном исследовании, можно выделить факторы риска для девочек стать жертвой кибергруминга:

1. отсутствие или недостаточность внимания или поддержки в семье (неблагополучные, конфликтные, неполные семьи);
2. дефицит позитивного общения со сверстниками, в том числе, вследствие неблагополучия в школе;
3. проблемы соматического и психического здоровья, включая интеллектуальный дефицит;
4. недостаточная осведомленность в вопросах пола или, напротив, повышенный интерес к ним;
5. вовлечение в кибергруминг через знакомых сверстников или сиблингов, также включенных в общение с кибергрумером.

Заключение

Онлайн-груминг — новый и активно развивающийся вид злоупотребления в отношении несовершеннолетних. Дистанционный характер взаимодействия грумера и жертвы, отсутствие физического контакта не предотвращают возникновения негативных последствий у пострадавших. Пережитый опыт насилия и злоупотребления может провоцировать у потерпевших широкий спектр реакций, от проходящего дискомфорта до клинически очерченных психопатологических состояний. Социальные последствия в виде огласки, нередко с последующим буллингом или остракизмом со стороны окружающих, имеют серьезные последствия для развития ребенка. Необходимо развитие правовых основ для выявления случаев и расследования кибергруминга, его адекватной юридической квалификации, разработки программы по защите жертв от дальнейшей травматизации, связанной с распространением личной информации и контента. На данном этапе не разработан диагностический инструментарий для выявления непосредственных и отдаленных клинико-психологических и социальных последствий с учетом специфики кибергруминга как особого вида правонарушений.

В рамках судебной психологии для решения экспертных вопросов при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних потерпевших важным направлением является разработка методологических, методических вопросов, в частности, критериев уровня понимания несовершеннолетней жертвой характера и значения противоправных действий в интернет-среде, а также оценки психического состояния и последствий кибергруминга для ребенка. Для снижения виктимизации детей от такого рода преступлений представляется необходимым обучение детей безопасному использованию Интернета, развитие навыков отстаивания собственных границ, просвещение по вопросам взаимоотношения полов.

Литература

1. Алиева Е.А. Сеть Интернет как средство совершения развратных действий // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 180–182.
2. Антонов О.Ю. Криминалистические основы противодействия распространению порнографических материалов в информационно-телекоммуникационных сетях // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 1 (68). С. 30–36.
3. Бельская Н.С. Речевой жанр секстинга в судебной лингвистической экспертизе интернет-коммуникации при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1-2 (61). С. 170–176.

4. Власова Н.В., Буслаева Е.Л. Психологические особенности лиц, склонных к кибервиктимному поведению [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 194–206. doi:10.17759/psylaw.2022120214
5. Волохова Л.А. Опыт психологического исследования по делам, связанным с совершением развратных действий посредством сети Интернет (переписка на сексуальную тему) // Сборник тезисов участников Всероссийского научно-практического семинара с международным участием «Актуальные проблемы и технологии юридической психологии детства: от девиантного развития к нормативному поведению». М.: МГППУ, 2017. С. 80–82.
6. Медведева А.С. Реакции детей и подростков на сексуальный онлайн-груминг [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 123–132. doi:10.17759/psylaw.2020100111
7. Медведева А.С., Дозорцева Е.Г. Характеристики онлайн-груминга как вида сексуальной эксплуатации несовершеннолетних (по результатам анализа переписок взрослых и детей в сети Интернет) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 161–173. doi:10.17759/psylaw.2019090412
8. Медведева А.С., Дозорцева Е.Г. Роль и участие родителей в процессе кибергруминга [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 146–159. doi:10.17759/psylaw.2021110211
9. Михалева Г.В. Онлайн-риски и проблемы защиты детей в современном британском медиаобразовании // Научный диалог. 2014. № 6 (30). С. 66–74.
10. Мошарова А.С., Карбатова Д.А. Проблемы защиты детей от насилия в киберпространстве // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 13–14 апреля 2018 г.). Чебоксары: Изд-во Чувашского университета, 2018. С. 406–409.
11. Солдатова Г., Рассказова Е., Зотова Е., Лебешева М., Роггендорф П. Дети России онлайн. Результаты международного проекта EU Kids Online II в России. М.: Фонд развития Интернет, 2012. 213 с.
12. Солдатова Г.У., Ртищева М.А., Серегина В.В. Онлайн-риски и проблема психологического здоровья детей и подростков // Академический вестник. 2017. № 3 (25). С. 29–37.
13. Шеремет О.А., Шитшин С.С. Комплексное исследование интернет-переписки при расследовании уголовных дел о сексуальных преступлениях в отношении несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Форум Юридическая психология МГППУ. URL: <http://jp.mgppu.ru/forum/index.php?topic=224.0> (дата обращения: 09.01.2021).
14. Black P.J., Wollis M., Woodworth M., Hancock J.T. A linguistic analysis of grooming strategies of online child sex offenders: implications for understanding of predatory sexual behavior in an increasingly computer-mediated world // Child Abuse & Neglect. 2015. Vol. 44. P. 140–149. doi:10.1016/j.chiabu.2014.12.004
15. Calvete E., Orue I., Gamez-Guadix M. A Preventive Intervention to Reduce Risk of Online Grooming Among Adolescents // Psychosocial Intervention. 2022. Vol. 31(3). P. 177–184. doi:10.5093/pi2022a14
16. Craven S., Brown S., Gilchrist E. Sexual grooming of children: Review of literature and theoretical considerations // Journal of Sexual Aggression. 2006. Vol. 12(3). P. 287–299. doi:10.1080/13552600601069414

17. Ioannou M., Synnott J., Reynolds A., Pearson J. A comparison of online and offline Grooming characteristics: An application of the victim roles model // *Computers in Human Behavior*. 2018. Vol. 85. P. 291–297. doi:10.1016/j.chb.2018.04.011
18. Kloess J.A., Seymour-Smith S., Hamilton-Giachritsis C.E., Long M.L., Shipley D., Beech A.R. A Qualitative Analysis of Offenders' Modus Operandi in Sexually Exploitative Interactions with Children Online // *Sexual Abuse*. 2017. Vol. 29(6). P. 563–591. doi:10.1177/1079063215612442
19. Kucheria V.N., Gaur A. Cyberbullying and Cyber Victimization among Adolescents // *Journal of Well-Being*. 2022. Vol. 16(2). P. 5–12.
20. Landberg A., Jonsson L. A part of reality on children, sexual abuse and the Internet. Sweden: Stiftelsen Allmänna Barnhuset & Barnafriid, Linköpings universitet, 2018. 32 p.
21. Pranoto H., Gunawan F.E., Soewito B. Logistic Models for Classifying Online Grooming Conversation // *Procedia Computer Science*. 2015. Vol. 59. P. 357–365. doi:10.1016/J.PROCS.2015.07.536

References

1. Alieva E.A. Set' Internet kak sredstvo soversheniya razvratnykh deistvii [Internet as a means of performance sexual abuse]. *Probely v Rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2017, no. 4, pp. 180–182 (In Russ.).
2. Antonov O.Yu. Kriminalisticheskie osnovy protivodeistviya rasprostraneniyu pornograficheskikh materialov v informatsionno-telekommunikatsionnykh setyakh [Criminalistics Fundamentals of Counteracting Circulation of Pornography in Information Telecommunication Networks]. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*, 2018, no. 1 (68), pp. 30–36 (In Russ.).
3. Belskaya N.S. Rechevoi zhanr sekstinga v sudebnoi lingvisticheskoi ekspertize internet-kommunikatsii pri rassledovanii prestuplenii protiv polovoi neprikosnovennosti i polovoi svobody lichnosti [Speech genre of sexting in forensic linguistics analysis applicable to sex crimes investigation]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2015, no. 1-2 (61), pp. 170–176 (In Russ.).
4. Vlasova N.V., Buslaeva E.L. Psikhologicheskie osobennosti lits, sklonnykh k kiberviktimmomu povedeniyu [Psychological Features of Individuals Prone to Cyber Victimization] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 207–223. doi:10.17759/psylaw.2022120214 (In Russ.).
5. Volokhova L.A. Opyt psikhologicheskogo issledovaniya po delam, svyazannym s soversheniem razvratnykh deistvii posredstvom seti Internet (perepiska na seksual'nyu temu) [Psychological research experience in criminal cases on debauchery committed via Internet (correspondence on sexual topics)]. *Sbornik tezisov uchastnikov Vserossiiskogo nauchno-prakticheskogo seminara s mezhdunarodnym uchastiem "Aktual'nye problemy i tekhnologii yuridicheskoi psikhologii detstva: ot deviantnogo razvitiya k normativnomu povedeniyu"*. Moscow: MGPPU Publ., 2017, pp. 80–82 (In Russ.).
6. Medvedeva A.S. Reaktsii detei i podrostkov na seksual'nyi onlain-gruming [Reactions of Children and Adolescents to Sexual Online Grooming] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 123–132. doi:10.17759/psylaw.2020100111 (In Russ.).
7. Medvedeva A.S., Dozortseva E.G. Kharakteristiki onlain-gruminga kak vida seksual'noi ekspluatatsii nesovershennoletnikh (po rezul'tatam analiza perepisok vzroslykh i detei v seti Internet) [Features of online grooming as a form of sexual exploitation of minors (based on the analysis of

- communication between adults and children in the Internet)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 4, pp. 161–173. doi:10.17759/psylaw.2019090412 (In Russ.).
8. Medvedeva A.S., Dozortseva E.G. Rol' i uchastie roditelei v protsesse kibergruminga [Role and Involvement of Parents in the Cybergrooming Process] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 146–159. doi:10.17759/psylaw.2021110211 (In Russ.).
9. Mikhaleva G.V. Onlain-riski i problemy zashchity detei v sovremennom britanskom mediaobrazovanii [Online risks and problems of child protection in modern British media education]. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*, 2014, no. 6 (30), pp. 66–74. (In Russ.).
10. Mosharova A.S., Karabatova D.A. Problemy zashchity detei ot nasiliya v kiberprostranstve [Problems of children protecting from violence in the cyberspace]. *Sotsial'no-pravovaya zashchita detstva kak prioritetnoe napravlenie sovremennoi gosudarstvennoi politiki: Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Cheboksary, 13–14 aprelya 2018 g.)*. Cheboksary: Izd-vo Chuvashskogo universiteta, 2018, pp. 406–409 (In Russ.).
11. Soldatova G., Rasskazova E., Zotova E., Lebesheva M., Roggendorf P. Deti Rossii onlain. Rezul'taty mezhdunarodnogo proekta EU Kids Online II v Rossii. Moscow: Fond razvitiya Internet Publ., 2012. 213 p. (In Russ.).
12. Soldatova G.U., Rtishcheva M.A., Seregina V.V. Onlain-riski i problema psikhologicheskogo zdorov'ya detei i podrostkov [Online risks and psychological health problems of children and teenagers]. *Akademicheskii vestnik = Academic Bulletin*, 2017, no. 3 (25), pp. 29–37 (In Russ.).
13. Sheremet O.A., Shipshin S.S. Kompleksnoe issledovanie internet-perepiski pri rassledovanii ugovolnykh del o seksual'nykh prestupleniyakh v otnoshenii nesovershennoletnikh [Elektronnyi resurs]. *Forum Yuridicheskaya psikhologiya MGPPU*. URL: <http://jp.mgppu.ru/forum/index.php?topic=224>. (Accessed 09.01.2021). (In Russ.).
14. Black P.J., Wollis M., Woodworth M., Hancock J.T. A linguistic analysis of grooming strategies of online child sex offenders: implications for understanding of predatory sexual behavior in an increasingly computer-mediated world. *Child Abuse & Neglect*, 2015. Vol. 44, pp. 140–149. doi:10.1016/j.chiabu.2014.12.004
15. Calvete E., Orue I., Gamez-Guadix M. A Preventive Intervention to Reduce Risk of Online Grooming Among Adolescents. *Psychosocial Intervention*, 2022. Vol. 31, no. 3, pp. 177–184. doi:10.5093/pi2022a14
16. Craven S., Brown S., Gilchrist E. Sexual grooming of children: Review of literature and theoretical considerations. *Journal of Sexual Aggression*, 2006. Vol. 12, no. 3, pp. 287–299. doi:10.1080/13552600601069414
17. Ioannou M., Synnott J., Reynolds A., Pearson J. A comparison of online and offline Grooming characteristics: An application of the victim roles model. *Computers in Human Behavior*, 2018. Vol. 85, pp. 291–297. doi:10.1016/j.chb.2018.04.011
18. Kloess J.A., Seymour-Smith S., Hamilton-Giachrisis C.E., Long M.L., Shipley D., Beech A.R. A Qualitative Analysis of Offenders' Modus Operandi in Sexually Exploitative Interactions with Children Online. *Sexual Abuse*, 2017. Vol. 29, no. 6, pp. 563–591. doi:10.1177/1079063215612442
19. Kucheria V.N., Gaur A. Cyberbullying and Cyber Victimization among Adolescents. *Journal of Well-Being*, 2022. Vol. 16, no. 2, pp. 5–12.
20. Landberg A., Jonsson L. A part of reality on children, sexual abuse and the Internet. Sweden: Stiftelsen Allmänna Barnhuset & Barnafriid, Linköpings universitet, 2018. 32 p.

Нуцкова Е.В., Дозорцева Е.Г.
Клинико-психологические особенности
несовершеннолетних, потерпевших от кибергруминга
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 66–76.

Nutskova E.V., Dozortseva E.G.
*Clinical and Psychological Features
of Minor Victims of Cybergrooming*
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 66–76.

21. Pranoto H., Gunawan F.E., Soewito B. Logistic Models for Classifying Online Grooming Conversation. *Procedia Computer Science*, 2015. Vol. 59, pp. 357–365. doi:10.1016/J.PROCS.2015.07.536

Информация об авторах

Нуцкова Елена Владимировна, кандидат психологических наук, научный сотрудник, лаборатория психологии детского и подросткового возраста, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); старший научный сотрудник, Федеральный координационный центр по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nutskova@serbsky.ru

Дозорцева Елена Георгиевна, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, лаборатория психологии детского и подросткового возраста, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); профессор, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Information about the authors

Elena V. Nutskova, PhD in Psychology, Researcher, Laboratory of Psychology of Child and Adolescence, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Senior Researcher, Federal Resource Center for Psychological Service in the Education System, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nutskova@serbsky.ru

Elena G. Dozortseva, Doctor of Psychology, Professor, Chief Researcher, Laboratory of Psychology of Child and Adolescence, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Получена 03.06.2022
Принята в печать 13.08.2022

Received 03.06.2022
Accepted 13.08.2022

Взаимодействие с несовершеннолетними потерпевшими лиц, привлекаемых к ответственности за совершение развратных действий в сети Интернет: интенциональный аспект

Калинина А.С.

Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (ФБУ «РФЦСЭ» при Минюсте России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4887-2567>, e-mail: anastasia.zharckaya@yandex.ru

Секераж Т.Н.

Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (ФБУ «РФЦСЭ» при Минюсте России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7619-6992>, e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования, проведенного на материалах проведенных судебных психолого-лингвистических экспертиз по уголовным делам, возбужденным по фактам совершения преступлений, предусмотренных статьями 132, 133, 135 Уголовного кодекса Российской Федерации. Базу исследования составили материалы интернет-коммуникации с детьми 12—15 лет женского пола, которую вели взрослые обвиняемые мужского пола (длительность переписок составляла от двух до 185 дней, $M=12$ дней). С использованием метода интен-анализа исследовалась структура речи обвиняемых в диалоговом взаимодействии с детьми. Выборку составили 360 диалогов (всего 1440 реплик, $M=96$ реплик). Выявлены ведущие интенциональные направленности (ВИН) речи обвиняемых, такие как «побудить к общению», «поддержать общение», «выразить отношение, состояние», «изменить мнение», «побудить к действию» и др. Каждый ВИН характеризуется определенным составом интенций и различной их выраженностью. Выраженность ВИН «побудить к действию» является преобладающей, что соответствует целям коммуникации со стороны обвиняемых, связанным с получением от детей фотографий и видеозаписей интимного содержания; при этом состав интенций позволяет проследить стратегии психологического воздействия на потерпевшего для достижения преступных целей.

Ключевые слова: преступления против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних, несовершеннолетние потерпевшие, секстинг, онлайн-груминг, интен-анализ.

Для цитаты: Калинина А.С., Секераж Т.Н. Взаимодействие с несовершеннолетними потерпевшими лиц, привлекаемых к ответственности за совершение развратных действий в сети Интернет: интенциональный аспект [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 77–87. DOI:10.17759/psylaw.2022120307

Калинина А.С., Секераж Т.Н.
Взаимодействие с несовершеннолетними
потерпевшими лиц, привлекаемых к ответственности
за совершение развратных действий в сети Интернет:
интенциональный аспект
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 77–87.

Kalinina A.S., Sekerazh T.N.
Interaction with Minor Victims of Persons
Held to Account for Committing Online
Sexual Abuse: the Intentional Aspect

Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 77–87.

Interaction with Minor Victims of Persons Held to Account for Committing Online Sexual Abuse: the Intentional Aspect

Anastasia S. Kalinina

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4887-2567>, e-mail: anastasia.zharckaya@yandex.ru

Tat'yana N. Sekerazh

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7619-6992>, e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru

The results of the empirical research conducted on the materials of forensic psychological and linguistic examinations of criminal cases initiated on the facts of committing crimes under Articles 132, 133, 135 of the Criminal Code of the Russian Federation are presented. The research base consisted of materials of Internet communications with 12-15-year-old female children, which were conducted by adult male defendants (the duration of correspondence ranged from 2 to 185 days, $M=12$ days). Using the method of content analysis, the structure of defendants' speech in dialogic interactions with children was investigated. The sample consisted of 360 dialogues (a total of 1440 replicates, $M=96$ replicates). The leading intentional orientations (LIO) of the defendants' speech were identified, such as "to encourage communication", "to support communication", "to express an attitude, a state", "to change an opinion", "to prompt an action" and others. Each IDI is characterized by a certain composition of intentions and their different expression. The expression of LIO "to induce to action" is predominant, which corresponds to the goals of communication on the part of the accused, related to the receipt of photos and video recordings of intimate content from children, and the composition of the intentions allows tracing the strategies of psychological influence on the victim to achieve the criminal objectives.

Keywords: sexual assault, crimes against sexual freedom and sexual integrity of minors, minor victims, sexting, online grooming, intent analysis.

For citation: Kalinina A.S., Sekerazh T.N. Interaction with Minor Victims of Persons Held to Account for Committing Online Sexual Abuse: the Intentional Aspect. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 77–87. DOI:10.17759/psylaw.2022120307 (In Russ.).

Введение

Расширение информационно-телекоммуникационных сетей, значительную часть пользователей которых составляют лица, не достигшие 18-летнего возраста, а также стремительное внедрение цифровых технологий в социальное взаимодействие повышают незащищенность детей в Интернете. К числу основных рисков относится сексуальное злоупотребление и сексуальная эксплуатация детей с использованием коммуникационных сетей. Интернет стал способом, который значительно облегчил доступ преступников к детям, а расширение воз-

возможностей в социальных сетях и мессенджерах (обмен фото и видеоматериалами, онлайн-общение посредством камер) расширил спектр развратных действий с несовершеннолетними. Согласно данным последних исследований (Г.У. Солдатова, 2017), 48% московских школьников в возрасте 14—17 лет сталкивались с сексуальными посягательствами [14]. За рубежом проблема незащищенности детей от сексуальных посягательств в сети Интернет была обозначена исследователями еще в конце прошлого столетия; одним из первых отметил важность ее решения D. Finkelhor, он описал процесс коммуникации преступника с жертвой («онлайн-груминг»), а также условия формирования мотивации к совершению правонарушения [15]. В нашей стране данная проблема проявилась позже; принятая Советом Европы в 2007 г. Конвенция о защите детей от сексуальной эксплуатации (Лансаротская конвенция)¹ была ратифицирована в 2013 г.²

Правоохранительные органы выявляют большое число посягательств на сексуальную неприкосновенность детей с помощью онлайн-общения в Сети. Доказательственное значение по таким делам имеет судебно-экспертное исследование переписок на сексуальные темы и других форм интернет-общения преступников с детьми. Возникновение нового вида преступной деятельности привело к появлению нового вида судебной психологической и комплексной психолого-лингвистической экспертизы, связанной с исследованием интернет-коммуникаций на сексуальные темы, при которых обвиняемыми используются различные приемы психологического воздействия на потерпевшего, направленного на побуждение к совершению сексуальных действий [8; 11; 12; 13]. Существуют различные подходы к исследованию. Н.С. Бельская, например, описала структуру речевого жанра секстинга, включающую в качестве элементов инициацию и поддержание дружеского общения (чаще от имени сверстника), сбор персональной контактной информации, установление отношений виртуального сеанса (в форме «секстинга»), побуждение к реальной встрече с целью совершения полового акта [3]. Психологическому описанию характеристик онлайн-груминга на отечественной выборке, в сравнении с данными зарубежных исследований, посвящены работы Е.Г. Дозорцевой и А.С. Медведевой [5].

При анализе продолженных коммуникаций были выявлены 3 основные цели, которые преследовали взрослые при общении с несовершеннолетними: 1) совершить сексуальные действия в реальной жизни путем организации личной встречи (данная цель наблюдалась в 60,9% случаев продолженных коммуникаций, в 2,4% случаев была реализована); 2) получить доступ к личным материалам интимного характера (фотографиям, видеоизображениям) несовершеннолетнего (75,6% случаев продолженных коммуникаций, в 39,0% случаев цель реализована); 3) совершить сексуальные действия онлайн (19,5% случаев продолженных коммуникаций, в 7,3% случаев цель реализована) [9].

В судебно-экспертной психологической практике используются коммуникативный подход и анализ интенциональной структуры диалогов (переписок) [10].

Данное исследование является частью исследования механизмов воздействия на несовершеннолетних со стороны лиц, совершающих развратные действия с помощью сети Интернет.
Цель исследования — анализ интенциональной структуры речевого взаимодействия лиц,

¹ Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия. Лансароте. 25 октября 2007 года. URL: <http://lanzarote.rudn.ru/>

² Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 76-ФЗ «О ратификации Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений». URL: <https://rg.ru/2013/05/13/zashita-dok.html>.

совершающих развратные действия в отношении несовершеннолетних в ходе онлайн-коммуникации.

Материалы и методы исследования

Исследование проведено на материале 15 уголовных дел, возбужденных по фактам совершения преступлений, предусмотренных статьями 132, 133, 135 УК РФ, по которым проводилась комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза интернет-коммуникации, зафиксированной на цифровых и бумажных носителях. Коммуникация осуществлялась в социальных сетях между совершеннолетними обвиняемыми мужского пола и несовершеннолетними лицами женского пола (возраст потерпевших от 12 до 15 лет). Количество коммуникаций и продолжительность общения были различными (от десятков до нескольких тысяч сообщений, от 2–3 дней до 6 месяцев). Общение осуществлялось посредством текстовых переписок, пересылки фотографий и видеоизображений. Длительность переписок составляла от двух до 185 дней ($M=12$ дней). Выборку составили 360 диалогов, осуществлявшихся в письменной форме и зафиксированных в виде текстов (всего 1140 реплик обвиняемых, $M=96$ реплик).

Анализ текстов проводился методом интен-анализа к исследованию вербальной речевой продукции — экспертного подхода, разработанного в Институте психологии РАН и ориентированного на изучение психологического содержания речи, согласно которому ведущие интенциональные направленности коммуникантов представляют собой иерархически организованные интенциональные структуры, а каждая ведущая интенциональная направленность соотносится с определенными частными интенциями, определяющими ее функциональную специфику [4]. Единицей кодирования являлись высказывания обвиняемого в рамках одного диалогического единства. Были выделены основные интенции в речи обвиняемых, которые сформировали ведущие интенциональные направленности (ВИН). Впоследствии с помощью методов математической статистики были определены наиболее частотные ВИН, а также осуществлен анализ выраженности основных интенций, входящих в состав каждого ВИН.

Результаты

По результатам анализа было выявлено 8 основных ВИН различной выраженности в диалогах: ВИН1 — побудить к действию (включает интенции: дать указание, намекнуть и др.); ВИН2 — побудить к общению (интенции: запросить информацию, узнать мнение и др.); ВИН3 — уклониться, возразить (интенции: оправдаться, отклонить и др.); ВИН4 — выразить отношение, состояние (интенции: выразить симпатию, выразить недовольство и др.); ВИН5 — поддержать общение (интенции: информировать, уточнить и др.); ВИН6 — изменить мнение (интенции: убедить, скорректировать и др.); ВИН7 — поддержать действие партнера (интенции: похвалить, пообещать и др.); ВИН8 — проявить, характеризовать себя (интенции: выразить свое мнение, выразить свое желание и др.) (рис. 1).

В исследованных переписках преобладает ВИН — «Побудить к действию», также достаточно выражены ВИН «Поддержать общение», «Изменить мнение», что свидетельствует об активной, инициативной позиции обвиняемых в качестве доминирующих коммуникантов.

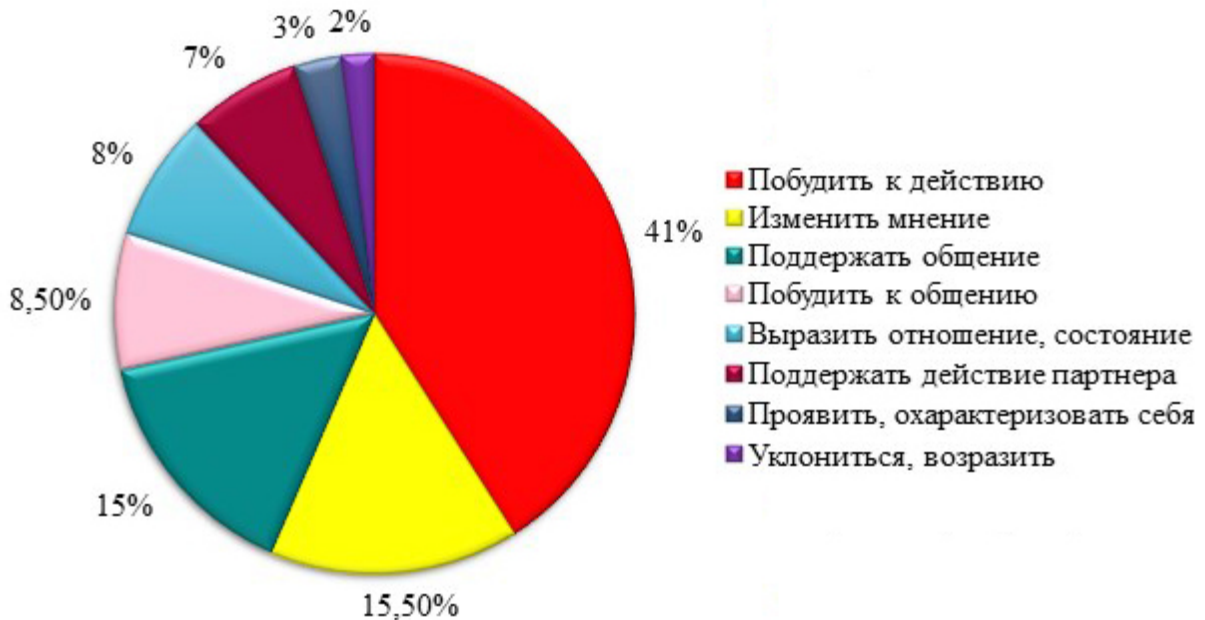


Рис. 1. Выраженность ведущих интенциональных направленностей (ВИН) обвиняемых при онлайн-переписке

Иерархическую структуру каждого ВИН образуют частные интенции, всего их выделено 72. Каждый ВИН отличается своим индивидуальным составом интенций от другого, а выраженность каждой интенции в составе различных ВИН зависит от функциональной цели общей интенциональной направленности. На рис. 2—4 представлена выраженность интенций в различных ВИН.

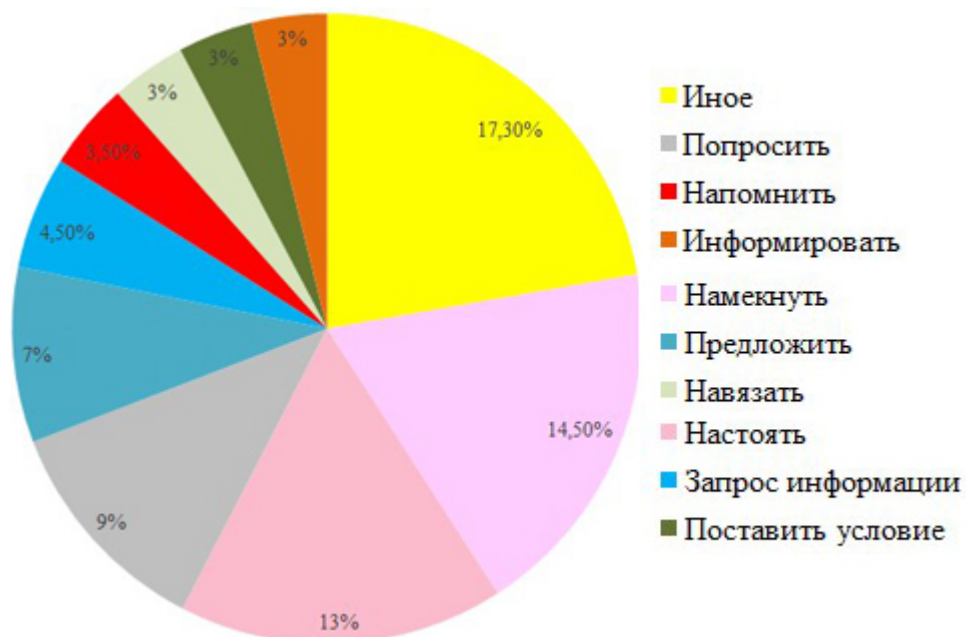


Рис. 2. Выраженность интенций в ВИН «Побудить к действию»

В ВИН «Побудить к действию» наиболее выражены интенции: дать указание (20,5%), намекнуть (14,5%), настоять (13,0%), попросить (9,0%), предложить (7,0%). В «иное» вошли наименее частотные интенции, частота использования которых менее 2,5% (такие как: выразить свое мнение (0,10%), выразить желание (0,60%), выразить сочувствие (0,10%), возбудить интерес (2,0%), пообещать (2,0%), предупредить (0,50%) и др.

Преобладание указанных интенций соответствует целям коммуникации, связанным с получением от детей фото и видеоизображений сексуального характера. Обвиняемые организуют и контролируют выполнение потерпевшими действий, выстраивая при этом определенную модель отношений с детьми, что подтверждается разноплановым набором малочастотных интенций, которые ими применялись (пробудить интерес, предложить, подкупить, пригрозить, выразить симпатию, пообещать).

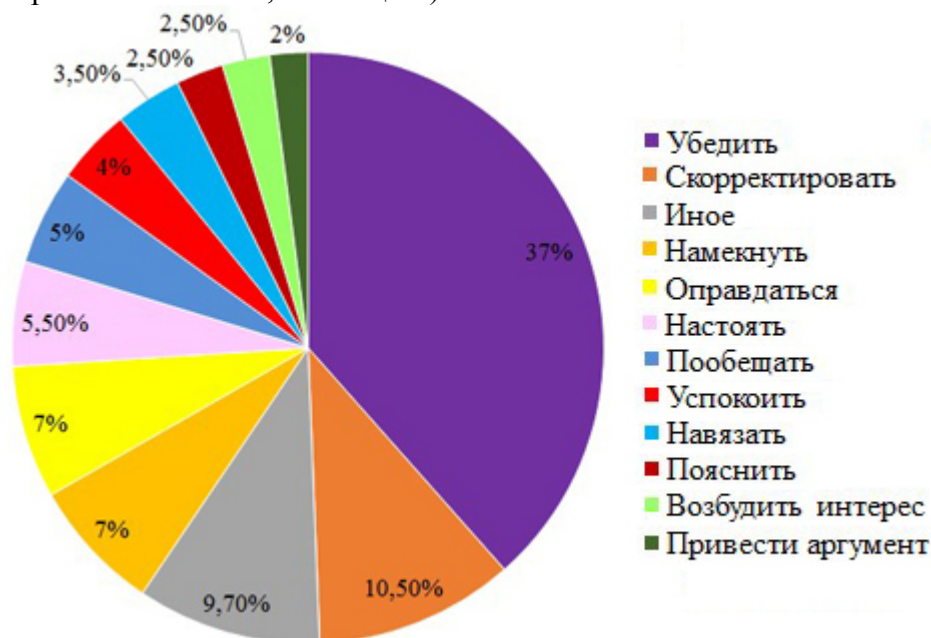


Рис. 3. Выраженность в ВИН «Изменить мнение»

В ВИН «Изменить мнение» наиболее выражены интенции: убедить (37,00%), скорректировать (10,50%), намекнуть (7,00%), оправдаться (7,00%), — что демонстрирует доминирующий характер общения обвиняемых с несовершеннолетними. В «иное» в данном ВИН включены такие интенции с наименьшей частотой встречаемости, как выразить чувства (любовь) (1%), подкупить (1,60%), выразить заботу (0,60%), предложить (0,30%), выразить восхищение (0,60%), обесценить мнение (0,30%), выразить сочувствие (0,30%), выразить обиду (0,30%) и др. Данные показали, что одновременно с доминантным стилем общения у обвиняемых с несовершеннолетними наблюдается тенденция к аргументации своей позиции. Использование таких интенций, как выразить обиду, выразить чувства (любви), выразить сочувствие, выразить восхищение, указывает на частое использование обвиняемыми для достижения своих целей самопредъявления эмоций и чувств с целью инициирования у собеседника ответных эмоциональных реакций, в том числе манипулируя их чувствами и эксплуатируя их потребности и эмоциональную незрелость.

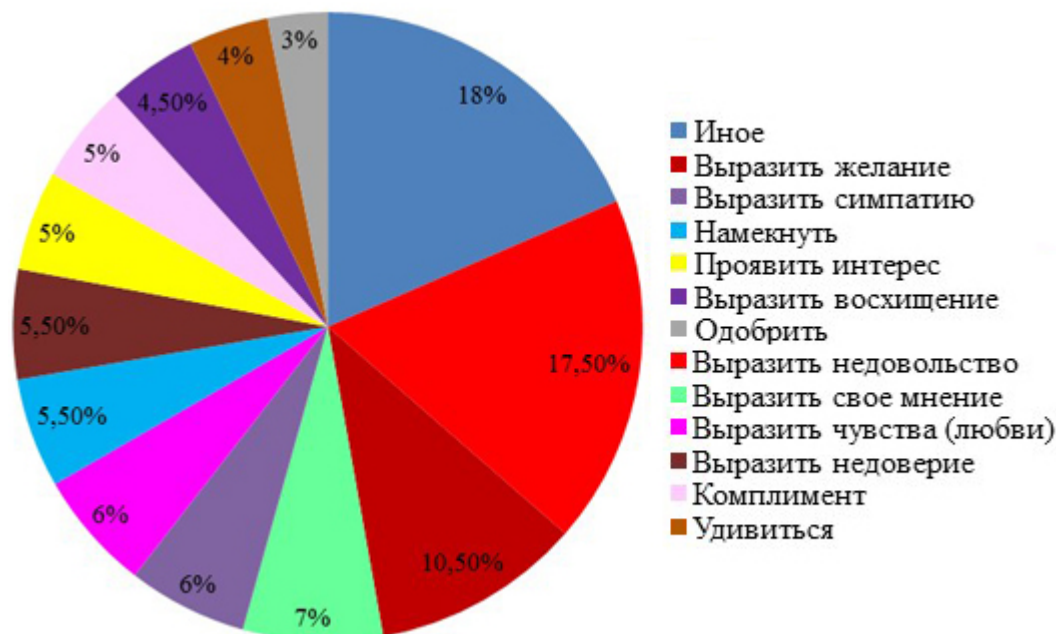


Рис. 4. Выраженность интенций в ВИН «Выразить отношение, состояние»

Наиболее выражены в составе ВИН «Выразить отношение, состояние» интенции: выразить недовольство (17,5%), выразить желание (10,50%), выразить свое мнение (7,00%), выразить чувства (любви) (6,00%), выразить симпатию (6,00%). В «иное» включены интенции с наименьшей частотой встречаемости, частота использования которых менее 2,5% (такие как: выразить сочувствие (1,00%), выразить разочарование (2,00%), выразить обиду (0,60%), выразить опасение (1,00%), выразить сожаление (1,00%), выразить доверие (2,00%), предостеречь (0,60%), проявить щедрость (0,60%), выразить привязанность (0,60%) и др.).

Преобладающие интенции и в целом состав ВИН раскрывают, по нашему мнению, стратегию выстраивания обвиняемыми эмоционально насыщенных, разноплановых отношений с несовершеннолетними, рассчитанных на длительный период их эксплуатации. Это также подтверждается набором малочастотных интенций (выразить сочувствие, выразить доверие, выразить обиду, выразить разочарование, выразить привязанность, похвалить).

Выводы

Проведенное исследование позволило установить интенциональную структуру коммуникации обвиняемых лиц с несовершеннолетними потерпевшими. Ее составили восемь ведущих интенциональных направленностей (ВИН), включающие 72 частные интенции: 1) побудить к действию; 2) побудить к общению; 3) уклониться; 4) выразить отношение; состояние; 5) поддержать общение; 6) изменить мнение; 7) поддержать действие партнера; 8) проявить, охарактеризовать себя. Интенциональная структура коммуникативных действий обвиняемых в совершении сексуальных действий с использованием сети Интернет, как показали результаты, отвечает целям коммуникации. Наибольшую выраженность имеет ВИН1, что обусловлено основной целью, для достижения которой они используют различные речевые ходы для побуждения ребенка к изготовлению и пересылке им интимных фотографий и видеозаписей. Прослеживается тенденция к организации и четкому контролю действий, выполняемых

Калинина А.С., Секераж Т.Н.
Взаимодействие с несовершеннолетними
потерпевшими лиц, привлекаемых к ответственности
за совершение развратных действий в сети Интернет:
интенциональный аспект
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 77–87.

Kalinina A.S., Sekerazh T.N.
Interaction with Minor Victims of Persons
Held to Account for Committing Online
Sexual Abuse: the Intentional Aspect
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 77–87.

несовершеннолетними, выстраивание сложного разнопланового «эмоционального общения», манипулятивных способов воздействия. Активную, инициативную и доминирующую позицию обвиняемого подтверждает выраженность ВИН в интернет-переписках, наиболее выраженные из них: «побудить к действию», «изменить мнение», «поддержать общение».

Представленное исследование охватывает часть более широкого исследования интенциональной структуры взаимодействия обвиняемых с потерпевшими различных возрастных групп, сравнительный анализ которых позволит, по нашей гипотезе, установить специфику психологического воздействия на детей в зависимости от их возрастного и, соответственно, правового статуса.

Литература

1. *Алиева Е.А.* Сеть Интернет как средство совершения развратных действий // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 180–182.
2. *Атабекова А.А., Букалерева Л.А., Симонова М.А., Ястребов О.А.* К вопросу об имплементации положений Лансаротской конвенции в российское и зарубежное законодательство [Электронный ресурс] // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 2. С. 426–434. doi:10.17150/2500-4255.2017.11(2).426-434
3. *Бельская Н.С.* Речевой жанр секстинга в судебной лингвистической экспертизе интернет-коммуникации при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности [Электронный ресурс] // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1-2 (61). С. 170–176. URL: <https://vestnik.kemsu.ru/jour/article/view/508/506> (дата обращения: 21.02.2022).
4. *Гребенищикова Т.А., Павлова Н.Д.* Интент-анализ: основания, процедура, опыт использования. М.: Институт психологии РАН, 2017. 90 с.
5. *Дозорцева Е.Г., Медведева А.С.* Сексуальный онлайн-груминг как объект психологического исследования [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 250–263. doi:10.17759/psylaw.2019090217
6. *Жаркая А.С.* Речевое взаимодействие в криминальном интернет-дискурсе на сексуальную тему: интенциональный аспект [Электронный ресурс] // Сборник тезисов участников межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии (21–24 мая 2018 года). М.: МГППУ, 2018. С. 23–25. URL: <https://psyjournals.ru/files/93357/jurpsyconf2018.pdf> (дата обращения: 21.02.2022).
7. *Корчагин Н.Ю., Дворянчиков Н.В., Антонов О.Ю., Шульга Т.И.* Специфика стратегий психологического воздействия у лиц, совершающих преступления сексуальной направленности против несовершеннолетних с использованием телекоммуникационной сети Интернет [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 111–126. doi:10.17759/psylaw.2020100209
8. *Кузнецов В.О.* Методологические аспекты лингвистического экспертного исследования переписок на сексуальные темы с несовершеннолетними [Электронный ресурс] // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Том 17. № 1. С. 107–114. doi:10.30764/1819-2785-2022-1-107-114
9. *Медведева А.С., Дозорцева Е.Г.* Характеристики онлайн-груминга как вида сексуальной эксплуатации несовершеннолетних (по результатам анализа переписок взрослых и детей в

Калинина А.С., Секераж Т.Н.
Взаимодействие с несовершеннолетними
потерпевшими лиц, привлекаемых к ответственности
за совершение развратных действий в сети Интернет:
интенциональный аспект
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 77–87.

Kalinina A.S., Sekerazh T.N.
Interaction with Minor Victims of Persons
Held to Account for Committing Online
Sexual Abuse: the Intentional Aspect

Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 77–87.

сети Интернет). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 161–173. doi:10.17759/psylaw.2019090412

10. Секераж Т.Н. Судебная психологическая экспертиза информационных материалов: теория и практика: Монография. М.: ФБУ «РФЦСЭ» при Минюсте России, 2021. 406 с.

11. Секераж Т.Н. Психологическое исследование информационных материалов: становление нового вида судебной психологической экспертизы и новой экспертной специальности [Электронный ресурс] // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Том 14. № 1. С. 35–43. doi:10.30764/1819-2785-2019-14-1-35-43

12. Секераж Т.Н. Психологическое исследование информационных материалов по делам о нарушении половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершаемом с помощью информационно-телекоммуникационных сетей [Электронный ресурс] // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Том 17. № 1. С. 96–106. doi:10.30764/1819-2785-2022-1-96-106

13. Секераж Т.Н., Кузнецов В.О. Комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза: формы, виды, перспективы развития [Электронный ресурс] // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 4 (44). С. 98–107. doi:10.30764/64/1819-2785-2016-4-98-107

14. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Львова Е.Н. Онлайн-агрессия и подростки: результаты исследования школьников Москвы и Московской области [Электронный ресурс] // Эпоха науки. 2017. № 12. С. 103–109. doi:10.1555/2409-3203-2017-0-12-103-109

15. Finkelhor D. Child sexual abuse: New theory and research. N.Y.: The Free Press, 1984. 304 p.

References

1. Alieva E.A. Set' Internet kak sredstvo soversheniya razvratnykh deistvii [Internet as a means of performance sexual abuse]. *Probely v Rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2017, no. 4, pp. 180–182 (In Russ.).

2. Atabekova A.A., Bukalerova L.A., Simonova M.A., Yastrebov O.A. K voprosu ob implementatsii polozhenii Lansarotskoi konventsii v rossiiskoe i zarubezhnoe zakonodatel'stvo [On implementing the Lanzarote Convention provisions in Russian and foreign legislation] [Elektronnyi resurs]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017. Vol. 11, no. 2, pp. 426–434. doi:10.17150/2500-4255.2017.11(2).426-434 (In Russ.).

3. Belskaya N.S. Rechevoi zhanr sekstinga v sudebnoi lingvisticheskoi ekspertize internet-kommunikatsii pri rassledovanii prestuplenii protiv polovoï neprikosnovennosti i polovoï svobody lichnosti [Speech genre of sexting in forensic linguistics analysis applicable to sex crimes investigation] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2015, no. 1-2 (61), pp. 170–176. URL: <https://vestnik.kemsu.ru/jour/article/view/508/506> (Accessed 21.02.2022). (In Russ.).

4. Grebenshchikova T.A., Pavlova N.D. Intent-analiz: osnovaniya, protsedura, opyt ispol'zovaniya. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2017. 90 p. (In Russ.).

5. Dozortseva E.G., Medvedeva A.S. Seksual'nyi onlain gruming kak ob'ekt psikhologicheskogo issledovaniya [Sexual Online Grooming as an Object of Psychological Research] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 2, pp. 250–263. doi:10.17759/psylaw.2019090217 (In Russ.).

6. Zharkaya A.S. Rechevoe vzaimodeistvie v kriminal'nom internet-diskurse na seksual'nyu temu: intentsional'nyi aspekt [Elektronnyi resurs]. *Sbornik tezisov uchastnikov mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi internet-konferentsii po yuridicheskoi psikhologii (21–24 maya 2018 goda)*.

Калинина А.С., Секераж Т.Н.
Взаимодействие с несовершеннолетними
потерпевшими лиц, привлекаемых к ответственности
за совершение развратных действий в сети Интернет:
интенциональный аспект
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 77–87.

Kalinina A.S., Sekerazh T.N.
Interaction with Minor Victims of Persons
Held to Account for Committing Online
Sexual Abuse: the Intentional Aspect

Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 77–87.

Moscow: MGPPU Publ., 2018, pp. 23–25. URL: <https://psyjournals.ru/files/93357/jurpsyconf2018.pdf>
(Accessed 21.02.2022) (In Russ.).

7. Korchagin N.Yu., Dvoryanchikov N.V., Antonov O.Yu., Shulga T.I. Spetsifika strategii psikhologicheskogo vozdeistviya u lits, sovershayushchikh prestupleniya seksual'noi napravlennosti protiv nesovershennoletnikh s ispol'zovaniem telekommunikatsionnoi seti Internet [Specifics of Psychological Impact Strategies for Persons Committing Sexual Crimes Against Minors through the Internet] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 111–126. doi:10.17759/psylaw.2020100209 (In Russ.).

8. Kuznetsov V.O. Metodologicheskie aspekty lingvisticheskogo ekspertnogo issledovaniya perepisok na seksual'nye temy s nesovershennoletnimi [Methodological Aspects of Linguistic Expert Analysis of Communications on Sexual Topics with Minors] [Elektronnyi resurs]. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy = Theory and Practice of Forensic Science*, 2022. Vol. 17, no. 1, pp. 107–114. doi:10.30764/1819-2785-2022-1-107-114 (In Russ.).

9. Medvedeva A.S., Dozortseva E.G. Kharakteristiki onlain gruminga kak vida seksual'noi ekspluatatsii nesovershennoletnikh (po rezul'tatam analiza perepisok vzroslykh i detei v seti Internet) [Features of online grooming as a form of sexual exploitation of minors (based on the analysis of communication between adults and children in the Internet)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 4, pp. 161–173. doi:10.17759/psylaw.2019090412 (In Russ.).

10. Sekerazh T.N. Psychological Forensic Examination of Informational Materials: Theory and Practice: Monografiya. Moscow: FBU "RFTsSE" pri Minyuste Rossii Publ., 2021. 406 p. (In Russ.).

11. Sekerazh T.N. Psikhologicheskoe issledovanie informatsionnykh materialov: stanovlenie novogo vida sudebnoi psikhologicheskoi ekspertizy i novoi ekspertnoi spetsial'nosti [Psychological Analysis of Informational Materials: Establishing a New Type of Forensic Psychological Evaluation and a New Forensic Science Specialty] [Elektronnyi resurs]. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy = Theory and Practice of Forensic Science*, 2019. Vol. 14, no. 1, pp. 35–43. doi:10.30764/1819-2785-2019-14-1-35-43 (In Russ.).

12. Sekerazh T.N. Psikhologicheskoe issledovanie informatsionnykh materialov po delam o narushenii polovoi neprikosnovennosti nesovershennoletnikh, sovershaemom s pomoshch'yu informatsionno-telekommunikatsionnykh setei [Psychological Analysis of Information Materials on the Cases of Violation of Minors' Sexual Integrity Committed through Information and Telecommunication Networks] [Elektronnyi resurs]. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy = Theory and Practice of Forensic Science*, 2022. Vol. 17, no. 1, pp. 96–106. doi:10.30764/1819-2785-2022-1-96-106 (In Russ.).

13. Sekerazh T.N., Kuznetsov V.O. Kompleksnaya sudebnaya psikhologo-lingvisticheskaya ekspertiza: formy, vidy, perspektivy razvitiya [Integrated Forensic Psycholinguistic Analysis: Forms, Types, Prospects of Development] [Elektronnyi resurs]. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy = Theory and Practice of Forensic Science*, 2016. no. 4 (44), pp. 98–107. doi:10.30764/64/1819-2785-2016-4-98-107 (In Russ.).

14. Soldatova G.U., Chigarkova S.V., Lvova E.N. Onlain-agressiya i podrostki: rezul'taty issledovaniya shkol'nikov Moskvy and Moskovskoi oblasti [Online-aggression and adolescents: results of research among school students in Moscow and Moscow Region] [Elektronnyi resurs]. *Epokha*

Калинина А.С., Секераж Т.Н.
Взаимодействие с несовершеннолетними
потерпевшими лиц, привлекаемых к ответственности
за совершение развратных действий в сети Интернет:
интенциональный аспект
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 77–87.

Kalinina A.S., Sekerazh T.N.
Interaction with Minor Victims of Persons
Held to Account for Committing Online
Sexual Abuse: the Intentional Aspect
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 77–87.

nauki = Era of Science, 2017, no. 12, pp. 103–109. doi:10.1555/2409-3203-2017-0-12-103-109 (In Russ.).

15. Finkelhor D. Child sexual abuse: New theory and research. N.Y.: The Free Press, 1984. 304 p.

Информация об авторах

Калинина Анастасия Сергеевна, государственный судебный эксперт, лаборатория судебной психологической экспертизы, Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (ФБУ «РФЦСЭ» при Минюсте России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4887-2567>, e-mail: anastasia.zharckaya@yandex.ru

Секераж Татьяна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая, лаборатория судебной психологической экспертизы, Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (ФБУ «РФЦСЭ» при Минюсте России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7619-6992>, e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru

Information about the authors

Anastasia S. Kalinina, State Forensic Expert, Laboratory of Forensic Psychology, Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4887-2567>, e-mail: anastasia.zharckaya@yandex.ru

Tat'yana N. Sekerazh, PhD in Law, Docent, Head, Laboratory of Forensic Psychology, Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7619-6992>, e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru

Получена 03.05.2022
Принята в печать 03.07.2022

Received 03.05.2022
Accepted 03.07.2022

Подходы к исследованию родительского отношения в российской психологии

Конищева А.В.

Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (ФБУ «РФЦСЭ при Минюсте России»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0418-8998>, e-mail: konishcheva.a@gmail.com

В описательном научном обзоре рассмотрены отечественные психологические подходы к исследованию родительского отношения, одного из ключевых экспертных понятий в комплексной судебной психолого-психиатрической (КСППЭ) и судебной психологической (СПЭ) экспертизе по спорам о воспитании ребенка при раздельном проживании родителей. Выделены основные научные понятия, применяемые для описания характера детско-родительских отношений: родительское отношение, родительская установка, родительская позиция, стиль семейного воспитания. Предпринята попытка обоснования необходимости применения экспертного понятия «родительское отношение» при производстве СПЭ и КСППЭ в части описания и экспертной оценки «отношений, существующих между каждым из родителей и ребенком».

Ключевые слова: родительское отношение, родительские установки, стили воспитания, семейное воспитание, судебная психологическая экспертиза, судебная психолого-психиатрическая экспертиза.

Для цитаты: *Конищева А.В.* Подходы к исследованию родительского отношения в российской психологии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 88–96. DOI:10.17759/psylaw.2022120308

Approaches to the Study of Parental Attitude in Russian Psychology

Anastasiya V. Konishcheva

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0418-8998>, e-mail: konishcheva.a@gmail.com

The descriptive scientific review considers the domestic psychological approaches to the study of parental attitude, one of the key concepts in the complex forensic psychological and psychiatric examination and forensic psychological examination in child custody disputes. The main scientific concepts used to describe the nature of child-parental relations have been allocated: parental attitude, parenting affirmations, parenting styles. An attempt has been made to substantiate the necessity of applying the expert concept of “parental attitude”

in the production of complex forensic psychological and psychiatric and forensic psychological examination in the part of description and expert assessment of the “relations existing between each parent and child”.

Keywords: parental attitude, parental affirmations, parenting styles, family education, forensic psychological examination, forensic psychological and psychiatric examination.

For citation: Konishcheva A.V. Approaches to the Study of Parental Attitude in Russian Psychology. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 88–96. DOI:10.17759/psylaw.2022120308 (In Russ.).

Установление родительского отношения и его возможного негативного влияния на эмоциональное состояние и развитие ребенка является одной из центральных экспертных задач при производстве СПЭ и КСППЭ по судебным спорам о воспитании [17; 18; 23]. Судами при назначении СПЭ и КСППЭ по такой категории дел на разрешение эксперта зачастую ставятся вопросы о влиянии стилей семейного воспитания, родительских установок, родительских позиций на эмоциональное состояние и развитие ребенка [6; 18]; при этом в контексте судебной экспертизы термин «родительское отношение» не имеет сегодня единого понимания [14]. С целью наиболее точного определения понятия «родительское отношение», соответствующего психологическому феномену и значению, придаваемому семейным правом, следует обратиться к различным подходам. В имеющихся обзорах затрагиваются разносторонние аспекты проблемы родительского отношения и его влияния на развитие ребенка [3; 8; 13], но интересующий нас вопрос единого определения этого понятия и его применения при производстве КСППЭ и СПЭ остается нерешенным.

В современной российской психологии отношение родителя к ребенку выражается через конструкты «родительское отношение», «родительские установки», «родительская позиция», «характер взаимодействия», «стиль семейного воспитания», которые либо используются как взаимозаменяемые, либо им придается разный смысл.

А.Я. Варга и В.В. Столин родительское отношение понимают как целостную систему разнообразных чувств по отношению к ребенку, особенностей восприятия и понимания его характера, личности, поступков, а также поведенческих стереотипов общения. По мнению авторов, родительское отношение характеризуется определенными побуждениями (интересом, пониманием необходимости взаимодействия, сотрудничеством, общением); поведением (речью, действиями, мимикой, жестами); эмоциями и чувствами (удовлетворенностью общением, симпатией, антипатией, взаимным притяжением положительными или отрицательными состояниями); познанием (восприятием другого человека, мышлением, воображением, представлением) [5].

А.Я. Варга родительское отношение представляет в виде трехкомпонентной структуры, имеющей три элемента — эмоциональный, когнитивный и поведенческий, каждый из которых структурно организован. Эмоциональный компонент имеет три оси: симпатия—антипатия, уважение—презрение, близость—отдаленность; поведенческий — четыре оси: доминирование, кооперация, потакание и автономия; а когнитивный компонент образуется осью «адекватное — неадекватное представление о ребенке»; неадекватными являются инфантилизация и инвалидизация (в том числе социальная). Автором были выделены такие типы родительского отношения, как принимающе-авторитарное, отвергающее с элементами инфантилизации, симбиотическое и симбиотически-авторитарное [4].

На трехкомпонентную структуру родительского отношения указывает и Р.В. Овчарова, представляя его одним из компонентов сложного феномена родительства наряду с ценностными ориентациями, установками и ожиданиями, родительскими чувствами, позициями, родительской ответственностью и стилем семейного воспитания. Эта структура образуется тремя составляющими: когнитивной (представления о различных способах и формах взаимодействия с ребенком, знания и представления о целевом аспекте взаимоотношений, убеждения в приоритетности определенных направлений взаимодействия), эмоциональной (оценки и суждения о различных типах родительского отношения, доминирующий эмоциональный фон) и поведенческой (формы контроля, воспитание взаимоотношениями, путем преодоления дистанции общения) [12].

Согласно исследованию К.Н. Белогай, структура родительского отношения определяется пятью взаимосвязанными компонентами: потребностно-мотивационным, ценностно-смысловым, эмоциональным, поведенческим и оценочным [2].

О.А. Карабанова, опираясь на эмоциональный аспект системы «родитель—ребенок», выделила следующие типы эмоционального отношения к ребенку: 1) безусловное принятие; 2) условное принятие; 3) амбивалентное отношение (сочетание позитивных и негативных чувств, враждебности и любви); 4) индифферентное отношение (равнодушие, эмоциональная холодность, низкая эмпатия); 5) скрытое эмоциональное отвержение (игнорирование, эмоционально-негативное отношение к ребенку); 6) открытое эмоциональное отвержение ребенка [9].

Е.О. Смирнова и М.В. Соколова используют понятие стиля родительского отношения, определяемого как «...сочетания различных вариантов поведения родителя, которые в разных ситуациях и в разное время будут проявляться в большей или меньшей степени»; на этой основе они выделяют семь стилей родительского поведения: строгий, объяснительный, автономный, компромиссный, содействующий, потакающий, ситуативный [20].

Еще одним понятием, входящим в структуру родительского отношения, являются родительские установки. Е.Т. Соколова, В.В. Столин, А.Я. Варга определяют родительские установки как «...систему или совокупность родительского эмоционального отношения к ребенку, восприятия ребенка родителем и способов поведения с ним» [22, с. 19]. Р.В. Овчарова рассматривает родительские установки как трехуровневую систему или совокупность родительского эмоционального отношения к ребенку, восприятие родителем ребенка и способы поведения с ним: 1) уровень репродуктивных установок супругов в аспекте их отношений («мы — родители»); 2) установки в детско-родительских отношениях («мы — родители нашего ребенка»); 3) установки и ожидания в отношении ребенка («это наш ребенок») [12].

Близким по значению является понятие «родительская позиция», которое, например, А.С. Спиваковская определяет как реальную направленность, в основе которой лежит сознательная или бессознательная оценка ребенка, выражающаяся в способах и формах взаимодействия с детьми, и выделяет два типа таких позиций — адекватные (оптимальные) и неадекватные. Оптимальная родительская позиция — та, которая отвечает требованиям адекватности, гибкости и прогностичности [21]. Р.В. Овчарова и С.С. Жигалин также отмечают, что именно адекватность родительской позиции является основным признаком эффективности родительских позиций. Индикаторами такой адекватности являются ее динамичность, гибкость, внутренняя и внешняя согласованность, прогностичность [11].

О.А. Карабанова трактует понятие «родительская позиция» более широко — как интегративную характеристику, определяющую тип эмоционального принятия ребенка, мотивы и ценности воспитания, особенности образа ребенка у родителя, особенности собственного ро-

дительского образа («Я как Родитель»), модели ролевого родительского поведения, степень удовлетворенности родительство [9]. Т.В. Архиреева понятие «родительская позиция» использует в значении «установка родителей на тот или иной тип воспитания» [1, с. 4].

Р.В. Овчарова и С.С. Жигалин в своей работе разводят значения понятий «родительская позиция», «родительская установка», «родительское отношение» и «родительское воспитание». В частности, родительская позиция рассматривается ими как «...целостная система отношений родителя: отношение к родительству, отношение к родительской роли, отношение к себе как к родителю, отношение к ребенку и отношение к воспитательной практике» [11, с. 168].

В.В. Столин и А.А. Бодалев, напротив, не дифференцируют эти понятия, усматривая в них значения, эквивалентные значению английского термина «attitude», и образующие триединство эмоционального отношения к ребенку: стиля обращения с ним, особенностей понимания и когнитивного видения ребенка родителем. Под неэффективным родительским отношением авторами понимается такое отношение, на основе которого у родителя и ребенка сформировались эмоционально-негативный фон взаимоотношений и трудности взаимопонимания [19].

В качестве интегративной характеристики воспитательной системы исследователями рассматривается стиль семейного воспитания, включающий наиболее характерное родительское отношение, совокупность применяемых способов воспитательного воздействия на ребенка, которые выражаются в своеобразной манере словесного обращения и взаимодействия.

Особое внимание исследователи уделяют типологиям негармоничного (дисгармоничного) воспитания в семье. Так, например, А.Е. Личко были выделены следующие виды неправильного воспитания, способствующие аномальному развитию ребенка: 1) гипопротекция (характерен недостаток опеки и контроля за поведением, доходящий иногда до полной безнадзорности; чаще проявляется как недостаток внимания и заботы к физическому и духовному благополучию ребенка, его делам, интересам, тревогам); 2) доминирующая гиперпротекция (сочетание обостренного внимания и заботы о ребенке с мелочным контролем, обилием ограничений и запретов); 3) потворствующая гиперпротекция (воспитание по типу «кумира семьи», потакание всем желаниям ребенка, чрезмерное покровительство и обожание); 4) эмоциональное отвержение (игнорирование потребностей ребенка, нередко жестокое обращение с ним); 5) повышенная моральная ответственность ребенка (не соответствующие возрасту и реальным возможностям ребенка требования бескомпромиссной честности, чувства долга, порядочности, возложение на подростка ответственности за жизнь и благополучие близких, настойчивые ожидания больших успехов в жизни в сочетании с игнорированием реальных потребностей ребенка, его собственных интересов, недостаточным вниманием к его психофизическим особенностям) [10].

В.И. Гарбузов, отмечая решающую роль воспитательных воздействий в формировании характера ребенка, говорит о трех основных типах «неправильного» воспитания: по типу А (неприятие, эмоциональное отвержение) — неприятие индивидуальных особенностей ребенка, сочетающееся с жестким контролем, с императивным навязыванием ему единственно правильного типа поведения; по типу В (гиперсоциализирующее) — выражается в тревожно-мнительной концепции родителей о состоянии здоровья ребенка, его социальном статусе, ожидании успехов; по типу С (эгоцентрическое) — культивирование внимания на одном ребенке, являющемся «кумиром семьи», иногда в ущерб другим детям [7].

Таким образом, в настоящее время существует большое количество исследований, посвященных проблеме родительского отношения (его типологии, структуры) и смежных с ним понятий (родительские установки, родительская позиция, стиль семейного воспитания, характер взаимодействия). Определения, данные многими авторами, дополняют друг друга,

интегрируют многие аспекты родительства как личностного образования, которое в данной совокупности приобретает целостный характер. Родительское отношение выступает как сложное и многогранное явление, а термин «родительское отношение» характеризуется полисемантической.

При этом анализ понятий, характеризующих особенности системы «родитель—ребенок» показал, что родительские установки, родительская позиция затрагивают в большей степени когнитивный ее компонент; стиль (тип) семейного воспитания, тип (характер, стиль) взаимодействия касаются ее поведенческого аспекта. Наиболее полным и обобщенным является понятие «родительское отношение», включающее в себя когнитивный, эмоциональный и поведенческий аспекты.

При решении вопроса об установлении отношения родителей к ребенку при производстве СПЭ и КСПЭ по семейным спорам представляется целесообразным использовать понятие «родительское отношение», являющееся концептуально валидным и более применимым, адекватным целям и задачам экспертного психологического исследования [16]. При экспертном психологическом исследовании родительского отношения и описании его особенностей в заключении эксперта, на наш взгляд, необходимо опираться на его трехкомпонентную структуру, включающую когнитивный (знание о ребенке — его индивидуальных особенностей, предпочтений, увлечений и т. д.), эмоциональный (эмоциональное отношение к ребенку, выражение чувств к нему, принятие, близость, любовь и др.) и поведенческий (способы воздействия на ребенка и взаимодействия с ним, требования и запреты, способы контроля, поощрений, выстраивание границ и т. д.) компоненты. Такой подход к пониманию родительского отношения представлен, например, в исследовании О.А. Русаковской, М.В. Новиковой-Грунд, С.Б. Андриановой [15].

Литература

1. *Архиреева Т.В.* Родительские позиции как условие развития отношения к себе ребенка младшего школьного возраста: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1990. 21 с.
2. *Белогай К.Н.* Структурные компоненты родительского отношения личности: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Красноярск, 2006. 22 с.
3. *Бутина-Гречаная С.В.* Теоретические подходы к анализу детско-родительских отношений // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. Серия «Педагогика и психология». 2010. № 5 (34). С. 244–247.
4. *Варга А.Я.* Структура и типы родительского отношения: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1986. 206 с.
5. *Варга А.Я.* Тест-опросник родительского отношения // Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы / Под ред. А.Я. Варги, В.В. Столина. М.: МГУ, 1988. 128 с.
6. *Васкэ Е.В., Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н.* Почему психолого-педагогическая экспертиза по спорам, связанным с воспитанием детей, не отвечает потребностям правосудия [Электронный ресурс] // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Том 15. № 1. С. 6–19. doi:10.30764/1819-2785-2020-1-6-19
7. *Гарбузов В.И., Захаров А.И., Исаев Д.Н.* Неврозы у детей и их лечение Л.: Медицина, 1977. 272 с.
8. *Головей Л.А., Савеньшева С.С., Василенко В.Е., Энгельгардт Е.Е.* К проблеме дифференциации основных понятий в системе отношений «родитель — ребенок»: теоретический и

эмпирический аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2014. № 2. С. 84–95.

9. *Карабанова О.А.* Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие. М.: Гардарики, 2005. 320 с.

10. *Личко А.Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб: Речь. 2013. 256 с.

11. *Овчарова Р.В., Жигалин С.С.* Родительская позиция как система отношений родителя // Актуальные вопросы теории и практики психологии отношений: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 24–27 мая 2010 г.). Екатеринбург, 2010. С. 167–176.

12. *Овчарова Р.В.* Психологическое сопровождение родительства. М.: Изд-во Института психотерапии, 2003. 319 с.

13. *Полкунова Е.В.* Исследование влияния родительского отношения на состояние ребенка при производстве судебной психологической экспертизы по семейным спорам // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 4 (40). С. 98–103.

14. *Русаковская О.А., Калашиникова А.С., Харитонова Н.К., Сафуанов Ф.С.* Актуальное состояние и проблемы комплексной психолого-психиатрической экспертизы в спорах о воспитании [Электронный ресурс] // Российский психиатрический журнал. 2021. № 1. С. 24–36. doi:10.47877/1560-957X-2021-10103

15. *Русаковская О.А., Новикова-Грунд М.В., Андрианова С.Б.* Психосемиотический подход к оценке родительского отношения [Электронный ресурс] // Российский психиатрический журнал. 2019. № 4. С. 27–35. doi:10.24411/1560-957X-2019-11933

16. *Сафуанов Ф.С.* Принципы клиничко-психологической судебной экспертологии [Электронный ресурс] // Российский психиатрический журнал. 2020. № 2. С. 39–45. doi:10.24411/1560-957X-2020-10205

17. *Сафуанов Ф.С., Русаковская О.А.* Методологические проблемы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам воспитания детей при раздельном проживании родителей [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2010. Том 15. № 2. С. 54–62. URL: <https://psyjournals.ru/psyedu/2010/n2/29855.shtml> (дата обращения: 25.02.2022).

18. *Сафуанов Ф.С., Харитонова Н.К., Русаковская О.А.* Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. М.: Генезис, 2012. 192 с.

19. Семья в психологической консультации: Опыт и проблемы психологического консультирования / Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М.: Педагогика, 1989. 208 с.

20. *Смирнова Е.О., Соколова М.В.* Методика диагностики структуры родительского отношения и его динамики в онтогенезе ребенка [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2005. Том 10. № 4. С. 83–91. URL: <http://psyjournals.ru/psyedu/2005/n4/Smirnova.shtml> (дата обращения: 25.02.2022).

21. *Спиваковская А.С.* Обоснование психологической коррекции неадекватных родительских позиций // Семья и формирование личности: Сборник научных трудов / под ред. А.А. Бодалева. М.: НИИОП, 1981. С. 38–45.

22. *Столин В.В., Соколова Е.Т., Варга А.Я.* Психология развития ребенка и взаимоотношений родителей и детей как теоретическая основа консультативной практики // Семья в психологической консультации: Опыт и проблемы психологического консультирования / под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М., 1989. С. 16–37.

23. *Харитонова Н.К., Сафуанов Ф.С., Вострокнутов Н.В., Русаковская О.А.* Методологические основы проведения комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз при

спорах о праве на воспитание детей: Методические рекомендации для экспертов // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 3 (35). С. 93–106.

References

1. Arkhireeva T.V. Roditel'skie pozitsii kak uslovie razvitiya otnosheniya k sebe rebenka mladshogo shkol'nogo vozrasta: Avtoref. diss. kand. psikholog. nauk. Moscow, 1990. 21 p. (In Russ.).
2. Belogai K.N. Strukturnye komponenty roditel'skogo otnosheniya lichnosti: Avtoref. diss. kand. psikholog. nauk. Krasnoyarsk, 2006. 22 p. (In Russ.).
3. Butina-Grechanaya S.V. Teoreticheskie podkhody k analizu detsko-roditel'skikh otnoshenii [Theoretical approaches to the analysis of child-parent relations]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N.G. Chernyshevskogo. Seriya: Pedagogika i psikhologiya = Scientific Notes of the Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky. Series "Pedagogy & Psychology"*, 2010, no. 5 (34), pp. 244–247 (In Russ.).
4. Varga A.Ya. Struktura i tipy roditel'skogo otnosheniya. Diss. kand. psikholog. nauk. Moscow, 1986. 206 p. (In Russ.).
5. Varga A.Ya. Test-oprosnik roditel'skogo otnosheniya. In A.Ya. Varga, V.V. Stolin (eds.). *Praktikum po psikhodiagnostike. Psikhodiagnosticheskie materialy*. Moscow: MGU Publ., 1988. 128 p. (In Russ.).
6. Vaske E.V., Safuanov F.S., Sekerazh T.N. Pochemu psikhologo-pedagogicheskaya ekspertiza po sporam, svyazannym s vospitaniem detei, ne otvechaet potrebnostyam pravosudiya [Why Psychological and Pedagogical Examinations in Disputes Concerning Child-Rearing Do Not Meet the Needs of Justice] [Elektronnyi resurs]. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy = Theory and Practice of Forensic Science*, 2020. Vol. 15, no. 1, pp. 6–19. doi:10.30764/1819-2785-2020-1-6-19 (In Russ.).
7. Garbuzov V.I., Zakharov A.I., Isaev D.N. Nevrozy u detei i ikh lechenie. Leningrad: Meditsina, 1977. 272 p. (In Russ.).
8. Golovey L.A., Savenysheva S.S., Vasilenko V.E., Engelgardt E.E. K probleme differentsiatsii osnovnykh ponyatii v sisteme otnoshenii "roditel' — rebenok": teoreticheskii i empiricheskii aspekty [On basic concept differentiation in the "parent-child" system of relations: theoretical and empirical aspects]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika = Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 2014, no. 2, pp. 84–95 (In Russ.).
9. Karabanova O.A. Psikhologiya semeinykh otnoshenii i osnovy semeinogo konsul'tirovaniya. Moscow: Gardariki, 2005. 320 p. (In Russ.).
10. Lichko A.E. Psikhopatii i aktsentuatsii kharaktera u podrostkov. Saint Petersburg: Rech', 2013. 256 p. (In Russ.).
11. Ovcharova R.V., Zhigalin S.S. Roditel'skaya pozitsiya kak sistema otnoshenii roditelya. *Aktual'nye voprosy teorii i praktiki psikhologii otnoshenii: materialy vsenos. nauch.-prakt. konf. (Ekaterinburg, 24–27 maya 2010 g.)*. Ekaterinburg, 2010, pp. 167–176. (In Russ.).
12. Ovcharova R.V. Psikhologicheskoe soprovozhdenie roditel'stva. Moscow, Institut psikhoterapii Publ., 2003. 319 p. (In Russ.).
13. Polkunova E.V. Issledovanie vliyaniya roditel'skogo otnosheniya na sostoyanie rebenka pri proizvodstve sudebnoi psikhologicheskoi ekspertizy po semeinykh sporam [Assessing the impact of parental attitudes on the child's psychological wellbeing when conducting expert psychological

evaluations in family disputes]. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy = Theory and Practice of Forensic Science*, 2015, no. 4 (40), pp. 98–103 (In Russ.).

14. Rusakovskaya O.A., Kalashnikova A.S., Kharitonova N.K., Safuanov F.S. Aktual'noe sostoyanie i problemy kompleksnoi psikhologo-psikhiatricheskoi ekspertizy v sporakh o vospitanii [The current state and problems of complex psychological and psychiatric evaluation in child custody disputes] [Elektronnyi resurs]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2021, no. 1, pp. 24–36. doi:10.47877/1560-957X-2021-10103 (In Russ.).

15. Rusakovskaya O.A., Novikova-Grund M.V., Andrianova S.B. Psikhosemioticheskie podkhod k otsenke roditel'skogo otnosheniya [The psychosemiotic approach towards assessment of parental attitude] [Elektronnyi resurs]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2019, no. 4, pp. 27–35. doi:10.24411/1560-957X-2019-11933 (In Russ.).

16. Safuanov F.S. Printsipy kliniko-psikhologicheskoi sudebnoi ekspertologii [Principles of clinical-psychological forensic expert science] [Elektronnyi resurs]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2020, no. 2, pp. 39–45. doi:10.24411/1560-957X-2020-10205 (In Russ.).

17. Safuanov F.S., Rusakovskaya O.A. Metodologicheskie problemy kompleksnoi sudebnoi psikhologo-psikhiatricheskoi ekspertizy po delam vospitaniya detei pri razdel'nom prozhivanii roditel'ei [The Methodological Problems of the Complex Forensic Psychological-Psychiatric Examination in the Matter of Bringing-up Children by Separated Parents] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2010. Vol. 15, no. 2, pp. 54–62. URL: <https://psyjournals.ru/psyedu/2010/n2/29855.shtml> (Accessed 25.02.2022). (In Russ.).

18. Safuanov F.S., Kharitonova N.K., Rusakovskaya O.A. Psikhologo-psikhiatricheskaya ekspertiza po sudebnym sporam mezhdru roditel'yami o vospitanii i meste zhitel'stva rebenka. Moscow: Genезis, 2012. 192 p. (In Russ.).

19. Bodalev A.A., Stolin V.V. (eds.). Sem'ya v psikhologicheskoi konsul'tatsii: Opyt i problemy psikhologicheskogo konsul'tirovaniya. Moscow: Pedagogika, 1989. 208 p. (In Russ.).

20. Smirnova E.O., Sokolova M.V. Metodika diagnostiki struktury roditel'skogo otnosheniya i ego dinamiki v ontogeneze rebenka [The method of diagnostics of parental attitude structure and its dynamics in child's ontogenesis] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2005. Vol. 10, no. 4, pp. 83–91. URL: <http://psyjournals.ru/psyedu/2005/n4/Smirnova.shtml> (Accessed 25.02.2022). (In Russ.).

21. Spivakovskaya A.S. Obosnovanie psikhologicheskoi korrektsii neadekvatnykh roditel'skikh pozitsii. In A.A. Bodalev (ed.). *Sem'ya i formirovanie lichnosti: Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow: NIIOP Publ., 1981, pp. 38–45 (In Russ.).

22. Stolin V.V., Sokolova E.T., Varga A.Ya. Psikhologiya razvitiya rebenka i vzaimootnoshenii roditel'ei i detei kak teoreticheskaya osnova konsul'tativnoi praktiki. In A.A. Bodalev, V.V. Stolin (eds.). *Sem'ya v psikhologicheskoi konsul'tatsii: opyt i problemy psikhologicheskogo konsul'tirovaniya*. Moscow, 1989, pp. 16–37 (In Russ.).

23. Kharitonova N.K., Safuanov F.S., Vostroknutov N.V., Rusakovskaya O.A. Metodologicheskie osnovy provedeniya kompleksnykh sudebnykh psikhologo-psikhiatricheskikh ekspertiz pri sporakh o prave na vospitanie detei: Metodicheskie rekomendatsii dlya ekspertov. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy = Theory and Practice of Forensic Science*, 2014, no. 3 (35), pp. 93–106 (In Russ.).

Конищева А.В.
Подходы к исследованию родительского
отношения в российской психологии
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 88–96.

Konishcheva A.V.
Approaches to the Study of Parental
Attitude in Russian Psychology
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 88–96.

Информация об авторах

Конищева Анастасия Владимировна, старший государственный судебный эксперт, лаборатория судебной психологической экспертизы, Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (ФБУ «РФЦСЭ при Минюсте России»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0418-8998>, e-mail: konishcheva.a@gmail.com

Information about the authors

Anastasia V. Konishcheva, Senior State Expert, Laboratory of Forensic Psychology, The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0418-8998>, e-mail: konishcheva.a@gmail.com

Получена 03.03.2022
Принята в печать 29.05.2022

Received 03.03.2022
Accepted 29.05.2022

Возможности и проблемы использования информации с цифровых носителей при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних, обвиняемых в незаконном распространении наркотиков

Ошевский Д.С.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3465-6302>, e-mail: dso@rambler.ru

Федонкина А.А.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0313-5272>, e-mail: afedonkina@gmail.com

В статье рассмотрена специфика анализа информации с цифровых носителей при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСПЭ) несовершеннолетних, обвиняемых в незаконном распространении наркотиков. Описаны особенности вовлечение молодежи в противоправную деятельность по распространению психоактивных веществ, психологические механизмы совершения подростками подобных общественно опасных действий. Показано, что анализ продуктов деятельности обвиняемого в виде зафиксированной в сети Интернет его коммуникативной активности, аккаунтов в социальных сетях является одним из методов, который позволяет составить или дополнить целостный психологический портрет правонарушителя и ответить на вопросы судебно-следственных органов. Указывается, что при планировании и реализации несовершеннолетним криминальных действий непосредственно в сети Интернет анализ информации с цифровых носителей является ключевым методом оценки способности подростка к произвольной регуляции своего поведения.

Ключевые слова: комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, Интернет, несовершеннолетние обвиняемые, распространение наркотиков.

Для цитаты: Ошевский Д.С., Федонкина А.А. Возможности и проблемы использования информации с цифровых носителей при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних, обвиняемых в незаконном распростране-

Ошевский Д.С., Федонкина А.А.
Возможности и проблемы использования информации
с цифровых носителей при проведении комплексной
судебной психолого-психиатрической экспертизы
несовершеннолетних, обвиняемых в незаконном
распространении наркотиков
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 97–108.

Oshevsky D.S., Fedonkina A.A.
Opportunities and Problems of Using Information
from Digital Media in a Comprehensive
Forensic Psychological and Psychiatric Examination
of Minors Accused of Illegal Drug Distribution
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 97–108.

нии наркотиков [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 97–108.
DOI:10.17759/psylaw.2022120309

Opportunities and Problems of Using Information from Digital Media in a Comprehensive Forensic Psychological and Psychiatric Examination of Minors Accused of Illegal Drug Distribution

Dmitriy S. Oshevsky

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3465-6302>, e-mail: dso@rambler.ru

Anastasiya A. Fedonkina

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0313-5272>, e-mail: afedonkina@gmail.com

The article considers the specifics of the analysis of information from digital media during the conduct of the comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of minors accused of illegal drug distribution. The features of the involvement of minors in illegal activities for the distribution of psychoactive substances, the psychological mechanisms of such socially dangerous actions by adolescents are described. Analysis of the products of the subject's activities in the form of his communicative activity recorded on the Internet, an account in a social network is one of the methods that allows to compose or supplement a holistic psychological portrait of the subject and answer the questions of the judicial and investigative authorities regarding his individual psychological characteristics. When planning and implementing criminal actions directly on the Internet, the task of an expert psychologist is among other things to reconstruct the situation of an offense and highlight regulatory components in the behavior of its participants, which include goal setting, the level of assessment and prediction of the consequences of actions, planning, control and correction actions aimed at achieving illegal goals.

Keywords: complex forensic psychological and psychiatric examination, Internet, minors offenders, drug trafficking.

For citation: Oshevsky D.S., Fedonkina A.A. Opportunities and Problems of Using Information from Digital Media in a Comprehensive Forensic Psychological and Psychiatric Examination of Minors Accused of Illegal Drug Distribution. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 97–108. DOI:10.17759/psylaw.2022120309 (In Russ.).

Ошевский Д.С., Федонкина А.А.
Возможности и проблемы использования информации с цифровых носителей при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних, обвиняемых в незаконном распространении наркотиков
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 97–108.

Oshevsky D.S., Fedonkina A.A.
Opportunities and Problems of Using Information from Digital Media in a Comprehensive Forensic Psychological and Psychiatric Examination of Minors Accused of Illegal Drug Distribution
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 97–108.

Введение

С интенсивным развитием высоких технологий и средств коммуникации в Российской Федерации существенно изменился характер противоправной деятельности по распространению наркотиков и незаконному обороту психоактивных веществ (ПАВ). Статистические данные свидетельствуют о существенном росте этого вида правонарушений. Так, по данным официального сайта МВД РФ, в период с 2019 по 2021 гг. число делитов, связанных с распространением наркотиков и ПАВ, осуществляемых с помощью IT-технологий, выросло более чем в два раза с 24677 до 51444 правонарушений [4].

Криминалисты обращают внимание на то, что большинство подобных преступлений совершается бесконтактным способом, с использованием Интернета и социальных сетей, расчеты осуществляются с помощью различных электронных платежных систем. Все это существенно затрудняет расследование противоправных деяний, связанных с незаконным оборотом наркотиков и ПАВ. При этом подчеркивается, что классическая методика их раскрытия и сбора доказательной базы во многом утрачивает свою актуальность [1]. Среди наиболее важных задач обозначают необходимость разработки новых методов расследования этих преступлений [3; 5]. Все эти трансформации напрямую затрагивают и психологическую судебно-экспертную деятельность.

Психологические аспекты незаконного распространения наркотиков несовершеннолетними с помощью информационно-телекоммуникационных технологий

При КСППЭ несовершеннолетних, обвиняемых в незаконном распространении ПАВ, в последнее время особую роль стало играть исследование цифровой информации [2; 7]. Ее анализ позволяет проследить, как происходил процесс вовлечения подростка в противоправную деятельность, ее социально-психологические аспекты — определить место несовершеннолетнего в группе, нюансы его коммуникации с организаторами и другими участниками, а также факторы уязвимости в виде индивидуально-психологических особенностей, личностной незрелости, психической патологии и т. п. [2] Для обоснованных ответов на эти вопросы эксперту необходимо не только быть в курсе меняющихся тенденций, но и представлять структуру этой деятельности, причем на уровне не только отдельного исполнителя, но и всей организации в целом.

В современном мировом наркобизнесе можно выделить ряд важных характеристик. Организация распространения наркотиков происходит преимущественно на цифровых платформах и функционирует с помощью DarkNet (англ. «темная сеть», «скрытая сеть»). Использование специальных программ позволяет обходить блокировки доступа к запрещенному контенту. Российский сегмент глобального рынка продажи наркотиков с некоторым запозданием также начал работать по законам цифровой экономики. Появилось понятие «платформенная модель бизнеса» [8; 13], которая является в целом универсальной, как для легальной, так и нелегальной торговой деятельности. Ряд аспектов позволяют участникам платформенного взаимодействия быстро, часто анонимно присоединиться к платформе. Она, в свою очередь, призвана привлекать новых пользователей, объединять их в группы и стимулировать дальнейшее активное нахождение в них. Развитие цифровой экономики привело к тому, что незаконное распространение ПАВ, начиная от рекламы и заканчивая организацией сбыта, пере-

Ошевский Д.С., Федонкина А.А.
Возможности и проблемы использования информации с цифровых носителей при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних, обвиняемых в незаконном распространении наркотиков
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 97–108.

Oshevsky D.S., Fedonkina A.A.
Opportunities and Problems of Using Information from Digital Media in a Comprehensive Forensic Psychological and Psychiatric Examination of Minors Accused of Illegal Drug Distribution
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 97–108.

местилось в виртуальное пространство. Подобный способ позволяет продавцу не встречаться с покупателем лично, что снижает риски задержания, ускоряет процесс продажи и несет еще целый ряд преимуществ. Так называемые контактные способы, т. е. непосредственная передача наркотиков от продавца к покупателю, в настоящее время встречаются все реже.

Основная площадка по распространению наркотиков, которая объединяет нелегальные виртуальные магазины, внесена в реестр Роскомнадзора как ресурс, требующий блокировки, однако у участников разработаны способы их обхода. На незаконных цифровых платформах по распространению наркотиков существует достаточно жесткая структура и иерархия. В ее вершине находятся организаторы, маркетологи, специалисты по рекламе, оптовые распространители и т. п., затем идут координаторы и модераторы тематических наркотических интернет-форумов, которые выстраивают связь с низовыми распространителями. В роли последних часто выступают несовершеннолетние. Их привлекают к продаже в основном недорогих наркотиков (амфетамины, мефедрон, синтетические каннабиноиды и т. п.), которые, однако, вследствие своей дешевизны, распространяются большими объемами. Отработан стандартный алгоритм взаимодействия между участниками противозаконных сделок [5]. Потребитель наркотиков и продавец договариваются через цифровую платформу о сделке, расчет производится с помощью электронных платежных систем. Организация и координация деятельности курьеров также происходит в виртуальном пространстве. Взаимодействие осуществляется с помощью мессенджеров или на цифровых платформах так называемых нелегальных «маркетплейсов». В функции несовершеннолетних распространителей входит получение в местах, обозначенных куратором, небольших партий наркотиков, их фасовка на более мелкие дозы и распространение в виде «закладок» — тайников с обозначением их нахождения. Эти места фотографируют на мобильный телефон и с указанием координат отправляют куратору. Он, в свою очередь, передает эту информацию покупателю. На сленге курьеров-распространителей называют «кладмены», «куры», «минеры».

Вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность обычно начинается с предложения крупного заработка. При этом для занятия вакансии не требуются какие-либо сложные знания, умения и навыки. В силу недостаточно сформированного самосознания несовершеннолетние не всегда могут критически оценить подобные предложения. Существует проработанный механизм рекрутинга, который широко использует различные манипулятивные приемы. Например, организаторы сначала напрямую не указывают, в чем конкретно будет состоять предлагаемая работа. Они используют максимально обобщенные эмоционально насыщенные обороты, приближенные по лексике к молодежной аудитории: «крутые бабки», «не будь зашкваром», «есть возможность подняться» и т. п. Основными интернет-каналами вовлечения несовершеннолетних в распространение наркотиков является баннерная всплывающая реклама на полулегальных и нелегальных ресурсах (онлайн-игры, порносайты, сайты азартных игр — интернет-казино, торренты с контрафактным аудио- и видеоконтентом и т. п.), контекстные сообщения в социальных сетях, на молодежных интернет-форумах. Иногда вовлечение происходит с помощью уличной рекламы: граффити на стенах с указанием федеральных телефонных номеров, адресов сайтов и электронной почты. Нередко предложение поступает от других несовершеннолетних, которые уже участвуют в подобной деятельности и транслируют ее привлекательные аспекты. Для подростков с личностной незрелостью подобные предложения могут восприниматься облегченно, как своеоб-

Ошевский Д.С., Федонкина А.А.
Возможности и проблемы использования информации с цифровых носителей при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних, обвиняемых в незаконном распространении наркотиков
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 97–108.

Oshevsky D.S., Fedonkina A.A.
Opportunities and Problems of Using Information from Digital Media in a Comprehensive Forensic Psychological and Psychiatric Examination of Minors Accused of Illegal Drug Distribution
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 97–108.

разная игровая деятельность, и тем самым ограничивать возможности адекватной оценки последствий своих действий. Информация о характере вовлечения несовершеннолетнего в распространение наркотиков очень часто содержится на цифровых носителях в виде переписки с другими подростками, где они делятся своими впечатлениями, а также в «цифровых следах»: запросы в поисковых системах, активность на определенных интернет-ресурсах и т. п. Анализ цифровых носителей позволяет объективизировать общую картину, определить факторы уязвимости несовершеннолетних и проследить путь от проявления первичного интереса до реализации противоправной деятельности [6]. Следует отметить, что если раньше в распространение наркотиков были включены преимущественно маргинальные группы населения, то в последние годы нередко ими становятся подростки из достаточно благополучных семей, не имеющие каких-либо заметных поведенческих проблем. Желание получить «карманные деньги», достичь финансовой независимости от родителей, в сочетании с невысоким уровнем правосознания, существенно облегчает вхождение в подобную противоправную деятельность.

Одними из существенных факторов уязвимости является то, что для подтверждения своей надежности и лояльности условием для начала деятельности по распространению наркотиков организаторы ставят opravku сканера паспорта, какого-либо документа, удостоверяющего личность, информации о месте жительства, иной личной информации. Кроме того, начинающие распространители предоставляют координатору широкий доступ к различным функциям своего смартфона (данные геолокации, разрешение на удаленный просмотр фото и видеофайлов). Несовершеннолетние в силу возрастной незрелости, недостаточного прогноза возможных последствий такого шага легко соглашаются на подобные условия. В дальнейшем это может быть поводом для запугивания и шантажа, когда подросток предпринимает попытку прекратить противоправную деятельность, допускает какие-то оплошности при осуществлении «закладок». Несовершеннолетним сложившаяся ситуация может казаться безвыходной, соответственно, сужать круг способов адекватного выхода из нее, ограничивать способность к произвольной регуляции. Поэтому эксперту необходимо включать такую информацию в общий экспертный анализ.

Следует учитывать, что существует целый ряд способов удержания подростка в рамках противоправной деятельности. Например, для ее начала требуется внести денежный залог. Нередко эти деньги несовершеннолетние похищают у родителей, занимают у знакомых, чтобы в дальнейшем компенсировать за счет средств от продажи наркотиков. При активной включенности подростка в распространение наркотиков увеличивается объем предоставляемых партий веществ, однако увеличивается и сумма залога. Эта информация может содержаться на цифровых носителях в виде распечатки транзакций, которые проводит несовершеннолетний. Являясь не только противозаконной, но и высоко рискованной, деятельность по распространению наркотиков несет в себе угрозы непредвиденных для несовершеннолетнего последствий, например, потерю товара. В таких случаях финансовое бремя ложится на курьера и делает его еще более уязвимым в плане шантажа и запугивания. На некоторых цифровых платформах процесс распространения наркотиков организуется по модели компьютерных игр и на начальных этапах может восприниматься несовершеннолетним как своеобразный увлекательный «квест». Кроме того, стимулирование увеличения объема продаж наркотиков происходит не только с помощью дополнительного денежного вознаграждения,

Ошевский Д.С., Федонкина А.А.
Возможности и проблемы использования информации с цифровых носителей при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних, обвиняемых в незаконном распространении наркотиков
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 97–108.

Oshevsky D.S., Fedonkina A.A.
Opportunities and Problems of Using Information from Digital Media in a Comprehensive Forensic Psychological and Psychiatric Examination of Minors Accused of Illegal Drug Distribution
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 97–108.

но и за счет повышения ранга в сетевом сообществе — от рядового распространителя до низового организатора, с присвоением соответствующего статуса в незаконных интернет-чатах. Эти сведения также требуют отдельного экспертного анализа, поскольку перечисленные факторы могут ограничивать способность несовершеннолетнего к произвольной регуляции своего поведения.

Спецификой деликтов несовершеннолетних, связанных с распространением наркотиков, является то, что они носят в основном групповой характер [9]. С одной стороны, это облегчает организацию операциональной стороны деятельности, поскольку дает больше возможностей следить за окружающей обстановкой, соблюдать конспирацию и т. п. С другой стороны, организаторы эксплуатируют свойственную для подросткового возраста деятельность межличностного общения. Совместная деятельность придает несовершеннолетнему уверенность в себе, приводит к реализации более рискованных моделей поведения, на которые он не решился бы индивидуально. Информация с цифровых носителей, в частности переписка в соцсетях, бывает важной при анализе взаимодействия несовершеннолетних между собой и с организаторами распространения наркотиков. Она дает представления о статусных отношениях в группе. Так, осознанное руководство своей деятельностью у несовершеннолетнего, активно взаимодействующего с куратором платформы, осуществляющего получение доступа к анонимным платежным системам, будет отличаться от действий зависимого подростка, у которого способность противостоять групповому давлению может быть слабо сформированной. Экспертный анализ цифровых носителей может давать важную информацию об уровне включенности несовершеннолетнего в противоправную деятельность. Время и частота посещения ресурсов, связанных с употреблением и распространением наркотиков, опосредованно свидетельствуют о значимости этих тем для подростка.

Анализ случаев назначения повторных КСППЭ свидетельствуют о том, что эксперты иногда недоучитывают ряд важных фактов и необоснованно приходят к выводам об ограниченной способности несовершеннолетнего к произвольной регуляции своей деятельности. Вместе с тем характер ее организации свидетельствует об обратном. На цифровых носителях может содержаться информация о приобретении, в том числе в он-лайн формате, предметов, используемых для осуществления «закладок»: электронных весов, пластиковых пакетов — для фасовки наркотиков, изолянты различных цветов — для маркирования места наркотиков и т. п. Значимой информацией являются запросы на геопозиционирование той или иной местности, с учетом близости объектов, затрудняющих распространение наркотиков, например, отделений полиции и т. п. Такая информация может указывать на достаточно тщательное планирование деятельности и прогнозирование возможных рисков.

Особой категорией несовершеннолетних распространителей наркотиков являются подростки, которые сами употребляют ПАВ. С одной стороны, это могут быть те, кто активно общаются на тематических наркотических форумах, иногда бывают даже их модераторами, следят за соблюдением правил этих сообществ, получают скидки от площадок на приобретение наркотиков и т. п., т. е. демонстрируют во многом внешне хорошо организованную деятельность. С другой стороны, употребление наркотиков серьезно трансформирует потребностную, мотивационную и смысловую сферы и может выступать фактором ограничения произвольной регуляции своего поведения [10]. В отдельных исследованиях отмечено, что посещение веб-сайтов, просмотр видеороликов, популяризирующих наркотические веще-

Ошевский Д.С., Федонкина А.А.
Возможности и проблемы использования информации с цифровых носителей при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних, обвиняемых в незаконном распространении наркотиков
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 97–108.

Oshevsky D.S., Fedonkina A.A.
Opportunities and Problems of Using Information from Digital Media in a Comprehensive Forensic Psychological and Psychiatric Examination of Minors Accused of Illegal Drug Distribution
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 97–108.

ства, влияет на либерализацию отношения к наркотикам и их употребления; также подростки и юноши, слушающие музыку, пропагандирующую употребление наркотиков, чаще употребляют наркотические вещества, чем те, кто подобную музыку не слушает [15; 16]. Анализ информации с цифровых носителей позволяет проводить оценку и этих аспектов жизнедеятельности несовершеннолетнего, делая экспертные выводы более полными и обоснованными.

Одна из важных задач эксперта при проведении КСППЭ несовершеннолетних, обвиняемых в незаконном распространении наркотиков, — составление максимально полной и надежной характеристики личности подростка. Анализ продуктов деятельности подэкспертного — один из методов, позволяющий представить или существенно дополнить такую характеристику.

Направления экспертного анализа информации о несовершеннолетних, включая информацию с цифровых носителей, в рамках КСППЭ подростков, обвиняемых в незаконном распространении наркотиков

На основе анализа 22 КСППЭ несовершеннолетних, обвиняемых (средний возраст обследованных — 16,2±1,7 лет) в незаконном распространении наркотиков с помощью сети Интернет, проведенных в ФГБУ «НМИЦ ПН» имени В.П. Сербского Минздрава России, были выделены проблемные аспекты включения информации с цифровых носителей в традиционный психологический анализ материалов дела.

Психологический анализ материалов дела является одним из основных методов, используемых при проведении КСППЭ несовершеннолетних обвиняемых. Сделанные с его помощью промежуточные выводы сопоставляются и дополняются данными клинической беседы, наблюдения и экспериментально-психологического исследования. Поэтому от полноты предоставленной в распоряжение эксперта информации будет зависеть полнота, всесторонность и научная обоснованность окончательных выводов — ответов на поставленные вопросы. В состав уголовного дела в последнее время все чаще включается информация с цифровых носителей в виде скриншотов аккаунтов, переписка подростков в социальных сетях, фотографий и видеозаписей. В соответствии с законодательством, регламентирующим экспертную деятельность, материалы уголовного дела предоставляются в распоряжение экспертов судебно-следственными органами. Проводящие экспертное исследование не имеют права получать сведения для анализа каким-либо иным путем, в том числе из открытых источников сети Интернет. В ходе судебной экспертизы у эксперта может возникнуть необходимость в дополнительной информации, в таких случаях он ходатайствует о предоставлении недостающих материалов [7; 14]. К сожалению, информация с цифровых носителей часто представляется эксперту в недостаточном объеме, что может негативно влиять на полноту и объективность выводов.

Между тем анализ информации с цифровых носителей предоставляет эксперту дополнительные возможности. При проведении клинической беседы с подэкспертным, даже при установлении доверительного контакта, получаемая информация не свободна от социально желательного предьявления. Информация с цифровых носителей дает представление о поведении подростка в более естественных для него условиях. Анализ продуктов деятельности подэкспертного, коммуникативной активности подростка — один из методов, который позволяет составить или дополнить его психологическую характеристику, получаемую в рамках очного обследования при КСППЭ. В последнее время обращается особое внимание на широ-

Ошевский Д.С., Федонкина А.А.
Возможности и проблемы использования информации с цифровых носителей при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних, обвиняемых в незаконном распространении наркотиков
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 97–108.

Oshevsky D.S., Fedonkina A.A.
Opportunities and Problems of Using Information from Digital Media in a Comprehensive Forensic Psychological and Psychiatric Examination of Minors Accused of Illegal Drug Distribution
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 97–108.

кие возможности анализа «цифровой личности» при решении вопросов кибербезопасности детей и подростков [11; 12], однако они не интегрированы в экспертную практику. Между тем самопрезентация в виде оформления аккаунта, аватара, размещения графической продукции, высказываний, выбора музыки и т. п. говорит об интересах подростка, предпочтениях, отношении к окружающим и себе. Важно учитывать, что самопрезентация несовершеннолетнего не является абсолютным отражением его Я. Это связано с тем, что виртуальное пространство позволяет подростку создавать желаемый образ Я, экспериментировать с различными социальными ролями и образами. Подобная деятельность является отражением внутриличностных конфликтов и противоречий, но в то же время выступает основой для формирования идентичности подростка. Сопоставление особенностей самопрезентации в виртуальном пространстве с другими данными уголовного дела позволяет эксперту объективно проанализировать проблемы подростка и связанные с ними субъективные переживания [2].

Другой вариант оценки профилей подэкспертных в социальных сетях и онлайн-переписки применим для случаев, когда планирование и реализация криминальных действий самих несовершеннолетних происходит непосредственно в сети Интернет (например, создание договоренностей между соучастниками, планирование противоправных действий, приобретение для них средств, а также сами криминальные действия). Таким образом, подросток действует, с одной стороны, виртуально, а с другой — в реальной жизни. Задача эксперта-психолога состоит не только в составлении психологической характеристики подэкспертного, исходя из его коммуникаций, но и в реконструкции ситуации правонарушения, выделении в поведении ее участников регулятивных компонентов. К таким компонентам относятся целеполагание, оценка и прогнозирование последствий действий, их планирование, контроль и коррекция. Кроме того, особенности коммуникаций и продуктов деятельности в сети Интернет в период, непосредственно предшествующий правонарушению, предоставляет возможность судить и о психическом состоянии подростка. Высказывания, продуцируемые подростком в виртуальном пространстве, являются ценным материалом для психиатра и клинического психолога, так как в них могут отражаться психопатологические переживания, например, сверхценные идеи, нарушения мышления и т. п. Эти сведения с учетом данных презентальной диагностики в рамках КСППЭ позволяют объективно обосновать психиатрический диагноз и наполнить медицинский критерий экспертного решения [2].

Один из основных методологических принципов анализа информации цифровых носителей при проведении КСППЭ несовершеннолетних состоит в том, что деятельность подростка опосредована ими как средством не только передачи и хранения информации, но и трансформации восприятия субъектом ситуации деятельности. Особенностью этого феномена является ощущение большей безопасности и готовность к более рискованному поведению, так как подросток действует относительно анонимно, дистанционно и не имеет непосредственного столкновения с последствиями своих действий. Все это затрудняет адекватную оценку и прогнозирование своего противоправного поведения, что должно находить отражение в экспертном решении.

Заключение

Проведение КСППЭ несовершеннолетних, обвиняемых в незаконном распространении наркотиков, с использованием материалов сети Интернет предъявляет дополнительные тре-

Ошевский Д.С., Федонкина А.А.
Возможности и проблемы использования информации с цифровых носителей при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних, обвиняемых в незаконном распространении наркотиков
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 97–108.

Oshevsky D.S., Fedonkina A.A.
Opportunities and Problems of Using Information from Digital Media in a Comprehensive Forensic Psychological and Psychiatric Examination of Minors Accused of Illegal Drug Distribution
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 97–108.

бования к экспертам. Они не только должны владеть специальными познаниями в области судебной, возрастной, социальной, клинической психологии, но и ориентироваться в структуре цифровой среды, социальных сетей, актуальных течений, связанных с интернет-коммуникациями. Все это необходимо для более полной экспертной оценки индивидуально-психологических особенностей, различных сторон социального взаимодействия подростка, регулятивных аспектов психической деятельности несовершеннолетнего в юридически значимых ситуациях и т. п. Тем не менее, КСППЭ несовершеннолетних, обвиняемых в незаконном распространении наркотиков, с использованием интернет-технологий является новым и недостаточно разработанным видом экспертизы. В связи с этим представляется актуальным дальнейшее обоснование индивидуальных алгоритмов проведения исследования, построение моделей и выделение критериев экспертных решений.

Литература

1. *Балашова А.А.* Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М., 2020. 30 с.
2. *Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В.* Использование материалов сети «Интернет» при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних [Электронный ресурс] // *Правосудие*. 2021. Том 3. № 4. С. 197–212. doi:10.37399/2686-9241.2021.4.197-212
3. *Ким Д.В., Климачков А.В., Шебалин А.В.* Некоторые вопросы организации расследования незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием сети «Интернет» // *Современные технологии и подходы в юридической науке и образовании: Сборник материалов международного научно-практического форума «Современные технологии и подходы в юридической науке и образовании»* / Под ред. Т.С. Воловецкой. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2021. С. 240–247.
4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2021 года [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 29.04.2022).
5. *Кузина Л.С.* Незаконный оборот наркотиков в сети Интернет // *Вестник Воронежского института МВД России*. 2020. № 2. С. 323–328.
6. *Макушкин Е.В., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Пережогин Л.О., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В., Терехина С.А., Нуцкова Е.В., Федонкина А.А.* Преступления в интернет-среде с участием несовершеннолетних и их медико-психологическая профилактика: Аналитический обзор. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2021. 56 с.
7. *Макушкин Е.В., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Шишков С.Н., Полубинская С.В.* Подготовка материалов следователями для производства посмертной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних, окончивших жизнь самоубийством (статья 110 УК РФ): Методические рекомендации. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, 2018. 20 с.
8. *Маркова В.Д.* Платформенные модели бизнеса: подходы к созданию [Электронный ресурс] // *ЭКО*. 2019. № 5. С. 106–123. doi:10.30680/ЕСО0131-7652-2019-5-106-123
9. *Михайлова Е.В.* Участие несовершеннолетних в незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием информационно-

Ошевский Д.С., Федонкина А.А.
Возможности и проблемы использования информации
с цифровых носителей при проведении комплексной
судебной психолого-психиатрической экспертизы
несовершеннолетних, обвиняемых в незаконном
распространении наркотиков
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 97–108.

Oshevsky D.S., Fedonkina A.A.
Opportunities and Problems of Using Information
from Digital Media in a Comprehensive
Forensic Psychological and Psychiatric Examination
of Minors Accused of Illegal Drug Distribution
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 97–108.

телекоммуникационных сетей // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2019. № 3 (51). С. 37–42.

10. Ошевский Д.С., Кудимова Т.А. Смысловая сфера несовершеннолетних, употребляющих психоактивные вещества [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 4. С. 34–43. doi:10.17759/psylaw.2018080404

11. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 4. С. 87–97. doi:10.17759/chp.2020160409

12. Солдатова Г.У., Войскунский А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема социальная эволюция психики [Электронный ресурс] // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Том 18. № 3. С. 431–450. doi:10.17323/1813-8918-2021-3-431-450

13. Щурова А.С. Незаконный оборот наркотических средств и их аналогов с использованием компьютерных технологий (сети Интернет): уголовно-правовое и криминологическое исследование: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. СПб, 2017. 26 с.

14. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (действующая редакция) [Электронный ресурс] // Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 29.04.2022).

15. Chan G.H.Y., Lo T.W., Tam H.L.C., Lee G.K.W. Intrinsic motivation and psychological connectedness to drug abuse and rehabilitation: the perspective of self-determination // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. Vol. 16. doi:10.3390/ijerph16111934

16. Motyka M.A., Al-Imam A. Causes of drug initiation among adolescents // Canadian Journal of Family and Youth. 2022. Vol. 14(1). P. 63–81. doi:10.29173/cjfy29755

References

1. Balashova A.A. Elektronnye nositeli informatsii i ikh ispol'zovanie v ugovolno-protsessual'nom dokazyvanii: Avtoref. diss. kand. jur. nauk. Moscow, 2020. 30 p. (In Russ.).

2. Dozortseva E.G., Oshevsky D.S., Syrovkashina K.V. Ispol'zovanie materialov seti "Internet" pri provedenii kompleksnoi sudebnoi psikhologo-psikhiatricheskoi ekspertizy nesovershennoletnikh [The Use of Materials from the Internet Network in the Conduct of a Comprehensive Forensic Psychological and Psychiatric Examination of Minors] [Elektronnyi resurs]. *Pravosudie = Justice*, 2021, Vol. 3, no. 4, pp. 197–212. doi:10.37399/2686-9241.2021.4.197-212 (In Russ.).

3. Kim D.V., Klimachkov A.V., Shebalin A.V. Nekotorye voprosy organizatsii rassledovaniya nezakonnogo sbyta narkoticheskikh sredstv, sovershenного s ispol'zovaniem seti "Internet". In T.S. Volochetskaya (ed.). *Sovremennye tekhnologii i podkhody v yuridicheskoi nauke i obrazovanii: Sbornik materialov mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma "Sovremennye tekhnologii i podkhody v yuridicheskoi nauke i obrazovanii"*. Kaliningrad: Izdatel'stvo BFU im. I. Kanta, 2021, pp. 240–247 (In Russ.).

4. Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii za yanvar' — dekabr' 2021 goda [Elektronnyi resurs]. *Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii = The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (Accessed 29.04.2022). (In Russ.).

Ошевский Д.С., Федонкина А.А.
Возможности и проблемы использования информации
с цифровых носителей при проведении комплексной
судебной психолого-психиатрической экспертизы
несовершеннолетних, обвиняемых в незаконном
распространении наркотиков
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 97–108.

Oshevsky D.S., Fedonkina A.A.
Opportunities and Problems of Using Information
from Digital Media in a Comprehensive
Forensic Psychological and Psychiatric Examination
of Minors Accused of Illegal Drug Distribution
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 97–108.

5. Kuzina L.S. Nezakonnyi oborot narkotikov v seti Internet [Drug Trafficking on the Internet]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 2, pp. 323–328 (In Russ.).
6. Makushkin E.V., Badmaeva V.D., Dozortseva E.G., Perezhogin L.O., Oshevskii D.S., Syrovkashina K.V., Terekhina S.A., Nutskova E.V., Fedonkina A.A. Prestupleniya v internet-srede s uchastiem nesovershennoletnikh i ikh mediko-psikhologicheskaya profilaktika: Analiticheskii obzor. Moscow: FGBU “NMITs PN imeni V.P. Serbskogo” Minzdrava Rossii Publ., 2021. 56 p. (In Russ.).
7. Makushkin E.V., Badmaeva V.D., Dozortseva E.G., Shishkov S.N., Polubinskaya S.V. Podgotovka materialov sledovatelyami dlya proizvodstva posmertnoi kompleksnoi sudebnoi psikhologo-psikhiatricheskoi ekspertizy nesovershennoletnikh, okonchivshikh zhizn' samoubiistvom (stat'ya 110 UK RF): Metodicheskie rekomendatsii. Moscow: FGBU “NMITs PN imeni V.P. Serbskogo” Minzdrava Rossii Publ., 2018. 20 p. (In Russ.).
8. Markova V.D. Platformennye modeli biznesa: podkhody k sozdaniyu [Platform models of business: approaches to creating] [Elektronnyi resurs]. *EKO = ECO*, 2019, no. 5, pp. 106–123. doi:10.30680/ESO0131-7652-2019-5-106-123 (In Russ.).
9. Mikhaylova E.V. Uchastie nesovershennoletnikh v nezakonnom oborote narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh veshchestv ili ikh analogov s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh setei [Participation of minors in illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues using information and telecommunication networks]. *Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Advanced Training Institute of the MIA of Russia*, 2019, no. 3 (51), pp. 37–42 (In Russ.).
10. Oshevsky D.S., Kudimova T.A. Smyslovaya sfera nesovershennoletnikh, upotrebyayushchikh psikhoaktivnye veshchestva [The semantic sphere of minors who use psychoactive substances] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 4, pp. 34–43. doi:10.17759/psylaw.2018080404 (In Russ.).
11. Soldatova G.U., Rasskazova E.I. Itogi cifrovoj transformatsii: ot onlajn-real'nosti k smeshannoj real'nosti [Digital Transition Outcomes: From Online Reality to Mixed Reality] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2020. Vol. 16, no. 4, pp. 87–97. doi:10.17759/chp.2020160409 (In Russ.).
12. Soldatova G.U., Voiskunsky A.E. Sotsial'no-kognitivnaya kontseptsiya tsifrovoi sotsializatsii: novaya ekosistema sotsial'naya evolyutsiya psikhiki [Socio-Cognitive Concept of Digital Socialization: A New Ecosystem and Social Evolution of the Mind] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2021. Vol. 18, no. 3, pp. 431–450. doi:10.17323/1813-8918-2021-3-431-450 (In Russ.).
13. Shchurova A.S. Nezakonnyi oborot narkoticheskikh sredstv i ikh analogov s ispol'zovaniem komp'yuternykh tekhnologii (seti Internet): ugovovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie: Avtoref. diss. kand. jur. nauk.. Saint Petersburg, 2017. 26 p. (In Russ.).
14. Federal'nyi zakon ot 31 maya 2001 g. No. 73-FZ “O gosudarstvennoi sudebno-ekspertnoi deyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii” (deistvuyushchaya redaktsiya) [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (Accessed 29.04.2022). (In Russ.).

Ошевский Д.С., Федонкина А.А.
Возможности и проблемы использования информации
с цифровых носителей при проведении комплексной
судебной психолого-психиатрической экспертизы
несовершеннолетних, обвиняемых в незаконном
распространении наркотиков
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 97–108.

Oshevsky D.S., Fedonkina A.A.
Opportunities and Problems of Using Information
from Digital Media in a Comprehensive
Forensic Psychological and Psychiatric Examination
of Minors Accused of Illegal Drug Distribution
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 97–108.

15. Chan G.H.Y., Lo T.W., Tam H.L.C., Lee G.K.W. Intrinsic motivation and psychological connectedness to drug abuse and rehabilitation: the perspective of self-determination. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2019. Vol. 16. doi:10.3390/ijerph16111934
16. Мотыка М.А., Al-Imam A. Causes of drug initiation among adolescents // *Canadian Journal of Family and Youth*, 2022, no. 14(1), pp. 63–81. doi:10.29173/cjfy29755

Информация об авторах

Ошевский Дмитрий Станиславович, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, лаборатория психологии детского и подросткового возраста, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России); доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3465-6302>, e-mail: dso@rambler.ru

Федонкина Анастасия Александровна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория психологии детского и подросткового возраста, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России); старший научный сотрудник, Федеральный координационный центр по обеспечению психологической службы в системе образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0313-5272>, e-mail: afedonkina@gmail.com

Information about the authors

Dmitriy S. Oshevsky, PhD in Psychology, Docent, Senior Researcher, Laboratory of Child and Adolescent Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3465-6302>, e-mail: dso@rambler.ru

Anastasiya A. Fedonkina, PhD in Psychology, Senior Research, Laboratory of Child and Adolescent Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Senior Researcher, Federal Coordinating Center for the Provision of Psychological Services in the Education System, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0313-5272>, e-mail: afedonkina@gmail.com

Получена 03.05.2022
Принята в печать 03.07.2022

Received 03.05.2022
Accepted 03.07.2022

Взаимосвязь оценок детско-родительского взаимодействия и копинг-стратегий подростков «группы риска»

Матафонова С.И.

Иркутский государственный университет (ФГБОУ ВО «ИГУ»), г. Иркутск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0940-8307>, e-mail: matafonowa.svetlana@yandex.ru

Рерке В.И.

Иркутский государственный университет (ФГБОУ ВО «ИГУ»), г. Иркутск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7722-8287>, e-mail: rerke@mail.ru

Кротова Т.Е.

Иркутский государственный университет (ФГБОУ ВО «ИГУ»), г. Иркутск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2480-9969>, e-mail: tanyazver@mail.ru

В статье представлено теоретическое и эмпирическое исследование проблем совладающего поведения подростков «группы риска», описана взаимосвязь оценок детско-родительского взаимодействия и копинг-стратегий подростков «группы риска». В исследовании приняли участие 41 подросток «группы риска» обучающихся 7—10 классов образовательных организаций г. Иркутска, в возрасте от 12 до 16 лет. Использовались «Методика первичной диагностики и выявления детей «группы риска» (М.И. Рожков, М.А. Ковальчук), Опросник копинг-стратегий» (Р. Лазаруса), опросник «Взаимодействие “родитель—ребенок”» (И.М. Марковская). Авторами выявлено, что подростки «группы риска» демонстрируют копинг-стратегии эмоционального дистанцирования от проблемных ситуаций, реже ищут поддержку и понимание со стороны родителей. Неэффективное детско-родительское взаимодействие появляется в отсутствии самоконтроля у подростков. Полученные результаты позволили сделать вывод о необходимости проведения психолого-педагогической коррекционной работы по гармонизации детско-родительского взаимодействия подростков «группы риска» и их родителей, формирования конструктивных копинг-стратегий и самоконтроля поведения. Статья предназначена педагогам-психологам, психологам-консультантам.

Ключевые слова: совладающее поведение, копинг-стратегии, конструктивные стратегии, неконструктивные стратегии, детско-родительское взаимодействие, подростковый возраст, подростки «группы риска», акцентуации характера.

Для цитаты: Матафонова С.И., Рерке В.И., Кротова Т.Е. Взаимосвязь оценок детско-родительского взаимодействия и копинг-стратегий подростков «группы риска» [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 109–123. DOI:10.17759/psylaw.2022120310

Interrelation between Assessments of Child-Parental Interaction and Coping Strategies of “Most at Risk” Adolescents

Svetlana I. Matafonova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0940-8307>, e-mail: matafonowa.svetlana@yandex.ru

Victoria I. Rerke

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7722-8287>, e-mail: rerke@mail.ru

Tatiana E. Krotova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2480-9969>, e-mail: tanyazver@mail.ru

The article presents a theoretical and an empirical research of problems of coping behavior among most at risk adolescents; it describes the interrelation between assessments of child-parental interaction and coping strategies of most at risk adolescents. The 41 teenagers from the “risk group” aged from 12 to 16, studying in 7-10 classes of different educational organizations in Irkutsk took part in this research. The “Method of primary diagnosis and identification of children from the “risk group” (M.I. Rozhkov, M.A. Kovalchuk), the questionnaire “Coping Strategies” (R. Lazarus) and the questionnaire “Parent-Child Interaction” (I.M. Markovskaya) were used in our research. The authors identified that most at risk adolescents show the coping strategies of emotional distancing from the problem situation; they rarely seek for support and understanding from parents. Ineffective child-parental interaction appears in the lack of self-control in adolescents. The obtained results made a conclusion that it is necessary to carry out the psychoeducational correctional work in order to harmonize the child-parental interrelation between most at risk adolescents and their parents, and to make constructive coping strategies and self-discipline. The article is intended for teachers-psychologists and psychologists-consultants.

Keywords: coping behavior, coping strategies, constructive strategies, non-constructive strategies, child-parental interaction, adolescence, “most at risk” adolescents, psychological features, accentuation of the character.

For citation: Matafonova S.I., Rerke V.I., Krotova T.E. Interrelation between Assessments of Child-Parental Interaction and Coping Strategies of “Most at Risk” Adolescents. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 109–123. DOI:10.17759/psylaw.2022120310 (In Russ.).

Введение

Исследование данной проблематики отвечает современному социально-психолого-педагогическому запросу общества, обращенному к специалистам в области социальной и психологической помощи, рассматривающих подростковый возраст как сложный период онтогенетического развития. Многие ученые рассматривают его как «трудный», «переломный», «переходный» [7; 17]. Так, К. Левин определяет подростка как «маргинальную лич-

ность», которая уже не так наивна, как в детском возрасте, однако еще не стала самостоятельной и взрослой, способной самостоятельно принимать решения.

В исследовании Л.С. Выготского данный возраст рассматривается как несовпадение трех точек созревания: «Половое созревание начинается и завершается раньше, чем наступает окончание общеорганического развития подростка, и раньше, чем подросток достигает окончательной ступени своего социально-культурного формирования» [4]. В качестве существенного момента ряд авторов (Асмолов А.Г., Иванченко В.Н., Леонтьев А.Н., Петровский А.В. и др.) отмечают, что для подростков характерны эмоционально-психическая неустойчивость, замкнутость, чрезмерная конфликтность, агрессивность, склонность к категоричным суждениям, стремление к самоутверждению за счет других, выражение безразличия или в крайних случаях, негативизм по отношению к внешнему миру, но также наблюдается и застенчивость, чувствительность, доверительность [2; 16; 19]. И, как следствие, подросток легко может отклониться от социальной нормы и попасть в группу девиантных.

По результатам проведенных многочисленных исследований (Змановская Е.В., Шилова А.Т., Зарецкий Ю.В., Зарецкий В.К., Кулагина И.Ю. и др.), девиации подростков связаны с отсутствием ощущения стабильности, с одиночеством, низким уровнем самоуважения и негативным самовосприятием, социальной дезадаптацией, отсутствием социальной поддержки как ресурса преодоления трудных жизненных ситуаций, в результате, отмечает Шилова А.Т., это может привести даже к гибели подростка [24, с. 70].

Доказано, что формирование девиантного поведения осуществляется под влиянием совокупности внешних причин и личностной предрасположенности. Так, Киселева Т.Г. [11] и Райфшнайдер Т.Ю. [17], Vorobyova K., Mishina M., & Feoktistova S. [27] выделяют основные психологические особенности подросткового возраста, способствующие приобретению асоциальных, девиантных тенденций, к которым относят: повышенную конформность, групповую зависимость, негативизм, демонстративную независимость, подражательность кумирам, склонность к рискованным действиям.

Результаты исследования Кибальник А.В. и Федосовой И.В. показывают, что для подростков «группы риска» являются характерными снижение уровня стрессоустойчивости, неконструктивные стратегии преодоления сложных ситуаций, скрытый комплекс неполноценности, которые сочетаются с внешними проявлениями превосходства, неадекватностью самооценки. Они склоны обманывать и обвинять учителей и родителей, не принимать ответственность, демонстрировать повторяемость деструктивного поведения [10].

При анализе вопроса о влиянии детско-родительских отношений на формирование деструктивного поведения подростков, Зиновьевой Л.В. описано доминирование деструктивных установок в родительской модели поведения, выражающих по отношению к подросткам непоследовательность, директивность и враждебность [7]. Таким образом, в этом возрасте подросток сталкивается со множеством трудных, стрессовых ситуаций и тем более, не имея возможности близкой социальной поддержки со стороны родителей, не всегда оказывается в состоянии выбрать эффективные способы совладания.

Отечественный подход к проблеме копинг-поведения, рассматривая феномен совладающего поведения, определяет его как целенаправленное социальное поведение, позволяющее субъекту справляться с трудной жизненной ситуацией способами, адекватными личностным особенностям и ситуации [13]. Такие авторы, как Сирота Н.А., Нартова-Бочавер С.К., Крюкова Т.Л., Кобытова Г.С., Еремина Ю.А. и другие, соотносят копинг с процессом личностного развития, социально-психологической адаптацией индивида, а также совершенствованием

ресурсов и способов стресс-преодолевающего поведения [6]. В научной литературе рассматриваются критерии классификаций совладающего поведения, среди которых выделяются следующие: эффективность снятия напряжения (эффективные, малоэффективные, неэффективные); качество преобразований (конструктивность/деконструктивность); модальность поведения (когнитивная, эмоциональная, поведенческая); интенсивность совладания (активность/пассивность в отношении стрессора).

Понимание того, что совладающее поведение родителей представляет собой модель для становления и развития совладающего поведения детей, становится одним из подходов комплексного изучения совладания. В исследовании, проведенном Сапоровской М.В., таким механизмом названа идентификация. Данный процесс рассматривается как механизм передачи и усвоения опыта через непосредственное переживание субъектом своей тождественности [20; 21; 22].

Неэффективное и деструктивное совладающее поведение девиантных матери и их детей-подростков было продемонстрировано в исследовании Гущиной Т.В. Данные семьи характеризовались «застреванием» на этапах размышления над ситуацией, однако они никогда не приступали к реальным действиям [5]. Такая же стратегия, по мнению Morris S., Fletcher K., & Goldstein R. [25], Woolgar F. [26], свойственна родителям, находящимся долгое время в кризисном состоянии.

Согласно работе Михайлычевой И.В., для подростка «группы риска» значимость влияния других личностей возрастает, когда обнаруживается «дефицит поддержки со стороны семьи» [16; с. 7]. Соответственно, исследователями Михайлычевой И.В., Ивановой О.И., Бусаровой О.Р., Волченковой Е.В. выявлено, что совладающее поведение подростков «группы риска» имеет личностные и социальные копинг-ресурсы, которые взаимосвязаны с выбором копинг-стратегий [3; 8; 16].

В исследовании Белоруковой О.Н. показано, что подросток ощущает потребность в поддержке родителей, даже если внешне проявляет противодействие членам семьи. Автор указывает, что подростковый возраст является более сензитивным для формирования копинг-стиля [1].

Интересные выводы были получены в исследовании, проведенном Бочило М.Г., в котором отмечается, что подростки «группы риска» в стрессовых ситуациях выбирают и используют неконструктивные способы преодоления [12; с. 19]. Эти нарушения отражаются в коммуникации с окружающими, депрессивным состоянием, обострением психосоматического расстройства, что в дальнейшем проявляется в асоциальном, девиантном поведении.

В нашей работе, изучая вопросы формирования совладающего поведения в онтогенезе, мы констатировали, что в условно благополучных семьях совладающее поведение матерей и детей младшего школьного возраста достоверно различается и прямой интернализации (копирования) стратегий совладания не происходит. Нами выявлены особенности восприятия детско-родительских отношений, которые являются условиями интернализации, как эффективных, так и неэффективных, стратегий совладающего поведения [14]. В следующем нашем исследовании, мы выяснили, что при дисгармоничном взаимодействии родителей с подростками формируются следующие копинг-стратегии: дистанцирование, отказ от самоконтроля, планирования решения проблем, принятия ответственности, — а эффективное взаимодействие характеризуется становлением у подростков копинг-стратегии самоконтроля [15].

Актуальность темы исследования, недостаточная ее разработанность в теории и практике, определили выбор проблемы исследования: неконструктивные копинг-стратегии поведения

подростков «группы риска» детерминированы оценками детско-родительских взаимодействий.

Цель настоящей работы — изучить взаимосвязь оценок детско-родительского взаимодействия и копинг-стратегий подростков «группы риска».

В исследовании были поставлены следующие задачи:

1. выявить особенности стратегий совладания у подростков «группы риска»;
2. проанализировать типичные оценки детско-родительского взаимодействия у подростков «группы риска»;
3. осуществить эмпирический анализ взаимосвязей копинг-стратегий подростков «группы риска» с оценками детско-родительского взаимодействия.

В соответствии с целями и задачами исследования нами была сформулирована гипотеза о наличии взаимосвязи оценок детско-родительского взаимодействия и копинг-стратегий подростков «группы риска».

Полученные результаты, которые могут быть положены в основу профилактических и коррекционных мер, способствующих успешной адаптации данной категории подростков и эффективной работе социально-психологических служб образовательных организаций.

Материалы и методы

Исследование, проводимое нами, проходило в три этапа.

Первым этапом производился теоретический сравнительный анализ содержания научных источников, в результате были сформулированы цель, задачи и гипотеза исследования.

Следующим этапом был осуществлен сбор эмпирических данных путем отбора подростков «группы риска», изучались ведущие копинг-стратегии и оценки детско-родительских отношений. Для этого применялся следующий инструментарий.

- «Методика первичной диагностики и выявления детей “группы риска”», разработанная М.И. Рожковым, М.А. Ковальчуком, диагностирующая выраженность факторов риска в поведении: акцентуации характера, уровня тревожности, агрессивности и недоверия [18];
- Опросник копинг-стратегий», составленный Р. Лазарусом и С. Фолькман, адаптирован Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой [13, с. 93—112]. Методика оценивает способы преодоления трудных жизненных ситуаций по степени напряженности копинга;
- подростковый вариант опросника «Взаимодействие “родитель—ребенок”» (ВРР) разработанный И.М. Марковской. Опросник позволяет определить субъективную позицию подростков в детско-родительском взаимодействии [24].

Заключительный этап исследования включал обработку полученных сведений с применением компьютерного пакета «SPSS Statistics 20». Обработка данных проводилась с помощью описательной статистики: для проверки нормальности распределения применялся критерий Колмогорова—Смирнова, анализ корреляционных связей рассчитывался с использованием рангового коэффициента Спирмена.

Участники исследования. Проанализированы результаты обследования учащихся 7, 8, 9 и 10-х классов, из них 41 подросток «группы риска» (20 девочек и 21 мальчик), из неполных, неблагополучных семей, имеющих опыт употребления алкоголя или наркотиков, совершавшие демонстративные суицидальные попытки, состоящие на внутришкольных учетах, на учетах в комиссии по делам несовершеннолетних (КДН). Исследование проходило в образовательных организациях города Иркутска. Средний возраст подростков составил 14,3 лет.

Результаты исследования

Для изучения особенностей совладающего поведения и взаимосвязи с восприятием детско-родительского взаимодействия необходимо было выделить подростков, входящих в «группу риска» и находящихся в ней в момент проведения исследования. Данная группа была сформирована на основании внутришкольного учета и учета КДН, анализа документов — социально-педагогической карты учащегося, а также обработки результатов методики первичной диагностики и выявления детей «группы риска».

Результаты данной методики демонстрируют, что для экспериментальной группы характерны тревожность, неуверенность в своих силах и возможностях, наличие комплекса неполноценности (47,6%), недоверие к социальному окружению, демонстрация враждебности (38,1%). У 28,6% подростков «группы риска» проявляются конфликтность и агрессивность как свойства личности. Также респонденты экспериментальной группы демонстрируют неудовлетворенность семейными отношениями (14,3%). Среди ведущих акцентуаций преобладают шизоидная (38,1%), в равной степени демонстрируются гипертимная (33,3%) и столько же эмоционально лабильная черты характера, истероидный тип характерен для 19,0% подростков данной группы. В результате мы видим, что подростки данной категории — неуверенные в себе дети, не доверяющие близким и в любой момент готовые к агрессивным действиям, в большинстве случаев они не хотят и не умеют понимать других людей.

Применение «Опросника копинг-стратегий» позволило выявить доминирующие стратегии совладающего поведения для подростков экспериментальной группы (рис. 1). Анализ показал, что для данной категории подростков характерно доминирование следующих стратегий совладания: дистанцирование — отдаление от ситуации и стремление уменьшить значимость стрессовой ситуации, а также бегство-избегание — мысленные и поведенческие усилия с целью ухода от проблем, их игнорирование. Менее предпочтительными являются стратегии поиска социальной поддержки и самоконтроля.

Таким образом, результаты психодиагностики свидетельствуют, что для подростков «группы риска» характерны неконструктивные стратегии совладающего поведения, что подтверждается исследованием Бочило М.Г. В нашем случае к нему добавляется недостаток самоконтроля.

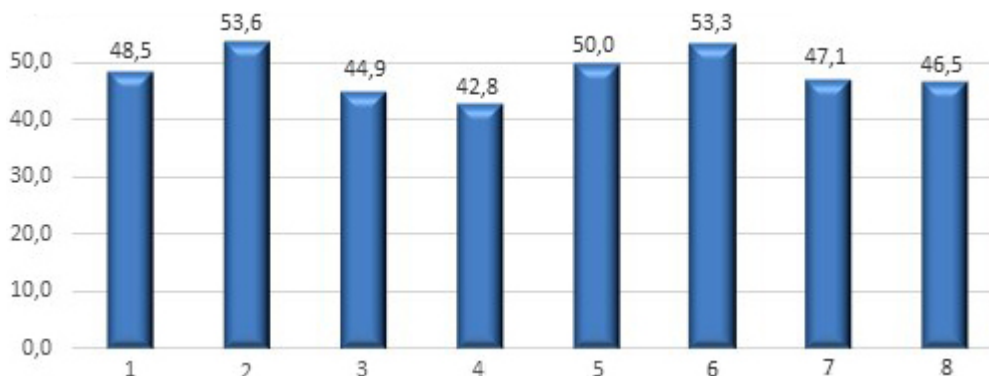


Рис. 1. Средние значения стратегий совладающего поведения у подростков «группы риска»: 1 — конфронтационный копинг; 2 — дистанцирование; 3 — самоконтроль; 4 — поиск социальной поддержки; 5 — принятие ответственности; 6 — бегство-избегание; 7 — планирование решения проблемы; 8 — положительная переоценка

Исследование типичных нарушений детско-родительского взаимодействия по оценкам подростков, по методике «Взаимодействие “родитель—ребенок”», показало, что родители демонстрируют низкие показатели по шкалам мягкости и нетребовательности (рис. 2). Данный факт объясняется тем, что две трети подростков «группы риска» воспитываются в неполных семьях, где родителем является одна мама или законные представители: бабушки, дедушки или того сложнее — прабабушки. Также оценивается согласие родителей с асоциальным поведением подростков, вероятно подростки идеализируют отношения с родителями, игнорируя замечания или отрицают конфликты с ними.

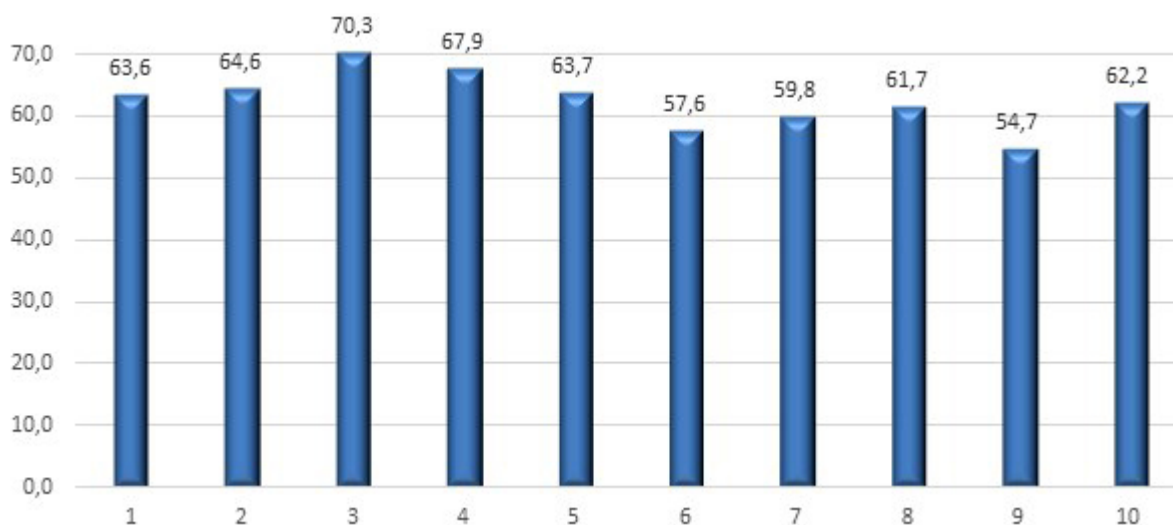


Рис. 2. Средние значения оценки детско-родительского взаимодействия подростками «группы риска» по шкалам: 1 — «Принятие»; 2 — «Контроль»; 3 — «Сотрудничество»; 4 — «Эмоциональная близость»; 5 — «Авторитетность»; 6 — «Требовательность»; 7 — «Согласие»; 8 — «Последовательность»; 9 — «Мягкость»; 10 — «Удовлетворенность отношениями»

Другим интересным аспектом является наличие высоких показателей по шкалам сотрудничества и эмоциональной близости подростков «группы риска» со своими родителями, что является интересным фактом. Так, в исследовании Сапоровской М.В. отмечено, что при эмоциональной холодности родителя, дети демонстрируют эмоциональную привязанность к нему и идентифицируют родительскую модель совладающего поведения, однако довольно сложно объяснить факты оценки сотрудничества такого родителя [18].

Результаты нашего исследования показали, что существуют взаимосвязи между стратегиями совладающего поведения подростков «группы риска» с их типичными оценками детско-родительского взаимодействия (результаты по подсчету корреляции между показателями отражены на рис. 3, 4 и 5).

Как видно из рис. 3, установлена *положительная корреляция* между стратегией поиска социальной поддержки и оценками удовлетворенности отношениями, последовательности и эмоциональной близости ($p < 0,05$); следовательно, чем меньше родители последовательны в своих требованиях к подростку, чем меньше проявляют эмоциональную близость и чем менее подростки удовлетворены отношениями с ними, тем реже подростки «группы риска» предпочитают обращаться к ним за помощью в решении трудных, стрессовых ситуаций.

Также оценка последовательности прямо связана с копинг-стратегией положительной переоценки ($p < 0,01$), т. е. там, где родители, по оценке подростков, проявляют последовательность в своих требованиях, подростки чаще предпринимают попытки переоценки негативных переживаний за счет переосмысления и коррекции своих недостатков.

Обнаружена *положительная корреляционная связь* последовательности, согласия и принятия со стратегией планирования решения проблем ($p < 0,05$). То есть чем больше подросток «группы риска» ощущает постоянство родителя, согласие во взаимодействии и отсутствие критики, тем чаще он проявляет попытки преодоления проблем за счет целенаправленного анализа ситуации и выработки стратегий разрешения проблем.

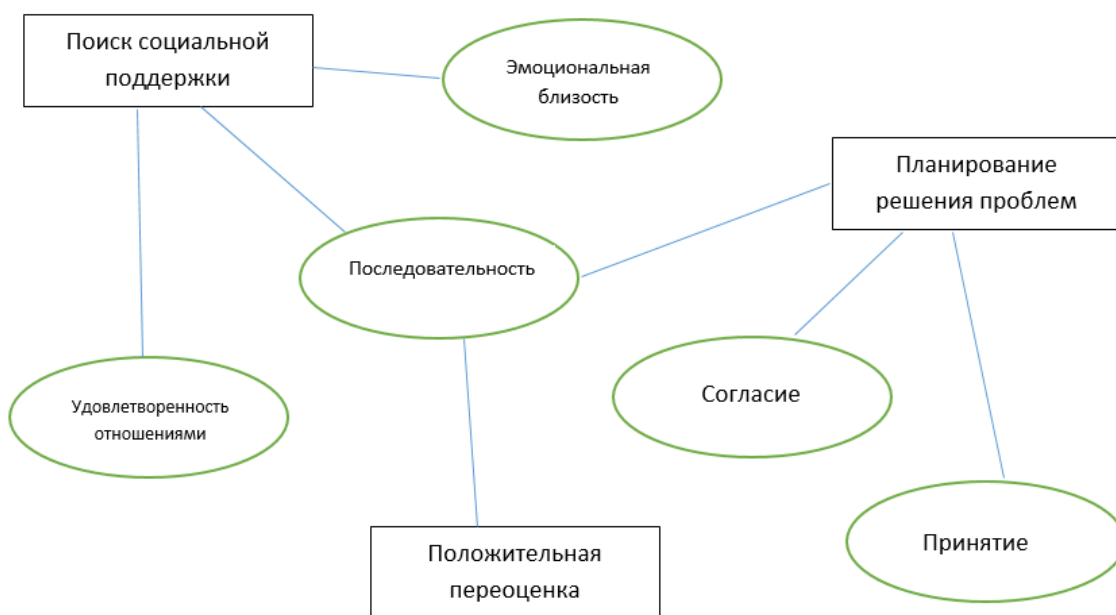


Рис. 3. Положительная взаимосвязь между восприятием детско-родительского взаимодействия подростками «группы риска» и их стратегиями совладания

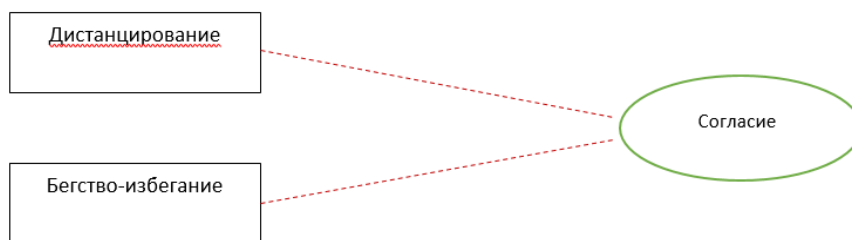


Рис. 4. Отрицательная взаимосвязь между восприятием детско-родительского взаимодействия подростками «группы риска» и их стратегиями совладания

На рис. 4 показана *отрицательная связь* стратегий дистанцирования, бегства-избегания и показателя «согласие» ($p < 0,05$); следовательно, чем ниже показатели согласия в детско-родительском взаимодействии подростка «группы риска», тем чаще они пытаются отвлечься от проблем, уйти от их решения, забыться в других видах деятельности, переключиться на более приятные дела.

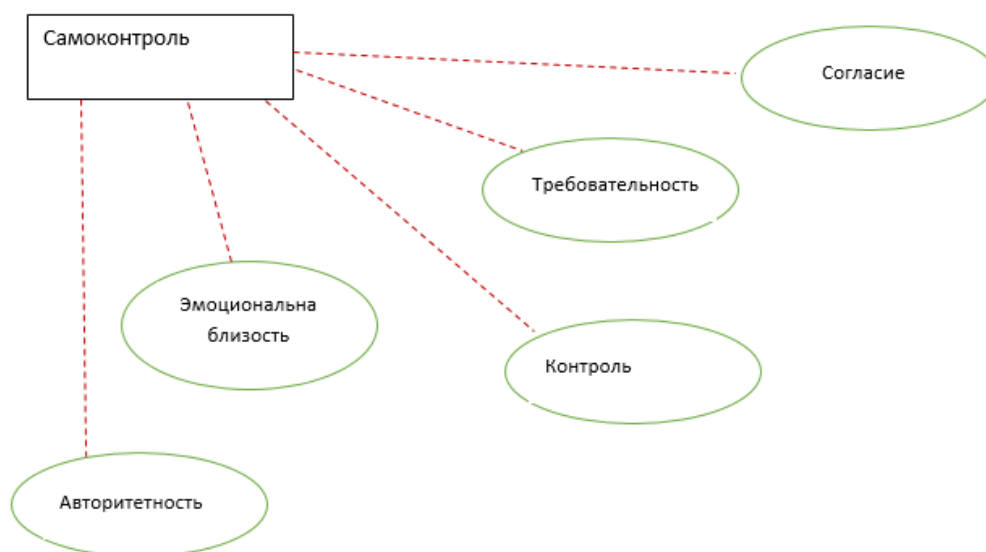


Рис. 5. Отрицательная взаимосвязь между оценками детско-родительского взаимодействия подростками «группы риска» и их копинг-стратегиями

Также обнаружена *отрицательная связь* (рис. 5) показателей авторитетности, эмоциональной близости, контроля, требовательности, согласия в детско-родительском взаимодействии и стратегией самоконтроля ($p < 0,05$); это означает, что чрезмерность давления, сверхконтроль, предъявление бесчисленных требований, неумение родителей дистанцироваться от подростка, отсутствие критики приводят к неудовлетворенности подростка взаимодействием, что в дальнейшем препятствует формированию копинг-стратегии «самоконтроль». Следовательно, подросток не считает необходимым контролировать свои эмоции, поведение, ему безразлично, что о нем думают окружающие, что приводит к девиантному поведению.

Корреляционный анализ показал *отрицательную связь*, при которой акцентуации личности подростков «группы риска» способствуют формированию определенных копинг-стратегий. Так из рисунка 6 мы видим, что шизоидная и эмоционально-лабильная акцентуация не способствуют формированию стратегии планирования решения проблем ($p < 0,05$). Таким образом, трудные ситуации создают дополнительную нагрузку на нервную систему и не способствуют тому, чтобы подросток планировал выход из этих ситуаций, а он, наоборот, переключается на эмоции или закрывается от общения. Аналогично стратегия планирования решения проблемы (при $p < 0,05$) *отрицательно взаимосвязана* с неуверенностью в себе, нарушениями отношений в семье, недоверием к людям. Мы полагаем, что неудовлетворенность отношениями, враждебность, подозрительность к людям и неуверенность, тревожность уменьшают вероятность выбора копинг-стратегии планирования решения проблем.

Нами также выявлена *положительная корреляционная связь* между показателями шизоидной акцентуации, неуверенности в себе и недоверия к людям и стратегии дистанцирования ($p < 0,05$), которая демонстрирует, что неумение сопереживать, чувство одиночества, неуверенности и недоверия заставляет подростков отстраняться от стресса и проблем.

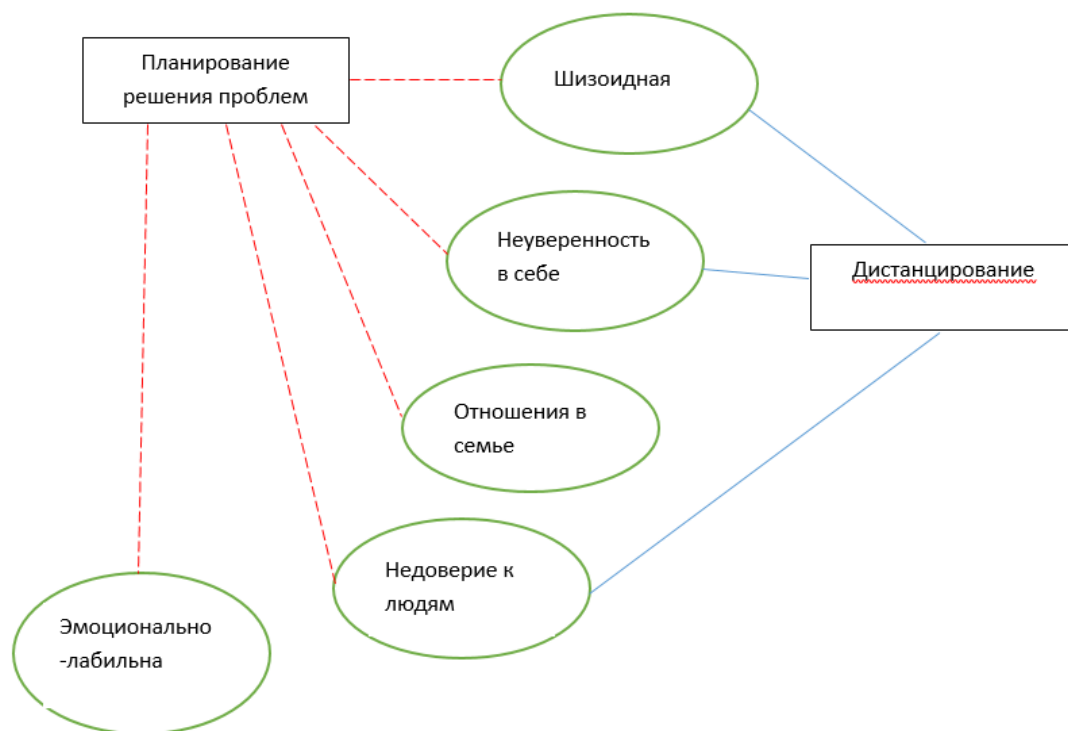


Рис. 6. Взаимосвязь между психологическими особенностями подростков «группы риска» и их стратегиями совладания

Обсуждение и заключение

В рамках данного исследования изучалась взаимосвязь оценок детско-родительского взаимодействия и копинг-стратегий подростков «группы риска». Установлены стратегии совладающего поведения у подростков «группы риска»: поиск социальной поддержки, планирование решения проблем и положительная переоценка. Кроме того, выявлено, что подростки «группы риска» чаще демонстрируют копинг-стратегии эмоционального дистанцирования от проблемных ситуаций, реже ищут поддержку и понимания со стороны родителей. Стоит подчеркнуть, что большое число отрицательных взаимосвязей в планировании решения проблем свидетельствует о том, что родители утратили функцию контроля и авторитет, они не обсуждают и не осуждают проступки своих детей. Все это позволяет предположить, что неэффективное детско-родительское взаимодействие не способствует формированию такой стратегии совладания, как самоконтроль. Данный факт подтверждается и в проведенном ранее исследовании на юношеской выборке из благополучных семей [14].

Методы математической статистики подтвердили, что такие психологические особенности подростков «группы риска», как неуверенность в себе, недоверие к людям и шизоидная и эмоционально-лабильная акцентуации характера, не формируют стратегию планирования решения проблем. Стратегия дистанцирования развивается на фоне шизоидной акцентуации характера, недоверия к людям и к себе.

В заключение хотелось бы отметить, что полученные результаты убедительно демонстрируют необходимость проведения психолого-педагогической коррекционной работы по гармонизации детско-родительского взаимодействия для подростков «группы риска» и их родителей, формирования у них конструктивных копинг-стратегий и самоконтроля поведения.

Матафонова С.И., Рерке В.И., Кротова Т.Е.
Взаимосвязь оценок детско-родительского
взаимодействия и копинг-стратегий
подростков «группы риска»
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 109–123.

Matafonova S.I., Rerke V.I., Krotova T.E.
Interrelation between Assessments
of Child-Parental Interaction and Coping
Strategies of “Most at Risk” Adolescents
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 109–123.

Литература

1. Белорукова Н.О. Семейные трудности и совладающее поведение на разных этапах жизненного цикла семьи: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Кострома, 2005. 26 с.
2. Бубнова И.С., Рерке В.И. Дополнительное образование как социокультурный фактор формирования мотивации к творческой деятельности у младших школьников из семей «риска» [Электронный ресурс] // Педагогический ИМИДЖ. 2018. № 3 (40). С. 126–132. doi:10.32343/2409-5052-2018-11-3-126-132
3. Волченкова Е.В. [и др.]. Анализ копинг-стратегий подростков делинквентного поведения как условие оптимизации психолого-педагогического сопровождения учащихся [Электронный ресурс] // Science for Education Today. 2020. Том 10. № 5. С. 84–103. doi:10.15293/2658-6762.2005.05
4. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. Детская психология. М.: Педагогика, 1984. 432 с.
5. Гущина Т.В. Защитное и совладающее поведение в дисфункциональной семье в период кризиса: Дисс. ... канд. психол. наук. Кострома, 2005. 228 с.
6. Еремينا Ю.А. Копинг-поведение матерей, воспитывающих детей раннего возраста с разноуровневым психосоциальным развитием: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Томск, 2019. 30 с.
7. Зиновьева Л.В. Структура ролевых диспозиций подростков в пространстве социальной турбулентности: Монография. Новосибирск: НГПУ, 2020. 129 с.
8. Иванова О.И., Бусарова О.Р. Особенности копинг-стратегий старших подростков из неполных семей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 103–115. doi:10.17759/psylaw.2020100109
9. Каменский П.И., Сапоровская М.В. Совладающее поведение как предиктор межличностной зависимости в близких отношениях [Электронный ресурс] // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2021. № 1. С. 12–17. doi:10.24147/2410-6364.2021.1.12-17
10. Кибальник А.В., Федосова И.В. Психолого-педагогические особенности младших подростков, склонных к аддиктивному поведению // Казанский педагогический журнал. 2019. № 2 (133). С. 87–93.
11. Киселева Т.Г. Метакогнитивная активность молодежи как критерий дифференциации уровня сформированности социальной ответственности // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 1. С. 33–38.
12. Коррекция копинг-поведения у подростков «группы риска» (для учащихся 7–9 классов): Учебно-методическое пособие для психологов, социальных педагогов, классных руководителей / Сост. М.Г. Бочило. Иркутск, 2011. 168 с.
13. Крюкова Т.Л. Психология семьи: жизненные трудности и совладание с ними. М., 2005. 240 с.
14. Матафонова С.И. Взаимосвязь особенностей детско-родительского взаимодействия и копинг-стратегий в ранней юности // Международный журнал медицины и психологии. 2020. Том 3. № 1. С. 26–32.
15. Матафонова С.И. Восприятие детско-родительского взаимодействия как условие интернализации совладающего поведения матери: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2016. 21 с.
16. Михайлычева И.В. Копинг-поведение младших подростков с различными рисками девиантного поведения: Дисс. ... канд. психол. наук. Кострома, 2008. 25 с.

Матафонова С.И., Рерке В.И., Кротова Т.Е.
Взаимосвязь оценок детско-родительского
взаимодействия и копинг-стратегий
подростков «группы риска»
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 109–123.

Matafonova S.I., Rerke V.I., Krotova T.E.
Interrelation between Assessments
of Child-Parental Interaction and Coping
Strategies of “Most at Risk” Adolescents
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 109–123.

17. Райфшнайдер Т.Ю. Психологическая поддержка подростков с девиантным поведением: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2008. 19 с.
18. Рожков М.И. Воспитание трудного ребенка: дети с девиантным поведением: Учебно-методическое пособие. М.: ВЛАДОС, 2003. 240 с.
19. Рерке В.И., Бубнова И.С. Изучение уровня социальной ответственности родителей младших школьников с педагогической запущенностью // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6-1 (113). С. 151–154.
20. Сапоровская М.В. Психология межпоколенных отношений в современной российской семье. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2012. 430 с.
21. Сапоровская М.В. Межпоколенный конфликт и психологическое благополучие семьи [Электронный ресурс] // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Том 26. № 4. С. 48–54. doi:10.34216/2073-1426-2020-26-4-48-54
22. Федосенко Е.В. Психологическое сопровождение подростков: система работы, диагностика, тренинги: Монография. СПб: Речь, 2006. 192 с.
23. Шагарова И.В. Ситуационный контекст и стратегии совладающего поведения подростков «группы риска» // Сопровождение личности, оказавшейся в трудной жизненной ситуации, в истории и современности: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию Иркутского педагогического института (г. Иркутск, 8 ноября 2019 г.). Иркутск: Иркут, 2019. С. 185–192.
24. Шилова А.Т. Психодиагностика и коррекция детей с отклонениями в поведении. М.: Айрис-пресс. 2004. 176 с.
25. Morris S., Fletcher K., Goldstein R. The grief of parents after the death of a young child // Journal of Clinical Psychology in Medical Settings. 2019. Vol. 26(3). P. 321–338. doi:10.1007/s10880-018-9590-7
26. Woolgar F. The psychological impact of trauma on preschool children and their parents: Doctoral dissertation. 2020. 200 p.

References

1. Belorukova N.O. Semeinye trudnosti i sovladayushchee povedenie na raznykh etapakh zhiznennogo tsikla sem'i: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Kostroma, 2005. 26 p. (In Russ).
2. Bubnova I.S., Rerke V.I. Dopolnitel'noe obrazovanie kak sotsiokul'turnyi faktor formirovaniya motivatsii k tvorcheskoi deyatel'nosti u mladshikh shkol'nikov iz semei "riska" [Additional Education as a Sociocultural Factor of Forming the Creative Activity Motivation of Primary School Students from “Risk Group” Families] [Elektronnyi resurs]. *Pedagogicheskii IMIDZh = Pedagogical IMAGE*, 2018, no. 3 (40), pp. 126–132. doi:10.32343/2409-5052-2018-11-3-126-132 (In Russ.).
3. Volchenkova E. V. et al. Analiz koping-strategii podrostkov delinkventnogo povedeniya kak uslovie optimizatsii psikhologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya uchashchikhsya [Analysis of coping strategies of adolescents with delinquent behavior as a factor of improving psychological and educational support for students] [Elektronnyi resurs]. *Science for Education Today*, 2020. Vol. 10, no. 5, pp. 84–103. doi:10.15293/2658-6762.2005.05 (In Russ.).
4. Vygotsky L.S. Sobranie sochinenii: V 6 t. T. 4. Detskaya psikhologiya. Moscow: Pedagogika, 1984. 432 p. (In Russ.).
5. Gushhina T.V. Zashchitnoe i sovladayushchee povedenie v disfunktsional'noi sem'e v period krizisa: Diss. kand. psikhol. nauk. Kostroma, 2005. 228 p. (In Russ.).

Матафонова С.И., Рерке В.И., Кротова Т.Е.
Взаимосвязь оценок детско-родительского
взаимодействия и копинг-стратегий
подростков «группы риска»
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 109–123.

Matafonova S.I., Rerke V.I., Krotova T.E.
Interrelation between Assessments
of Child-Parental Interaction and Coping
Strategies of “Most at Risk” Adolescents
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 109–123.

6. Eremina Yu.A. Koping-povedenie materei, vospityvayushchikh detei rannego vozrasta s raznourovnevym psikhosotsial'nym razvitiem: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Tomsk, 2019. 30 p. (In Russ.).
7. Zinoveva L.V. Struktura rolevykh dispozitsii podrostkov v prostranstve sotsial'noi turbulentnosti: Monografiya. Novosibirsk: NGPU Publ., 2020. 129 p. (In Russ.).
8. Ivanova O.I., Busarova O.R. Osobennosti koping-strategii starshikh podrostkov iz nepolnykh semei [Features of coping strategies of older adolescents from single-parent families] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 103–115. doi:10.17759/psylaw.2020100109 (In Russ.).
9. Kamensky P.I., Saporovskaya M.V. Sovladayushchee povedenie kak prediktor mezhlichnostnoi zavisimosti v blizkikh otnosheniyakh. [Coping behavior as a predictor of interpersonal dependence in intimate relationships] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psikhologiya = Herald of Omsk University. Series “Psychology”*, 2021, no. 1, pp. 12–17. doi:10.24147/2410-6364.2021.1.12-17 (In Russ.).
10. Kibalnik A.V., Fedosova I.V. Psikhologo-pedagogicheskie osobennosti mladshikh podrostkov, sklonnykh k addiktivnomu povedeniyu [Psychological and pedagogic peculiarities of early adolescents inclined to addictive behavior]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*, 2019, no. 2 (133), pp. 87–93 (In Russ.).
11. Kiseleva T.G. Metakognitivnaya aktivnost' molodezhi kak kriterii differentsiatsii urovnya sformirovannosti sotsial'noi otvetstvennosti [Metacognitive Activity of Young People as a Differentiation Criterion of the Level of Formation of Social Responsibility]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2016, no. 1, pp. 33–38 (In Russ.).
12. Bochilo M.G. Korrektsiya koping-povedeniya u podrostkov “gruppy riska” (dlya uchashchikhsya 7 — 9 klassov). Uchebno-metodicheskoe posobie dlya psikhologov, sotsial'nykh pedagogov, klassnykh rukovoditelei. Irkutsk, 2011. 168 p. (In Russ.).
13. Kryukova T.L. Psikhologiya sem'i: zhiznennye trudnosti i sovladanie s nimi. Moscow, 2005. 240 p. (In Russ.).
14. Matafonova S.I. Vzaimosvyaz' osobennostei detsko-roditel'skogo vzaimodeistviya i koping-strategii v rannei yunosti [Relationship between copying strategies and characteristics of child-parental interaction in early youth]. *Mezhdunarodnyi zhurnal meditsiny i psikhologii = International Journal of Medicine and Psychology*, 2020. Vol. 3, no. 1, pp. 26–32 (In Russ.).
15. Matafonova S.I. Vospriyatie detsko-roditel'skogo vzaimodeistviya kak uslovie internalizatsii sovladayushchego povedeniya materi: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Yaroslavl, 2016. 21 p. (In Russ.).
16. Mikhailycheva I.V. Koping-povedenie mladshikh podrostkov s razlichnymi riskami deviantnogo povedeniya: Diss. kand. psikhol. nauk. Kostroma, 2008. 25 p. (In Russ.).
17. Raifshnaider T.Yu. Psikhologicheskaya podderzhka podrostkov s deviantnym povedeniem: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Moscow, 2008. 19 p. (In Russ.).
18. Rozhkov M.I. Vospitanie trudnogo rebenka: Deti s deviantnym povedeniem: Uchebno-metodicheskoe posobie. Moscow: VLADOS, 2003. 240 p. (In Russ.).
19. Rerke V.I., Bubnova I.S. Izuchenie urovnya sotsial'noi otvetstvennosti roditelei mladshikh shkol'nikov s pedagogicheskoi zapushchennost'yu [Studying the level of social responsibility of parents of younger schoolchildren with pedagogical neglect]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*, 2015, no. 6-1 (113), pp. 151–154 (In Russ.).

Матафонова С.И., Рерке В.И., Кротова Т.Е.
Взаимосвязь оценок детско-родительского
взаимодействия и копинг-стратегий
подростков «группы риска»
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 109–123.

Matafonova S.I., Rerke V.I., Krotova T.E.
Interrelation between Assessments
of Child-Parental Interaction and Coping
Strategies of “Most at Risk” Adolescents
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 109–123.

20. Saporovskaya M.V. *Psikhologiya mezhpokolennykh otnoshenii v sovremennoi rossiiskoi sem'e*. Kostroma: KGU imeni N.A. Nekrasova Publ., 2012. 430 p. (In Russ.).
21. Saporovskaya M.V. *Mezhpokolennyi konflikt i psikhologicheskoe blagopoluchie sem'i*. [Intergenerational conflict and psychological well-being of the family] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2020. Vol. 26, no. 4, pp. 48–54. doi:10.34216/2073-1426-2020-26-4-48-54 (In Russ.).
22. Fedosenko E.V. *Psikhologicheskoe soprovozhdenie podrostkov: sistema raboty, diagnostika, treningi: Monografiya*. Saint Petersburg: Rech', 2006. 192 p. (In Russ.).
23. Shagarova I.V. *Situatsionnyi kontekst i strategii sovladayushchego povedeniya podrostkov "gruppy riska"* [Situational context and strategies of coping behavior of risk group teenagers]. *Soprovozhdenie lichnosti, okazavsheisya v trudnoi zhiznennoi situatsii, v istorii i sovremennosti materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 110-letiyu Irkutskogo Pedagogicheskogo instituta* (g. Irkutsk, 8 noyabrya 2019 g.). Irkutsk: Irkut, 2019, pp. 185–192 (In Russ.).
24. Shilova A.T. *Psikhodiagnostika i korrektsiya detei s otkloneniyami v povedenii*. Moscow: Airis-press, 2004. 176 p. (In Russ.).
25. Morris S., Fletcher K., Goldstein R. The grief of parents after the death of a young child. *Journal of Clinical Psychology in Medical Settings*, 2019. Vol. 26, no. 3, pp. 321–338. doi:10.1007/s10880-018-9590-7
26. Woolgar F. *The psychological impact of trauma on preschool children and their parents* (Doctoral dissertation). 2020. 200 p.

Информация об авторах

Матафонова Светлана Иннокентьевна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной педагогики и психологии, Педагогический институт, Иркутский государственный университет (ФГБОУ ВО «ИГУ»), г. Иркутск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0940-8307>, e-mail: matafonowa.svetlana@yandex.ru

Рерке Виктория Игоревна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной педагогики и психологии, Педагогический институт, Иркутский государственный университет (ФГБОУ ВО «ИГУ»), г. Иркутск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1122>, e-mail: rerke@mail.ru

Кротова Татьяна Евгеньевна, преподаватель, кафедра иностранных языков и лингводидактики, Педагогический институт, Иркутский государственный университет (ФГБОУ ВО «ИГУ»), г. Иркутск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2480-9969>, e-mail: tanyazver@mail.ru

Information about the authors

Svetlana I. Matafonova, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Social Pedagogy and Psychology, Pedagogical Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0940-8307>, e-mail: matafonowa.svetlana@yandex.ru

Victoria I. Rerke, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Social Pedagogy and Psychology, Pedagogical Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7722-8287>, e-mail: rerke@mail.ru

Матафонова С.И., Рерке В.И., Кротова Т.Е.
Взаимосвязь оценок детско-родительского
взаимодействия и копинг-стратегий
подростков «группы риска»
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 109–123.

Matafonova S.I., Rerke V.I., Krotova T.E.
Interrelation between Assessments
of Child-Parental Interaction and Coping
Strategies of “Most at Risk” Adolescents
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 109–123.

Tatiana E. Krotova, Teacher, Department of Foreign Languages and Linguodidactics, Pedagogical Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2480-9969>, e-mail: tanyazver@mail.ru

Получена 13.08.2021
Принята в печать 15.01.2022

Received 13.08.2021
Accepted 15.01.2022

Принципы построения модели психологического анализа интересов для решения задач алгоритмизации правоприменения (на примере семейно-правовых споров)

Краснова Т.В.

Тюменский государственный университет (ФГАОУ ВО «ТюмГУ»), г. Тюмень, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3375-7443>, e-mail: krasnova-tv@yandex.ru

В статье изложены принципы построения модели, предназначенной для юридической практики судебного рассмотрения споров на основе психологически ориентированного подхода. Обоснована идея использования такой модели в контексте цифровизации правоприменительной деятельности. Новизна и особенность предложенного подхода позволит выявить интересы участников спора в ситуации правовой неопределенности — в тех случаях, когда суд вынужден понимать интересы субъективно ввиду отсутствия руководящих начал в законодательстве и правовой доктрине. В круг научных концептов психологической науки предложено ввести понятие интереса в значении, необходимом для процедуры рассмотрения споров, сформулирована рабочая версия определения понятия интерес. Разработана типология уровней и степени интересов, и метод определения интересов, обеспечивающие дополнительные ресурсы для мирного разрешения семейно-правового спора. Возможности работы показаны на примере семейных правоотношений, в которых в силу закона требуется выявить и обосновать интересы ребенка или интересы супруга.

Ключевые слова: принципы построения модели, судебное рассмотрение, метод определения интересов, семейно-правовой спор.

Благодарности. Автор благодарит научного консультанта, доктора психологических наук, профессора Е.Л. Доценко.

Для цитаты: Краснова Т.В. Принципы построения модели психологического анализа интересов для решения задач алгоритмизации правоприменения (на примере семейно-правовых споров) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 124–133. DOI:10.17759/psylaw.2022120311

Principles of Model Construction of Psychological Analysis of Interests for Solving Problems of Algorithmization of Law Enforcement (on the Example of Family Law Disputes)

Tatyana V. Krasnova

Tyumen State University, Tyumen, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3375-7443>, e-mail: krasnova-tv@yandex.ru

The article outlines the principles of building a model designed for the legal practice of judicial review of disputes based on a psychologically oriented approach. The idea of using such a model in the context of digitalization of law enforcement activities is substantiated. The novelty and peculiarity of the proposed approach will make it possible to identify the interests of the parties to the dispute in a situation of legal uncertainty. In cases where the court is forced to understand interests subjectively due to the lack of guiding principles in legislation and legal doctrine. In the circle of scientific concepts of psychological science, it is proposed to introduce the concept of interest in the meaning necessary for the dispute resolution procedure, a working version of the definition of the concept of interest is formulated. A typology of levels and degrees of interests and a method for determining interests providing additional resources for the peaceful resolution of a family legal dispute have been developed. The possibilities of work are shown by the example of family legal relations in which, by virtue of the law, it is required to identify and justify the interests of the child or the interests of the spouse.

Keywords: principles of model construction, judicial review, method of determining interests, family legal dispute.

Acknowledgements. The author thanks the scientific consultant, Doctor of Psychological Sciences, Professor E.L. Dotsenko.

For citation: Krasnova T.V. Principles of Model Construction of Psychological Analysis of Interests for Solving Problems of Algorithmization of Law Enforcement (on the Example of Family Law Disputes). *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 124–133. DOI:10.17759/psylaw.2022120311 (In Russ.).

Введение

XXI век называют периодом доминирования алгоритмов [16, с. 238]. В понятии алгоритма сближаются области научного познания когнитивной системы человека и искусственного интеллекта, что способствует созданию технологичных продуктов, обеспечивающих эффективность социальной деятельности.

Алгоритмы в самом простом понимании являются последовательностью команд, в результате которых решается поставленная задача. Каждый следующий шаг «детерминирован», т. е. предопределен предшествующим состоянием системы. Как пишет профессор Н.Ю. Осипова, «...структуры, алгоритмы легко устанавливаются в языке и социальных процессах <...> отношения между ее элементами сохраняют устойчивость при любых преобразованиях и из-

менениях» [6]. В этом нам видится ценность внедрения интеллектуальных моделей, структурированных с помощью алгоритмов, для решения задач правоприменения.

Представители юридического сообщества рассматривают право как «специфический алгоритм» [22]. К настоящему времени доказана возможность применения компьютерного алгоритма в правотворчестве [2]. Обосновано утверждение о том, что понятие алгоритма изначально заложено в процессах правореализации [17]. На основе таких подходов уже ведутся разработки информационных систем, позволяющих алгоритмизировать процессы подготовки юридических документов (например, для защиты персональных данных, авторских прав [17]). Следует заметить, что эффективность данного вида алгоритмов обусловлена «отсутствием дискреционных полномочий» [12, с. 25]. То есть юридические действия, необходимые для реализации права, исчерпывающим образом «прописаны» в законе, что дает возможность «импортировать» их в качестве шагов алгоритма.

Между тем правовые решения в правоприменительном процессе не во всех случаях принимаются только на основе строгих регламентов, детализированных правовых предписаний. Как подчеркивает Д.А. Пашенцев, «... в праве существуют пробелы, а любое социальное взаимодействие бывает многоаспектным, допускает различные и порой неоднозначные оценки» [7, с. 42].

Проблема определения интереса в судебной практике рассмотрения семейно-правовых споров

Примером сферы правового регулирования, в которой с наибольшей степенью скептицизма юристами оценивается внедрение современных технологий, являются семейные правоотношения. Сомнения юридического сообщества объясняются особой близостью семейно-правовых отношений, по сравнению с иными видами правоотношений, с проблемами морали и нравственности [11, с. 26]. Можно сказать, что в этой сфере создание строгих юридических правил ограничивалось известным высказыванием о том, что жизненные противоречия богаче, чем предположения о них. Спецификой правовой регламентации семейных отношений в подавляющем большинстве случаев являются фиксация правил поведения посредством оценочных категорий (например, «уважительные причины», «недостойное поведение») и их ситуационный характер. Выбор варианта решения в каждой спорной ситуации зависит от толкования индивидуальных обстоятельств в качестве юридически значимых, что в судебном процессе является прерогативой судьи и носит название «судейское усмотрение». Судебная практика свидетельствует о том, что процесс принятия такого индивидуального решения трудоемок и обусловлен комплексом психологических и социальных установок судьи. Это нередко приводит к принятию взаимоисключающих решений в тождественных условиях.

Целью настоящего исследования является выход на качественно новый уровень принятия правовых решений. Мы предлагаем разработку моделей, организованных с учетом этапов получения и обработки данных, полученных от «экспертов-информантов». Образуя устойчивую упорядоченность связей между элементами, обусловленную функциональным назначением системы (структуру), такие модели позволят сделать «реальность познаваемой» [18]. Принципы модели формулировались на основе психологически ориентированного подхода, уже заслужившего поддержку в отечественной психологической науке [9, с. 111] и зарубежной юридической практике [20].

Предполагаемый статус таких интеллектуальных моделей — стать рабочим инструментом субъекта, принимающего решение. Пользователь сможет управлять этой структурной моделью, находясь вне ее, представляя собой организующее начало, наделяя ее контекстом и интерпретируя эффекты. Тем самым результаты работы интеллектуальной модели в каждом конкретном случае правоприменения могут быть тождественны с усмотрением пользователя, но не будут подменять его. Так, например, суды смогут опираться на полученные данные, в том числе с целью формирования единых подходов к рассмотрению споров в правоприменительной практике. Участники процесса при внедрении такой модели обретут возможность прибегнуть к анализу ситуации, не будучи связанными «принудительным электронным мониторингом», для оценки перспектив по иску. Поскольку алгоритм позволяет использовать автоматизированную обработку данных, на основе предложенных принципов могут быть разработаны приложения для мобильных устройств. Успех такого формата подтверждается зарубежными практиками, в частности с использованием приложения «CoParenter», которое официально внедрено за рубежом в январе 2019 года. Модель «соParenter» позиционируется как эффективный портал для общения по вопросам совместного воспитания с фильтрацией языка для более уважительного взаимодействия, способный играть роль доказательственной базы для суда.

Таким мы видим решение «задачи организации взаимодействия» [7, с. 42] правоприменителя и искусственного интеллекта, «...что предполагает сочетание алгоритмизированного искусственного мышления и творческого интуитивного начала» [7, с. 42]. Безусловно, построение данных интеллектуальных моделей ставит перед разработчиками ответственную задачу, решение которой должно быть связано с тщательным изучением сущности категории спора, ибо правильное решение заключается в понимании контекста феномена.

Семейное законодательство зачастую ставит разрешение семейно-правового спора в зависимость от выявления и интерпретации судом понятия «интересы». Так, при определении места жительства ребенка с одним из родителей суд обязан исходить из интересов детей (ст. 65 СК РФ). При разделе общего имущества супругов вопрос о равенстве долей подвергается анализу с учетом интересов одного из супругов, а также интересов несовершеннолетних детей (ст. 39 СК РФ). В разъяснениях высших судов подчеркивается необходимость отразить в судебном решении, каким именно образом именно такое распределение долей в совместно нажитом имуществе позволяет соблюсти интересы всех сторон [5]. При этом способы определения и оценки интересов нормативно не закреплены в том числе на уровне рекомендаций. Полагаем, это является основной причиной того, что суды редко прибегают к данной норме, предпочитая менее дискуссионный принцип равенства долей (ст. 39 СК РФ). Ведь для принятия решения, предопределяющего дальнейшую жизнь человека, недостаточно интуитивных представлений об интересах. Юридическая доктрина не предлагает методик определения интересов, вот почему во многих случаях «...юристам кажется, что они знают, с какой реальностью они имеют дело, только до тех пор, пока их об этом не спросят. Если же их спросят, то им приходится или самим спрашивать и недоумевать, или же по необходимости решать один из труднейших вопросов теории познания» [10].

Изложенное обуславливает актуальность создания научной основы для разработки технологии определения интересов. Это окажется полезным не только для судебного рассмотрения споров, но и в любой посреднической работе с противоречащими друг другу позициями.

«Интересы служат той основой, на которой будет вестись поиск возможного решения проблемы» [15, с.8].

Типология уровней и степени интересов в семейно-правовом споре

Для описания принципиального устройства модели психологического анализа интересов требуется ввести понятие интереса в круг научных концептов психологии. Преобладающие сейчас в научных и справочных публикациях определения обозначают не ту реальность, которая является объектом нашего исследования, в них речь идет о познавательном интересе [1, с. 184]. Крайне редки публикации, в которых внимание представителей психологической науки обращено к юридически значимой сущности интереса ребенка, но благодаря им открывается новый ракурс междисциплинарного исследования [7; 12; 13].

Итак, юридической практике необходима дефиниция в значении «...польза, выгода отдельного лица или известной совокупности лиц, противопоставляемая выгоде или пользе других лиц» [19, с. 262]. Потребуется определить ее соотношение с близкими, но не совпадающими реальностями: потребность, мотив, цель. Такая попытка была предпринята нами ранее [3]. Мы исходили из того, что мотивы являются предметами всех потребностей (в том числе социальных) отдельного человека, как бы «взятого» изолированно от других людей. Набор мотивов человека становится интересом, когда он вступает в отношения с другим человеком, и тогда другой человек или его свойства становятся условиями осуществления интенций первого. Интерес следует «искать» в точке встречи интенций двух людей.

Извлекая дополнительные коннотации из смежных областей, где понятие интереса уже приобрело статус научного, мы предложили предварительную (рабочую) версию термина «интерес» как научного понятия: интерес — это вид социальных отношений человека, в которых находит свое отражение набор осмысленно взаимосвязанных устремлений, соотносенных с устремлениями людей и социальными условиями, в которых данный интерес может быть реализован.

Для выявления и анализа интересов может быть использован следующий алгоритм дифференциации интересов. В его основу заложены уже ставшие общепризнанными представления о человеке как уровне системы. Согласно ей выделяются: 1) биосистема; 2) социальное существо (индивид); 3) личность [4, с. 98]. Каждому уровню можно поставить в соответствие свой вид интересов. Опишем их применительно к области споров между расторгающими брак супругами.

На уровне «организма» могут проявляться интересы супругов в обеспечении выживания, обслуживании соматической природы, жизнеобеспечении. Интересы, соответствующие данному уровню, могут называться материальными, так как они реализуются в материальном мире вещей. Материальные интересы могут быть урегулированы с помощью юридических соглашений (к примеру, соглашение о разделе общего имущества супругов или об уплате алиментов). Исполнение таких соглашений обеспечивается мерами государственного принуждения.

Социальный индивид формируется посредством правил, норм, стереотипов социального окружения. Здесь может быть выявлен интерес в поддержании и обеспечении социальных ролей, функций, обязательств, социального статуса. Указанные интересы мы будем называть социальными. Социальные интересы не могут выступать предметом гражданско-правовых договоров, однако отражаются в них косвенно с помощью определения юридической судьбы имущества, с которым эти интересы связаны (например, при разделе общего имущества су-

пругов автомобиль передается супругу в целях удовлетворения его интереса в демонстрации социального статуса). При понимании социальных интересов для обеспечения договоренностей могут быть задействованы закономерности, побуждающие супругов исполнить добровольно взятые на себя обязательства: стремление сохранить лицо перед посредником (держать данное слово), острое понимание интересов своего ребенка (выявляется в процессе специального обсуждения во время переговоров).

Личностью человек становится, будучи субъектом своих поступков, — совершая выбор, выстраивая собственную линию поведения и принимая ответственность за нее. Интересы личности связаны с такими понятиями, как ответственность, ценности, направленности, предпочтения. Интересы этого уровня мы назовем личностными. Они могут быть выражены в таких понятиях, как гражданская позиция, подвиг, подвижничество, служение, а также в самовыражении, в творчестве. Интересы этого уровня сводятся к признанию со стороны другого супруга этой идентичности. Для обеспечения исполнения договоренностей работа с данным видом интересов может вестись при помощи норм морали, религиозных, культурных и иных общечеловеческих ценностей. Здесь уместно связывать исполнение обязательства с такими качествами, как великодушие, порядочность, благородство, справедливость, а также обозначать его как «дело чести», «сохранение достоинства». То есть все то, что ценно для человека как личности, способной принимать самостоятельные решения и совершать поступки.

Тем самым типология интересов всегда может быть представлена тремя уровнями: материальным, социальным и личностным.

Специально для рассмотрения споров супругов, связанных с расторжением брака, мы считали необходимым ввести в качестве самостоятельного вида интересы уровня межличностных отношений. Наличие межличностных интересов у супруга будет свидетельствовать о его готовности к сохранению семейных отношений. При выявлении таких интересов у обоих супругов могут быть оправданы усилия посредника по сохранению брака и примирению сторон.

Для установления иерархии между интересами одного уровня мы предлагаем категорию «сила интереса», которая выявляется путем анализа эмоциональных индикаторов стороны конфликта. Сила — это преимущество одного интереса по отношению к другому интересу того же вида по субъективному параметру стороны спора. Силовые ресурсы могут быть представлены по уровням: минимальный, средний, высокий. Определение степени значимости соответствующего вида интереса супруга позволит установить его личные приоритеты, имеющие значение для последующего сопоставления и согласования интересов сторон, а также выбора способа обеспечения исполнения выработанных договоренностей.

Дифференциация интересов предполагается посредством анализа результатов организованного опроса, в основу которого заложен алгоритм, обеспечивающий получение индикаторов (вербальных и невербальных). В привычном понимании, инструментом для этого является бланк опроса. Специалист или программа идентифицируют интересы по видам, устанавливая их связь с определенным имуществом, ориентируясь на полученные в опросе индикаторы. В свою очередь, «карта интересов» каждого из супругов, составленная специалистом или программой, становится основой выработки вариантов сопоставления интересов сторон, версий картины урегулированного спора.

Особенностью выявления интересов ребенка в спорах об определении места жительства и порядка воспитания является психическая незрелость ребенка, влияющая на его собственные

представления о своих интересах. Особый психологический и правовой статус ребенка трансформирует нашу модель, дополняя ее необходимостью сопряжения интересов со значимыми для ребенка жизненными сферами, в которых интересы проявляются, а также действиями людей, посредством которых они реализуются. В результате сопоставления опросов информантов формируется «комбинаторная матрица», позволяющая «вытянуть на поверхность» конкретные действия родителей, с помощью которых удовлетворяются интересы ребенка. Совокупность указанных действий представляет собой эталон заботы об интересах ребенка в данной семье.

Анализ указанной матрицы способен показать, действиями какого родителя удовлетворяются интересы в наиболее важных жизненных сферах, что особенно важно, если оба родителя выглядят одинаково благополучными, но для определения места жительства ребенка нужно отдать предпочтение одному из них. Сочетание возможностей родителей по удовлетворению интересов ребенка будет способствовать основополагающему международному стандарту интересов — «наилучшие интересы ребенка». Сравнение данных опроса информантов и данных, полученных от родителей, позволит выявить, в отношении кого из родителей возникла деформация в оценке степени участия каждого из родителей в обеспечении интересов ребенка. Ведь при наличии высокого коэффициента конфликтности между родителями их позиции могут быть направлены на удовлетворение собственных интересов в противопоставление интересам другого родителя.

Выводы

1. Достижения отечественной науки позволили сформулировать принципы построения модели судебного рассмотрения семейно-правовых споров, требующих от правоприменителя субъективной оценки фактических обстоятельств в качестве интересов супругов или ребенка.
2. Для целей построения модели с позиций психологической науки были разработаны рабочая дефиниция интереса и дополнительные инструментальные понятия, рассчитанные на потребности судебного рассмотрения семейно-правового спора.
3. Разработана типология уровней и силы интересов, на основе которой предложен метод дифференциации и согласования интересов, позволяющий сочетать компетенции юриста и психолога.
4. Предложенные принципы работы с интересами могут быть использованы для построения модели судебного рассмотрения и в других областях правоотношений, что позволяет с легкостью масштабировать изложенную в статье идею, как по видам правовой работы с конфликтом (например, в медиации), так и по категориям юридических споров.
5. Сформулированные принципы построения модели могут быть использованы в контексте цифровизации правоприменения, что будет способствовать повышению качества юридических услуг, унификации правоприменительной практики. Психологическая составляющая алгоритмов правоприменения позволит искусственному интеллекту в юридической деятельности стать «человечнее» [20].

Литература

1. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мецгерякова. В.П. Зинченко. М.: АТС, 2009. 811 с.

Краснова Т.В.
Принципы построения модели психологического
анализа интересов для решения задач
алгоритмизации правоприменения
(на примере семейно-правовых споров)
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 124–133.

Krasnova T.V.
Principles of Model Construction of Psychological
Analysis of Interests for Solving Problems
of Algorithmization of Law Enforcement
(on the Example of Family Law Disputes)
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 124–133.

2. *Зенин С.С., Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Япрынецев И.М.* Правотворчество в условиях алгоритмизации права [Электронный ресурс] // *Lex russica*. 2020. Том 73. № 7. С. 97–104. doi:10.17803/1729-5920.2020.164.7.097-104
3. *Краснова Т.В., Кучинская Л.А.* Практическое значение категории «интерес» в правоотношениях родителей и детей: материальный и процессуальный аспекты [Электронный ресурс] // *Право и политика*. 2016. № 10. С. 1318–1322. doi:10.7256/1811-9018.2016.10.20392
4. *Мухина В.С.* Возрастная психология. Феноменология развития. М.: Академия, 2006. 608 с.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019) [Электронный ресурс] // *КонсультантПлюс*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338859/ (дата обращения: 08.08.2021).
6. *Осипова Н.Ю.* Структурно-семиотический подход как аспект методологии гуманитарного знания // *Культурологический журнал*. 2011. № 3 (5).
7. *Пашенцев Д.А.* Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений [Электронный ресурс] // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2020. № 1. С. 35–49. doi:10.21638/spbu14.2020.103
8. *Сафуанов Ф.С., Харитонова Н.К., Русаковская О.А.* Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. М.: Генезис, 2012. 192 с.
9. *Сорокин В.В.* Правовая психология в системе действия права [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2019. Том 9. № 1. С. 111–121. doi:10.17759/psylaw.2019090108
10. *Спекторский Е.В.* Философия и юриспруденция // *Юридический вестник*. М., 1913. Кн. II. С. 60–92.
11. *Степанян А.С.* Перспективы применения искусственного интеллекта в семейных правоотношениях: проблемы теории и практики [Электронный ресурс] // *Семейное и жилищное право*. 2021. № 3. С. 26–29. doi:10.18572/1999-477X-2021-3-26-29
12. *Талатина Э.В.* Алгоритмы и искусственный интеллект сквозь призму прав человека [Электронный ресурс] // *Журнал российского права*. 2020. № 10. С. 25–39. doi:10.12737/jrl.2020.118
13. *Терехина С.А.* Психологические аспекты понятия «интересы ребенка» [Электронный ресурс] // *Психолого-педагогические исследования*. 2013. № 3. С. 202–209. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n3/62511.shtml (дата обращения: 08.08.2021).
14. *Терехина С.А., Пимонов В.А.* Проблемы защиты интересов несовершеннолетних в судебных делах по семейным спорам при разводе [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2016. Том 6. № 1. С. 91–104. doi:10.17759/psylaw.2016060108
15. *Техника ведения переговоров нотариусами: Практическое пособие*. М.: Волтерс Клувер, 2005. 200 с.
16. *Харари Ю.Н.* Homo Deus: Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2018. 496 с.
17. *Часовских К.В.* Алгоритмизация правоприменения в сфере защиты персональных данных // *Gaudeamus Igitur*. 2018. № 2. С. 26–27.
18. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб: Петрополис, 1998. 432 с.
19. *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона*. М.: Эксмо, 2010. 960 с.

20. Cappuccio M., Sandova E., Mubin O., Velonaki M. Can Robots Make Us Better Humans? // *International Journal of Social Robotics*. 2021. Vol. 13. P. 7–22. doi:10.1007/s12369-020-00700-6

References

1. Meshcheryakov B.G., Zinchenko V.P. (eds.). *Bol'shoi psikhologicheskii slovar'*. Moscow: AST, 2009. 811 p. (In Russ.).
2. Zenin S.S., Kuteinikov D.L., Izhaev O.A., Yaprntsev I.M. Pravotvorchestvo v usloviyakh algoritmizatsii prava [Law Making in the Conditions of Algorithmization of Law] [Elektronnyi resurs]. *Lex russica*, 2020. Vol. 73, no. 7, pp 97–104. doi:10.17803/1729-5920.2020.164.7.097-104 (In Russ.).
3. Krasnova T.V., Kuchinskaya L.A. Prakticheskoe znachenie kategorii «interes» v pravootnosheniyakh roditeli i detei: material'nyi i protsessual'nyi aspekty [Elektronnyi resurs]. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2016, no. 10, pp. 1318–1322. doi:10.7256/1811-9018.2016.10.20392 (In Russ.).
4. Mukhina V.S. *Vozrastnaya psikhologiya. Fenomenologiya razvitiya*. Moscow: Akademiya, 2006. 608 p. (In Russ.).
5. Obzor sudebnoi praktiki Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii N 3 (2019) (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 27.11.2019) [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338859/ (Accessed 08.08.2021). (In Russ.).
6. Osipova N.Yu. Strukturno-semioticheskii podkhod kak aspekt metodologii gumanitarnogo znaniya [Application of Structural Semiotic Methodology in the Humanities]. *Kul'turologicheskii zhurnal = Journal of Cultural Research*, 2011, no. 3 (5) (In Russ.).
7. Pashentsev D.A. Osobennosti pravoprimereniya v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestvennykh otnoshenii [Features of law enforcement in the conditions of digitalization of social relations] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2020, no. 1, pp. 35–49. doi:10.21638/spbu14.2020.103 (In Russ.).
8. Safuanov F.S., Kharitonova N.K., Rusakovskaya O.A. Psikhologo-psikhiatricheskaya e`kspertiza po sudebnym sporam mezhdru roditelyami o vospitani i meste zhitel'stva rebenka. Moscow: Genezis, 2012. 192 p. (In Russ.).
9. Sorokin V.V. Pravovaya psikhologiya v sisteme deistviya prava [Legal Psychology in the System of Law] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 1, pp. 111–121. doi:10.17759/psylaw.2019090108 (In Russ.).
10. Spektorsky E.V. Filosofiya i yurisprudentsiya. *Yuridicheskii vestnik = Legal Bulletin*. Moscow, 1913. Kn. II, pp. 60–92 (In Russ.).
11. Stepanyan A.S. Perspektivy primeneniya iskusstvennogo intellekta v semeinykh pravootnosheniyakh: problemy teorii i praktiki [Prospects of Artificial Intelligence Application in Family Relationships: Issues of Theory and Practice]. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and Housing Law*, 2021, no. 3, pp. 26–29. doi:10.18572/1999-477X-2021-3-26-29 (In Russ.).
12. Talapina E.V. Algoritmy i iskusstvennyi intellekt skvoz' prizmu prav cheloveka [Algorithms and Artificial Intelligence in the Human Rights Context] [Elektronnyi resurs]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2020, no. 10, pp. 25–39. doi:10.12737/jrl.2020.118 (In Russ.).
13. Terekhina S.A. Psikhologicheskiye aspekty ponyatiya «interesy rebenka» [Psychological aspects of the concept “the interests of the child”] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologo-pedagogicheskiye issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2013, no. 3, pp. 202–209. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n3/62511.shtml (Accessed 08.08.2021). (In Russ.).

Краснова Т.В.

Принципы построения модели психологического анализа интересов для решения задач алгоритмизации правоприменения (на примере семейно-правовых споров) *Психология и право*. 2022. Том 12. № 3. С. 124–133.

Krasnova T.V.

Principles of Model Construction of Psychological Analysis of Interests for Solving Problems of Algorithmization of Law Enforcement (on the Example of Family Law Disputes) *Psychology and Law*. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 124–133.

14. Terekhina S.A., Pimonov V.A. Problemy zashchity interesov nesovershennoletnikh v sudebnykh delakh po semeinym sporam pri razvode [The problems of defending the interests of juveniles in legal cases of domestic disputes during the divorce] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2016. Vol. 6, no. 1, pp. 91–104. doi:10.17759/psylaw.2016060108 (In Russ.).
15. Tekhnika vedeniya peregovorov notariusami: Prakticheskoe posobie. Moscow: Volters Kluver, 2005. 200 p. (In Russ.).
16. Harari Y.N. Homo Deus: Kratkaya istoriya budushchego [Homo Deus. A Brief History of Tomorrow]. Moscow: Sindbad, 2018. 520 p. (In Russ.).
17. Chasovskikh K.V. Algoritmizatsiya pravoprimeneniya v sfere zashchity personal'nykh dannykh [Algorithmization of enforcement in the field of personal data protection]. *Gaudeamus Igitur*, 2018, no. 2, pp. 26–27 (In Russ.).
18. Eko U. Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu. Saint Petersburg: Petropolis, 1998. 432 p. (In Russ.).
19. Entsiklopedicheskii slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona. Moscow: Eksmo, 2010. 960 p. (In Russ.).
20. Cappuccio M., Sandova E., Mubin O., Velonaki M. Can Robots Make Us Better Humans? *International Journal of Social Robotics*, 2021, no. 13, pp. 7–22. doi:10.1007/s12369-020-00700-6

Информация об авторах

Краснова Татьяна Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Институт государства и права, Тюменский государственный университет (ФГАОУ ВО «ТюмГУ»), г. Тюмень, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3375-7443>, e-mail: krasnova-tv@yandex.ru

Information about the authors

Tatyana V. Krasnova, PhD in Law, Docent, Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Institute of State and Law, Tyumen State University, Tyumen, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3375-7443>, e-mail: krasnova-tv@yandex.ru

Получена 11.08.2021

Принята в печать 11.02.2022

Received 11.08.2021

Accepted 11.02.2022

Влияние негативного эмоционального опыта детства на криминальную активность у женщин с органическим расстройством личности

Качаева М.А.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7642-9829>, e-mail: mkachaeva@mail.ru

Дозорцева Е.Г.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Нуцкова Е.В.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nutskova@serbsky.ru

Харитоновна Н.К.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0238-1690>, e-mail: nkharitonova@ro.ru

Шишкина О.А.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4274-0368>, e-mail: shishkina.o@serbsky.ru

Васянина В.И.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4882-4303>, e-mail: vasianina.vik@yandex.ru

Качаева М.А. [и др.]
Влияние негативного эмоционального опыта детства
на криминальную активность у женщин
с органическим расстройством личности
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 134–150.

Kachaeva M.A et al.
The Influence of Negative Emotional Experiences
of Childhood on Criminal Activity in Women
with Organic Personality Disorder
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 134–150.

Скибина Н.В.

Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова
Минздрава России — Сеченовский университет (ФГАОУ ВО «ПМГМУ имени И.М. Сечено-
ва»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4721-3962>, e-mail: nskibina59@mail.ru

Назарова Л.Н.

Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова
Минздрава России — Сеченовский университет (ИПО ФГАОУ ВО «ПМГМУ имени И.М.
Сеченова»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1991-0920>, e-mail: LnLn2016@bk.ru

В данном описательном ретроспективном исследовании с целью изучения влияния негативного эмоционального опыта детства на криминальную активность у женщин с органическим расстройством личности (ОРЛ) проведено исследование группы женщин с ОРЛ, подозреваемых или обвиняемых в преступлениях по уголовным делам, прошедших судебно-психиатрическую экспертизу (n=102), и группы сравнения — женщин с ОРЛ, не имевших криминального анамнеза (n=50). Выявлено что для женщин, совершивших уголовно наказуемые деяния, существенное значение имеют негативные события детства с множеством психогенно-травмирующих событий. Выявлено, что наибольшее значение неблагоприятных событий детства с негативным эмоциональным опытом — жестокое обращение, насилие (эмоциональное физическое, сексуальное) — при сочетании с неблагоприятными социальными факторами воспитания оказывали значимое патопластическое и патокинетическое воздействие на клинико-динамические характеристики заболевания и в определенной степени предопределяли становление криминальной активности у данной категории лиц. У них чаще выявлена зависимость от ПАВ. Эти женщины чаще совершали агрессивные правонарушения (убийства, нанесение тяжких телесных повреждений), при этом жертвой этих преступлений чаще был партнер (муж, сожитель).

Ключевые слова: домашнее насилие, жертвы домашнего насилия, психологические проблемы, психические расстройства, органическое расстройство личности, негативный эмоциональный опыт детства.

Для цитаты: Качаева М.А., Дозорцева Е.Г., Нуцкова Е.В., Харитоновна Н.К., Шишкина О.А., Васянина В.И., Скибина Н.В., Назарова Л.Н. Влияние негативного эмоционального опыта детства на криминальную активность у женщин с органическим расстройством личности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 134–150. DOI:10.17759/psylaw.2022120312

Качаева М.А. [и др.]
Влияние негативного эмоционального опыта детства
на криминальную активность у женщин
с органическим расстройством личности
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 134–150.

Kachaeva M.A et al.
The Influence of Negative Emotional Experiences
of Childhood on Criminal Activity in Women
with Organic Personality Disorder
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 134–150.

The Influence of Negative Emotional Experiences of Childhood on Criminal Activity in Women with Organic Personality Disorder

Margarita A. Kachaeva

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7642-9829>, e-mail: mkachaeva@mail.ru

Elena G. Dozortseva

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Elena V. Nutskova

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nutskova@serbsky.ru

Natalia K. Kharitonova

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0238-1690>, e-mail: nkharitonova@ro.ru

Olga A. Shishkina

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4274-0368>, e-mail: shishkina.o@serbsky.ru

Victoria I. Vasianina

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4882-4303>, e-mail: vasianina.vik@yandex.ru

Nadezhda V. Skibina

I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4721-3962>, e-mail: nskibina59@mail.ru

Lionella N. Nazarova

I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1991-0920>, e-mail: LnLn2016@bk.ru

In order to study the influence of negative emotional experiences of childhood on criminal activity in women with organic personality disorder we investigated group of women, suspected or accused of crimes in criminal cases, who underwent forensic psychiatric examina-

tion (n=102) with comparison to group of women, who had not a criminal history (n=50). It is revealed that for women who have committed criminally punishable acts, negative childhood events with many psychogenic and traumatic events are of significant importance. It was revealed that the greatest importance of adverse childhood events with negative emotional experience - abuse, violence (emotional, physical, sexual) in combination with unfavorable social factors of upbringing had a significant pathoplastic and pathokinetic effect on the clinical and dynamic characteristics of the disease and to a certain extent predetermined the formation of criminal activity of this category of persons. They are more likely to have dependence on surfactants. These women were more likely to commit aggressive offenses (murder, grievous bodily harm), while the victim of these crimes was more often a partner (husband, cohabitant).

Keywords: domestic violence, victims of domestic violence, psychological problems, mental disorders, organic personality disorder, negative emotional experience of childhood.

For citation: Kachaeva M.A., Dozortseva E.G., Nutsikova E.V., Kharitonova N.K., Shishkina O.A., Vasianina V.I., Skibina N.V., Nazarova L.N. The Influence of Negative Emotional Experiences of Childhood on Criminal Activity in Women with Organic Personality Disorder. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 134–150. DOI:10.17759/psylaw.2022120312 (In Russ.).

Введение

В последние годы все больше работ в области психологии, психиатрии и криминологии посвящено анализу негативного эмоционального опыта детства, что обусловлено особой важностью психоэмоционального опыта детского возраста в формировании психических расстройств и различного рода нарушений поведения [9; 11; 18]. Исследования взрослых испытуемых, перенесших насилие в детском и подростковом возрасте, показали, что в будущем для них характерны проблемы с обучением, низкий социально-экономический статус и отсутствие работы, ревиктимизация, проблемы с воспитанием собственных детей [2; 4; 10; 17; 19; 23]. Жесткое обращение, пережитое в детстве, как со стороны членов семьи, так и сверстников, является прогностическим фактором проявления насилия бывшей жертвы по отношению к своему партнеру или детям. Среди правонарушителей-рецидивистов также высок процент людей, подвергшихся насилию или жестокому обращению [3; 13; 14; 15; 20]. В ряде исследований подтвердилось, что женщины в наибольшей степени подвержены влиянию негативного эмоционального опыта, нередко выступающего в качестве фактора развития у них расстройств аффективной сферы, нарушений отношений с партнером и собственными детьми (парентинга), что, особенно при сочетании с рядом других факторов, может способствовать совершению ими криминальных, в том числе агрессивных деяний [8; 11; 18; 21]. У женщин-правонарушителей, как правило, обнаруживается много стрессовых событий в жизни, включая насилие в детском возрасте, более высокий уровень показателей зависимости от ПАВ, травматических событий жизни и виктимности, разрушенные социальные связи, разорванные отношения с членами семьи и нарушения парентинга (родительствования) [8; 16].

Методы и методики исследования

С целью изучения влияния негативного эмоционального опыта детства на криминальную активность у женщин с органическим расстройством личности (ОРЛ) проводилось сплошное одномоментное исследование 102 женщин с ОРЛ, совершивших правонарушения и 50 сопоставимых им по возрасту женщин с ОРЛ без криминального анамнеза. Критериями отбора были женский пол, возраст старше 18 лет, установленный диагноз ОРЛ.

В ранее проводимых исследованиях на женской выборке в области судебной психиатрии отмечалось наличие психотравмирующих событий в жизни женщин, совершивших правонарушения, в качестве фактора криминальной активности [1; 5; 6; 7; 12; 22]. На основании этого в нашем исследовании проводился анализ влияния негативного эмоционального опыта детства и дана оценка его роли в формировании характера внутрисемейных отношений, социальной, трудовой и семейно-бытовой адаптации женщин с ОРЛ, а также в появлении у них противоправного поведения.

Применялись следующие **методы** исследования: клинико-психопатологический, клинико-социальный, психометрический, неврологический, общесоматический и статистический.

На первом этапе работы была разработана карта исследования, включающая социально-демографические сведения с подробным изложением характера внутрисемейных отношений, условий воспитания, отношений с супругом и детьми, а также конституционально-биологические характеристики и наркологический анамнез.

На втором этапе проводилось сплошное одномоментное исследование 651 женщин, совершивших правонарушения, на базе ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, из которых методом выборочного отбора выделены 102 женщины с ОРЛ, совершившие правонарушения. На базе Московского научно-исследовательского института психиатрии (МНИИП) обследованы 50 женщин с ОРЛ без криминального анамнеза.

Исходя из задач исследования, на последующих этапах проводилось разделение материала и сравнение групп в зависимости от наличия негативного эмоционального опыта детства (жестокое обращение, эмоциональное, физическое и сексуальное насилие), условий воспитания и характера внутрисемейных отношений, а также криминального анамнеза, времени начала действия значимой экзогенной вредности (до и после 18 лет).

Результаты исследования

Изучение условий воспитания (таблица 1) в исследуемой выборке показало, что, несмотря на то, что большинство женщин с ОРЛ, совершивших правонарушения, воспитывались родителями (каждая вторая воспитывалась одной матерью), больше половины из них (62,74%) заявили о воспитании в преобладающей атмосфере холодного, безразличного отношения (50,98%) с отсутствием системности в воспитательных подходах, конфликтами, эпизодами применения в отношении них агрессии, физического насилия (11,76%). В каждом третьем случае условия воспитания были ими оценены как психотравмирующие (29,4%). Теплыми и доброжелательными эти отношения характеризовали лишь небольшое число женщин (37,26%) выросшие в полной семье.

В группе женщин без криминального анамнеза в подавляющем большинстве случаев (96%) имелись сведения о теплых, доброжелательных условиях воспитания; лишь в 4% случаев имелись сведения о безразличных отношениях с воспитывающим лицом (таблица 2).

При изучении условий воспитания проанализирован криминальный анамнез родителей женщин с ОРЛ (таблица 3). Было установлено, что у 13,72% женщин с ОРЛ, совершивших

правонарушения, один или оба родителя были привлечены к уголовной ответственности, что подтверждает роль усвоения асоциальной модели поведения и криминальных паттернов родителей в формировании противоправной активности.

Таблица 1

Условия воспитания

Условия воспитания	Женщины с ОРЛ с криминальным анамнезом (n=102)		Женщины с ОРЛ без криминального анамнеза (n=50)		Достоверность различий, р
	Абсолютное	Относит.	Абсолютное	Относит.	
В неполной семье	44	43,14%	2	4%	0,0000
В полной семье	43	42,16%	48	96%	0,0000
В детском доме	15	14,7%	-	-	0,0043

Таблица 2

Отношения с воспитывающим лицом

Отношения в семье	Женщины с ОРЛ с криминальным анамнезом (n=102)		Женщины с ОРЛ без криминального анамнеза (n=50)		Достоверность различий, р
	Абсолют.	Относит.	Абсолют.	Относит.	
Безразличные, холодные	52	50,98%	2	4%	0,0000
Конфликтные, с проявлением агрессии, физического насилия	12	11,76%	-	-	0,0115
Теплые, доброжелательные	38	37,26%	48	96%	0,0000

Таблица 3

Криминальный анамнез в семье

Криминальный анамнез в семье	Женщины с ОРЛ с криминальным анамнезом (n=102)		Женщины с ОРЛ без криминального анамнеза (n=50)		Достоверность различий, р
	Абсолютное	Относит.	Абсолютное	Относит.	
Нет	88	86,28%	50	100%	0,0060
Оба родителя	11	10,78%	-	-	0,0159
Мать	1	0,98%	-	-	0,4825
Отец	2	1,96%	-	-	0,3190

Неблагополучные условия воспитания дополняются и сведениями о низком уровне образования женщин с ОРЛ, совершивших правонарушения, в сопоставлении с женщинами с ОРЛ без криминального анамнеза (таблица 4). При этом более низкий уровень образования в целом и незавершенный процесс обучения (главным образом неоконченное среднее образование у 15,69%, $p < 0,05$) у женщин с ОРЛ, начало развития которого пришлось на период до 18 лет, был, несомненно, обусловлен, как уже отмечалось, большей выраженностью у них психопатологических проявлений на относительно более ранних этапах заболевания. Такие женщины хуже справлялись со школьной программой, чаще переводились во вспомогательные школы (31,37%, $p < 0,01$). В пубертатном периоде они нередко оставляли учебу в школах

не только по причине недостаточной способности к усвоению новой информации, но и низкого мотивационного компонента деятельности, появления асоциальных тенденций в условиях употребления ПАВ. Достоверно чаще данная категория лиц состояла на учете в КДНиЗП (33,33%, $p < 0,01$). Почти всегда у них не наблюдалось повышения уровня образования в течение дальнейшей жизни (96%). Низкий уровень образования, в свою очередь, предопределял и низкую профессиональную подготовку. В группе женщин с ОРЛ, начало формирования которого пришлось на возраст до 18 лет, прослеживалось наибольшее влияние негативного эмоционального опыта детства, что было обусловлено его опосредованным патопластическим и/или патокинетическим влиянием на клинико-динамические характеристики заболевания и предопределило их социальное неблагополучие, а также становление криминального поведения.

Таблица 4

Уровень образования

Образование	Женщины с ОРЛ с криминальным анамнезом (n=102)		Женщины с ОРЛ без криминального анамнеза (n=50)		Достоверность различий, р
	Абсолют.	Относит.	Абсолют.	Относит.	
Вспомогательная школа	17	17%	-	-	0,0020
Неоконченное среднее	9	9%	-	-	0,0286
Среднее	27	26%	3	6%	0,0034
Неоконченное средне-специальное	5	5%	22	44%	0,0000
Средне-специальное	32	31%	23	46%	0,0702
Высшее	11	11%	2	4%	0,1502
Два высших	1	1%	-	-	0,4780

Таблица 5

Источник дохода

Источник дохода	Женщины с ОРЛ с криминальным анамнезом (n=102)		Женщины с ОРЛ без криминального анамнеза (n=50)		Достоверность различий, р
	Абсолют.	Относит.	Абсолют.	Относит.	
Нет	66	64,71%	1	8%	0,0000
Пенсия по инвалидности	5	4,9%	13	26%	0,0002
Пенсия по возрасту	21	20,59%	4	2%	0,0022
Пособие на ребенка	2	1,96%	-	-	0,3190
Постоянное место работы	8	7,84%	32	64%	0,0000

Большинство женщин с ОРЛ, совершивших правонарушения (89,2%), были безработными (таблица 5), что было связано не только с отсутствием у них стремления к приобретению профессии, новых навыков и к трудоустройству, но и неблагоприятным влиянием микросреды с недостаточным вниманием со стороны родителей, общением с лицами асоциального и антисоциального поведения со своеобразной адаптацией в асоциальной среде с соответствующими установками и недостаточной мотивацией к трудовой активности. Так, устраиваясь

на неквалифицированную работу, они зачастую не выполняли свои обязанности, совершали прогулы, в том числе в связи с алкоголизацией, а в дальнейшем оставляли работу.

Снижение трудовой адаптации у женщин с ОРЛ, не сообщавших о наличии эпизодов значимого (психотравмирующего) негативного эмоционального опыта детства и не имеющих криминального анамнеза, был обусловлен прогрессивностью самого заболевания с нарастанием и углублением эмоционально-волевых и интеллектуально-мнестических нарушений, в связи с чем они имели объективные медицинские предпосылки невозможности выполнения должностных обязанностей, многие из них имели инвалидность.

В группе женщин с ОРЛ, совершивших правонарушения, сочетание неблагоприятных условий воспитания со множеством психотравмирующих событий раннего возраста и негативного эмоционального опыта детства (жестокое обращение, эмоциональное, физическое и сексуальное насилие) со стороны воспитывающих лиц способствовало их раннему уходу из дома. Бытовая неустроенность, отсутствие профессии приводили их к необдуманному, неразумному выбору партнера и, как правило, тотальной материальной и, нередко, психологической зависимости от него.

Стоит отметить, что, несмотря на отсутствие партнера (таблица 6), почти у каждой третьей женщины с ОРЛ, совершившей правонарушения (чаще при ОРЛ с началом развития до 18 лет — 43,1%), помимо наличия таких психопатологических проявлений, как поверхностность, легковесность суждений, эмоционально-волевые нарушения, снижение критических способностей, у них отсутствовали адекватные установки на семейную жизнь, преобладало стремление к праздному времяпрепровождению, бродяжничеству, облегченному отношению к сексуальным связям, проживанию у случайных знакомых, сожителей без формирования длительных отношений.

Таблица 6

Семейное положение

Семейное положение	Женщины с ОРЛ с криминальным анамнезом (n=102)		Женщины с ОРЛ без криминального анамнеза (n=50)		Достоверность различий, p
	Абсолют.	Относит.	Абсолют.	Относит.	
Не состоит в браке	40	39,21%	32	64%	0,0040
Зарегистрированный брак	28	27,45%	9	18%	0,2021
Гражданский брак	32	31,37%	6	12%	0,0096
Разведена	2	1,96%	1	2%	0,9867
Вдова	-	-	2	4%	0,0420

Анализ внутрисемейных отношений женщин с ОРЛ, совершивших правонарушения (таблица 7), показал, что в отношениях с партнером у них преобладали конфликты с эпизодами насилия (как физического, так и психологического) с его стороны. При этом нарушение характера межперсональных взаимодействий женщин с ОРЛ, совершивших правонарушения, с лицами ближайшего окружения не ограничивалось проявлениями типичного для данной нозологии органического психопатологического симптомокомплекса в виде эмоционально-волевых нарушений, а во многом определялось особенностями усвоенных в процессе воспитания паттернов патологического межличностного взаимодействия с элементами выученной беспомощности, ригидности и сужения репертуара реагирования в субъективно сложных си-

туациях, а также перенесения стереотипов искаженного родительства на собственных детей.

У большинства (81,48%) замужних женщин с ОРЛ, совершивших правонарушения, отношения с партнером характеризовались конфликтностью, что значительно превосходит аналогичный показатель в сравнении с данными в общей популяции, составляющий, по данным ВОЗ, 25–40%. Наиболее вероятно, это обусловлено сочетанием у женщин в исследуемой выборке неуживчивости, эксплозивности, несерьезного отношения к семейным обязанностям, усугубившихся в ситуации злоупотребления ими алкоголем, а также психологической и материальной зависимости от мужа (нередко также зависимого от ПАВ) вследствие отсутствия у исследуемой категории женщин собственного источника дохода, следовательно, недостаточными возможностями полноценного социального функционирования. Дискриминационный характер отношений в семье с партнером подтверждался и преобладанием подчиненного положения замужних женщин с ОРЛ, совершивших правонарушения (80%, $p < 0,01$). На равноправные отношения указали только 3,33% ($p < 0,01$).

Замужние женщины с ОРЛ, не сообщавшие о негативном эмоциональном опыте детского и подросткового периода и не имеющие криминального анамнеза (36%), чаще оценивали свои отношения с партнером как теплые и доброжелательные (86,67%, $p < 0,01$), реже квалифицировали их безразличными (13,33%), но не холодными.

Таблица 7

Отношения в семье с мужем

Отношения с мужем	Женщины с ОРЛ с криминальным анамнезом, состоящие в браке (n=60)		Женщины с ОРЛ без криминального анамнеза, состоящие в браке (n=15)		Достоверность различий, p
	Абсол.	Относ.	Абсол.	Относ.	
Конфликтные, с проявлениями агрессии, физического насилия со стороны супруга	39	65%	-	-	0,0000
Конфликтные, с проявлениями психологического насилия со стороны супруга	2	3,33%	-	-	0,4738
Безразличные, холодные	9	15%	2	13,33%	0,8701
Теплые, доброжелательные	10	16,67%	13	86,67%	0,0000

Несмотря на в целом неблагоприятные семейные отношения, у женщин, имевших негативный эмоциональный опыт детства, плохие бытовые условия, отсутствие полноценных возможностей (как психологических, так и материальных) создания здоровой атмосферы воспитания детей, большинство женщин с ОРЛ, совершивших правонарушения (63,73%, $p < 0,01$), становились родителями (таблица 8). Из них почти каждая пятая (18,46%) была лишена родительских прав в отношении собственных детей, в том числе в связи с совершением преступления против личности внутри семьи, а также в связи со злоупотреблением алкоголем, употреблением ПАВ. Более половины женщин (59,99%), имеющих детей, сообщали о негативных, конфликтных, холодных, безразличных, нередко с применением физических наказаний отношениях со своими собственными детьми. Данный показатель превосходит аналогичный в группе сопоставления, что, возможно, отражает легковесное отношение женщин с ОРЛ, имеющих криминальный анамнез, к беременности, родам, безразличие к судьбе своих детей.

Таблица 8

Отношения со своими детьми

Отношения с детьми	Женщины с ОРЛ с криминальным анамнезом, имеющие детей (n=65)		Женщины с ОРЛ без криминального анамнеза, имеющие детей (n=9)		Достоверность различий, p
	Абсолют.	Относит.	Абсолют.	Относит.	
Лишена родительских прав	12	18,46%	-	-	0,1591
Враждебные, с применением физических наказаний	2	3,1%	-	-	0,5923
Конфликтные	32	49,2%	-	-	0,0052
Безразличные	5	7,69%	1	11,11%	0,7246
Теплые, доброжелательные	14	21,55%	8	88,89%	0,0000

Заключение

У большинства женщин с ОРЛ, переживших опыт насилия в раннем (детском, подростковом) возрасте, совершивших правонарушения, в структуре личности обнаруживались сформированные различного рода факторы уязвимости к выбору в будущем партнера, склонного к установлению с ними отношений в парадигме чередования власти и контроля, обладающего чертами абьюзера. Факторы предрасположенности к виктимному поведению в сочетании с социальными трудностями, типичными для женщин, выросших в неблагополучных (психологически и материально) условиях (что особенно отчетливо прослеживается у женщин с ОРЛ, когда начало действия экзогенных факторов пришлось на период до 18 лет), повышают вероятность и их собственного криминального поведения в будущем.

Сформированное в результате негативного эмоционального опыта детства травмированное чувство собственного достоинства, последующее усиление чувства ненависти к себе, появление страха, беспомощности и бесполезности в дальнейшем приводили к использованию примитивных механизмов защиты, таких как проекция и проективная идентификация, имеющих тенденцию к возрастанию по мере усиления психических и физических угроз со стороны партнера. Неверие в собственные силы, ожидание потери контроля, депрессия приводили к неспособности гибко реагировать в ситуации абьюза, что определяло формирование выраженного когнитивного искажения при необходимости целостной оценки ситуации.

Хроническая виктимизация в раннем детском возрасте обусловила формирование у этих женщин классических симптомов выученной беспомощности с чертами пассивности, убежденности в собственной неспособности предпринять какие-либо меры, позволяющие им уйти от болезненных стимулов, даже когда избежать неприятностей довольно легко. Взрослая женщина, с детства приобретая эти черты в отношениях с партнером в ситуации агрессии в ее адрес, была заранее уверена, что ее попытки разработать стратегии избегания агрессии партнера приведут к тому, что, как бы она ни поступала, за этим последует насилие, что приводит ее к потере веры в собственную эффективность, обуславливает неспособность к расширению репертуара реагирования и дополнительно снижает самооценку, порождает уверенность в собственном бессилии изменить свое положение.

Изучение особенностей внутрисемейных отношений в исследуемой выборке показало, что женщины с ОРЛ, совершившие правонарушения, часто подвергались негативному эмоцио-

нальному опыту в детстве, а в последующем на протяжении многих лет подвергались различного рода насилию (физическому, психологическому) со стороны партнера. Многие из них совершили агрессивные правонарушения в отношении обидчика, а само деяние было для женщины единственным способом выхода из ситуации насилия. В исследуемой выборке женщин больше половины совершали агрессивные правонарушения (убийства, нанесение тяжких телесных повреждений), а жертвами этих преступлений в основном были проживающие вместе с ними мужья и партнеры.

Выводы

Таким образом, для женщин, переживших в раннем возрасте психотравмирующие события и совершивших агрессивные правонарушения, в непосредственной реализации криминального действия характерна высокая значимость субъективных переживаний, часто связанных с конфликтами внутри семьи. При этом жертвами агрессивных правонарушений, совершенных женщинами, пережившими негативный эмоциональный опыт детства, чаще всего становятся лица ближайшего окружения — партнеры, мужья.

Анализ социальных характеристик изученной группы выявил специфические особенности гетероагрессивного поведения женщин. Факторами predisпозиции к агрессии являлись дисгармоничные типы воспитания (гипоопека и бессистемность), депривация и негативный эмоциональный опыт в детстве, пережитое жестокое обращение и сексуальное насилие в детском и подростковом возрасте, патологически протекавший пубертатный период с формированием эмоционально возбудимых черт и девиантных форм поведения, а также отсутствие социальных и семейных связей. Данные социальные предикторы затрудняли выработку у женщин с гетероагрессией приемлемых форм разрешения интерперсональных конфликтов, что способствовало усвоению и формированию у них искаженных паттернов агрессивного поведения и в конечном итоге — совершению преступлений.

Перспективы дальнейшего исследования

Авторский коллектив планирует продолжить изучение психолого-психиатрических проблем у детей в результате жестокого обращения и у потерпевших от насилия девочек, а также последствий домашнего насилия во взрослой жизни женщин. Будут изучены документы международных организаций, посвященные проблеме домашнего насилия. Особое внимание будет уделено разработанной ВОЗ научной концепции «цикла насилия» и жестокости внутри семьи, когда в результате длительной, травмирующей психику ситуации, связанной с внутрисемейным насилием, избиваемая, унижаемая девочка и женщина могут совершить агрессивные действия. Планируется изучить принятые ООН документы, касающиеся нарушения прав человека, в частности, отдельный индикатор Целей устойчивого развития (ЦУР) по ликвидации всех форм насилия в отношении женщин и девочек. Планируется разработать систему профилактических мероприятий по предотвращению насилия и жестокости в отношении женщин и детей (оказание медико-психологической помощи жертвам домашнего насилия, методология работы телефонов доверия и «Горячей линии», куда могут обращаться и получать квалифицированную психологическую помощь пострадавшие от насилия девочки и женщины).

Литература

1. Бердичевский А.А., Падун М.А., Гагарина М.А., Архипова М.В. Регуляция эмоций у лиц, находящихся в созависимых отношениях [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2021. Том 10. № 4. С. 185–204. doi:10.17759/cpse.2021100409
2. Васянина В.И. Клинико-социальная характеристика и судебно-психиатрическая оценка расстройств личности у женщин, совершивших агрессивные криминальные действия: Автореф. дисс. ... канд. мед. наук: М., 2002. 21 с.
3. Дозорцева Е.Г. Соматическая психотерапия травмы у девиантных девочек-подростков // Московский психотерапевтический журнал. 2003. Том 11. № 1. С. 81–91.
4. Дозорцева Е.Г. Психологическая травма у подростков с проблемами в поведении. Диагностика и коррекция. М.: Генезис, 2007. 128 с.
5. Качаева М.М., Дозорцева Е.Г., Качнова Н.А., Русина В.В. Особенности психических расстройств и психологических проблем у осужденных девочек-подростков, перенесших насилие и совершивших агрессивные правонарушения // Судебная психиатрия. Пенитенциарная психиатрия и психология. Вып. 6 / Под ред. Т.Б. Дмитриевой. М.: ФГУ «ГНЦ ССП Росздрава», 2009. С. 123–137.
6. Качаева М.А., Дозорцева Е.Г., Нуцкова Е.В. Отсроченные последствия пережитого домашнего насилия у женщин и девочек [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 3. С. 110–126. doi:10.17759/psylaw.2017070309
7. Качаева М.А., Русина В.В. Клинические и социальные факторы риска криминальной агрессии женщин с органическими непсихотическими психическими расстройствами // Российский психиатрический журнал. 2009. № 2. С. 8–12.
8. Качаева М.А., Шишкина О.А. Психолого-психиатрические проблемы у женщин — жертв внутрисемейного насилия и их особенности в условиях самоизоляции в результате пандемии COVID-19 (научный обзор) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 131–155. doi:10.17759/psylaw.2021110310
9. Круковский В.Е., Мосечкин И.Н. О формах нефизического (психологического) насилия в уголовном законодательстве России [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 165–176. doi:10.17759/psylaw.2020100115
10. Ядрова Т.В. Психические расстройства у женщин, злоупотребляющих психоактивными веществами и совершивших правонарушения (клинический, социальный и судебно-психиатрический аспекты): Автореф. дисс. ... канд. мед. наук. М., 2005. 24 с.
11. Datchi C.C., Ancis J.R. Gender, Psychology, and Justice: the mental health of women and girls in the legal system. NY: NYU Press, 2017. 263 p.
12. Davis M.M., Miernicki M.E., Telzer E.H., Rudolph K.D. The Contribution of Childhood Negative Emotionality and Cognitive Control to Anxiety-Linked Neural Dysregulation of Emotion in Adolescence // Journal of Abnormal Child Psychology. 2019. Vol. 47(3). P. 515–527. doi:10.1007/s10802-018-0456-0
13. Hooper C.A., Koprowska J. The vulnerabilities of children whose parents have been sexually abused in childhood — towards a new framework // British Journal of Social Work. 2004. Vol. 34. P. 65–180.
14. Jaworska-Andryszewska P., Rybakowski J.K. Childhood trauma in mood disorders: Neurobiological mechanisms and implications for treatment // Pharmacological reports. 2019. Vol. 71(1). P. 112–120. doi:10.1016/j.pharep.2018.10.004

15. *Mansueto G., Cavallo C., Palmieri S. et al.* Adverse childhood experiences and repetitive negative thinking in adulthood: A systematic review // *Clinical Psychology & Psychotherapy*. 2021. Vol. 28(3). P. 557–568. doi:10.1002/cpp.2590
16. *Nagdee M. et al.* The psycho-social and clinical profile of women referred for psycho-legal evaluation to forensic mental health units in South Africa // *South African Journal of Psychiatry*. 2019. Vol. 25. doi:10.4102/sajpsychiatry.v25i0.1230
17. *Russel D.* The incidence and prevalence of intrafamilial and extrafamilial sexual abuse in female children // *Child Abuse & Neglect*. 1983. Vol. 7 2. P. 133–146. doi:10.1016/0145-2134(83)90065-0
18. *Simpson T.L., Miller W.R.* Concomitance between childhood sexual and physical abuse and substance use problems. A review // *Clinical Psychology Review*. 2002. Vol. 22(1). P. 27–77. doi:10.1016/S0272-7358(00)00088-X
19. *Steel B.F., Pollock C.B.* A Psychiatric study of parents who abuse infants and small children // *The battered child* / R.E. Helfer, C.H. Kempe (eds.). Chicago: University Of Chicago Press, 1968. 560 p.
20. *Steele K.R., Townsend M.L., Grenyer B.F.S.* Parenting and personality disorder: An overview and meta-synthesis of systematic reviews // *PLoS One*. 2019. Vol. 14(10). P. 1–26. doi:10.1371/journal.pone.0223038
21. *Ullman S.E., Brecklin L.R.* Sexual assault history and suicidal behavior in a national sample of women // *Suicide & Life Threatening Behavior*. 2002. Vol. 32(2). P. 117–130. doi:10.1521/SULI.32.2.117.24398
22. *Zaorska J., Kopera M., Trucco E.M. et al.* Childhood Trauma, Emotion Regulation, and Pain in Individuals with Alcohol Use Disorder // *Front Psychiatry*. 2020, Vol. 11. doi:10.3389/fpsy.2020.554150
23. *Zielinski D.* Child maltreatment and adult socioeconomic well-being // *Child Abuse & Neglect*. 2009. Vol. 33(10). P. 666–678. doi:10.1016/j.chiabu.2009.09.001

References

1. Berdichevsky A.A., Padun M.A., Gagarina M.A., Arkhipova M.V. Regulyatsiya emotsii u lits, nakhodyashchikhsya v sozavisimykh otnosheniyakh [Emotional Regulation in Individuals, Standing in Codependent Relationship] [Elektronnyi resurs]. *Klinicheskaiia i spetsial'naia psikhologiiia = Clinical Psychology and Special Education*, 2021. Vol. 10, no. 4, pp. 185–204. doi:10.17759/cpse.2021100409 (In Russ.).
2. Vasyanina V.I. Kliniko-sotsial'naya kharakteristika i sudebno-psikhiatricheskaya otsenka rasstroistv lichnosti u zhenshchin, sovershivshikh agressivnye kriminal'nye deistviya: Avtoref. diss. kand. med. nauk. Moscow, 2002. 21 p. (In Russ.).
3. Dozortseva E.G. Somaticheskaya psikhoterapiya travmy u deviantnykh devochek-podrostkov [Somatic psychotherapy trauma in deviant adolescent girls] // *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal = Moscow Psychotherapeutic Journal*, 2003. Vol. 11, no. 1, pp. 81–91 (In Russ.).
4. Dozortseva E.G. Psikhologicheskaya travma u podrostkov s problemami v povedenii. Diagnostika i korrektsiya. Moscow: Genezis, 2007. 128 p. (In Russ.).
5. Kachaeva M.M., Dozortseva E.G., Kachnova N.A., Rusina V.V. Osobennosti psikhicheskikh rasstroistv i psikhologicheskikh problem u osuzhdennykh devochek-podrostkov, perenesshikh nasilie i sovershivshikh agressivnye pravonarusheniya. In Dmitrieva T.B. (ed.). *Sudebnaya psikhiatri-*

ya. *Penitentsiarnaya psikhatriya i psikhologiya*. Vip. 6. Moscow: FGU “GNT SSP Roszdava” Publ., 2009, pp. 123–137 (In Russ.).

6. Kachaeva M.A., Dozortseva E.G., Nutskova E.V. Otsrochennye posledstviya perezhitogo domashnego nasiliya u zhenshchin i devochek [The long-term effects of domestic violence against women and girls] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2017. Vol. 7, no. 3, pp. 110–126. doi:10.17759/psylaw.2017070309 (In Russ.).

7. Kachaeva M.A., Rusina V.V. Klinicheskie i social'nye faktory riska kriminal'noj agressii zhenshchin s organicheskimi nepsihoticheskimi psicheskimi rasstrojstvami [Clinical and social risk factors for criminal aggression by women with non-psychotic organic mental disorders]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2009, no. 2, pp. 8–12 (In Russ.).

8. Kachaeva M.A., Shishkina O.A. Psikhologo-psikhiatricheskie problemy u zhenshchin — zhertv vnutrisemeinogo nasiliya i ikh osobennosti v usloviyakh samoizolyatsii v rezul'tate pandemii COVID-19 (nauchnyi obzor) [Psychological and Psychiatric Problems among Women — Victims of Domestic Violence and Their Peculiarities during the COVID-19 Lockdown (Scientific Review)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 131–155. doi:10.17759/psylaw.2021110310 (In Russ.).

9. Krukovsky V.E., Mosechkin I.N. O formakh nefizicheskogo (psikhologicheskogo) nasiliya v ugovolnom zakonodatel'stve Rossii [On Forms of Non-Physical (Psychological) Violence in the Criminal Legislation of Russia] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 165–176. doi:10.17759/psylaw.2020100115 (In Russ., abstr. in Engl.)

10. Yadrova T.V. Psichicheskie rasstroistva u zhenshchin, zloupotreblyayushchikh psikhoaktivnyimi veshchestvami i sovershivshikh pravonarusheniya (klinicheskii, sotsial'nyi i sudebno-psikhiatricheskii aspekty): Avtoref. diss. kand. med. nauk. Moscow, 2005. 24 p. (In Russ.).

11. Datchi C.C., Ancis J.R. Gender, Psychology, and Justice: the mental health of women and girls in the legal system. NY: NYU Press, 2017. 263 p.

12. Davis M.M., Miernicki M.E., Telzer E.H., Rudolph K.D. The Contribution of Childhood Negative Emotionality and Cognitive Control to Anxiety-Linked Neural Dysregulation of Emotion in Adolescence. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 2019. Vol. 47, no. 3, pp. 515–527. doi:10.1007/s10802-018-0456-0

13. Hooper C.A., Koprowska J. The vulnerabilities of children whose parents have been sexually abused in childhood — towards a new framework. *British Journal of Social Work*, 2004. Vol. 34, pp. 65–180.

14. Jaworska-Andryszewska P., Rybakowski J.K. Childhood trauma in mood disorders: Neurobiological mechanisms and implications for treatment. *Pharmacological reports*, 2019. Vol. 71, no. 1, pp. 112–120. doi:10.1016/j.pharep.2018.10.004

15. Mansueto G., Cavallo C., Palmieri S. et al. Adverse childhood experiences and repetitive negative thinking in adulthood: A systematic review. *Clinical Psychology & Psychotherapy*, 2021. Vol. 28, no. 3, pp. 557–568. doi:10.1002/cpp.2590

16. Nagdee M. et al. The psycho-social and clinical profile of women referred for psycho-legal evaluation to forensic mental health units in South Africa. *South African Journal of Psychiatry*, 2019. Vol. 25. doi:10.4102/sajpsy.2019.v25i0.1230

17. Russel D. The incidence and prevalence of intrafamilial and extrafamilial sexual abuse in female children. *Child Abuse & Neglect*, 1983. Vol. 7 2, pp. 133–146. doi:10.1016/0145-2134(83)90065-0

18. Simpson T.L, Miller W.R. Concomitance between childhood sexual and physical abuse and substance use problems. A review. *Clinical Psychology Review*, 2002. Vol. 22, no. 1, pp. 27–77. doi:10.1016/S0272-7358(00)00088-X
19. Steel B.F., Pollock C.B. A Psychiatric study of parents who abuse infants and small children. In R.E. Helfer, C.H. Kempe (Eds.). *The battered child*. Chicago: University Of Chicago Press, 1968. 560 p.
20. Steele K.R., Townsend M.L., Grenyer B.F.S. Parenting and personality disorder: An overview and meta-synthesis of systematic reviews. *PLoS One*, 2019. Vol. 14, no. 10, pp. 1–26. doi:10.1371/journal.pone.0223038
21. Ullman S.E., Brecklin L.R. Sexual assault history and suicidal behavior in a national sample of women. *Suicide & Life Threatening Behavior*, 2002. Vol. 32, no. 2, pp. 117–130. doi:10.1521/SULI.32.2.117.24398
22. Zaorska J., Kopera M., Trucco E.M. et al. Childhood Trauma, Emotion Regulation, and Pain in Individuals with Alcohol Use Disorder. *Front Psychiatry*, 2020. Vol. 11. doi:10.3389/fpsy.2020.554150
23. Zielinski D. Child maltreatment and adult socioeconomic well-being. *Child Abuse & Neglect*, 2009. Vol. 33. No. 10, pp. 666–678. doi:10.1016/j.chiabu.2009.09.001

Информация об авторах

Качаева Маргарита Александровна, доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник, отдел судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7642-9829>, e-mail: mkachaeva@mail.ru

Дозорцева Елена Георгиевна, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, лаборатория психологии детского и подросткового возраста, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); профессор, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Нуцкова Елена Владимировна, кандидат психологических наук, научный сотрудник, лаборатория психологии детского и подросткового возраста, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); старший научный сотрудник, Федеральный координационный центр по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nutskova@serbsky.ru

Харитоновна Наталья Константиновна, доктор медицинских наук, профессор, руководитель, отдел судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Ми-

Качаева М.А. [и др.]

Влияние негативного эмоционального опыта детства на криминальную активность у женщин с органическим расстройством личности
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 134–150.

Kachaeva M.A et al.

The Influence of Negative Emotional Experiences of Childhood on Criminal Activity in Women with Organic Personality Disorder
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 134–150.

нистерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0238-1690>, e-mail: nkharitonova@ro.ru

Шишкина Ольга Александровна, кандидат медицинских наук, врач судебно-психиатрический эксперт, отдел судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4274-0368>, e-mail: shishkina.o@serbsky.ru

Васянина Виктория Игоревна, кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник, отдел судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4882-4303>, e-mail: vasianina.vik@yandex.ru

Скибина Надежда Владимировна, кандидат медицинских наук, доцент, кафедра социальной и судебной психиатрии, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Минздрава России — Сеченовский университет (ФГАОУ ВО «ПМГМУ имени И.М. Сеченова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4721-3962>, e-mail: nskibina59@mail.ru

Назарова Лионелла Николаевна, кандидат медицинских наук, доцент, кафедра социальной и судебной психиатрии, Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова Минздрава России — Сеченовский университет (ФГАОУ ВО «ПМГМУ имени И.М. Сеченова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1991-0920>, e-mail: LnLn2016@bk.ru

Information about the authors

Margarita A. Kachaeva, Doctor of Medicine, Professor, Chief Researcher, Department of Forensic Psychiatric Examination in Civil Proceedings, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7642-9829>, e-mail: mkachaeva@mail.ru

Elena G. Dozortseva, Doctor of Psychology, Professor, Chief Researcher, Laboratory of Psychology of Child and Adolescence, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Elena V. Nutskova, PhD in Psychology, Researcher, Laboratory of Psychology of Child and Adolescence, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Senior Researcher, Federal Resource Center for Psychological Service in the Education System, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nutskova@serbsky.ru

Natalia K. Kharitonova, Doctor of Medicine, Professor, Head, Department of Forensic Psychiatric Examination in Civil Proceedings, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry

Качаева М.А. [и др.]

Влияние негативного эмоционального опыта детства на криминальную активность у женщин с органическим расстройством личности
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 134–150.

Kachaeva M.A et al.

The Influence of Negative Emotional Experiences of Childhood on Criminal Activity in Women with Organic Personality Disorder
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 134–150.

and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0238-1690>, e-mail: nkharitonova@ro.ru

Olga A. Shishkina, PhD in Medicine, Forensic Psychiatrist, Department of Forensic Psychiatric Examination in Civil Proceedings, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4274-0368>, shishkina.o@serbsky.ru

Victoria I. Vasianina, PhD in Medicine, Senior Researcher, Department of Forensic Psychiatric Examination in Civil Proceedings, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4882-4303>, e-mail: vasianina.vik@yandex.ru

Nadezhda V. Skibina, PhD in Medicine, Associate Professor, Department of Social and Forensic Psychiatry, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4721-3962>, e-mail: nskibina59@mail.ru

Lionella N. Nazarova, PhD in Medicine, Associate Professor, Department of Social and Forensic Psychiatry, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1991-0920>, e-mail: LnLn2016@bk.ru

Получена 06.06.2022

Принята в печать 06.07.2022

Received 06.06.2022

Accepted 06.07.2022

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ |
PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

**Методолого-теоретические ориентиры
изучения выученной беспомощности у осужденных
с длительными сроками отбывания уголовного наказания**

Поздняков В.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru

Хрушкова К.А.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (ФГКОУ ВО Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7672-4078>, e-mail: kriskhrumka@yandex.ru

Происходящий в отечественных исправительных колониях в последнее десятилетие рост численности осужденных с большими сроками наказания и одновременно с увеличением среди них лиц с психосоциальной незрелостью способствует приобретению данной категорией спецконтингента при длительной изоляции выученной беспомощности. На основе анализа зарубежных и отечественных публикаций раскрыты причины и особенности развития данной деструкции у разных категорий осужденных как психологического состояния и личностного образования. В соответствии с требованием Концепции развития уголовно-исполнительной системы России до 2030 года по реализации индивидуально-дифференцированного подхода в психологическом сопровождении осужденных определены методолого-теоретические ориентиры, а также методические средства изучения среди спецконтингента различных видов личностной беспомощности.

Ключевые слова: ангедония, атрибутивный стиль, выученная беспомощность, духовность, жизнестойкость, инфантильность, мотивация выживания, оптимизм, пессимизм, психосоциальная зрелость.

Для цитаты: Поздняков В.М., Хрушкова К.А. Методолого-теоретические ориентиры изучения выученной беспомощности у осужденных с длительными сроками отбывания уголовного наказания [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 151–167. DOI:10.17759/psylaw.2022120313

Поздняков В.М., Хрушкова К.А.
Методолого-теоретические ориентиры изучения
выученной беспомощности у осужденных с
длительными сроками отбывания уголовного наказания
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 151–167.

Pozdnyakov V.M., Khrushkova K.A.
Methodological and Theoretical Guidelines
for the Study of Learned Helplessness in Convicts
with Long Terms of Serving Criminal Sentences
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 151–167.

Methodological and Theoretical Guidelines for the Study of Learned Helplessness in Convicts with Long Terms of Serving Criminal Sentences

Vyacheslav M. Pozdnyakov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru

Kristina A. Khrushkova

Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7672-4078>, e-mail: kriskhrumka@yandex.ru

The increase in the number of convicts with long sentences in domestic correctional colonies over the past decade, and at the same time the expansion of persons with psychosocial immaturity among them, contributes to the acquisition by this category of special contingent with prolonged isolation of learned helplessness. Based on the analysis of foreign and domestic publications, the causes and features of the development of this destruction in different categories of convicts as a psychological state and personal education are revealed. In accordance with the requirement of the Concept for the Development of the Penitentiary System of Russia until 2030 on the implementation of an individually differentiated approach in the psychological support of convicts, methodological and theoretical guidelines have been determined, as well as methodological means of studying various types of personal helplessness among the special contingent.

Keywords: anhedonia, attributive style, learned helplessness, spirituality, vitality, infantility, survival motivation, optimism, pessimism, psychosocial maturity.

For citation: Pozdnyakov V.M., Khrushkova K.A. Methodological and Theoretical Guidelines for the Study of Learned Helplessness in Convicts with Long Terms of Serving Criminal Sentences. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 151–167. DOI:10.17759/psylaw.2022120313 (In Russ.).

Введение

В последнее десятилетие в отечественных исправительных колониях (далее — ИК) наблюдается тренд роста числа осужденных, отбывающих длительные сроки наказания. По данным Генеральной прокуратуры РФ, удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в 2020 г. составил 27,6%, что больше на 5,1%, чем в 2019 г. [16]. В 2021 г. осужденных, приговоренных к длительным срокам наказания (к 10 годам и более) было уже свыше 80 тысяч [17]. Изменение качественных характеристик данной категории спецконтингента в ИК (увеличение числа лиц молодежного возраста; ранее не работавших; осужденных за преступления против личности и общественного порядка), а также высокий процент рецидивов преступлений со стороны данной категории лиц после освобождения актуализирует поиск новых подходов в работе ведомственных психологов.

Диссертационные исследования среди осужденных с длительными сроками отбывания наказания, проведенные под научным руководством одного из авторов статьи (В.Г. Рогач,

2015; Д.Е. Дикопольцев, 2020; М.В. Овсянникова, 2021; Т.В. Корнилова, 2021), свидетельствуют, что у значительной части данной категории спецконтингента при увеличении срока отбытия наказания в ИК происходит негативная трансформация личности, в том числе и в форме выученной беспомощности. Об актуальности изучения причин развития у осужденных беспомощности и по разработке мер ее профилактики заявлено в ряде публикаций (П.С. Яшכולкина, 2016; П.В. Тепляшин, А.С. Сергиенко, 2020; А.Л. Шихер, 2021), но монографические исследования пока не проводились.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы России до 2030 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 29.04.21 №1138-р, поставлена цель усиления индивидуально-дифференцированного подхода в работе со спецконтингентом. Для ее реализации пенитенциарным психологам необходим и методический инструментарий для изучения и профилактики выученной беспомощности у осужденных с длительными сроками отбывания наказания. Проведение комплексного исследования позволит, на наш взгляд, внедрить в практику ИК научно обоснованную модель психологического мониторинга и психопрофилактики у осужденных данной деструкции.

Тренды в изучении и интерпретации феномена выученной беспомощности в зарубежной и отечественной психологии

Феномен «выученная беспомощность» (англ. «learned helplessness») был открыт американским психологом Мартином Селигманом в 1967 г. в ходе экспериментов с лабораторными животными по изучению их реагирования на неконтролируемый стресс. В последующем он с коллегами, а также другие зарубежные психологи (L. Abramson, D. Hiroto, J.B. Overmier, S.F. Maier, F.D. Fincham, C. Peterson, J. Kuhl) изучили детерминанты и особенности развития выученной беспомощности у разных категорий людей.

М. Селигманом выученная беспомощность у людей первоначально была проинтерпретирована как психическое состояние, возникающее в качестве их реакции на неподконтрольные события [48]. В дальнейшем учеными выявлено, что предпосылки ее генезиса могут складываться в неблагополучной семье, а также когда человек регулярно наблюдал за беспомощностью других людей [1; 40]. Установлено, что существует связь между вероятностью возникновения выученной беспомощности и экстернальным локусом контроля (Д. Хирото, К. Петерсон, М. Селигман), а также личностной тревожностью (К. Двек). Вследствие часто воспринимаемой человеком неподконтрольности и просоциальной неуспешности формируется установка, что между внутренними усилиями и внешними результатами нет прямой взаимосвязи. Это ведет к проявлению пассивности при возникающих жизненных проблемах, а в итоге — к снижению самооценки и самоуважения личности, росту астенических переживаний (подавленности, уныния, апатии и др.) [41].

Анализ публикаций свидетельствует, что на сегодняшний день за рубежом в объяснении закономерностей и механизмов выученной беспомощности сложился ряд контрастных методолого-теоретических ориентиров. Так, в рамках бихевиористского подхода (М. Селигман, С. Майер, Р. Соломон и др.) выученная беспомощность рассматривается как результат научения, который в большей степени зависит от внешних факторов. В психоанализе феномен беспомощности объясняется как результат раннего психо-травматического опыта, в том числе как следствие нарушения семейных взаимоотношений (А. Адлер, Д. Винникот, С. Фрайберг и др.). При интерпретации когнитивными психологами (Л. Абрамсон, А. Бек, Дж. Тисдейл и др.) выученная беспомощность связывается с приобретенным негативным

опытом восприятий и выработкой пессимистического атрибутивного стиля. С точки зрения представителей гуманистического психологии (А. Маслоу, Т. Мартинг, Дж. Ледринг и др.), беспомощность выступает как барьер к самоактуализации человека, а ее переживание связано с существенным расхождением в самооценке между реальным и идеальным образами Я, с конфликтом индивидуальных потребностей в связи с субъективными ожиданиями и требованиями, которые накладывает на него общество. В рамках экзистенциального подхода (В. Франкл, Н. Абаньяно, Л. Бинсвангер, Э. Динер, Р. Мэй, К. Петерсон, М. Чиксентмихайи и др.) беспомощность трактуется в аспекте отчужденности человека, а ее преодоление видится на основе целостного осмысления им жизненных ситуаций, поиска смысла и принятия индивидуальной ответственности в разрешении проблем.

В планируемом нами исследовании среди осужденных с длительными сроками отбывания наказания в условиях изоляции важной представляется опора на концептуальные идеи из логотерапии Виктора Франкла, экзистенциального анализа Людвиг Бинсвангера и теории потока Михайи Чиксентмихайи.

По мнению австрийского психолога В. Франкла, который более двух с половиной лет был узником немецких концлагерей, стремление человека к смыслу является проявлением духовности и действенной силой выживания, а поэтому, «...живя собственными идеалами и ценностями, он способен преодолеть все трудности» [29, с. 302—306]. В разработанной ученым логотерапии имеются психотехники помощи людям, переживающим кризис бессмысленности жизни, в том числе по самоактуализации стремления к смыслу.

Швейцарский психолог Л. Бинсвангер раскрыл содержание «экзистенциальной беспомощности», при которой «...человек не автономен в мире, отгораживается от основы своего существования, не принимает существование на себя, а доверяется чужим силам, делая их, а не себя ответственными за свою судьбу» [2]. Нами разделяется позиция Бинсвангера, утверждающего, что ощущение контроля над неприятной ситуацией влияет на отношение субъекта к ней, делая происходящее менее негативным.

Согласно М. Чиксентмихайи, строившего свою теорию потока переживаний с опорой и на выводы Р. Логана, обобщившего позиции ряда психологов — бывших узников концлагерей, для «людей, выживших в экстремальных условиях, характерна такая общая черта, как не эгоцентричный индивидуализм, при котором у человека есть важная цель, стоящая выше личных интересов» [32, с.150].

Зарубежные психологи (М. Селигман, Р. Соломон, Д. Хирото, Х. Хекхаузен и др.) доказали важность *дифференцирования проявлений выученной беспомощности на ситуативную и личностную*. Ситуативная беспомощность — это временная реакция человека на травмирующее неподконтрольное событие. Личностная беспомощность представляет собой интегральное образование личности, возникающее в силу неблагоприятного онтогенетического развития, когда были следующие моменты:

1. шло накопление личного опыта неудач из-за неконтролируемости и невозможности влияния на проблемные ситуации;
2. возникла установка на зависимость успеха личности лишь от случая, а поэтому ее активность и эффективность деятельности стали низкими;
3. у личности развился экстернальный локус-контроль, предопределяющий видение источника управления жизнью во внешних обстоятельствах, а поэтому стало прилагаться меньше усилий по изменению своей жизни в целом.

В контексте темы планируемого нами исследования интерес представляют результаты исследований немецкого психолога Юлиуса Куля, свидетельствующие, что для появления у человека беспомощности необходимы три процесса: 1) наличие субъективной оценки невозможности самому справиться с задачей, 2) ощущение невозможности контролировать ситуацию и 3) приписывание причин неуспеха себе и своим личным качествам. Ученым сделан вывод, что основное свойство развитой выученной беспомощности — это тенденция к ее генерализации человеком в отношении разных проблемных ситуаций, так как он начинает считать, что во всех своих неудачах повинен сам (из-за недостаточности по какому-либо признаку личности: бездарность, робость, неумение что-то делать и др.), а успех, если он вдруг приходит, обусловлен случайным удачным стечением обстоятельств или чьей-то помощью, а не его способностями. Как следствие, снижается волевая активность человека, и в результате даже то, что раньше казалось легким, воспринимается человеком как неподъемный груз и он не пытается решать разрешимые задачи [45].

Согласно М. Селигману, обобщившему проведенные исследования, предрасположенность к развитию личностной беспомощности обуславливается наличием трех групп дефицитов: 1) мотивационного, тормозящего всяческие попытки влияния на ситуацию; 2) когнитивного, создающего трудности в ориентировании и научении тем действиям, которые способствовали бы эффективному разрешению проблемной ситуации; 3) эмоционального, ведущего в силу глубины переживаний астенического характера к депрессивному состоянию [21]. Среди указанных видов дефицитов наибольшее внимание учеными в исследованиях было уделено когнитивному стилю и, прежде всего, выявлению роли атрибутивного стиля личности — приобретенной склонности тем или иным образом объяснять происходящее. Обнаружено, что оптимистическая атрибуция предупреждает беспомощность, а пессимистическая ее обуславливает. В связи с этим был разработан методический инструментарий изучения объяснительного стиля личности [41].

При реализации программы построения позитивной психологии, выдвинутой М. Селигманом в 1998 г. и направленной на поиск условий благополучия и позитивного развития человека, в качестве главной линии исследований было избрано изучение взаимосвязи личностных предикторов и характеристик атрибутивного стиля (стабильность, глобальность, locus нахождения причины). Установлено, что именно через стиль атрибуции «просеивается» опыт беспомощности: в случае оптимистичной атрибуции значение этого опыта преуменьшается, а в случае пессимистического — преувеличивается [20]. Однако кроме атрибутивного стиля формированием пессимизма связаны и такие факторы, как отсутствие устойчивых ценностей и потеря уверенности в себе, которые ведут к развитию ангедонии — потере чувства радости жизни. Установлено, что ангедония прогрессирует у человека при отсутствии интереса к взаимодействию с другими людьми [43]. По данным А. Бандуры, низкий уровень самоэффективности у человека, сочетаясь с неблагоприятной средой, приводит к тому, что он ощущает беспомощность и апатию, склонен мириться со своим положением неудачника [1]. Согласно Р. Герригу и Ф. Зимбардо, одним из распространенных способов избегания позора человеком своей беспомощности являются замкнутость или демонстрация презрения к другим [4].

Зарубежными психологами экспериментально доказано, что в профилактике развития у людей выученной беспомощности до личностного образования значимую роль может сыграть развитие навыков апперцепции и контроля, уверенности в себе и оптимизма. Ученые также считают, что надо способствовать формированию у людей жизнестойкости. Данное

интегральное образование личности, согласно американскому психологу Сальваторе Мадди, базируется на трех установках, которые радикально снижают риски душевных и телесных заболеваний при хронических стрессах: стремление быть включенным в происходящее; контролировать то, что удастся, даже пусть глобальный контроль над событиями и невозможен; принимать не гарантированность исходов, спокойно относясь к возможным неудачам и стремясь даже извлечь пользу из них [13]. Согласно М. Селигману, для появления субъектности, направленной на сохранение психического здоровья, человеку важно руководствоваться такими добродетелями, как надежда, благодарность и мудрость [48].

В отечественных психологических исследованиях выученной беспомощности, активно развернутых в первое десятилетие XXI столетия (Е.В. Веденева; Е.С. Давыдова; Е.В. Забелина; Ю.В. Честюнина, В.В. Шиповская, Д.А. Циринг др.), были предприняты усилия изучить данный феномен как образование личности, представляющее собой совокупность личностных предикторов, сочетанных с пессимистическим атрибутивным стилем, невротическими симптомами и определенными поведенческими особенностями. Иначе говоря, налицо было стремление рассматривать личностную беспомощность как симптомокомплекс.

Согласно Д.А. Циринг, реализовавшей монографическое исследование, личностная беспомощность выступает как системное качество, представляя собой единство специфических личностных особенностей, определяющих низкий уровень субъектности, т. е. способности управлять событиями собственной жизни и преобразовывать действительность. По данным ученого, природа личностной беспомощности носит в большей степени социально обусловленный характер и проявляется в поведении, обуславливая ограничения в выборе совладающих стратегий поведения, а также часто проявляется и в неблагоприятном социометрическом статусе. Д.А. Циринг доказано, что противоположным личностной беспомощности по характеристикам является феномен самостоятельности, характеризующий высокую развитость человека как субъекта и отражающий его жизнеспособность. В структуре личностной беспомощности ученым выделены четыре компонента: когнитивный, мотивационный, эмоциональный и волевой. В своей взаимосвязи они формируют цельный симптомокомплекс, отражающий экстравертированность субъекта, его склонность к экстрапунитивным реакциям, реакциям с фиксацией на самозащите [31, с. 10].

Анализ публикаций свидетельствует, что изучение отечественными учеными проявлений выученной беспомощности велось в контексте таких феноменов, как поисковая активность и адаптация (В.С. Ротенберг, В.В. Аршавский), мотивация достижения (Т.О. Гордеева, М.М. Далгатова, Н.Т. Магомедова), сопротивляемость (Н.И. Дунаева, Л.А. Гаязова, И. Сербан), проявления рискованного поведения (А.В. Шаболатас, Д.А. Жуков) и стратегий копинг-поведения (А.И. Ковылин, В.А. Кубасов, М.О. Климова, Я.Н. Сизова и др.). Е.В. Забелиной выявлено, что уже в подростковом возрасте возможно образование беспомощности как образования личности, которое выступает как «...предрасположенность реагировать определенным способом на жизненные трудности, проявляясь в поведении как неспособность к активным действиям в ситуации фрустрации, стресса» [8].

Для планируемого нами исследования актуально понимание личностной беспомощности как фактора виктимизации субъекта [14; 35], ее развития при физической и острой эмоциональной травмах, возникающих в результате воздействия на личность экстремальной ситуации [18]. Кроме того, важно учесть, что беспомощность человека отрицательно коррелирует с толерантностью к неопределенности и саморегуляцией [10; 15], проявляется на фоне доминирования таких защитных механизмов, как регрессия, проекция, интеллектуализация, по-

давление, замещение и компенсация, а также ведет к искажению и/или утрате смысла [5; 8; 12; 35].

Отечественными психологами велся активный поиск способов мониторинга и профилактики синдрома выученной беспомощности [15; 33]. В связи с этим проведены как адаптация зарубежного методического инструментария оценки личностных предикторов и особенностей выученной беспомощности (Гордеева Т.О. и др., 2009, 2010; Д.А. Циринг, 2008, 2011), так и разработка оригинальных методических средств изучения данного феномена (В.В. Шиповская, 2008; Д.А. Циринг, М.О. Климова, 2017). С учетом проведенных исследований создается инструментарий и по позитивным конструктам личности, которые повышают толерантность к эскалации беспомощности, в том числе в аспекте развития оптимизма (И.А. Джидарьян, Т.О. Гордеева), активной жизненной позиции (В.С. Ротенберг, И.С. Коростелева и др.), задействования составляющих личностного потенциала (Д.А. Леонтьев и др.), повышения уверенности в себе (В.Г. Ромек).

Причины развития выученной беспомощности у осужденных при длительном отбывании наказания и акценты в ее изучении

Назначение судом длительного срока наказания связано с его отбыванием в условиях колоний строгого режима. Учитывая, что по УК РФ (1996 г.) срок может быть установлен до 20 лет, а при наличии составов особо тяжких преступлений по совокупности деяний или по совокупности приговоров наказание в виде лишения свободы может составлять соответственно до 25 или 30 лет [22], нахождение в изоляции многосторонне влияет на трансформацию личности осужденных. Закономерно, что по шкале стрессогенности Холмса—Раге (Т.Н. Holmes, R.H. Rahe, 1975) лишение свободы как мера влияния на человека занимает третье место. Именно из-за испытания осужденными в социальной изоляции разных видов депривации (сенсорной, двигательной, сексуальной, информационной, эмоциональной и др.), а также негативных пенитенциарно-субкультурных воздействий с увеличением срока отбывания наказания деструктивно изменяется личность, часто могут проявляться как кратковременные астенические реакции, так и при кумуляции возникать психические расстройства личности [6].

Всю палитру деструкций, возникающих у заключенных при длительной изоляции, психиатры неоднократно (с конца XIX в.) пытались подвести под обобщающий термин «болезнь колючей проволоки», или «тюремный синдром». Суть происходящего при длительной социальной изоляции достаточно многопланово раскрыл видный отечественный психолог М.Н. Гернет в книге «В тюрьме. Очерки тюремной психологии» (1925): «Тюремные сидельцы удивительно близко походят в своем поведении или на старика, или на ребенка. Длительный срок заключения способствует росту у них апатии, а в связи со скудостью получаемых впечатлений идет застревание в воспоминаниях на деталях своего прошлого, а при исчерпании запаса воспоминаний актуализируются у заключенных фантазии и мечтательность. ...тюремный персонал из-за того, что у заключенных утрачивается мерка для восприятия степени реальности, часто видит среди них два типичных образца поведения: с одной стороны, безумно мечущихся людей из-за обострения переживаний и мечтаний, а с другой стороны, людей, погруженных в глубокую апатию» [3, с. 71].

Исследования зарубежных ученых свидетельствуют, что деструктивная трансформация личности у осужденных имеет особенности на каждой из трех специфичных фаз длительного нахождения в условиях лишения свободы: фазе первичной реакции, фазе адаптации и фазе

апатии [42]. При этом уже адаптация к долгосрочному заключению оказывает весьма сильное влияние на заключенных, так как начинаются изменения личности, которые намного глубже, чем изменения в сознании [44]. Установлено, что чем моложе возраст начала длительного заключения, тем более негативное влияние длительная изоляция может оказать на психическое здоровье человека [37]. Выявлено, что у заключенных начинают доминировать такие симптомы, как сенсорная гиперчувствительность, потеря самоидентичности [47].

Согласно отечественным ученым, изучавшим у осужденных стресс-проявления в условиях изоляции (А.В. Пищелко, Д.В. Сочивко, 2003; Е.В. Ермасов, 2009, 2011; М.Г. Дебольский, А.И. Колесова, 2014; С.В. Бабурин, А.М. Чирков, 2014, 2018 и др.), у спецконтингента может наблюдаться ряд синдромов: «синдром невинно пострадавшего», «фрустрационный», «синдром тоски и скуки», «синдром ожидания», — которые обусловлены фобиями и тревожностью, возрастанием зависимости поведения личности от внешних факторов, появлением астено-депрессивной симптоматики. Особо отметим, что депрессивность, согласно исследованиям Д.А. Циринг, наряду с пессимистическим атрибутивным стилем, тревожностью, пониженной самооценкой, рассматриваются как диагностические показатели личностной беспомощности [31].

Согласно пенитенциарному психологу В.Г. Рогачу, изучавшему психодинамику переживаний у осужденных при длительных сроках отбывания наказания, после 10 лет нахождения в ИК погруженность в астеничные переживания, в том числе при появлении возрастных лиминальных состояний, способствует переходу многих в регуляции поведения на психотравматический уровень [19, с. 11—12]. По данным исследования И.С. Худяковой, острое переживание осужденным одиночества в условиях закрытой пенитенциарной среды сопровождается развитием комплекса темпоральных проявлений (чувство безвременья, «застревание» в одном из времен — прошлом, настоящем или будущем). При этом возникновение переживания одиночества тесно связано с такими индивидуально-психологическими особенностями личности, как пассивная личностная позиция, неуверенность в себе, избирательность и осторожность в контактах, неконформизм. На уровень развития чувства одиночества влияют доминирующие в структуре личности «мотивация неуспеха», «страх отвержения» либо «стремление к принятию» [30]. Представляется, что предикторы, выявленные в диссертационных исследованиях указанных ученых, близки к личностным факторам, обуславливающим предрасположенность к развитию личностной беспомощности.

На наш взгляд, развивающийся у многих осужденных при отбывании длительного срока наказания ключевой смысловой ориентир «выживание» способствует выработке такой позиции личности, при которой, как они считают, субъектная инициативная активность бесполезна в условиях режимно-контролируемой изоляции и действия специфичных норм пенитенциарной субкультуры. При этом жесткая регламентированность распорядка дня и контроль в ИК способствуют тому, что возникают автоматизмы на уровне специфичных «оперативных действий» (по терминологии концепции французского психоаналитика Жерара Швека» [34]), которые и предопределяют их повседневное бытие по типу «дня сурка». Представляется, что развитие экзистенциальной беспомощности может происходить у части осужденных после десятилетнего нахождения в режимно-закрытой среде, а поэтому «...из-за сужения отношения человека к миру и к себе может блокироваться личностный рост». Правомочность подобного вывода подтверждается данными ряда исследований [7; 10; 24; 36]. Т.В. Корниловой установлено снижение уровня жизнестойкости спецконтингента в период от 6 до 15 лет, причем в большей выраженности у осужденных женского пола, чем у осуж-

денных мужчин. Обоснованная Т.В. Корниловой типология спецконтингента по жизнестойкости (с выделением трех типов среди осужденных мужчин и четырех типов среди осужденных женщин) свидетельствует, что вероятность приобретения ими личностной беспомощности весьма высока [10, с. 13]. По данным исследования Д.Е. Дикопольцева, у осужденных мужского пола с увеличением длительного срока отбывания наказания в поведении все больше проявляется ориентация на ролевые, субкультурно-пенитенциарные образцы реагирования, а в итоге снижается оптимизм в отношении построения просоциального образа жизни в будущем [7, с. 7]. Согласно А.Л. Шихер (2021), у осужденных женщин «...на фоне сниженной самооценки проявление выученной беспомощности напрямую связано с индивидуальными негативными представлениями о своей личности и текущей жизненной ситуации» [36].

Предрасположенность осужденных к выученной беспомощности может создаваться под влиянием неблагоприятных условий социализации в семье и факторов изменения судьбы в рамках «криминальной биографии» [24]. Обследования среди осужденных молодежного возраста, проведенные Д.В. Сочивко, показали, что среди данной категории спецконтингента в последнее десятилетие наблюдается рост лиц инфантильного типа [25]. Исследования также свидетельствуют о низкой социально-психологической зрелости личности многих осужденных молодежного возраста, ведущей к затруднениям в построении взаимоотношений с окружающими людьми и к иным формам социальной неприспособленности [28].

С учетом результатов исследований, проведенных в среде девиантных подростков и осужденных молодежного возраста молодежи (С.Ю. Шакурина, 2003, 2015; О.В. Сулимина, 2014; М.М. Главатских, 2015; А.А. Реан, 2017; Е.Б. Кириллова, 2019; А.Ю. Нестеров, 2019; А.М. Мамченко, 2020) возникает необходимость, на наш взгляд, считать инфантильность и психосоциальную незрелость личности в качестве предпосылок развития личностной беспомощности у лиц, попавших вследствие осуждения в пенитенциарные учреждения. В субкультурных условиях ИК это может вести к ориентации на криминальных лиц, обладающих властью, и соответственно построению своего поведения с расчетом на то, что те их будут взамен за проявление послушания патерналистски опекать. Для инфантильных осужденных это создает ощущение определенной безопасности, но повышает виктимность личности при длительном отбывании наказания.

В контексте общей закономерности развития у осужденных выученной беспомощности как личностного образования отметим, что сегодня негативная трансформация личности спецконтингента, отбывающего длительные сроки наказания в условиях ИК, идет, с одной стороны, под влиянием жесткого повседневного внешнего давления, формирующего личность с психологией «винтика» в закрытой субкультурной среде места изоляции, а с другой стороны, на фоне противоборства с внутренне «...довлеющей властью времени срока длительного наказания», попытка справиться с которой для осужденного «...значит выжить, сохранить рассудок и возможность вернуться к реальной экзистенциальной свободе «на воле» [26, с. 179].

Проведенный анализ публикаций, позволяет констатировать, что отбывание осужденными длительного наказания в местах лишения свободы снижает у них уверенность в себе и просоциальную мотивацию. Внешне это может проявляться как псевдоактивность (постоянное заявление о желании решать свои проблемы, но проявление лишь ситуативно-фрагментарного реагирования), как отказ от активности (пассивность, апатия, ступор) либо

как деструктивно-протестное поведение (агрессия в отношении окружающих или аутоагрессия, причем часто манипулятивно-шантажного характера).

Нами разделяется позиция П.В. Тепляшина и А.С. Сергиенко, утверждающих, что феномен выученной беспомощности «...тесно связан с так называемым синергетическим эффектом изоляции осужденного от общества, при котором совместная сила взаимодействия различных факторов (в частности, ограничение информации, напряженность и эмоциональные нагрузки при общении с объективно ограниченным кругом лиц, сужение ролевой вариативности и стереотипность поведения) значительно превышает обычную сумму действий каждого из них», а в случае психологической стигматизации и отчужденности осужденного, возникновения субкультурной «трафаретности» поведения быстрее происходит снижение мотивации личности к преодолению возникающих проблем вследствие приобретения опыта безрезультатных попыток [27, с. 70].

Учитывая, что неконтролируемое «вживание в тюремную среду» часто приводит к появлению и «посттюремного синдрома», проявляемого в низкой готовности принятия самостоятельных решений, в недоверии другим и в трудностях в построении межличностных отношений [22], необходимо обосновать направления и формы пролонгированного подключения специалистов институтов гражданского общества к работе со спецконтингентом ИК, отбывающим длительные сроки уголовного наказания, в том числе в рамках деятельности службы пробации, которая будет создаваться в России.

Выводы

За более чем 50-летний период изучения зарубежными психологами феномена выученной беспомощности (и как состояния, и как свойства личности) в объяснении причин его возникновения и закономерностей развития у разных категорий людей специфичные интерпретации предложены на основе методолого-теоретических ориентаций в рамках психоаналитического, бихевиористского, когнитивного, гуманистического и экзистенциального подходов. Среди отечественных психологов интерпретация проявлений выученной беспомощности ведется преимущественно в рамках личностно-ресурсного и субъектно-бытийного подходов.

Происходящая у осужденных при длительном сроке отбывания уголовного наказания под влиянием режимно-дисциплинарных ограничений и атрибутов пенитенциарной субкультуры в ИК деструктивная трансформация личности выражается в выработке выученной беспомощности как интегрального образования личности, которое негативно отражается на их психологическом благополучии, так как проявляется в снижении субъектной активности и неспособности самостоятельно разрешать возникающие проблемные ситуации на фоне астенических переживаний, которые при ригидности аффекта могут вести к депрессивному расстройству личности.

Актуальна разработка типологии осужденных, имеющих выученную беспомощность. В связи с этим необходимо на репрезентативной выборке спецконтингента, длительно находящегося в условиях изоляции, выявить особенности проявления данной деструкции на разных этапах наказания и одновременно вскрыть имеющиеся у них психологические ресурсы на основе комплекса тестов, позволяющих изучить особенности мотивационной, когнитивной, эмоциональной и волевой сфер личности, а также ее атрибутивного стиля и смысловой субъектности жизненной перспективы.

Проявления у спецконтингента после 10 лет отбывания в ИК симптоматики «хронической» и «экзистенциальной» форм беспомощности требует отнесения данной категории лиц

Поздняков В.М., Хрушкова К.А.
Методолого-теоретические ориентиры изучения
выученной беспомощности у осужденных с
длительными сроками отбывания уголовного наказания
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 151–167.

Pozdnyakov V.M., Khrushkova K.A.
Methodological and Theoretical Guidelines
for the Study of Learned Helplessness in Convicts
with Long Terms of Serving Criminal Sentences
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 151–167.

к группе особого пенитенциарного риска, так как могут наблюдаться снижение аутосаногенной безопасности личности и аутодеструктивное поведение. В отношении данной категории лиц требуется целенаправленно применять психокоррекцию, базирующуюся на методах из экзистенциальной и позитивной психологии.

Литература

1. Бандура А. Теория социального научения. М.: Директ-Медиа, 2008. 532 с.
2. Бинсвангер Л., Кун Р. Экзистенциальный анализ. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. 272 с.
3. Гернет М.Н. Инстинкт заключенного: очерки тюремной психологии. М.: Алгоритм, 2020. 304 с.
4. Герриг Р., Зимбардо Ф. Психология и жизнь. СПб: Питер, 2004. 955 с.
5. Джидарьян И.А. Психологические причины поведения счастливых и несчастливых людей в трудных жизненных ситуациях // Вестник российского гуманитарного научного фонда. 1998. № 1. С. 136–143.
6. Диденко А.В. Расстройства личности у осужденных в условиях исправительных учреждений (социокультуральный и адаптационный аспекты): Дисс. ... докт. мед. наук. Томск, 2012. 375 с.
7. Дикопольцев Д.Е. Динамика проявлений оптимизма и пессимизма у осужденных к лишению свободы на разных этапах отбывания наказания: Магистерская диссертация. М.: МГППУ, 2020. 67 с.
8. Забелина Е.В. Взаимосвязь беспомощности и коммуникативной активности в подростковом возрасте // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2008. № 70-2. С. 58–62.
9. Корнилова Т.В. Динамическое функционирование интеллектуально-личностного потенциала человека в психологической регуляции решений и выборов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. № 1. С. 66–78.
10. Корнилова Т.В. Психологические особенности жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания в виде лишения свободы: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Вологда, 2021. 28 с.
11. Леонтьев Д.А. Личностное измерение человеческого развития // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 67–80.
12. Леонтьев Д.А. Личностный потенциал как потенциал саморегуляции // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Вып. 2 / под ред. Б.С. Братуся, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2006. С. 85–105.
13. Мадди С.Р. Теории личности: сравнительный анализ. СПб: Речь, 2002. 567 с.
14. Малкина-Пых И.Г. Психология поведения жертвы (справочник практического психолога). М.: Эксмо, 2006. 1006 с.
15. Митина Л.М., Митин Г.В. Психологический анализ проблемы маргинализма, прокрастинации, выученной беспомощности как барьеров личностно-профессионального развития человека [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 3. С. 90–100. doi:10.17759/pse.2020250308
16. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 05.12.2021).

Поздняков В.М., Хрушкова К.А.
Методолого-теоретические ориентиры изучения
выученной беспомощности у осужденных с
длительными сроками отбывания уголовного наказания
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 151–167.

Pozdnyakov V.M., Khrushkova K.A.
Methodological and Theoretical Guidelines
for the Study of Learned Helplessness in Convicts
with Long Terms of Serving Criminal Sentences
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 151–167.

17. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых [Электронный ресурс] // Федеральная служба исполнения наказаний. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 05.12.2021).
18. Решетников М.М. Психическая травма. СПб: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2006. 322 с.
19. Рогач В.Г. Психология переживаний у осужденных мужского пола, отбывающих длительные сроки лишения свободы: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Рязань, 2015. 27 с.
20. Селигман М. Новая позитивная психология. М.: София, 2006. 368 с.
21. Селигман М. Как научиться оптимизму. М.: Вече, 1997. 432 с.
22. Сергеев Д.Н. Проблемы уголовно-правовой изоляции: Монография. М.: Проспект, 2020. 112 с.
23. Солнцева Н.В. Феномен выученной беспомощности: причины формирования и пути преодоления // Материалы I Всероссийской научно-практической (заочной) конференции «Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей» / под ред. В.Н. Панферова, Е.Ю. Коржовой и др. М.: Изд-во НИИРРР, 2011. С. 174–181.
24. Соловьева Н.А. Выученная беспомощность женщин в структуре криминалистической характеристики насильственных преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 2 (17). С. 124–131.
25. Сочивко Д.В. Криминально-правовой инфантилизм: Монография. М., 2017. 121 с.
26. Сочивко Д.В. Экзистенциальная психодинамика: монография. М.: Высшая школа психологии; Рязань: Академия ФСИН России, 2020. 224 с.
27. Тепляшин П.В., Сергиенко А.С. Роль феномена выученной беспомощности в ресоциализации осужденных, изолированных от общества [Электронный ресурс] // Научный компонент. 2020. № 1 (5). С. 68–73. doi:10.51980/2686-939X_2020_1_68
28. Тетеухина О.В., Поздняков В.М. Теоретико-методологические ориентиры изучения социально-психологической зрелости осужденных молодежного возраста мужского пола, отбывающих наказание в исправительных колониях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 1 (68). С. 5–10.
29. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
30. Худякова И.С. Психологические особенности переживания одиночества человеком в закрытой среде (на примере мест лишения свободы): Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Томск, 2013. 24 с.
31. Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. Томск, 2010. 42 с.
32. Чиксентмихайи М. Поток. Психология оптимального переживания. М.: Смысл, 2011. 461 с.
33. Шалагинова К.С., Декина Е.В., Куликова Т.И. Психолого-педагогические технологии работы с подростками по нивелированию проявлений выученной беспомощности [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2020. Том 12. № 2. С. 38–55. doi:10.17759/psyedu.2020120203
34. Швек Ж. Добровольные галерщики. Очерки о процессах самоуспокоения. М.: Когито-Центр, 2015. 230 с.
35. Шиповская В.В., Гусейнов А.Ш. Личностная беспомощность как фактор виктимизации субъекта [Электронный ресурс] // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 12 (56). С. 137–142. doi:10.24158/spp.2018.12.23

Поздняков В.М., Хрушкова К.А.
Методолого-теоретические ориентиры изучения
выученной беспомощности у осужденных с
длительными сроками отбывания уголовного наказания
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 151–167.

Pozdnyakov V.M., Khrushkova K.A.
Methodological and Theoretical Guidelines
for the Study of Learned Helplessness in Convicts
with Long Terms of Serving Criminal Sentences
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 151–167.

36. Шухер А.Л. Особенности самооценки и выученной беспомощности осужденных женщин // Сборник тезисов участников межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии 19–26 мая 2021 года. М.: МГППУ, 2021. С. 251–254.
37. Bacak V., Andersen L.H., Schnittker J. The Effect of Timing of Incarceration on Mental Health: Evidence from a Natural Experiment // *Social Forces*. 2019. Vol. 98(1). P. 303–327. doi:10.1093/sf/soy102
38. Bonner R.L., Rich A.R. Psychosocial vulnerability, life stress, and suicide ideation in a jail population: a cross validation study // *Suicide & Life-Threatening Behavior*. 1990. Vol. 20(3). P. 213–224. doi:10.1111/J.1943-278X.1990.TB00106.X
39. Colligan R.C., Offord K.P., Malinchoc M., Schulman P., Seligman M.E.P. CAVEing the MMPI for an Optimism-Pessimism Scale: Seligman's attributional model and the assessment of explanatory style // *Journal of Clinical Psychology*. 1994. Vol. 50(1). P. 71–95. doi:10.1002/1097-4679(199401)50:1<71:aid-jclp2270500107>3.0.co;2-8
40. Girgus J.S., Nolen-Hoeksema S., Seligman M.E.P. Sex differences in depression and explanatory style in children // *Journal of Youth and Adolescence*. 1991. Vol. 20(2). P. 233–245. doi:10.1007/BF01537610
41. Hiroto D.S., Seligman M.E.P. Generality of learned helplessness in man // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1975. Vol. 31(2). P. 311–327. doi:10.1037/H0076270
42. Hulley S., Crewe B., Wright S. Re-examining the Problems of Long-term Imprisonment // *British Journal of Criminology*. 2016. Vol. 56(4). P. 769–792. doi:10.1093/bjc/azv077
43. Isaacowitz D.M., Seligman M.E.P. Is pessimism a risk factor for depressive mood among community-dwelling older adults? // *Behaviour Research and Therapy*. 2001. Vol. 39(3). P. 255–272. doi:10.1016/s0005-7967(99)00178-3
44. Jarrett C. How prison changes people [Электронный ресурс] // BBC. 01.05.2018. URL: <https://www.bbc.com/future/article/20180430-the-unexpectedways-prison-time-changes-people> (дата обращения: 24.11.2020).
45. Kuhl J. Motivation und Persönlichkeit: Interaktionen psychischer Systeme. Göttingen: Hogrefe, 2001. 1221 p.
46. Ledrich J., Gana K. Relationship between attributional style, perceived control, self-esteem, and depressive mood in a nonclinical sample: a structural equation-modelling approach // *Psychology and Psychotherapy: Theory, Research and Practice*. 2013. Vol. 86(4). P. 413–430. doi:10.1111/j.2044-8341.2012.02067.x
47. Reiter K. et al. Psychological Distress in Solitary Confinement: Symptoms, Severity, and Prevalence in the United States, 2017–2018 // *American Journal of Public Health*. 2020. Vol. 110(1). P. 56–62. doi:10.2105/ajph.2019.305375
48. Seligman M. The Hope Circuit. The Psychologist's Journey from Helplessness to Optimism. New York: Public Affairs, 2018. 448 p.

References

1. Bandura A. Teoriya sotsial'nogo naucheniya [Social Learning Theory]. Moscow: Direkt-Media, 2008. 532 p. (In Russ.).
2. Binsvanger L., Kun R. Ekzistentsial'nyi analiz. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 2017. 272 p. (In Russ.).
3. Gernet M.N. Instinkt zaklyuchennogo: ocherki tyuremnoi psikhologii. Moscow: Algoritm, 2020. 304 p. (In Russ.).

Поздняков В.М., Хрушкова К.А.
Методолого-теоретические ориентиры изучения
выученной беспомощности у осужденных с
длительными сроками отбывания уголовного наказания
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 151–167.

Pozdnyakov V.M., Khrushkova K.A.
Methodological and Theoretical Guidelines
for the Study of Learned Helplessness in Convicts
with Long Terms of Serving Criminal Sentences
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 151–167.

4. Gerrig R., Zimbardo F. *Psikhologiya i zhizn'*. Saint Petersburg: Piter, 2004. 955 p. (In Russ.).
5. Jidaryan I.A. *Psikhologicheskie prichiny povedeniya schastlivykh i neschastlivykh lyudei v trudnykh zhiznennykh situatsiyakh* [Psychological reasons of happy and unhappy people's behavior in hard life situations]. *Vestnik rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda = Russian Foundation for Humanities and Social Sciences Journal*, 1998, no. 1, pp. 136–143 (In Russ.).
6. Didenko A.V. *Rasstroistva lichnosti u osuzhdennykh v usloviyakh ispravitel'nykh uchrezhdenii (sotsiokul'tural'nyi i adaptatsionnyi aspekty)*: Diss. dokt. med. nauk. Tomsk, 2012. 375 p. (In Russ.).
7. Dikopol'tsev D.E. *Dinamika proyavlenii optimizma i pessimizma u osuzhdennykh k lisheniyu svobody na raznykh etapakh otbyvaniya nakazaniya*: Magisterskaya dissertatsiya. Moscow: MGP-PU Publ., 2020. 67 p. (In Russ.).
8. Zabelina E.V. *Vzaimosvyaz' bespomoshchnosti i kommunikativnoi aktivnosti v podrostkovom vozraste* [The interrelation between helplessness and communicative activity among adolescents]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2008, no. 70-2, pp. 58–62 (In Russ.).
9. Kornilova T.V. *Dinamicheskoe funktsionirovanie intellektual'no-lichnostnogo potentsiala cheloveka v psikhologicheskoi regulyatsii reshenii i vyborov* [The dynamic functioning of cognitive and personality potential of a man in psychological regulation of decision and choice]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin. Series 14. Psychology*, 2011, no. 1, pp. 66–78 (In Russ.).
10. Kornilova T.V. *Psikhologicheskie osobennosti zhiznestoikosti u osuzhdennykh s dlitel'nymi srokami otbyvaniya nakazaniya v vide lisheniya svobody*: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Volgda, 2021. 28 p. (In Russ.).
11. Leontiev D.A. *Lichnostnoe izmerenie chelovecheskogo razvitiya* [The personality dimension of human development]. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psikhologii*, 2013, no. 3, pp. 67–80 (In Russ.).
12. Leontiev D.A. *Lichnostnyi potentsial kak potentsial samoregulyatsii*. In B.S. Bratus, E.E. Sokolova (eds.). *Uchenye zapiski kafedry obshchei psikhologii MGU im. M.V. Lomonosova. Vyp. 2*. Moscow: Smysl, 2006, pp. 85–105. (In Russ.).
13. Maddi S.R. *Teorii lichnosti: sravnitel'nyi analiz* [Personality Theories: A Comparative Analyses]. Saint Petersburg: Rech', 2002. 567 p. (In Russ.).
14. Malkina-Pykh I.G. *Psikhologiya povedeniya zhertvy (spravochnik prakticheskogo psikhologa)*. Moscow: Eksmo, 2006. 1006 p. (In Russ.).
15. Mitina L.M., Mitin G.V. *Psikhologicheskii analiz problemy marginalizma, prokrastinatsii, vyuchennoi bespomoshchnosti kak bar'erov lichnostno-professional'nogo razvitiya cheloveka* [Psychological Analysis of the Problem of Marginalism, Procrastination and Learned Helplessness as Barriers to Personal and Professional Development] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2020. Vol. 25, no. 3, pp. 90–100. doi:10.17759/pse.2020250308 (In Russ.).
16. Gegeneral'naya prokuratura Rossiiskoi Federatsii. *Portal pravovoi statistiki* [Elektronnyi resurs]. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (Accessed 05.12.2021). (In Russ.).
17. *Kharakteristika lits, sodержashchikhsya v ispravitel'nykh koloniyakh dlya vzroslykh* [Elektronnyi resurs]. *Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazanii = Federal Penitentiary Service of Russia*. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (Accessed 05.12.2021) (In Russ.).

Поздняков В.М., Хрушкова К.А.
Методолого-теоретические ориентиры изучения
выученной беспомощности у осужденных с
длительными сроками отбывания уголовного наказания
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 151–167.

Pozdnyakov V.M., Khrushkova K.A.
Methodological and Theoretical Guidelines
for the Study of Learned Helplessness in Convicts
with Long Terms of Serving Criminal Sentences
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 151–167.

18. Reshetnikov M.M. Psikhicheskaya travma [Psychic trauma]. Saint Petersburg: Vostochno-Evropeiskii institut psikhoanaliza Publ., 2006. 322 p. (In Russ.).
19. Rogach V.G. Psikhologiya perezhivaniy u osuzhdennykh muzhskogo pola, otbyvayushchikh dlitel'nye sroki lisheniya svobody: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Ryazan, 2015. 27 p. (In Russ.).
20. Seligman M. Novaya pozitivnaya psikhologiya. Moscow: Sofiya, 2006. 368 p. (In Russ.).
21. Seligman M. Kak nauchit'sya optimizmu [Learned Optimism: How to Change Your Mind and Your Life]. Moscow: Veche, 1997. 432 p. (In Russ.).
22. Sergeev D.N. Problemy ugolovno-pravovoi izolyatsii: Monografiya. Moscow: Prospekt, 2020. 112 p. (In Russ.).
23. Solntseva N.V. Fenomen vyuchennoi bespomoshchnosti: prichiny formirovaniya i puti preodoleniya. In V.N. Panferov, E.Yu. Korzhova i et al. (eds.). *Materialy I Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi (zaочноi) konferentsii "Integrativnyi podkhod k psikhologii cheloveka i sotsial'nomu vzaimodeistviyu lyudei"*. Moscow: Izd-vo NIIRRR, 2011. pp. 174–181 (In Russ.).
24. Solovyeva N.A. Vyuchennaya bespomoshchnost' zhenshchin v strukture kriminalisticheskoi kharakteristiki nasil'stvennykh prestuplenii [Learned helplessness of women within the structure of criminalistic characteristics of violent crimes]. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry's Digest*, 2011, no. 2 (17), pp. 124–131 (In Russ.).
25. Sochivko D.V. Kriminal'no-pravovoi infantilizm: Monografiya. Moscow, 2017. 121 p. (In Russ.).
26. Sochivko D.V. Ekzistentsial'naya psikhodinamika: Monografiya. Moscow: Vysshaya shkola psikhologii Publ.; Ryazan: Akademiya FSIN Rossii Publ., 2020. 224 p. (In Russ.).
27. Teplyashin P.V., Sergienko A.S. Rol' fenomena vyuchennoi bespomoshchnosti v resotsializatsii osuzhdennykh, izolirovannykh ot obshchestva [The role of the phenomenon of learned helplessness in the re-socialization of convicts isolated from society] [Elektronnyi resurs]. *Nauchnyi component = Scientific Component*, 2020, no. 1 (5), pp. 68–73. doi:10.51980/2686-939X_2020_1_68 (In Russ.).
28. Teteukhina O.V., Pozdnyakov V.M. Teoretiko-metodologicheskie orientiry izucheniya sotsial'no-psikhologicheskoi zrelosti osuzhdennykh molodezhnogo vozrasta muzhskogo pola, otbyvayushchikh nakazanie v ispravitel'nykh koloniyakh [Theory and methodology of studying socio-psychological maturity of youth male convicts serving sentences in penal colonies]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2017, no. 1 (68), pp. 5–10 (In Russ.).
29. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla. Moscow: Progress, 1990. 368 p. (In Russ.).
30. Khudyakova I.S. Psikhologicheskie osobennosti perezhivaniya odinochestva chelovekom v zakrytoi srede (na primere mest lisheniya svobody): Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Tomsk, 2013. 24 p. (In Russ.).
31. Tsiring D.A. Psikhologiya lichnostnoi bespomoshchnosti: Avtoref. diss. dokt. psikhol. nauk. Tomsk, 2010. 42 p. (In Russ.).
32. Csikszentmihalyi M. Potok. Psikhologiya optimal'nogo perezhivaniya [Flow: The Psychology of Optimal Experience]. Moscow: Smysl, 2011. 461 p. (In Russ.).
33. Shalaginova K.S., Dekina E.V., Kulikova T.I. Psikhologo-pedagogicheskie tekhnologii raboty s podrostkami po nivelirovaniyu proyavlenii vyuchennoi bespomoshchnosti [Psychological and Pedagogical Technologies of Working with Teenagers to Level the Manifestations of Learned Help-

Поздняков В.М., Хрушкова К.А.
Методолого-теоретические ориентиры изучения
выученной беспомощности у осужденных с
длительными сроками отбывания уголовного наказания
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 151–167.

Pozdnyakov V.M., Khrushkova K.A.
Methodological and Theoretical Guidelines
for the Study of Learned Helplessness in Convicts
with Long Terms of Serving Criminal Sentences
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 151–167.

- lessness] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2020. Vol. 12, no. 2, pp. 38–55. doi:10.17759/psyedu.2020120203 (In Russ.).
34. Szwec G. Dobrovol'nye galersshchiki. Ocherki o protsessakh samouspokoeniya [Les galériens volontaires essais sur les procedes autocalmants]. Moscow: Kogito-Tsentr, 2015. 230 p. (In Russ.).
35. Shipovskaya V.V., Guseinov A.Sh. Lichnostnaya bespomoshchnost' kak faktor viktimizatsii sub'ekta [Personal helplessness as a factor in victimization of an actor] [Elektronnyi resurs]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2018, no. 12 (56), pp. 137–142. doi:10.24158/spp.2018.12.23 (In Russ.).
36. Shikher A.L. Osobennosti samoosuzhdeniya i vyuchennoi bespomoshchnosti osuzhdennykh zhenshchin. *Sbornik tezisov uchastnikov mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi internet-konferentsii po yuridicheskoi psikhologii (19–26 maya 2021 goda)*. Moscow: MGPPU Publ., 2021, pp. 251–254 (In Russ.).
37. Bacak V., Andersen L.H., Schnittker J. The Effect of Timing of Incarceration on Mental Health: Evidence from a Natural Experiment. *Social Forces*, 2019. Vol. 98, no. 1, pp. 303–327. doi:10.1093/sf/soy102
38. Bonner R.L., Rich A.R. Psychosocial vulnerability, life stress, and suicide ideation in a jail population: a cross validation study. *Suicide & Life-Threatening Behavior*, 1990. Vol. 20, no. 3, pp. 213–224. doi:10.1111/J.1943-278X.1990.TB00106.X
39. Colligan R.C., Offord K.P., Malinchoc M., Schulman P., Seligman M.E. P. CAVEing the MMPI for an Optimism-Pessimism Scale: Seligman's attributional model and the assessment of explanatory style. *Journal of Clinical Psychology*, 1994. Vol. 50, no. 1, pp. 71–95. doi:10.1002/1097-4679(199401)50:1<71::aid-jclp2270500107>3.0.co;2-8
40. Girgus J.S., Nolen-Hoeksema S., Seligman M.E. P. Sex differences in depression and explanatory style in children. *Journal of Youth and Adolescence*, 1991. Vol. 20, no. 2, pp. 233–245. doi:10.1007/BF01537610
41. Hiroto D.S., Seligman M.E.P. Generality of learned helplessness in man. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1975. Vol. 31, no. 2, pp. 311–327. doi:10.1037/H0076270
42. Hulley S., Crewe B., Wright S. Re-examining the Problems of Long-term Imprisonment. *British Journal of Criminology*, 2016. Vol. 56, no. 4, pp. 769–792. doi:10.1093/bjc/azv077
43. Isaacowitz D.M., Seligman M.E.P. Is pessimism a risk factor for depressive mood among community-dwelling older adults? *Behaviour Research and Therapy*, 2001. Vol. 39, no. 3, pp. 255–272. doi:10.1016/s0005-7967(99)00178-3
44. Jarrett C. How prison changes people [Elektronnyi resurs]. *BBC*. 01.05.2018. URL: <https://www.bbc.com/future/article/20180430-the-unexpectedways-prison-time-changes-people> (Accessed 24.11.2020).
45. Kuhl J. Motivation und Persönlichkeit: Interaktionen psychischer Systeme. Göttingen: Hogrefe, 2001. 1221 p.
46. Ledrich J., Gana K. Relationship between attributional style, perceived control, self-esteem, and depressive mood in a nonclinical sample: a structural equation-modelling approach. *Psychology and Psychotherapy: Theory, Research and Practice*, 2013. Vol. 86, no. 4, pp. 413–430. doi:10.1111/j.2044-8341.2012.02067.x
47. Reiter K. et al. Psychological Distress in Solitary Confinement: Symptoms, Severity, and Prevalence in the United States, 2017–2018. *American Journal of Public Health*, 2020. Vol. 110, no. 1, pp. 56–62. doi:10.2105/ajph.2019.305375

Поздняков В.М., Хрушкова К.А.
Методолого-теоретические ориентиры изучения
выученной беспомощности у осужденных с
длительными сроками отбывания уголовного наказания
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 151–167.

Pozdnyakov V.M., Khrushkova K.A.
Methodological and Theoretical Guidelines
for the Study of Learned Helplessness in Convicts
with Long Terms of Serving Criminal Sentences
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 151–167.

48. Seligman M. The Hope Circuit. The Psychologist's Journey from Helplessness to Optimism. New York: Public Affairs, 2018. 448 p.

Информация об авторах

Поздняков Вячеслав Михайлович, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедры научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru

Хрушкова Кристина Александровна, адъюнкт, факультет подготовки научно-педагогических кадров, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (ФГКОУ ВО Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7672-4078>, e-mail: kriskhrumka@yandex.ru

Information about the authors

Vyacheslav M. Pozdnyakov, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Scientific Fundamentals of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru

Kristina A. Khrushkova, Adjunct, Faculty of Research and Teaching Staff Training, Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7672-4078>, e-mail: kriskhrumka@yandex.ru

Получена 05.04.2022
Принята в печать 10.07.2022

Received 05.04.2022
Accepted 10.07.2022

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

**Апробация русскоязычной версии
Шкалы импульсивного поведения UPPS-P**

Горбатов С.В.

Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО «СПбГУ»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3842-9956>, e-mail: s.gorbatov@bk.ru

Арбузова Е.Н.

Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО «СПбГУ»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1643-0529>, e-mail: asmaen@yandex.ru

Заварзина М.В.

Психологический центр «Гармония», г. Владимир, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5637-375X>, e-mail: mariazavarzina98@gmail.com

В статье представлены результаты адаптации популярной шкалы импульсивного поведения UUPS-P, ориентированной на изучение одноименного феномена среди различных групп с отклоняющимся и нормативным поведением. В настоящем исследовании краткая версия UUPS-P переведена на русский язык и прошла адаптацию на русскоязычной выборке. В исследовании приняли участие 324 человека, в возрасте от 16 до 52 лет. Из них 213 человек — женщины, в том числе 70 — с отклоняющимся поведением, и 111 — мужчины, в том числе 46 человек — пациенты наркологической больницы. Нормативная выборка составила 160 человек. В ходе исследования был сделан вывод о том, что факторная и кластерная организации утверждений опросника, выделенных в результате адаптации, соответствуют структурным составляющим базового опросника. Проверка шкалы UUPS-P по основным психометрическим показателям позволяет сделать вывод о возможности использования русскоязычного варианта данного средства диагностики для оценки импульсивности как свойства личности.

Ключевые слова: импульсивность, преднамеренность, произвольность, сознательность, дисфункциональность, самоповреждение, психометрические показатели методики, ретестовая надежность, конструктивная валидность.

Для цитаты: Горбатов С.В., Арбузова Е.Н., Заварзина М.В. Апробация русскоязычной версии методики «Шкала импульсивного поведения UPPS-P» [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 168–179. DOI: [10.17759/psylaw.2022120314](https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120314)

Approbation of the Russian Version of the Impulsive Behavior Scale (UPPS-P)

Sergey V. Gorbatov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3842-9956>, e-mail: s.gorbatov@bk.ru

Elena N. Arbuzova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1643-0529>, e-mail: asmaen@yandex.ru

Maria V. Zavarzina

Psychological Center “Garmoniya”, Vladimir, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5637-375X>, e-mail: mariazavarzina98@gmail.com

This article presents the results of the adaptation of the popular scale of impulsive behavior UUPS-P, focused on the study of this phenomenon. Further on, it was translated into Russian and then adapted to the Russian-language sample. The study involved 324 people, aged 16 to 52 years. Of these, 213 are female, including 70 young women with non-suicidal self-harming behavior and 111 are male, including 46 people who are patients of a drug treatment hospital. In general was 160 people. The results obtained during the adaptation of the scale allow us to conclude that the structure of the scale obtained as a result of the adaptation fully corresponds to the structural components of the basic questionnaire. Checking the UUPS-P scale according to the main psychometric indicators allows us to conclude that it is possible to use the Russian-language version of this diagnostic tool to assess impulsivity as a personality trait.

Keywords: impulsivity, premeditation, arbitrariness, consciousness, dysfunctionality, self-harm, psychometric indicators of the method, retest reliability, constructive validity.

For citation: Gorbatov S.V., Arbuzova E.N., Zavarzina M.V. Approbation of the Russian Version of the Impulsive Behavior Scale (UPPS-P). *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 168–179. DOI:10.17759/psylaw.2022120314 (In Russ.).

Введение

На сегодняшний день импульсивность рассматривается как сложное психическое явление, образованное рядом независимых факторов [12], обладающее функциональным разнообразием и проявляющее себя во всех основных сферах личности.

Конструкция импульсивности включает по крайней мере две отдельные составляющие: непродуманные действия и неспособность ждать, т. е. предпочтение краткосрочных выгод долгосрочным. Исследователями выделено несколько видов импульсивности: так, С. Дикман [11] говорит о дисфункциональном и функциональном вариантах импульсивности; В.П. Зинченко, Б.Г. Мещеряков [1] разделяют импульсивность на операционную и мотивационную; А. Бехара, Х. Дамасио, А. Дамасио [7] различают моторную и когнитивную импульсивность; в модели Э.С. Барратта [14] импульсивность оценивается в том числе по способности к планированию, самоконтролю и отвлекаемости внимания; А. Басс и Р. Пломин [8] к импульсивности относят ингибиторный контроль, отсутствие настойчивости, большую скорость принятия ре-

шения. С импульсивностью ассоциированы такие явления, как социальная расторможенность, стремление к поиску новых ощущений, склонность к риску [4; 17].

Импульсивность изучается в разном качестве в широком контексте практических проблем: от ситуативно обусловленной поведенческой реакции, нормативной черты, отражающей своеобразие личности, до психопатологического симптома, входящего в клиническую картину того или иного болезненного состояния. Значимо высокий уровень импульсивности качественно влияет на повседневную деятельность, поведение и обнаруживается, например, у детей с СДВГ и аутизмом; у лиц, страдающих расстройством поведения, расстройством, связанным с употреблением психоактивных веществ [2], расстройством личности, относимым к кластеру В, биполярной депрессией, посттравматическим стрессовым расстройством и др.

Несмотря на заметный интерес к импульсивности в самых разнообразных сферах научного знания, сам феномен недостаточно хорошо изучен и не имеет согласованного понимания своей сущности. Так, в отдельных определениях подчеркивается, что импульсивность — это склонность действовать без достаточного сознательного контроля [5]. К.К. Платонов считал, что импульсивные акты совершаются непроизвольно [6], С.Н. Ениколопов, Т.И. Медведева [3] под импульсивностью понимают склонность к непреднамеренным действиям без учета их последствий. В то же время Е.П. Ильин [4] пишет о том, что импульсивное поведение произвольно, следовательно, сознательно и преднамеренно. Даже при аффекте, по его мнению, сужение сознания не означает его полного расстройства. Последнее подтверждается тем фактом, что действия по устранению аффектора, выбор орудий, способов действия и речевых средств сохраняют социальную обусловленность. Расхождения такого рода в понимании импульсивности могут иметь существенное значение для истолкования результатов различных диагностических процедур, что, например, в рамках производства судебно-психологической экспертизы может создать определенные трудности для получения адекватной оценки юридически релевантных способностей подэкспертных лиц. Последнее позволяет говорить о необходимости дальнейшего изучения импульсивности, и в том числе о потребности в обращении к новым средствам измерения ее отдельных форм и видов.

Несмотря на существующий арсенал специальных опросников, на сегодняшний день для оценки некоторых важных аспектов импульсивности нет необходимых инструментальных средств на русском языке. Это касается, например, импульсивности, обусловленной эмоциональным состоянием субъекта, так называемой негативной и позитивной срочности, изучение которой может существенно помочь в понимании причин, по которым происходит нарушение контроля над поведением. Наиболее адекватной, для измерения данного вида импульсивности, на наш взгляд, является шкала импульсивного поведения UPPS-P.

Описание шкалы UPPS-P

UPPS-P Impulsive Behavior Scale была предложена Мелиссой Сайдерс и др. в 2007 г. [10] как переработанный и дополненный вариант оригинальной шкалы импульсивного поведения UPPS, созданной ранее С. П. Х. Уайтсайдом и Д. Р. Линамом [15] в 2001 г. Полный вариант UPPS-P представляет собой шкалу оценки суждений, состоящий из 59 пунктов, который можно использовать со взрослыми и подростками для определения отдельных аспектов личности, объединенных в модели UPPS под термином «импульсивность». Позже был представлен краткий вариант шкалы Short UPPS-P [9], состоящий из 20 пунктов и детский UPPS-P child [16] — из 40 пунктов.

Так как утверждения шкалы не связаны с конкретным местом и временем, а обращены к опыту обычного для испытуемого образа действий, следует говорить, что UPPS-P направлен

на оценку импульсивности как свойства личности. Шкала импульсивного поведения UPPS-P достаточно популярна, переведена и адаптирована на арабский, португальский (Бразилия), голландский, фарси, французский, немецкий, итальянский, корейский, польский и испанский языки, есть сведения о переводе шкалы на китайский и шведский.

С.П.Х. Уайтсайд и Д.Р. Лиам создали исходный вариант шкалы импульсивности на основе пятифакторной модели личности Пола Косты и Роберта МакКрея [13]. Используя личностный опросник NEO-PI-R (Revised NEO Personality Inventory) и ряд других измерительных процедур импульсивности, на основе факторного анализа они получили четыре отчетливых фактора, связанных с импульсивным поведением, которые были обозначены как: срочность, отсутствие предусмотрительности, отсутствие упорства или настойчивости и поиск ощущений. Каждый из найденных таким образом свойств соответствовал определенным базовым чертам пятифакторной модели личности. После первоначальной идентификации факторов были созданы шкалы для измерения каждого из этих аспектов личности, которые затем были объединены в общую шкалу импульсивного поведения, обозначенную в виде аббревиатуры, составленной из начальных букв измеряемых свойств Urgency, Premeditation (lack of), Perseverance (lack of), Sensation Seeking «UPPS». Позже Мелиссой Сайдерс к шкале была добавлена позитивная срочность (Positive Urgency), и шкала получила название «UPPS-P».

Подшкалы опросника имеют следующую интерпретацию.

1. Негативная срочность, т. е. опрометчивость под влиянием негативных эмоций; склонность действовать резко, необдуманно под воздействием негативных эмоций; склонность действовать опрометчиво в состоянии стресса, тенденция испытывать неконтролируемые импульсы в условиях негативного аффекта.

2. Отсутствие упорства, т.е. отсутствие настойчивости в делах; недостаток воли, неспособность довести начатое дело до конца; трудность сосредоточиться на задаче, которая может быть долгой, скучной или сложной.

3. Отсутствие предусмотрительности, т. е. склонность действовать необдуманно; неосторожность действий; тенденция не думать и не размышлять о последствиях своих действий до того, как эти действия будут произведены. Тенденция игнорировать последствия своих действий. Отсутствие планирования своих действий. Действия по сценарию «сейчас и здесь» с незначительной коррекцией поведения лишь по мере осуществления самих действий, без предварительного плана и обдумывания последствий в перспективе; совершение действий, как правило, в коротком интервале времени.

4. Поиск ощущений, в том числе острых ощущений и сенсаций, т. е. тенденция искать новые и захватывающие переживания. Поиск ощущений включает в себя два аспекта: а) стремление получать удовольствие, стремление к действиям, дающим новые захватывающие чувства и б) открытость к испытанию нового опыта, который может быть в том числе и опасным, т. е. склонность к рискованному поведению.

5. Позитивная срочность, т. е. опрометчивость, необдуманность действий под влиянием переживания сильных положительных эмоций; склонность действовать необдуманно, опрометчиво под воздействием сильных позитивных чувств; в том числе склонность действовать опрометчиво в состоянии приподнятого настроения, переживания счастья, восторга; тенденция испытывать сильные неконтролируемые импульсы к действиям в ситуациях переживания положительно окрашенных аффектов.

Ответы оцениваются по шкале Ликерта, состоящей из пяти градаций.

Результаты и обсуждение

В данной работе представлены результаты адаптации на русский язык краткого варианта шкалы UPPS-P (20 утверждений). Наше исследование было направлено на оценку психометрических свойств русской версии опросника: ретестовой надежности, согласованности, оценки факторной и конструктивной валидности. В исследовании приняли участие 324 человека в возрасте от 16 до 52 лет (средний возраст — 24,7 года), 213 человек женского пола и 111 человек мужского пола. Из них — 70 молодых женщин с несуицидальным самоповреждающим поведением и 43 молодые женщины, хорошо социально адаптированные. В выборку мужского пола вошли 46 человек — пациенты наркологической больницы и 60 человек, не имеющих проблем в данной области. Также в исследовании приняли участие школьники старших классов и студенты (105 человек).

Статистический анализ результатов проводился в программе STATISTICA 12.0. Для проверки надежности UPPS-P проводилось вычисление альфы Кронбаха — для каждого пункта и для выборок. Для оценки факторной и конструктивной валидности использовались факторный, кластерный и корреляционный анализ.

С целью установления конвергентной и дискриминантной валидности опросника, для части испытуемых (140 человек) дополнительно использовалась «Шкала импульсивности Барратта» BIS-11 [2].

Конструктивная (конвергентная) валидность. При определении конструктивной валидности рассчитывались корреляции (табл. 1) между результатами субшкал опросника UPPS-P и суммарной оценкой опросника BIS-11. Исследование проводилось в контрольной группе (160 человек).

Таблица 1

Результаты исследования конструктивной валидности

Название субшкалы	Показатель коэффициента корреляции
Негативная срочность	0,479
Отсутствие упорства	0,492
Отсутствие предусмотрительности	0,642
Поиск ощущений	0,283
Позитивная срочность	0,657

Все значения получены при $n=140$, $p < 0,001$

Как видно из табл. 1, между опросниками получены взаимосвязи на достаточно высоком уровне значений ($p < 0,001$) для всех субшкал UPPS-P.

Внутренняя согласованность рассчитывалась путем нахождения коэффициента альфа Кронбаха. Данные по внутренней согласованности для $N=145$ приведены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты исследования внутренней согласованности

Название шкалы	α Кронбаха (выборка № 1, 80 испытуемых женского пола)	α Кронбаха (выборка № 2, 65 испытуемых мужского пола)	α Кронбаха (общая выборка 145 человек)
Общая шкала UPPS-P	0,839	0,792	0,819

По результатам расчетов, коэффициент α Кронбаха для общей шкалы составляет 0,819, что свидетельствует о ее достаточной внутренней однородности.

Тест-ретестовая надежность. Для оценки ретестовой надежности было проведено повторное тестирование 26 испытуемых. Интервалы между двумя тестированиями составили 54 дня. Рассчитывался коэффициент корреляции Пирсона между результатами первого и второго тестирований. Показатель r_s составил 0,764 при уровне значимости $p < 0,001$, что свидетельствует о хорошей ретестовой надежности шкалы.

Факторная (кластерная) структура методики. Факторный анализ проводился на выборке лиц, характеризующихся нормативным поведением (160 человек); была проведена процедура вращения факторных структур Varimax. Внутренняя факторная структуры 20 утверждений представлена в табл. 3.

Таблица 3

Результаты факторного анализа

№ п/п	Шкала	Утверждение	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
1	В	Вообще я предпочитаю доводить начатое дело до конца			
2	С	Как правило, я обдумываю всё старательно и тщательно		0,770	
3	Е	Когда я в отличном настроении, я склонен попадать в ситуации, которые грозят мне проблемами			
4	В	Незавершенные дела на самом деле беспокоят меня		0,588	
5	С	Перед тем, как начать дело, я люблю хорошенько все продумать		0,680	
6	А	Когда мне плохо, я часто делаю то, о чем потом пожалею, потому что в тот момент хочу почувствовать себя лучше и не думаю о последствиях	0,791		
7	В	Когда я начинаю что-нибудь делать, мне не хочется останавливаться			
8	А	Иногда, когда мне плохо, я не могу перестать делать то, что делаю, даже если от этого мне становится еще хуже			
9	Д	Я люблю рискнуть			0,757
10	Е	Когда я в отличном настроении, я склонен терять над собой контроль			
11	В	Если я что-то начал делать, я это обязательно закончу			
12	С	Я склонен придерживаться рационального, «разумного» подхода в своих делах		0,611	
13	А	Когда я расстроен, я часто действую необдуманно	0,696		
14	Д	Я открыт для получения новых, волнующих ощущений и опыта, даже если они немного пугающие и необычные			

15	A	Когда я чувствую себя отвергнутым, я могу наговорить такого, о чем буду позже сожалеть	0,676		
16	D	Я бы хотел научиться управлять самолетом			
17	E	Окружающие бывают смущены и обеспокоены теми вещами, которые я делаю, когда я радостно взволнован			
18	D	Мне бы понравилось ощущение от спуска на лыжах с высокого горного склона			0,481
19	C	Я обычно тщательно все обдумываю, прежде чем начать что-то делать		0,792	
20	E	Если я воодушевлен и весел, я склонен действовать необдуманно	0,709		

Примечание: А — Негативная срочность; В — Отсутствие упорства; С — Отсутствие предусмотрительности; D — Поиск ощущений; E — Позитивная срочность.

Необходимо отметить, что полученная 3-факторная структура не совпала полностью со структурой импульсивности, состоящей из пяти субшкал. В первом факторе, который получил название «Срочность», наибольшую нагрузку получили утверждения, относящиеся к негативной и позитивной срочности. Во втором факторе «Отсутствие предусмотрительности и упорства» проявили себя утверждения, в основном относящиеся к одноименной субшкале, и с относительно небольшим весом обозначает себя одно предложение, относящееся к субшкале «Отсутствие упорства». В третьем факторе «Поиск ощущений» наибольший вес получили два предложения с большим разрывом в весе, относящиеся к одноименной субшкале.

Похожая, но более отчетливая структура 20 утверждений короткой версии UPPS-P была получена в результате кластерного анализа методом Ward's method 1-Pearson r (рис. 1).

Как видно из рисунка, вся структура опросника представлена двумя кластерами на наибольшем расстоянии или тремя кластерами на меньшем расстоянии. Если рассматривать внутреннее содержание трех кластерной структуры, то в первый кластер вошли только утверждения субшкал «Отсутствие упорства» и «Отсутствие предусмотрительности», во второй полностью вошли утверждения субшкал «Негативная срочность» и «Позитивная срочность», в то время как третий кластер представлен утверждениями, относящимися к шкале «Поиск ощущений». Найденная структура русскоязычной шкалы соответствует той структуре взаимосвязей, которые нашли С.П.Х. Уайтсайд и Д.Р. Линам в процессе создания шкалы импульсивности [16]. Так, по результатам измерений с помощью NEO-PI-R и других средств изучения импульсивности, ими была обнаружена взаимосвязь между отсутствием преднамеренности (Отсутствие предусмотрительности) и отсутствием настойчивости (Отсутствие упорства), которые затем при факторизации переменных объединились вместе в один фактор со всеми шестью аспектами «Добросовестности» (в некоторых источниках «Сознательность») из пятифакторной модели личности, предложенной П.Т. Костой-младшим и Р. Маккреем. Определяя дивергентную валидность UPPS и рассматривая взаимосвязи, на тот момент четырех аспектов импульсивности, авторы шкалы соотносят ее с пятифакторной моделью личности следующим образом: отсутствие предусмотрительности и отсутствие упорства взаимосвязаны с сознательностью, срочность является компонентом нейротизма, а поиск ощущений является компонентом экстраверсии [16].

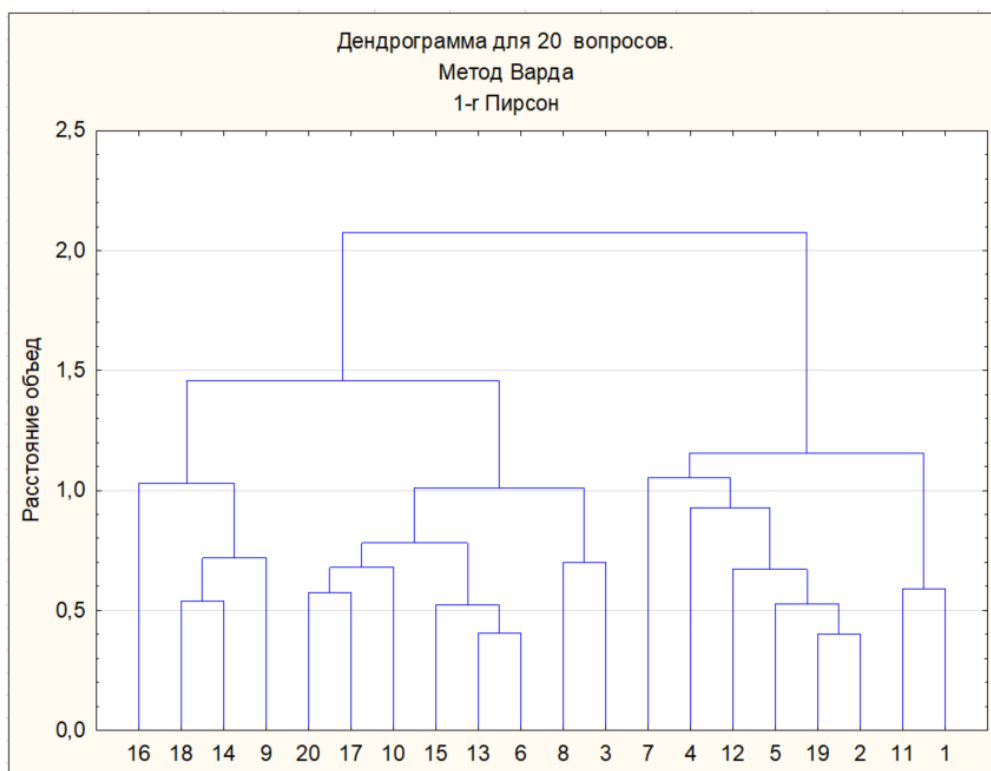


Рис. 1. Результаты кластерного анализа (графический вариант)

В продолжение исследования валидности и определения дифференцирующей способности русскоязычного варианта шкалы UPPS-P, мы провели ряд сравнительных исследований. На первом этапе был проведен сравнительный анализ выраженности показателей шкалы в группах людей с отклоняющимся и нормативным поведением. С помощью русскоязычной версии опросника UPPS-P сравнивались наркозависимые (46 человек) мужского пола, проходящие лечение в наркологической больнице, и группа лиц (60 человек) мужского пола без признаков зависимости, характеризующиеся хорошей социально-психологической адаптацией. В результате исследования было обнаружено значимое различие ($p < 0,012$) по шкале «Позитивная срочность», что обозначает склонность к проявлению импульсивности в поведении под влиянием позитивных эмоций у наркозависимых.

В группе молодых женщин (70 человек, средний возраст 23,8), характеризующихся несуицидальным самоповреждающим поведением, по сравнению с контрольной группой (43 человека) обнаруживаются значимо более высокие баллы по субшкалам «Позитивная срочность» ($p < 0,000003$) и «Негативная срочность» ($p < 0,000019$). Интересен и тот факт, что в группе женщин с саморазрушающим поведением отсутствует обратная взаимосвязь возраста и показателей субшкалы «Поиск ощущений», которая устойчиво обнаруживается в группах людей с нормативным поведением (в диапазоне от слабой связи (-0,262, $p < 0,05$, при $N=60$) в группе школьников, до средней (-0,37, $p < 0,01$, $N=48$) в группе молодых женщин), что в определенной степени указывает на черты инфантильности лиц с саморазрушающим поведением. Все это позволяет сделать вывод о достаточно высокой дифференцирующей способности шкалы в различных группах.

В заключение нами было проведено исследование взаимосвязей общего показателя шкалы импульсивности UPPS-P с внешним (объективным) показателем импульсивного поведения

на примере группы непрофессиональных водителей личного автотранспорта: учитывался численный показатель — количество штрафов за превышение скорости, полученных за последние 3 года вождения. Исследование проводилось в группе из 37 человек обоего пола. В процессе опроса выяснилось, что количество штрафов за превышение скорости, которое они получили за последние 3 года, положительно коррелирует со шкалой «Поиск ощущений» $0,725$ ($p < 0,001$). Последнее позволяет говорить о том, что склонность к рискованному вождению положительно взаимосвязана с импульсивным стремлением искать новые и захватывающие переживания.

На основании сравнительного анализа, в качестве промежуточных результатов, нами были зафиксированы средние показатели по шкале UPPS-P. Так, в частности, в группах с социально одобряемым и адаптивным поведением средние показатели укладываются в диапазон 41 ± 2 балла. В группах с отклонениями в поведении средний балл составил 47 ± 2 . По нашим наблюдениям показатель выше 55 может указывать на патологическую импульсивность.

Заключение

Результаты исследования позволяют говорить, что краткий русскоязычный вариант шкалы UPPS-P имеет хорошие психометрические показатели: достаточную надежность и достоверность в оценке уровня импульсивности по всем пяти субшкалам. Конструктивная валидность шкалы UPPS-P также является высокой, что подтверждается значимой взаимосвязью между его показателями и оценкой импульсивности, полученной с помощью опросника BIS-11.

Дифференцирующая способность шкалы косвенно подтверждается ее адекватными первичными показателями (σ), а также результатами сравнения показателей импульсивности, полученными с помощью шкалы UPPS-P в контрольной группе и в группах лиц, характеризующихся аутоагрессивным поведением и наркозависимостью (шкалы «Позитивная срочность» и «Негативная срочность»), а также взаимосвязью показателя «Поиск ощущений» с импульсивностью объективно зафиксированной в поведении группы водителей автотранспорта обоего пола.

Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить, что русскоязычный вариант краткого варианта UPPS-P может использоваться как психометрический инструмент, направленный на выявление пяти различных аспектов импульсивного поведения. Сочетая в себе краткость и информативность, шкала UPPS-P может использоваться для решения практических задач в сфере клинической и юридической психологии.

Литература

1. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М.: АСТ; СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. 816 с.
2. Дубатова И.В., Анцыборов А.В. Роль импульсивности и расстройств импульсивного контроля в формировании аддиктивных расстройств [Электронный ресурс] // Интерактивная наука. 2019. № 6 (40). С. 68–84.
3. Ениколопов С.Н., Медведева Т.И. Апробация русскоязычной версии методики «шкала импульсивности Барратта» (BIS-11). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Том 5. № 3. С. 75–89. doi:10.17759/psylaw.2015050307
4. Ильин Е.П. Психология риска. СПб: Питер, 2012. 267 с.
5. Кондаков И. М. Психология. Иллюстрированный словарь. СПб; М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 508 с.

6. Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий. М., 1984. 174 с.
7. Bechara A., Damasio H., Damasio A.R. Emotion, Decision Making and the Orbitofrontal Cortex // *Cerebral Cortex*. 2000. Vol. 10(3). P. 295–307. doi:10.1093/cercor/10.3.295
8. Buss A., Plomin R.A. temperament theory of personality development. New York: Wiley, 1975. 256 p.
9. Cyders M.A., Littlefield A.K., Coffey S., Karyadi K.A. Examination of a short English version of the UPPS-P Impulsive Behavior Scale // *Addictive Behaviors*. 2014. Vol. 39(9). P. 1372—1376. doi:10.1016/j.addbeh.2014.02.013
10. Cyders M.A., Smith G.T., Spillane N.S., Fischer S., Annus A.M., Peterson C. Integration of impulsivity and positive mood to predict risky behavior: Development and validation of a measure of positive urgency // *Psychological Assessment*. 2007. Vol. 19(1). P. 107–118. doi:10.1037/1040-3590.19.1.107
11. Dickman S.J. Functional and dysfunctional impulsivity: personality and cognitive correlates // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol. 58(1). P. 95–102. doi:10.1037/0022-3514.58.1.95
12. Evenden J.L. Varieties of impulsivity // *Psychopharmacology*. 1999. Vol. 146. P. 348–361. doi:10.1007/pl00005481
13. McCrae R.R., Costa Jr.P.T. Toward a new generation of personality theories: theoretical contexts for the Five-Factor Model // *The five-factor model of personality: Theoretical perspectives* / J.S. Wiggins (Ed.). New York: Guilford Press, 1996. P. 51–87.
14. Patton J.H., Stanford M.S., Barratt E.S. Factor structure of the Barratt impulsiveness scale // *Journal of Clinical Psychology*. 1995. Vol. 51(6). P. 768–774. doi:10.1002/1097-4679(199511)51:6<768::AID-JCLP2270510607>3.0.CO;2-1
15. Whiteside S.P., Lynam D.R. The Five Factor Model and impulsivity: Using a structural model of personality to understand impulsivity // *Personality and Individual Differences*. 2001. Vol. 30(4). P. 669–689. doi:10.1016/S0191-8869(00)00064-7
16. Zapolski T.C. B., Stairs A.M., Settles R.F., Combs J.L., Smith G.T. The measurement of dispositions to rash action in children // *Assessment*. 2011. Vol. 17(1). P. 116–125. doi:10.1177/1073191109351372
17. Zuckerman M., The Psychobiological Model for Impulsive Unsocialized Sensation Seeking: A Comparative Approach // *Neuropsychobiology*. 1996. Vol. 34(3). P. 125–129. doi:10.1159/000119303

References

1. Meshcheryakov B.G., Zinchenko V.P. (eds.). *Bol'shoi psikhologicheskii slovar'*. Moscow: AST; Saint Petersburg: Praim-EVROZNAK, 2009. 816 p. (In Russ.).
2. Dubatova I.V., Antsyborov A.V. Rol' impul'sivnosti i rasstroistv impul'sivnogo kontrolya v formirovanii addiktivnykh rasstroistv [The role of impulsivity and impulse control disorders in the formation of addictive disorders] [Elektronnyi resurs]. *Interaktivnaya nauka = Interactive science*, 2019, no. 6 (40), pp. 68–84. doi:10/21661/r-497111 (In Russ.).
3. Enikolopov S.N., Medvedeva T.I. Aprobatsiya russkoyazychnoi versii metodiki "shkala impul'sivnosti Barratta" (BIS-11) [Approbation of the Russian-language version of the Barratt Impulsiveness Scale (BIS-11)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2015. Vol. 5, no. 3, pp.75–89. doi:10.17759/psylaw.2015050307 (In Russ.).
4. Ilyin E.P. *Psikhologiya riska*. Saint Petersburg: Piter, 2012. 267 p. (In Russ.).

Горбатов С.В., Арбузова Е.Н., Заварзина М.В.
Апробация русскоязычной версии
Шкалы импульсивного поведения UPPS-P
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 168–179.

Gorbatov S.V., Arbuzova E.N., Zavarzina M.V.
Approbation of the Russian Version
of the Impulsive Behavior Scale (UPPS-P)
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 168–179.

5. Kondakov I.M. *Psikhologiya. Illyustrirovannyi slovar'*. Saint Petersburg; Moscow: Praim-EVROZNAK, 2003. 508 p. (In Russ.).
6. Platonov K.K. *Kratkii slovar' sistemy psikhologicheskikh ponyatii*. Moscow, 1984. 174 p. (In Russ.).
7. Bechara A. Damasio H. Damasio A.R. Emotion, Decision Making and the Orbitofrontal Cortex. *Cerebral Cortex*, 2000. Vol. 10, no. 3, pp. 295–307. doi:10.1093/cercor/10.3.295
8. Buss A., Plomin R. A temperament theory of personality development. New York: Wiley, 1975. 256 p.
9. Cyders M.A., Littlefield A.K., Coffey S., Karyadi K. A. Examination of a short English version of the UPPS-P Impulsive Behavior Scale. *Addictive Behaviors*, 2014. Vol. 39, no. 9, pp. 1372–1376. doi:10.1016/j.addbeh.2014.02.013
10. Cyders M. A. Smith G. T. Spillane N. S. Fischer S. Annus A. M. & Peterson C. Integration of impulsivity and positive mood to predict risky behavior: Development and validation of a measure of positive urgency. *Psychological Assessment*, 2007/ Vol. 19, no. 1, pp. 107–118. doi:10.1037/1040-3590.19.1.107
11. Dickman S.J. Functional and dysfunctional impulsivity: personality and cognitive correlates. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol. 58, no. 1, pp. 95–102. doi:10.1037/0022-3514.58.1.95
12. Evenden J.L. Varieties of impulsivity. *Psychopharmacology*, 1999, Vol. 146, pp. 348–361. doi:10.1007/pl00005481
13. McCrae R.R. Costa Jr.P.T. Toward a new generation of personality theories: theoretical contexts for the Five-Factor Model. In J.S. Wiggins (ed.). *The five-factor model of personality: Theoretical perspectives*. New York: Guilford Press, 1996, pp. 51–87.
14. Patton J.H. Stanford M.S. Barratt E.S. Factor structure of the Barratt impulsiveness scale. *Journal of Clinical Psychology*, 1995. Vol. 51, no. 6, pp. 768–774. doi:10.1002/1097-4679(199511)51:6<768::AID-JCLP2270510607>3.0.CO;2-1
15. Whiteside S. P., Lynam D. R. (2001). The Five Factor Model and impulsivity: Using a structural model of personality to understand impulsivity. *Personality and Individual Differences*, 2001. Vol. 30, no. 4, pp. 669–689. doi:10.1016/S0191-8869(00)00064-7
16. Zapolski T.C.B., Stairs A.M., Settles R.F., Combs J.L., Smith G.T. The measurement of dispositions to rash action in children. *Assessment*, 2011. Vol. 17, no. 1, pp. 116–125. doi:10.1177/1073191109351372
17. Zuckerman M. The Psychobiological Model for Impulsive Unsocialized Sensation Seeking: A Comparative Approach. *Neuropsychobiology*, 1996. Vol. 34, no. 3, pp. 125–129. doi:10.1159/000119303

Информация об авторах

Горбатов Сергей Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, старший преподаватель, кафедра психологии здоровья и отклоняющегося поведения, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО «СПбГУ»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3842-9956>, e-mail: s.gorbatov@bk.ru

Арбузова Елена Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии здоровья и отклоняющегося поведения, факультет психологии, Санкт-Петербургский

Горбатов С.В., Арбузова Е.Н., Заварзина М.В.
Апробация русскоязычной версии
Шкалы импульсивного поведения UPPS-P
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 168–179.

Gorbatov S.V., Arbuzova E.N., Zavarzina M.V.
Approbation of the Russian Version
of the Impulsive Behavior Scale (UPPS-P)
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 168–179.

государственный университет (ФГБОУ ВО «СПбГУ»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1643-0529>, e-mail: asmaen@yandex.ru

Заварзина Мария Владимировна, психолог-консультант, психологический центр «Гармония», г. Владимир, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5637-375X>, e-mail: mariazavarzina98@gmail.com

Information about the authors

Sergey V. Gorbatov, PhD in Psychology, Docent, Senior Lecturer, Department of Psychology of Health and Deviant Behavior, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3842-9956>, e-mail: s.gorbatov@bk.ru

Elena N. Arbuzova, PhD in Psychology, Docent, Senior Lecturer, Department of Psychology of Health and Deviant Behavior, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1643-0529>, e-mail: asmaen@yandex.ru

Maria V. Zavarzina, Consultant Psychologist, Psychological Center “Garmoniya”, Vladimir, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5637-375X>, e-mail: mariazavarzina98@gmail.com

Получена 06.08.2021

Принята в печать 10.03.2022

Received 06.08.2021

Accepted 10.03.2022

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Методические особенности оценки педофильного расстройства с применением айтрекера

Ильина В.И.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5537-5457>, e-mail: feikebernstein@gmail.com

Каменсков М.Ю.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6327-9307>, e-mail: m-kamenskov@mail.ru

Дворянчиков Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

В статье приводятся результаты оригинального пилотажного исследования, целью которого является выявление особенностей глазодвигательной активности у лиц с педофильным расстройством в условиях специфической эротической визуальной стимуляции. На базе лаборатории судебной сексологии ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» МЗ РФ обследовано 36 мужчин: основную группу составили подэкспертные с диагнозом «Педофилия» (28%), в контрольную группу вошли тестируемые без клинических признаков расстройств сексуального предпочтения (72%). Изучалось окуломоторное поведение при просмотре фотографий женщин и детей, находящихся в повседневной обстановке. По результатам проведенного исследования выявлено, что у лиц с педофильным расстройством особенности окуломоторной активности отличаются от таковой у нормативной выборки. В частности, лица с педофилией совершают большее количество фиксаций на образе ребенка, а также общая продолжительность фиксаций при просмотре этого образа дольше, чем у контрольной группы. Полученные данные позволяют говорить о значимости фиксационной активности в оценке сексуальных предпочтений у обследуемых лиц.

Ключевые слова: педофилия, педофильное расстройство, айтрекинг, диагностическая оценка, процессы позднего внимания, фиксационная активность, психофизиология.

Для цитаты: *Ильина В.И., Каменсков М.Ю., Дворянчиков Н.В.* Методические особенности оценки педофильного расстройства с применением айтрекера [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 180–196. DOI: [10.17759/psylaw.2022120315](https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120315)

Methodological Features of Pedophilic Disorder Assessment Using an Eyetracker

Victoria I. Ilyina

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5537-5457>, e-mail: feikebernstein@gmail.com

Maxim Yu. Kamenskov

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6327-9307>, e-mail: m-kamenskov@mail.ru

Nikolay V. Dvoryanchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

The article presents the results of an original pilot study aimed at revealing peculiarities of oculomotor activity in persons with pedophilic disorder under conditions of specific erotic visual stimulation. 36 men were examined at the Laboratory of Forensic Sexology of the V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation. The study group consisted of the subjects diagnosed with pedophilia (28%), the control group included those tested without clinical signs of sexual preference disorder (72%). Oculomotor behavior was studied when viewing photographs of women and children in everyday settings. The results of the study revealed that subjects with pedophile disorder had peculiarities of oculomotor activity that differed from those in the normative sample. In particular, persons with pedophilia commit a greater number of fixations on the image of a child, and the total duration of fixations when viewing the image of a child is longer than in the control group. The findings suggest that fixation activity is significant in the evaluation of sexual preferences in the examined subjects.

Keywords: pedophilia, pedophilic disorder, eyetracking, diagnostic assessment, late attention processes, fixation activity, psychophysiology.

For citation: Ilyina V.I., Kamenskov M.Yu., Dvoryanchikov N.V. Methodological Features of Pedophilic Disorder Assessment Using an Eyetracker. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 180–196. DOI:10.17759/psylaw.2022120315 (In Russ.).

Согласно докладу о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка от 2019 года, наблюдается увеличение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних до 14755 (статьи 131, 132, 134, 135 УК РФ). Кроме того, в тот год наблюдался рост преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, и по статьям об использовании несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов, изготовлении и обороте материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (статья 242 УК РФ).

Согласно информационно-аналитическому порталу правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации за период с января по декабрь 2020 г. по статье 134 УК РФ (половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста), было зарегистрировано 5319 преступлений. За этот же период в 2021 г. всего зарегистрировано 103 335 преступлений в отношении несовершеннолетних. Из них по статьям 30 и 131 УК РФ (изнасилование и покушение на изнасилование) в отношении несовершеннолетних зарегистрировано 1949 случаев, а по статье 132 (насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних) — 7016, по статье же 134 УК РФ (половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста) — 5174.

Указанные данные говорят о растущих с каждым годом преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних. Это, в свою очередь, обуславливает рост числа комплексных сексолого-психиатрических экспертиз обвиняемых и подозреваемых по вышеупомянутым правонарушениям, поскольку назначение такого рода экспертиз является обязательным в соответствии с п. 3.1 ст. 196 УПК РФ.

Учитывая тяжесть наказания за совершенные сексуальные преступления, подэкспертные в ходе производства судебно-психиатрических экспертиз при проведении клинического интервью стремятся давать социально одобряемые ответы и в ряде случаев отрицают причастность к инкриминируемым им деяниям, что существенно затрудняет диагностику расстройства сексуального предпочтения, в частности педофилии. В таких случаях точность диагностического заключения несильно превышает случайный результат (65,9%) [8].

Для решения указанных трудностей используют психофизиологические методы, которые являются одним из вспомогательных инструментариев. Наиболее перспективным методом психофизиологической диагностики педофильного расстройства является использование системы бинокулярного трекинга глаз (айтрекера) в ходе эротической визуальной стимуляции [13; 32]. В общем виде процесс тестирования на айтрекере представляет экспозицию изображений эротического характера в течение нескольких секунд. На данный момент проводится систематизация феноменов глазодвигательной активности, наблюдаемых у лиц, страдающих педофильным расстройством, однако этим вопросом занимается узкий круг специалистов по всему миру. Имеющиеся работы, изучающие окулomotorное поведение, подтверждают теоретические заключения о том, что при предъявлении эротического материала регистрируемые глазодвигательные паттерны могут отражать сексуальные предпочтения и их расстройства, при этом рекомендуется оценивать такие параметры, которые отражают процессы раннего и позднего внимания. Так, согласно данным исследований, оценка предъявляемого стимула происходит в течение первых 200—400 мс, после чего наступает его осознанное восприятие, влияющее на реакции. Это соответствует процессам произвольного (позднего) и произвольного (раннего) внимания, которое отражает значимость объекта. То есть, чем выше значимость стимула, тем сильнее он привлекает внимание [30]. Когда стимул с соответствующими сексуальными сигналами совпадает с информацией, хранящейся в имплицитной памяти, это приводит к возникновению реакции [36; 50]. Наиболее трудноконтролируемым считается раннее внимание. Его можно изучать, ориентируясь на параметры, показывающие предпочтение одного стимула над другим, — время первого попадания взгляда в зону интереса с момента экспозиции стимула, продолжительность первой фиксации, латентное время до первой фиксации. Позднее внимание (или, условно, поддержание внимания) оценивается количеством фиксаций в полях предъявляемых объектов, средней продолжительностью фиксаций и общей продолжительностью просмотра и фиксаций [19; 31].

Несмотря на перспективность применения айтрекера для оценки сексуального интереса, существует ряд методических сложностей, связанных с организацией эксперимента, поскольку результаты тестирования во многом зависят от поставленной инструкции, которая, по сути, является целевой установкой; содержания экспонируемого материала; длительности предъявления стимулов и др. В частности, проведенные исследования не всегда позволяют выявить различия в просмотре релевантного и нерелевантного стимульного материала у лиц с педофильным расстройством, особенно в тех случаях, когда одновременно предъявляется несколько эротических объектов [38]. Введение дополнительной когнитивной нагрузки в виде геометрической задачи при одновременном предъявлении сексуального дистрактора отчасти позволяет преодолеть указанные трудности [40; 41]. С положительной стороны зарекомендовал себя тест, в рамках которого на каждом слайде представлен только один эротический объект (женщина, мальчик или девочка). Однако в ходе проведения эксперимента 11,4% обследуемых демонстрируют установочное поведение, которое проявляется избеганием просмотра эротических стимулов или фиксацией взгляда в одной точке, что в целом дискредитирует результаты психофизиологического исследования.

В связи со сказанным целью настоящего исследования заключалась в разработке новых методических подходов к оценке аномального сексуального интереса с применением айтрекера у лиц, страдающих педофильным расстройством.

Программа исследования

Настоящее пилотажное эмпирическое прикладное исследование было проведено в Национальном медицинском исследовательском центре психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского в 2020—2021 гг.

В исследовании участвовали 36 мужчин, 10 из которых привлекались к уголовной ответственности за совершение преступлений против половой неприкосновенности детей, и по результатам комплексной судебной сексолого-психиатрической экспертизы им выставлялся диагноз «Педофилия» (F65.4) в виде гетеросексуальной педофилии (40%) и гомосексуальной педофилии (60%). Они составили первую основную группу.

Во вторую группу (контрольную) вошли 26 мужчин с гетеросексуальной ориентацией в возрасте 18—45 лет.

Критерии невключения в группы — наличие психотической симптоматики, выраженных нарушений зрения, требующих коррекции, и острых соматических или инфекционных заболеваний.

При проведении трекинга глаз использовалась высокоскоростная система дистанционного бинокулярного трекинга (SMiViewXRED (Германия) в комбинации с iView рабочей станцией), представляющая собой бесконтактную и неинвазивную технологию, которая позволяет с высокой точностью измерять и анализировать движения глаз с определением направления взгляда. Оборудование регистрирует движения взгляда с частотой 500 Гц при разрешении 0,03 и погрешности 0,4 углового градуса. Движения глаз записываются с помощью инфракрасной камеры, регистрирующей также расширение/сужение зрачка. Изображения предъявлялись на жидкокристаллическом мониторе, расположенном на расстоянии 60—70 см от глаз.

В начале исследования проводилась калибровка взгляда, которая заключалась в прослеживании взором последовательных перемещений точки на экране по девяти координатам для сопоставления позиции глаза, зафиксированного камерой, и точкой взгляда на экране.

В рамках самого тестирования было использовано 30 статичных изображений одетых женщин с детьми (мальчиком или девочкой), находящихся в повседневной обстановке. Фо-

тографии с изображением девочки и женщины (всего 15) чередовались с фотографиями с изображением женщины и мальчика (всего 15). Каждый слайд демонстрировался на протяжении 3 секунд.

Перед проведением обследования предъявлялась следующая инструкция: «В ходе исследования вам будут предъявляться фотографии женщин и детей в повседневной обстановке. Ваша задача заключается в том, чтобы внимательно просматривать фотографии и постараться запомнить их содержание».

Для изучения специфики просмотра стимулов и количественного анализа на каждом изображении выделяли зоны интереса: объект «женщина», объект «мальчик» и объект «девочка» — и оценивали общую продолжительность фиксации и количество фиксаций в каждой зоне.

Для статистического анализа был выбран Т-критерий Стьюдента с предварительной проверкой нормальности распределения данных.

Результаты

Межгрупповое сравнение нормы и лиц с педофильным расстройством по зоне интереса «женщина», «мальчик», «девочка» выявило некоторые особенности в просмотре стимульного материала (табл. 1). По зоне интереса **«женщина»**: значения по общей продолжительности фиксаций в первой и второй группах не различаются (988 и 987 мс соответственно), однако есть значимые различия по количеству фиксаций ($p < 0,001$): группа лиц с педофилией демонстрирует большее количество фиксаций на стимуле «женщина», чем группа нормы (5,06 и 4,54 соответственно). По зоне интереса **«мальчик»**: подэкспертные первой группы показывают большее количество фиксаций (4,24 и 3,12 соответственно; $p < 0,001$) и их общую продолжительность (815 и 678 мс соответственно; $p = 0,001$), чем группа нормы. По зоне интереса **«девочка»** были обнаружены значимые различия только по количеству фиксаций: у подэкспертных первой группы отмечается их большее количество при просмотре указанной зоны (3,69 и 3,14 соответственно; $p = 0,003$).

Таким образом, лица с расстройствами сексуального предпочтения дольше просматривают гомосексуальный педофильный стимул, а также совершают большее количество фиксаций при экспозиции гетеросексуального педофильного и гомосексуального педофильного стимула, по сравнению с тем, как это наблюдается во второй группе.

Внутригрупповое сравнение по зонам интереса показало, что у обследуемых **группы нормы** отмечается большее количество фиксаций и их общая продолжительность при просмотре зоны интереса «женщина», чем при изучении зоны «мальчик» и «девочка» (табл. 1).

Вопреки ожиданиям, в первой группе были обнаружены такие же закономерности: наблюдалось большее количество фиксаций и их общая продолжительность при просмотре зоны интереса «женщина».

Таким образом, существенных внутригрупповых различий в просмотре нормативных и девиантных стимулов между лицами с педофильным расстройством и обследуемыми из группы сравнения не выявлено. Тестируемые первой и второй группы значимо больше совершают фиксаций при предъявлении нормативного стимула по сравнению с девиантным, а также дольше его просматривают.

Чтобы расширить имеющиеся данные, подэкспертные первой группы были разделены на две подгруппы: лица с гомосексуальной (первая подгруппа) и гетеросексуальной педофилией (вторая подгруппа) (табл. 2).

Таблица 1

Различия в просмотре стимульного материала у лиц первой и второй групп

Параметр	1-я группа (n=10)			2-я группа (n=26)			Т-критерий
	«Женщина»	«Мальчик»	«Девочка»	«Женщина»	«Мальчик»	«Девочка»	
Общая продолжительность фиксаций, мс	987 ±32,8	815 ±38,3	653 ±37,6	988 ±19,4	678 ±21,8	674 ±21,7	T2=3,3 p2=0,001 T4=9,9 p4<0,001 T5=9,7 p5<0,001 T6=3,2 p6<0,001 T7=6,2 p7<0,001
Количество фиксаций	5,06 ±0,16	4,23 ±0,2	3,69 ±0,17	4,54 ±0,08	3,12 ±0,95	3,14 ±0,09	T1=2,9 p1=0,003 T2=5,6 p2<0,001 T3=2,9 p3<0,001 T4=10,1 p4<0,001 T5=9,7 p5<0,001 T6=3,1 p6<0,001 T7=5,3 p7<0,001

Примечание: T1, p1 — статистически достоверные различия по нормативному стимулу между первой и второй группами; T2, p2 — статистически достоверные различия по девиантному стимулу «мальчик» между первой и второй группами; T3, p3 — статистически достоверные различия по девиантному стимулу «девочка» между первой и второй группами; T4, p4 — статистически достоверные различия между нормативным и девиантным стимулами «мальчик» у лиц второй группы; T5, p5 — статистически достоверные различия между нормативным и девиантным стимулами «девочка» у лиц второй группы; T6, p6 — статистически достоверные различия между нормативным и девиантным стимулами «мальчик» у лиц первой группы; T7, p7 — статистически достоверные различия между нормативным и девиантным стимулами «девочка» у лиц первой группы.

При проведении **межгруппового сравнения** по зоне интереса «*женщина*» были обнаружены следующие различия: подэкспертные с гомосексуальной педофилией совершают большее количество фиксаций (5,3 и 4,5 соответственно; $p<0,001$), а у лиц с гетеросексуальной педофилией выявляется большая общая продолжительность фиксаций (1098 и 987 мс соответственно; $p=0,04$) при просмотре указанной зоны, чем это обнаруживается в норме. По зоне интереса «*мальчик*» есть значимые различия по длительности и количеству фиксаций между группой нормы и обследуемыми с гомосексуальной педофилией: последние значимо дольше (835 и 677 мс соответственно; $p=0,001$) просматривает стимул «мальчик» и демонстрирует большее количество фиксаций при его просмотре (4,7 и 3,1 соответственно; $p<0,001$). По зоне интереса «*девочка*» нами не были обнаружены какие-либо различия между второй группой и подэкспертными с гетеросексуальной педофилией.

Таким образом, лица, страдающие гомосексуальной педофилией, по сравнению с группой нормы совершают большее количество фиксаций и у них же выявляется более длительное время просмотра при предъявлении им того стимула, который входит в структуру их сексуальных предпочтений, т. е. гомосексуального педофильного по сравнению с нормой. У подэкспертных с гетеросексуальной педофилией таких различий не отмечается.

Внутригрупповое сравнение в группе **гомосексуальной педофилии** не выявило различий между паттернами просмотра стимулов «мальчик» и «женщина».

В группе **гетеросексуальной педофилии** выявлены значимые различия паттернов в парах «женщина—девочка». Общая продолжительность фиксации и количество фиксаций значимо больше на зоне «женщина», чем на зоне «девочка» ($p=0,001$ и $p=0,004$ соответственно).

Таким образом, внутригрупповой анализ данных показал, что обследуемые с гомосексуальной педофилией одинаковым образом просматривают нормативный и гомосексуальный педофильный стимулы, а подэкспертные с гетеросексуальной педофилией больше обращают внимание на нормативный стимул.

Таблица 2

Различия в просмотре стимульного материала в норме и у лиц с гетеросексуальной и гомосексуальной педофилией

Параметр	2-я группа (n=26)			Гомосексуальная педофилия (первая подгруппа) (n=6)		Гетеросексуальная педофилия (вторая подгруппа) (n=4)		Т-критерий
	«Женщина»	«Мальчик»	«Девочка»	«Женщина»	«Мальчик»	«Женщина»	«Девочка»	
Общая продолжительность фиксации, мс	988 ±19,4	678 ±21,8	674 ±21,7	916 ±37	835 ±48	1098 ±58	762 ±72	T2=2 p2=0,04 T3=3,2 p3=0,001 T5=3,3 p5=0,01
Количество фиксаций	4,54±0,08	3,12±0,95	3,14±0,09	5,3±0,19	4,7±0,24	4,6±0,2	3,3±0,2	T1=3,9 p1<0,001 T3=7,2 p3<0,001 T4=3,3 p4=0,001 T5=2,8 p5=0,004

Примечание: T1, p1 — статистически достоверные различия по нормативному стимулу между второй группой и первой подгруппами; T2, p2 — статистически достоверные различия по нормативному стимулу между второй группой и второй подгруппой; T3, p3 — статистически достоверные различия по девиантному стимулу «мальчик» между второй группой и первой подгруппой; T4, p4 — статистически достоверные различия по девиантному стимулу «девочка» между второй группой и третьей подгруппой; T5, p5 — статистически достоверные различия между нормативным стимулом и девиантным стимулом «девочка» у лиц второй подгруппы.

Анализ результатов

Полученные данные выявили некоторые особенности окулomotorной активности у лиц с педофильным расстройством при просмотре ими эротических визуальных стимулов. В целом для группы подэкспертных, страдающих расстройством сексуального предпочтения, оказывается характерным то, что при экспозиции педофильных девиантных стимулов они совершают большее количество фиксаций, а также дольше просматривают гомосексуальный пе-

дофильный стимул, чем тестируемые из группы сопоставления. Данные особенности сохраняются при разбиении обследуемых с педофилией на две подгруппы в зависимости от направленности полового влечения по полу ребенка: так, в частности, лица с гомосексуальной педофилией дольше просматривают и больше совершают фиксаций на гомосексуальном педофильном стимуле по сравнению с группой нормы.

Приведенные показатели фиксационной активности — количество фиксаций и общая продолжительность фиксаций — являются теми параметрами, которые позволяют оценить позднее произвольное внимание к стимульному материалу [1]. Считается, что чем выше их абсолютные значения, тем выше интерес к конкретному стимулу. Учитывая сказанное, можно заключить, что подэкспертные с педофильным расстройством проявляют больший, чем это можно наблюдать в норме, интерес к педофильным стимулам. Наиболее разительные отличия оказываются характерны для лиц с гомосексуальной педофилией, чем для подэкспертных с гетеросексуальной педофилией.

Вполне возможно, что полученные результаты связаны со структурой сексуальных предпочтений обследуемых. В настоящее время, согласно классификации DSM-V [25; 29], выделяют эксклюзивные и не эксклюзивные формы педофилии. В первом случае у индивидуума, страдающего педофилией, сексуальное влечение направлено исключительно на педофильный объект, а во втором — как на педофильный, так и на зрелый нормативный объект. В подгруппе лиц с гомосексуальной педофилией все подэкспертные характеризовались как эксклюзивные педофилы, а гетеросексуальные педофилы являлись не эксклюзивными. Возможно, что с этим связаны полученные результаты, и гомосексуальные педофилы продемонстрировали более дифференцированное глазное поведение при предъявлении им стимульного материала, в то время как для гетеросексуальных педофилов и нормативные и девиантные стимулы были одинаково значимы.

При проведении внутригруппового анализа различия между группами не столь отчетливы: обследуемые первой и второй групп в большей степени обращают внимание на гетеросексуальные стимулы, чем на девиантные. При изучении лиц с гомосексуальной и гетеросексуальной педофилией в отдельности также были получены схожие результаты: подэкспертные проявляют интерес к гетеросексуальным нормативным стимулам. Подобные результаты были получены и другими исследователями. В частности, Фромбергер с группой исследователей показали, что тестируемые, страдающие педофилией, значительно дольше просматривают нормативные стимулы, чем девиантные [40].

Вероятно, это может объясняться следующими моментами: с одной стороны, существенным ограничением в рамках нашего эксперимента является то, что группа лиц с педофилией была представлена небольшим количеством случаев — всего 10 человек. С другой стороны, отсутствие существенных различий может быть обусловлено и парадигмой эксперимента. Так, в ходе стимуляции подэкспертным предъявлялись фотографии, на которых одновременно были изображены и женщина, и ребенок мужского или женского пола. Это представляло обследуемым возможность проявлять установочное поведение и контролировать свое глазодвигательное поведение, фиксируя свое внимание преимущественно на нормативных объектах.

Тем не менее, несмотря на указанные ограничения, нами было выявлено, что в целом лица с педофилией в большей степени, чем в норме, обращают внимание на педофильные стимулы.

Заключение

В заключение отметим, что педофильное расстройство является одним из самых распространенных и также сложных для квалификации в судебно-психиатрической экспертной практике, в связи с чем стоит научно-практическая задача в разработке дополнительных объективных методов диагностики. Ранее проведенные исследования на айтрекере показывают, что этот психофизиологический метод позволяет дифференцировать нормативность—девиантность по паттернам окуломоторного поведения. Настоящее пилотажное исследование также подтверждает основную гипотезу о том, что у лиц с педофилией особенности окуломоторной активности отличаются от нормативной окуломоторной активности при предъявлении образов женщины и ребенка.

В целом, полученные результаты диктуют необходимость проведения корректировки стимульного материала. В связи с этим в дальнейшем планируется предъявлять обследуемым такие стимулы, на которых будет запечатлен только один объект — или женщина, или ребенок, находящиеся в повседневной ситуации. Мы надеемся, что изменение характера стимульного материала позволит получить более дифференцированные внутригрупповые различия при просмотре визуальных стимулов лицами, страдающими педофильным расстройством.

Литература

1. Барабанчиков В.А. Айтрекинг в психологической науке и практике. М.: Когито-Центр, 2016. 410 с.
2. Барабанчиков В.А. Окуломоторные структуры восприятия. М.: ИП РАН, 1997. 384 с.
3. Барабанчиков В.А., Жегалло А.В. Айтрекинг. Методы регистрации движений глаз в психологических исследованиях и практике. М.: Когито-Центр, 2014. 128 с.
4. Барабанчиков В.А., Жегалло А.В. Регистрация и анализ направленности взгляда человека. М.: Институт психологии РАН, 2013. 316 с.
5. Барабанчиков В.А., Окутина Г.Ю., Окутин О.Л. Чувствительность айтрекера и точность измерений положения глаз [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы / Под ред. В.А. Барабанчиковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 90–96. URL: https://psyjournals.ru/files/32988/exp_collection_Varabanschikov_Okutina.pdf (дата обращения: 21.01.2022).
6. Бочкарев В.К. и др. Нейрофизиологические корреляты эротической визуальной стимуляции при педофилии [Электронный ресурс] // Российский психиатрический журнал. 2019. № 4. С. 42–49. doi:10.24411/1560-957X-2019-11935
7. Васильев Н.Г., Ткаченко А.А. Фиксация реакций на эротические стимулы при педофилии [Электронный ресурс] // Российский психиатрический журнал. 2021. № 1. С. 53–64. doi:10.47877/1560-957X-2021-10106
8. Введенский Г.Е. и др. Методологические проблемы оптимизации диагностики педофилии [Электронный ресурс] // Российский психиатрический журнал. 2020. № 5. С. 67–73. doi:10.24411/1560-957X-2020-10507
9. Гиппенрейтер Ю.Б. Движения человеческого глаза. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 256 с.
10. Демидова Л.Ю. Половое самосознание при расстройствах сексуального предпочтения [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2019. Том 12. № 64. С. 2–14. doi:10.54359/ps.v12i64.227

Ильина В.И., Каменсков М.Ю., Дворянчиков Н.В.
Методические особенности оценки педофильного
расстройства с применением айтрекера
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 180–196.

Ilyina V.I., Kamenskov M.Yu., Dvoryanchikov N.V.
Methodological Features of Pedophilic
Disorder Assessment Using an Eyetracker
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 180–196.

11. Демидова Л.Ю., Каменсков М.Ю. Диагностические критерии педофилии – клинические, правовые и социокультурные проблемы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. Том 4. № 4. С. 14–22. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n4/73010.shtml> (дата обращения: 25.06.2022).
12. Жбанкова О.В., Гусев В.Б. Применение айтрекинга в практике профессионального отбора кадров [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология. 2018. Том 11. № 1. С. 156–165. doi:10.17759/exppsy.2018110109
13. Каменсков М.Ю. Диагностическая точность бинокулярного трекинга глаз в оценке парафильных расстройств // Российский психиатрический журнал. 2022. № 1. С. 65–72. doi:10.47877/1560-957X-2022-10108
14. Каменсков М.Ю. Клинико-патогенетические аспекты парафилий и их судебно-психиатрическое значение: Дисс. ... докт. мед. наук. М., 2017. 381 с.
15. Каменсков М.Ю., Введенский Г.Е., Купцова Д.М., Демидова Л.Ю. Диагностическое значение трекинга глаз в сексологии [Электронный ресурс] // Российский психиатрический журнал. 2018. № 1. С. 83–90. doi:10.24411/1560-957X-2018-1%25x.
16. Каменсков М.Ю., Корчагин В.В., Яковчик А.Ю. Особенности окулomotorной активности лиц с педофильным расстройством при визуальной эротической стимуляции [Электронный ресурс] // Российский психиатрический журнал. 2021. № 1. С. 65–72. doi:10.47877/1560-957X-2021-10107
17. Каменсков М.Ю., Яковчик А.Ю. Перспективы применения бинокулярной системы трекинга глаз для диагностики педофильного расстройства [Электронный ресурс] // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 2020. Т. 120 № 9. С. 72–79. doi:10.17116/jnevro202012009172
18. Каменсков М.Ю. Ограничения к применению психофизиологического метода диагностики парафилий у лиц с психическими расстройствами // Российский психиатрический журнал. 2012. № 5. С. 14–22.
19. Киренская А.В., Ткаченко А.А., Каменсков М.Ю., Лазарев И.Е., Мямлин В.В. Нейрофизиологические механизмы фиксированных форм аномального сексуального поведения // Российский психиатрический журнал. 2010. № 1. С. 53–62.
20. Купцова Д.М., Каменсков М.Ю. Влияние психологических и психосексуальных факторов на психофизиологическую реактивность. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018 Том 8. № 1. С. 13–25. doi:10.17759/psylaw.2018080102
21. Походай М.Ю. Айтрекинг: научный взгляд в глаза [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UvT1dpCXuFM> (дата обращения: 07.07.2022).
22. Походай М.Ю. Восприятие мира: скачками и точками [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшей школы экономики». URL: <https://www.hse.ru/news/communication/181116160.html> (дата обращения: 07.07.2022).
23. Психология внимания: хрестоматия / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М.: ЧеРо, 2001. 858 с.
24. Райгородский Д.Я. Психология личности. Том 1. Хрестоматия. Изд. 2-е, доп. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ», 1999. 448 с.
25. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е. Аномальное сексуальное поведение. СПб: Юридический центр Пресс, 2003. 657 с.
26. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Каменсков М.Ю., Демидова Л.Ю., Васильев Н.Г. Становление и развитие судебной сексологии в Центре имени В.П. Сербского [Электронный ресурс]

Ильина В.И., Каменсков М.Ю., Дворянчиков Н.В.
Методические особенности оценки педофильного
расстройства с применением айтрекера
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 180–196.

Ilyina V.I., Kamenskov M.Yu., Dvoryanchikov N.V.
Methodological Features of Pedophilic
Disorder Assessment Using an Eyetracker
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 180–196.

// Российский психиатрический журнал. 2020. № 6. С. 4–12. doi:10.24411/1560-957X-2020-10601

27. Ткаченко А.А., Каменсков М.Ю., Демидова Л.Ю. Современная диагностика расстройств сексуального предпочтения (международный опыт) // Российский психиатрический журнал. 2017. № 6. С. 60–69.

28. Akerman G., Beech A. R. A Systematic Review of Measures of Deviant Sexual Interest and Arousal // *Psychiatry, Psychology and Law*. 2012. Vol. 19(1). P. 118–143. doi:10.1080/13218719.2010.547161

29. Berlin F. Commentary on pedophilia diagnostic criteria in DSM-5 // *The Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*. 2011. Vol. 39(2). P. 242–244.

30. Fromberger P., Jordan K., Steinkrauss H., von Herder J., Witzel J., Stolpmann G., Kröner-Herwig B., Müller J.L. Diagnostic accuracy of eye movements in assessing pedophilia // *Journal of Sex Medicine*. 2012. Vol. 9(7). P. 1868–1882. doi:10.1111/j.1743-6109.2012.02754.x

31. Fromberger P., Jordan K., Steinkrauss H., von Herder J., Stolpmann G., Kröner-Herwig B., Müller J.L. Eye movements in pedophiles: Automatic and controlled attentional processes while viewing prepubescent stimuli // *Journal of Abnormal Psychology*. 2013. Vol. 122(2). P. 587–599. doi:10.1037/a0030659

32. Godet T., Niveau G. Eye tracking and child sexual offenders: a systematic review // *Forensic Sciences Research*. 2021. Vol. 6(2). P. 133–140. doi:10.1080/20961790.2021.1940737

33. Hall C.L., Hogue T.E., Guo K. Gaze patterns to child figures reflect deviant sexual preference in child sex offenders — A first glance // *Journal of Sexual Aggression*. 2015. Vol. 21(3). P. 303–317. doi:10.1080/13552600.2014.931475

34. Janssen E., Everaerd W., Spiering M., Janssen J. Automatic Processes and the Appraisal of Sexual Stimuli: Toward an Information Processing Model of Sexual Arousal // *Journal of Sex Research*. 2000. Vol. 37(1). P. 8–23. doi:10.1080/00224490009552016

35. Janssen E. et al. *The psychophysiology of sex*. Indiana University Press, 2007. 519 p.

36. Janssen E., Everaerd W. Determinants of Male Sexual Arousal // *Annual Review of Sex Research*. 1993. Vol. 4. P. 211–245. doi:10.1080/10532528.1993.10559888

37. de Jong D. The Role of Attention in Sexual Arousal: Implications for Treatment of Sexual Dysfunction // *The Journal of Sex Research*. 2009. Vol. 46(2-3). P. 237–248. doi:10.1080/00224490902747230

38. Jonides J. Voluntary versus automatic control over the mind's eye's movement // *Attention and performance*. 1981. Vol. 9. P. 187–203.

39. Jordan K., Fromberger P., Laubinger H., Dechent P., Müller J.L. Changed processing of visual sexual stimuli under GnRH-therapy—a single case study in pedophilia using eye tracking and fMRI // *BMC Psychiatry*. 2014. Vol. 14. Iss. 142. doi:10.1186/1471-244X-14-142

40. Jordan K., Fromberger P., Müller I., Wernicke M., Stolpmann G., Müller J.L. Sexual interest and sexual self-control in men with self-reported sexual interest in children — a first eye tracking study // *Journal of Psychiatric Research*. 2018. Vol. 96. P. 138–144. doi:10.1016/j.jpsychires.2017.10.004

41. Jordan K. et al. Can we measure sexual interest in pedophiles using a sexual distractor task? // *Journal of Forensic Psychology*. 2016. Vol. 21(1). P. 109–124. doi:10.4172/2475-319X.1000109

42. Jordan K. et al. Impaired attentional control in pedophiles in a sexual distractor task // *Frontiers in Psychiatry*. 2016. Vol. 7(6). P. 193. doi:10.3389/fpsy.2016.00193

Ильина В.И., Каменсков М.Ю., Дворянчиков Н.В.
Методические особенности оценки педофильного
расстройства с применением айтрекера
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 180–196.

Ilyina V.I., Kamenskov M.Yu., Dvoryanchikov N.V.
Methodological Features of Pedophilic
Disorder Assessment Using an Eyetracker
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 180–196.

43. Knott V., Impey D., Fisher D., Delpero E., Fedoroff P. Pedophilic brain potential responses to adult erotic stimuli // *Brain Research*. 2016. Vol. 1632. P. 127–140. doi:10.1016/j.brainres.2015.12.004
44. Mackworth N.H., Morandi A.J. The gaze selects informative details within pictures // *Perception & Psychophysics*. 1967. Vol. 2(11). P. 547–552. doi:10.3758/BF03210264
45. Müller H.J., Rabbitt M.A. Reflexive and voluntary orienting of visual attention: Time course of activation and resistance to interruption // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 1989. Vol. 15(2). P. 315–330. doi:10.1037//0096-1523.15.2.315
46. Rieger G., Savin-Williams R. C. The eyes have it: Sex and sexual orientation differences in pupil dilation patterns // *PloS one*. 2012. Vol. 7(8). P. 10. doi:10.1371/journal.pone.0040256
47. Rupp H.A., Wallen K. Sex differences in viewing sexual stimuli: An eye-tracking study in men and women // *Hormones and Behavior*. 2007. Vol. 51(4). P. 524–533. doi:10.1016/j.yhbeh.2007.01.008
48. Shagass C., Roemer R.A., Amadeo M. Eye-tracking performance and engagement of attention // *Archives of General Psychiatry*. 1976. Vol. 33(1). P. 121–125. doi:10.1001/archpsyc.1976.01770010077015
49. Stoleru S., Fonteille V., Cornelis C., Joyal C., Moulier V. Functional neuroimaging studies of sexual arousal and orgasm in healthy men and women: a review and meta-analysis // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2012. Vol. 36(6). P. 1481–1509. doi:10.1016/j.neubiorev.2012.03.006
50. Tenbergen G. et al. The Neurobiology and Psychology of Pedophilia: Recent Advances and Challenges // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2015. Vol. 9. P. 344. doi:10.3389/fnhum.2015.00344
51. Treisman A.M., Gelade G. A feature integration theory of attention // *Cognitive Psychology*. 1980. Vol. 12(1). P. 97–136. doi:10.1016/0010-0285(80)90005-5
52. Vásquez Amézquita M. et al. Differences in Visual Attention Patterns to Sexually Mature and Immature Stimuli Between Heterosexual Sexual Offenders, Nonsexual Offenders, and Nonoffending Men // *The Journal of Sex Research*. 2019. Vol. 56(2). P. 213–228. doi:10.1080/00224499.2018.1511965
53. Vásquez-Amézquita M. et al. Visual attention patterns differ in gynephilic and androphilic men and women depending on age and gender of targets // *The Journal of Sex Research*. 2017. Vol. 56(1). P. 85–101. doi:10.1080/00224499.2017.1372353

References

1. Barabanshchikov V.A. Aitreking v psikhologicheskoi nauke i praktike. Moscow: Kogito-Tsentr, 2015. 410 p. (In Russ.).
2. Barabanshchikov V.A. Okulomotornye struktury vospriyatiya. Moscow: IP RAN Publ., 1997. 384 p. (In Russ.).
3. Barabanshchikov V.A., Zhegallo A.V. Aitreking. Metody registratsii dvizhenii glaz v psikhologicheskikh issledovaniyakh i praktike. Moscow: Kogito-Tsentr, 2014. 128 p. (In Russ.).
4. Barabanshchikov V.A., Zhegallo A.V. Registratsiya i analiz napravlenosti vzora cheloveka. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2013. 316 p. (In Russ.).
5. Barabanshchikov V.A., Okutina G.Yu., Okutin O.L. Chuvstvitel'nost' aitrekerov i tochnost' izmerenii polozheniya glaz [Elektronnyi resurs]. In V.A. Barabanshchikov (ed.). *Eksperimental'naya psikhologiya v Rossii: traditsii i perspektivy*. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN" 2010, pp. 90–96. URL: https://psyjournals.ru/files/32988/exp_collection_Barabanshchikov_Okutina.pdf (Accessed 21.01.2022). (In Russ.).

6. Bochkarev V.K. et. al. Neurofiziologicheskie korrelyaty eroticheskoi vizual'noi stimulyatsii pri pedofilii [Neurophysiological correlates of erotic visual stimulation in pedophilia] [Elektronnyj resurs]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2019, no. 4, pp. 42–49. doi:10.24411/1560-957X-2019-11935 (In Russ.).
7. Vasilev N.G., Tkachenko A.A. Fiksatsiya reaktsii na eroticheskie stimuly pri pedofilii [The registration of the reactions to the erotic stimuli related to pedophilia] [Elektronnyj resurs]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2021, no. 1, pp. 53–64. doi:10.47877/1560-957X-2021-10106 (In Russ.).
8. Vvedensky G.E., Kamenskov M.Yu., Demidova L.Yu. i dr. Metodologicheskie problemy optimizatsii diagnostiki pedofilii [Methodological problems of pedophilia diagnostics optimization] [Elektronnyj resurs]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2020, no. 5, pp. 67–73. doi:10.24411/1560-957X-2020-10507 (In Russ.).
9. Gippenreiter Yu.B. Dvizheniya chelovecheskogo glaza. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1978. 256 p. (In Russ.).
10. Demidova L.Yu. Polovoe samosoznanie pri rasstroistvakh seksual'nogo predpochteniya [Gender self-awareness in disorders of sexual preference] [Elektronnyj resurs]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2019. Vol. 12, no. 64, pp. 2–14. doi:10.54359/ps.v12i64.227 (In Russ.).
11. Demidova L.Yu., Kamenskov M.Yu. Diagnosticheskie kriterii pedofilii: klinicheskie, pravovye i sotsiokul'turnye problemy [Diagnostic criteria for pedophilia: clinical, legal and socio-cultural issues] [Elektronnyj resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2014. Vol. 4, no. 4, pp. 14–22. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n4/73010.shtml> (Accessed 25.08.2022) (In Russ.).
12. Zhbankova O.V., Gusev V.B. Primenenie aitrekina v praktike professional'nogo otbora kadrov [Application of the eye tracker in the practice of professional selection of personnel] [Elektronnyj resurs]. *Ekspierimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2018. Vol. 11, no. 1, pp. 156–165. doi:10.17759/exppsy.2018110109 (In Russ.).
13. Kamenskov M.Yu. Diagnosticheskaya tochnost' binokulyarnogo trekinga glaz v otsenke parafil'nykh rasstroistv [Diagnostic accuracy of binocular eye tracking in the assessment of paraphilic disorders] [Elektronnyj resurs]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2022, no. 1, pp. 65–72. doi:10.47877/1560-957X-2022-10108 (In Russ.).
14. Kamenskov M.Yu. Kliniko-patogeneticheskie aspekty parafilii i ikh sudebno-psikhiatricheskoe znachenie: Diss. dokt. med. nauk. Moscow, 2017. 381 p. (In Russ.).
15. Kamenskov M.Yu., Vvedensky G.E., Kuptsova D.M., Demidova L.Yu. Diagnosticheskoe znachenie trekinga glaz v seksologii [The diagnostic value of eye-tracking for sexology] [Elektronnyj resurs]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2018, no. 1, pp. 83–90. doi:10.24411/1560-957X-2018-1%25x (In Russ.).
16. Kamenskov M.Yu., Korchagin V.V., Yakovchik A.Yu. Osobennosti okulomotornoi aktivnosti lits s pedofil'nym rasstroistvom pri vizual'noi eroticheskoi stimulyatsii [Features of oculomotor activity in persons with pedophilic disorder during visual erotic stimulation] [Elektronnyj resurs]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2021, no. 1, pp. 65–72. doi:10.47877/1560-957X-2021-10107 (In Russ.).
17. Kamenskov M.Yu., Yakovchik A.Yu. Perspektivy primeneniya binokulyarnoi sistemy trekinga glaz dlya diagnostiki pedofil'nogo rasstroistva [Prospects for the use of a binocular eye tracking system for the diagnosis of pedophilic disorder] [Elektronnyj resurs]. *Zhurnal nevrologii i psikhiatrii imeni S.S. Korsakova = S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, 2020. Vol. 120, no. 9, pp. 72–79. doi:10.17116/jnevro202012009172 (In Russ.).

18. Kamenskov M.Yu. Ogranicheniya k primeneniyu psikhofiziologicheskogo metoda diagnostiki parafilii u lits s psikhicheskimi rasstroistvami [Constraints to the use of psychophysiological method of diagnosing paraphilias in persons with mental disorders]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2012, no. 5, pp. 14–22 (In Russ.).
19. Kirenskaya A.V., Tkachenko A.A., Kamenskov M.Yu., Lazarev I.E., Myamlin V.V. Neurofiziologicheskie mekhanizmy fiksirovannykh form anomal'nogo seksual'nogo povedeniya [Neurophysiological mechanisms of the fixed forms of abnormal sexual behaviour]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2010, no. 1, pp. 53–62 (In Russ.).
20. Kuptsova D.M., Kamenskov M.Yu. Vliyanie psikhologicheskikh i psikhoseksual'nykh faktorov na psikhofiziologicheskuyu reaktivnost' [Influence of psychosexual and psychological factors on psychophysiological reactivity] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 1, pp. 13–25. doi:10.17759/psylaw.2018080102 (In Russ.).
21. Pokhoday M.Yu. Aitrekning: nauchnyi vzglyad v glaza [Elektronnyi resurs]. *YouTube*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UvT1dpCXuFM> (Accessed 07.07.2022). (In Russ.).
22. Pokhoday M.Yu. Vospriyatie mira: skachkami i tochkami [Elektronnyj resurs]. Восприятие мира: скачками и точками [Elektronnyi resurs]. *Natsional'nyi issledovatel'skii universitet "Vysshaya shkola ekonomiki" = HSE University*. URL: <https://www.hse.ru/news/communication/181116160.html> (Accessed 07.07.2022). (In Russ.).
23. Gippenreiter Yu.B., Romanov V.Ya (eds.). *Psikhologiya vnimaniya: khrestomatiya*. Moscow: CheRo. 2001. 858 p. (In Russ.).
24. Raigorodsky D.Ya. *Psikhologiya lichnosti*. Tom 1. *Khrestomatiya*. 2nd ed. Samara: Izdatel'skii Dom "BAKhRAKh", 1999. 448 p. (In Russ.).
25. Tkachenko A.A., Vvedensky G.E. *Anomal'noe seksual'noe povedenie*. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2003. 657 p. (In Russ.).
26. Tkachenko A.A., Vvedensky G.E., Kamenskov M.Yu., Demidova L.Yu., Vasilev N.G. Stanovlenie i razvitie sudebnoi seksologii v Tsentre im. V.P. Serbskogo [Formation and development of forensic sexology in the Serbsky Centre] [Elektronnyi resurs]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2020, no. 6, pp. 4–12. doi:10.24411/1560-957Kh-2020-10601 (In Russ.).
27. Tkachenko A.A., Kamenskov M.Yu., Demidova L.Yu. *Sovremennaya diagnostika rasstroistv seksual'nogo predpochteniya (mezhdunarodnyi opyt)* [Contemporary diagnosis of sexual preference disorders (international practices)]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2017, no. 6, pp. 60–69 (In Russ.).
28. Akerman G., Beech A. R. A Systematic Review of Measures of Deviant Sexual Interest and Arousal. *Psychiatry, Psychology and Law*, 2012. Vol. 19, no. 1, pp. 118–143. doi:10.1080/13218719.2010.547161
29. Berlin F. Commentary on pedophilia diagnostic criteria in DSM-5. *The Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*, 2011. Vol. 39, no. 2, pp. 242–244.
30. Fromberger P., Jordan K., Steinkrauss H., von Herder J., Witzel J., Stolpmann G., Kröner-Herwig B., Müller J.L. Diagnostic accuracy of eye movements in assessing pedophilia. *Journal of Sex Medicine*, 2012. Vol. 9, no. 7, pp. 1868–1882. doi:10.1111/j.1743-6109.2012.02754.x
31. Fromberger P., Jordan K., Steinkrauss H., von Herder J., Stolpmann G., Kröner-Herwig B., Müller J.L. Eye movements in pedophiles: Automatic and controlled attentional processes while viewing prepubescent stimuli. *Journal of Abnormal Psychology*, 2013. Vol. 122, no. 2, pp. 587–599. doi:10.1037/a0030659

32. Godet T., Niveau G. Eye tracking and child sexual offenders: a systematic review. *Forensic Sciences Research*, 2021. Vol. 6, no. 2, pp. 133–140. doi:10.1080/20961790.2021.1940737
33. Hall C.L., Hogue T.E., Guo, K. Gaze patterns to child figures reflect deviant sexual preference in child sex offenders — A first glance. *Journal of Sexual Aggression*, 2015. Vol. 21, no. 3, pp. 303–317. doi:10.1080/13552600.2014.931475
34. Janssen E., Everaerd W., Spiering M., Janssen J. Automatic Processes and the Appraisal of Sexual Stimuli: Toward an Information Processing Model of Sexual Arousal. *Journal of Sex Research*, 2000. Vol. 37, no. 1, pp. 8–23. doi:10.1080/00224490009552016
35. Janssen E. et al. The psychophysiology of sex. Indiana University Press, 2007. 519 p.
36. Janssen E., Everaerd W. Determinants of Male Sexual Arousal. *Annual Review of Sex Research*, 1993, no. 4, pp. 211–245. doi:10.1080/10532528.1993.10559888
37. de Jong D. The Role of Attention in Sexual Arousal: Implications for Treatment of Sexual Dysfunction. *The Journal of Sex Research*, 2009. Vol. 46, no. 2-3, pp. 237–248. doi:10.1080/00224490902747230
38. Jonides J. Voluntary versus automatic control over the mind's eye's movement. *Attention and performance*, 1981. no. 9, pp. 187-203.
39. Jordan K., Fromberger P., Laubinger H., Dechent P., Müller J.L. Changed processing of visual sexual stimuli under GnRH-therapy—a single case study in pedophilia using eye tracking and fMRI. *BMC Psychiatry*, 2014. Vol. 14, iIss. 142. doi:10.1186/1471-244X-14-142
40. Jordan K., Fromberger P., Müller I., Wernicke M., Stolpmann G., Müller J.L. Sexual interest and sexual self-control in men with self-reported sexual interest in children — a first eye tracking study. *Journal of Psychiatric Research*, 2018. Vol. 96, pp. 138–144. doi:10.1016/j.jpsychires.2017.10.004
41. Jordan K. et al. Can we measure sexual interest in pedophiles using a sexual distractor task? *Journal of Forensic Psychology*, 2016. Vol. 21, no. 1, pp. 109–124. doi:10.4172/2475-319X.1000109
42. Jordan K. et al. Impaired attentional control in pedophiles in a sexual distractor task. *Frontiers in Psychiatry*, 2016. Vol. 7, no. 6, pp. 193. doi:10.3389/fpsy.2016.00193
43. Knott V., Impey D., Fisher D., Delpero E., Fedoroff P. Pedophilic brain potential responses to adult erotic stimuli. *Brain Research*, 2016. Vol. 1632, pp. 127–140. doi:10.1016/j.brainres.2015.12.004
44. Mackworth N.H., Morandi A.J. The gaze selects informative details within pictures. *Perception & Psychophysics*, 1967. Vol. 2, no. 11, pp. 547–552. doi:10.3758/BF03210264
45. Müller H.J., Rabbitt M.A. Reflexive and voluntary orienting of visual attention: Time course of activation and resistance to interruption. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 1989. Vol. 15, no. 2, pp. 315–330. doi:10.1037//0096-1523.15.2.315
46. Rieger G., Savin-Williams R.C. The eyes have it: Sex and sexual orientation differences in pupil dilation patterns. *PloS one*, 2012. Vol. 7, no. 8, pp. 10. doi:10.1371/journal.pone.0040256
47. Rupp H.A., Wallen K. Sex differences in viewing sexual stimuli: An eye-tracking study in men and women. *Hormones and Behavior*, 2007. Vol. 51, no. 4, pp. 524–533. doi:10.1016/j.yhbeh.2007.01.008
48. Shagass C., Roemer R.A., Amadeo M. Eye-tracking performance and engagement of attention. *Archives of General Psychiatry*, 1976. Vol. 33, no. 1, pp. 121–125. doi:10.1001/archpsyc.1976.01770010077015

Ильина В.И., Каменсков М.Ю., Дворянчиков Н.В.
Методические особенности оценки педофильного
расстройства с применением айтрекера
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 180–196.

Ilyina V.I., Kamenskov M.Yu., Dvoryanchikov N.V.
Methodological Features of Pedophilic
Disorder Assessment Using an Eyetracker
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 180–196.

49. Stoleru S, Fonteille V, Cornelis C, Joyal C, Moulier V. Functional neuroimaging studies of sexual arousal and orgasm in healthy men and women: a review and meta-analysis. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 2012. Vol. 36, no. 6, pp. 1481–1509. doi:10.1016/j.neubiorev.2012.03.006
50. Tenbergen G. et al. The Neurobiology and Psychology of Pedophilia: Recent Advances and Challenges. *Frontiers in Human Neuroscience*, 2015. Vol. 9, pp. 344. doi:10.3389/fnhum.2015.00344
51. Treisman A.M., Gelade G. A feature integration theory of attention. *Cognitive Psychology*, 1980. Vol. 12, no. 1, pp. 97–136. doi:10.1016/0010-0285(80)90005-5
52. Vásquez Amézquita M. et al. Differences in Visual Attention Patterns to Sexually Mature and Immature Stimuli Between Heterosexual Sexual Offenders, Nonsexual Offenders, and Nonoffending Men. *The Journal of Sex Research*, 2019. Vol. 56, no. 2, pp. 213–228. doi:10.1080/00224499.2018.1511965
53. Vásquez-Amézquita M. et al. Visual attention patterns differ in gynephilic and androphilic men and women depending on age and gender of targets. *The Journal of Sex Research*, 2017. Vol. 56, no. 1, pp. 85–101. doi:10.1080/00224499.2017.1372353

Информация об авторах

Ильина Виктория Игоревна, лаборант-исследователь, лаборатория судебной сексологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5537-5457>, e-mail: feikebernstein@gmail.com

Каменсков Максим Юрьевич, доктор медицинских наук, руководитель, лаборатория судебной сексологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6327-9307>, e-mail: m-kamenskov@mail.ru

Дворянчиков Николай Викторович, кандидат психологических наук, доцент, декан, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Information about the authors

Victoria I. Ilyina, Laboratory Assistant, Laboratory of Forensic Sexology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5537-5457>, e-mail: feikebernstein@gmail.com

Maxim Yu. Kamenskov, Doctor of Medicine, Head, Laboratory of Forensic Sexology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6327-9307>, e-mail: m-kamenskov@mail.ru

Ильина В.И., Каменсков М.Ю., Дворянчиков Н.В.
Методические особенности оценки педофильного
расстройства с применением айтрекера
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 180–196.

Ilyina V.I., Kamenskov M.Yu., Dvoryanchikov N.V.
Methodological Features of Pedophilic
Disorder Assessment Using an Eyetracker
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 180–196.

Nickolay V Dvoryanchikov, PhD in Psychology, Docent, Dean, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Получена 12.07.2022
Принята в печать 15.08.2022

Received 12.07.2022
Accepted 15.08.2022

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Опознавание лица по фотографии в условиях неосознаваемого восприятия

Свободный Ф.К.

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации (ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета РФ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8010-8756>, e-mail: sfk_felix@mail.ru

Лаврешкин Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5556-2057>, e-mail: lavreshkinv@gmail.com

В статье рассматривается возможность изучения осведомленности лица о деталях преступления через анализ его реакций на неосознаваемые стимулы. В исследовании ставятся три задачи: 1) анализ эффективности применения в процессе расследования преступлений опросов с использованием полиграфа; 2) анализ основных подходов к изучению неосознаваемого восприятия; 3) анализ результатов экспериментального изучения возможности диагностики факта опознавания лица по фотографии в условиях неосознаваемого восприятия по динамике физиологических реакций опознающего. В качестве основных научных методов используются метод анализа научных литературных источников и метод психологического эксперимента. В ходе эксперимента испытуемому на мониторе компьютера предъявлялись визуальные стимулы: фотография предположительно знакомого испытуемому человека и фотографии незнакомых испытуемому людей. Стимулы предъявлялись сериями, с длительностью экспозиции, необходимой для создания условий неосознаваемого восприятия. Параллельно процессу предъявления стимулов у испытуемого при помощи полиграфа регистрировались кожно-гальванические реакции (КГР). В результате эксперимента было установлено наличие более выраженных КГР (среднее значение амплитуды — 7,2 мм), возникающих у испытуемого в ответ на фотографию предположительно знакомого ему лица, по сравнению с КГР (среднее значение амплитуды — 1,8 мм), возникающих у испытуемого в ответ на фотографии незнакомых ему лиц. Был сформулирован вывод о возможности экспериментальной диагностики факта опознавания лица по фотографии в условиях неосознаваемого восприятия через анализ КРГ опознающего, регистрируемой при помощи полиграфа. Предлагается использовать механизм неосознаваемого восприятия для выявления особенностей информированности лиц об обстоятельствах преступлений в процессе расследования.

Ключевые слова: неосознаваемое восприятие, физиологические реакции, полиграф, опознавание, расследование преступлений.

Для цитаты: Свободный Ф.К., Лаврешкин Н.В.. Опознавание лица по фотографии в условиях неосознаваемого восприятия [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 197–208. DOI:10.17759/psylaw.2022120316

Identification of a Person from a Photo in Conditions of Unconscious Perception

Felix K. Svobodny

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8010-8756>, e-mail: sfk_felix@mail.ru

Nikita V. Lavreshkin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5556-2057>, e-mail: lavreshkinnv@gmail.com

The article considers the possibility of studying a person's awareness of the details of a crime through the analysis of his reactions to unconscious stimuli. The study sets three tasks: 1) analysis of the effectiveness of using polygraph surveys in the process of investigating crimes; 2) analysis of the main approaches to the study of unconscious perception and 3) analysis of the results of an experimental study of the possibility of diagnosing the fact of identifying a person from a photograph in conditions of unconscious perception by the dynamics of physiological reactions of the recognizer. During the experiment, visual stimuli were presented to the subject on a computer monitor: a photograph of a person supposedly familiar to the subject and photographs of people unfamiliar to the subject. The stimuli were presented in series, with the duration of exposure necessary to create conditions for unconscious perception. In parallel with the process of presenting stimuli, galvanic skin reactions (CGR) were recorded in the subject using a polygraph. As a result of the experiment, it was found that there were more pronounced CRS (the average amplitude value is 7.2 mm.) occurring in the subject in response to a photograph of a person presumably familiar to him, compared with CRS (the average amplitude value is 1.8 mm.) occurring in the subject in a photograph of unfamiliar faces. The conclusion was formulated about the possibility of experimental diagnostics of the fact of identification of a person by a photograph, in conditions of unconscious perception, through the analysis of the identifying CRG, recorded using a polygraph. It is proposed to use the mechanism of unconscious perception to identify the features of the awareness of persons about the circumstances of crimes during the investigation.

Keywords: unconscious perception, physiological reactions, polygraph, identification, investigation of crimes.

For citation: Svobodny F.K., Lavreshkin N.V. Identification of a Person from a Photo in Conditions of Unconscious Perception. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 197–208. DOI:10.17759/psylaw.2022120316 (In Russ.).

Введение

Одной из важных задач юридической психологии в сфере расследования преступлений является оптимизация «информационного поиска» [4], связанного с обнаружением и фиксацией информации об обстоятельствах события преступления, о причастных к этому событию лицах, об орудиях преступления и т. д. Первично информационный поиск осуществляется в процессе оперативно-розыскных мероприятий, одним из которых является опрос, позволяющий, среди прочего, фиксировать невербальные реакции опрашиваемого лица, возникающие в ответ на задаваемые сотрудником вопросы [6]. Широко известен тот факт, что вопрос, являющийся значимым (важным, сложным, неожиданным, неприятным, эмоциональным и т. д.) для опрашиваемого, может вызывать у последнего комплекс поведенческих и физиологических реакций. С развитием технологий стала возможна четкая и объективная фиксация физиологических реакций человека в ответ на предъявляемые стимулы, что, в частности, привело к внедрению в процесс раскрытия преступлений исследований с применением полиграфа.

Традиционно, исследование на полиграфе предполагает восприятие испытуемым стимулов, содержание которых им осознается. Чаще всего при этом используются слуховые (вербальные) стимулы: слова, словосочетания, предложения (например, вопрос: «Вам знаком человек по фамилии Петров?»). Гораздо реже, в качестве стимульного материала, используются визуальные стимулы: предметы, фотографии, схемы, топографические карты. При этом визуальные стимулы предъявляются совместно с вербальными, как бы «вплетены» в них и служат их продолжением (например, вопросы: «Вам знаком человек, изображенный на фотографии № 1, ...изображенный на фотографии № 2, ...изображенный на фотографии № 3» и т. д.).

На основе анализа физиологических реакций испытуемого, возникающих в ответ на предъявленный стимул, делается вывод о значимости или незначимости содержания стимула для испытуемого. Одной из причин значимости стимула для испытуемого может являться информированность последнего о содержании стимула. Если, например, испытуемый знает, что в преступлении принимали участие два человека, то в вопросе «Вы знаете, что в преступлении всего участвовало.... четыре человека; ... три человека, ... два человека», стимул «два человека», будет более значим для испытуемого, по сравнению с другими стимулами. Однако вычленение этой причины и нивелирование влияния других причин значимости стимула (например, эмоциональной значимости) в условиях исследования с использованием полиграфа, представляется весьма непростой задачей.

Известно, что исследователь может осознанно или неосознанно влиять на результаты эксперимента, искажая их [3]. В процессе исследования с использованием полиграфа это влияние может быть весьма существенным. На восприятие испытуемым вербальных стимулов могут оказывать влияние интонации специалиста, акцентирование голосом отдельных слов в предложении (вопросе), паузы и т. д. Например, в простом вопросе стимульного теста: «Ваше имя Николай?» можно поставить акцент на любое из трех слов, значительно изменив смысл всего вопроса. Или в процессе предъявления ряда однородных стимулов специалист непроизвольно может выделить голосом тот стимул, который либо объективно известен специалисту, либо он считает его наиболее вероятным.

В вышеуказанных случаях сам специалист сначала наделяет вербальные стимулы «искусственной» значимостью для испытуемого, а потом через анализ физиологических реакций испытуемого эту значимость и «находит», на основе чего формулирует впоследствии невалидные выводы относительно информированности испытуемого об обстоятельствах преступления.

Одним из основных методов контроля влияния экспериментатора на результаты исследования является автоматизация эксперимента [3].

В связи с этим перспективным представляется экспериментальное изучение информированности лица о деталях преступления через анализ его реакций на неосознаваемые стимулы. Реакции на неосознаваемые стимулы являются важной составляющей организации психической деятельности человека и способны вызывать в организме выраженные физиологические реакции [5].

Предъявление в запрограммированном порядке серий неосознаваемых визуальных стимулов позволит в определенной мере автоматизировать эксперимент с использованием полиграфа по определению значимости стимулов для испытуемого и избежать искажения результатов эксперимента из-за влияния специалиста. В данном исследовании, предпринята попытка выявить осведомленность лица о деталях преступления через анализ динамики его кожно-гальванической реакции (КГР) на неосознаваемые визуальные стимулы, содержащие информацию об обстоятельствах расследуемого преступления.

Гипотезой нашего эксперимента выступило предположение о том, что предъявление испытуемому в условиях неосознаваемого восприятия серии фотографий людей, содержащих фотографию знакомого испытуемому человека, вызовет более интенсивную кожно-гальваническую реакцию у испытуемого, по сравнению с кожно-гальваническими реакциями испытуемого, возникающими в ответ на предъявление ему серий фотографий людей, не содержащих фотографию знакомого испытуемому человека.

Теоретические основания

В результате проведенного анализа литературы по проблемам использования полиграфа в процессе расследования преступлений выяснилось, что у полиграфа, как метода определения достоверности сообщаемой информации, имеется немало противников, настаивающих на неоднозначности получаемых на полиграфе результатах и отсутствии теоретической платформы данных исследований. Например, S. Ahlmeier и P. Neil указывают, что на результативность исследований на полиграфе оказывают влияние очень многие факторы, снижающие валидность и надежность этих исследований. К таким факторам данные авторы относят психологические и физиологические индивидуальные особенности тестируемых на полиграфе лиц, уровень профессионального опыта специалиста, проводящего тестирование на полиграфе и т. д. [8]. С ними согласны N.J. Gordon и W.L. Fleisher, которые также ставят результаты полиграфа в прямую зависимость от опыта и природного таланта «полиграфолога» [13]. В своей статье «The Polygraph: Uses and Misuses» M. Mcgrath резко критикует метод полиграфного опроса как крайне ненадежный способ определения лжи [18]. А, например, G.W. Maschke и G.J. Scalabrini и вовсе называют исследования на полиграфе мошенничеством, сравнивая их с астрологией или картами Таро [17].

Однако в современной периодике, имеется и большое количество научных работ обосновывающих необходимость использования при раскрытии преступлений опросов с применением полиграфа, ввиду их высокой результативности. Так, например, китайские ученые Y. Mao, Y. Liang и Z. Hu, оценивая практику применения полиграфа в Китае, констатируют, что результаты проверок на полиграфе обладают высокой степенью точности и достоверности и помогают принять более обоснованные решения в реальных расследованиях [16]. Высокую точность обнаружения лжи с помощью полиграфа, интегрированного с измерением параметров расширения зрачка, доказывают в своих научных работах E. Lee и J. Lee [15]. Российские авторы - А.Ю. Александров, К.О. Уплисова и В.Ю. Иванова в своей работе опи-

сывают высокую эффективность распознавания обмана при помощи полиграфных тестов на «скрываемую информацию» [9]. А такие авторы, как И.В. Абакумова, Р.С. Иванов и Л.Ю. Крутелева, полагают, что результаты психофизиологических экспертиз с использованием полиграфа могут вполне приниматься судами в качестве доказательств по уголовным делам [7].

Действительно, при соблюдении методологии психологического эксперимента исследование с использованием полиграфа может позволить сделать высоковероятностный вывод об информированности лица относительно деталей расследуемого события, что будет способствовать более адекватному формулированию следственных версий и существенно повысит качество расследований. Один из авторов данной статьи неоднократно проводил исследования с использованием полиграфа в процессе расследования преступлений, оказывая, как эксперт, существенную помощь следствию. При этом опыт автора позволяет ему констатировать важную методическую проблему осуществления исследований с использованием полиграфа. Эта проблема связана с тем, что специалист, проводящий опрос на полиграфе, вольно или невольно, сообщает испытуемому информацию об обстоятельствах расследуемого события, увеличивая тем самым осведомленность последнего о преступлении. Данное обстоятельство может значительно затруднить последующую диагностику причастности испытуемого к преступлению. Определенным решением данной проблемы может стать методика диагностики информированности лица об обстоятельствах расследуемого события, основанная на предъявлении испытуемому неосознаваемых стимулов. Невозможность осознания испытуемым предъявляемых стимулов, содержащих информацию об обстоятельствах расследуемого события, полностью исключит утечку информации о преступлении от специалиста к испытуемому.

В результате проведенного анализа литературы по проблематике неосознаваемого восприятия выяснилось, что существует два основных подхода к исследованию данного феномена. Первый подход имеет давнюю историю и основан на словесных отчетах испытуемых, по которым и судят о наличии факта неосознаваемого восприятия.

Изучение неосознаваемого восприятия экспериментальным путем началось в конце XIX века (Dunlap, 1904), активно развивалось в середине XX века (Гершуни, 1947; Bruner, & Minturn, 1955; Костандов, 1977) и продолжается в XXI веке (Haan, Young, & Newcomb, 2007; Trotman, Williams, & Quinton, 2018; Carter, & Luke, 2020).

Так, еще в 1904 г. К. Dunlap экспериментальным путем обнаружил существование феномена неосознаваемого восприятия человеком слабых звуковых раздражителей [12].

При этом большинство исследований неосознаваемого восприятия в начале XX века основывались на словесных отчетах испытуемых о своих ощущениях, образах и предположениях, что негативно влияло на валидность и надежность экспериментальных выводов [10].

Данное обстоятельство заставляло исследователей искать «следы» существования феномена «неосознаваемого восприятия» в объективных показателях физиологических реакций [6].

Второй подход связан с объективной регистрацией физиологических реакций испытуемого в условиях неосознаваемого восприятия стимулов. Так, Г.В. Гершуни обнаружил изменения в показателях работы дыхательной системы и в показателях электропроводности кожи человека, возникающие в ответ на восприятие звуковых раздражителей, интенсивность которых находилась ниже порога слышимости [2]. В результате своих экспериментов J.S. Bruner и А. Minturn, выяснили, что предъявление «слов-табу» (эмоциональных слов негативного характера, употребление которых порицается в обществе) способно вызывать изменение в показателях электропроводности кожи даже при таких коротких по времени экспозициях, ко-

которые не позволяли участникам эксперимента осознать негативное смысловое значение предъявляемых им слов [10]. В серии своих экспериментов Э.А. Костандов обнаружил, что выраженные физиологические реакции возникают в ответ на такие неосознаваемые стимулы, которые имеют высокую субъективную значимость для испытуемых [5]. А эксперименты Е.Н.Ф. Naan, А.В. Young и F. Newcomb, в которых посредством коротких по времени экспозиций фотографий создавались условия, исключающие осознанное узнавание лиц, доказали возникновение кожно-гальванических реакций у испытуемых при предъявлении им фотографий близких людей [14]. Изучая траектории движений глаз при рассматривании набора изображений. В.Т. Carter и S.G. Luke обнаружили, что испытуемые чаще останавливают взор на изображениях, которые им были предъявлены ранее, на неосознаваемом уровне [11]. А, например, G.P. Trotman, S.E. Williams, M.L. Quinton описали в своих работах проявления в физиологических процессах эмоциональных реакций, вызванных угрожающими субсенсорными стимулами в условиях лабораторных стрессовых задач [19].

Проанализированные выше работы доказывают существование в психике человека феномена неосознаваемого восприятия. Полагаем, что термин «неосознаваемое восприятие» является не вполне удачным, поскольку само понятие «восприятие» уже предполагает частичное построение осознаваемого и вербализуемого образа. Для решения этого дискуссионного вопроса можно предложить использовать словосочетание «восприятие неосознаваемых стимулов». Данный термин позволит сместить акцент на характеристики стимула и разграничить неосознаваемые и осознаваемые механизмы, лежащие в основе восприятия.

Методы и материалы

В рамках данной работы были поставлены следующие исследовательские вопросы:

1) рассмотреть эффективность применения в процессе расследования преступлений опросов с использованием полиграфа. Для решения данной задачи был осуществлен выборочный анализ научных статей сторонников (Mao, Liang, & Hu, 2015; Lee, 2018; Александров, Уплисова, Иванова, 2018; Абакумова, Иванов, Крутелева, 2019) и противников (Ahlmeier & Heil, 2000; Mcgrath, 2011; Gordon & Fleisher, 2013; Maschke & Scalabrini, 2018) применения полиграфа в уголовно-правовой сфере, которые, по нашему мнению, наиболее аргументировано обосновывают свою точку зрения;

2) проанализировать основные подходы к исследованию феномена неосознаваемого восприятия. Для решения данной задачи был осуществлен анализ ряда научных работ, посвященных проблематике неосознаваемого восприятия (Dunlap, 1904; Bruner, & Minturn, 1955; Гершуни, 1947; Костандов, 1977; Naan, Young, & Newcomb, 2007; Trotman, Williams, & Quinton, 2018; Carter, & Luke, 2020);

3) провести экспериментальное исследование возможности определения значимости неосознаваемого визуального стимула по динамике физиологических реакций человека. При решении данной задачи мы в рамках системного подхода к изучению психических явлений [1] использовали эмпирические методы психологического исследования, основным из которых был психологический эксперимент [3].

Исследование проводилось в одном из отделов полиции в 2020 г. В качестве испытуемого выступил подозреваемый в совершении кражи, отрицавший групповой характер совершенного преступления и факт своего знакомства с человеком, который, по оперативным данным, являлся сообщником подозреваемого.

Экспериментальное исследование включало в себя несколько этапов. На первом этапе был собран, оформлен и структурирован стимульный материал. От сотрудников полиции мы по-

лучили фотографию предполагаемого сообщника подозреваемого (целевая фотография). Для эксперимента нами в сети Интернет были отобраны четыре портретных фотографии лиц (анфас) мужского пола (нецелевые фотографии), сопоставимых (схожих) по основным характеристикам (соотношение частей портрета, примерный возраст сфотографированного, овал лица, выражение лица, прическа и т. д.) с фотографией предполагаемого сообщника подозреваемого. Все фотографии были отформатированы в электронном виде так, чтобы размер фотографий составлял 20x20 см и голова сфотографированного находилась в центре фотографии в пределах области размером 16 см (высота) на 12 см (ширина). Были составлены четыре последовательности фотографий (основной стимульный материал), каждая последовательность состояла из четырех фотографий разных лиц. При этом одна из четырех последовательностей фотографий содержала фотографию предполагаемого сообщника подозреваемого (вместо одной из нецелевых фотографий). Фотографии в последовательностях были размещены таким образом, чтобы порядок следования фотографий и место каждой фотографии в последовательностях не повторялись.

Последовательности фотографий были обозначены номерами: 1, 2, 3, 4. Последовательность № 4 содержала целевую фотографию (фотографию предполагаемого сообщника подозреваемого), расположенную на третьем по счету месте. Из последовательностей фотографий было сформировано 10 серий предъявлений. В каждой серии последовательность фотографий № 1 всегда находилась на первом месте. Последовательности № 2—4 менялись местами в каждой серии по следующей схеме: первая серия: 1-2-3-4; вторая серия: 1-4-2-3; третья серия: 1-3-4-2; четвертая серия: 1-4-2-3 и т. д. Также нами в сети Интернет были отобраны четыре портретных фотографии лиц (анфас) женского пола из числа широко известных отечественных вокалистов (певиц). Данные фотографии были отформатированы аналогично мужским. Последовательность из этих фотографий (дополнительный стимульный материал) использовалась для определения времени экспозиции фотографий, необходимого для создания условий неосознаваемого восприятия. Для формирования и предъявления рядов визуальных стимулов использовалась компьютерная программа Wondershare Filmora.

На втором этапе мы провели установочный эксперимент, в ходе которого испытуемому предъявлялся дополнительный стимульный материал. Стимулы отображались на мониторе с диагональю 19 дюймов. Испытуемый сидел перед монитором на офисном (некрутящемся) стуле-кресле, откинувшись на спинку стула и положив руки на подлокотники. Расстояние от лица испытуемого до монитора составляло около 90 см. Испытуемому была дана инструкция сидеть спокойно, расслаблено, внимательно смотреть на монитор и пытаться понять, что ему показывают. Время экспозиции каждой фотографии из дополнительного стимульного материала в начале установочного эксперимента было 20 мс, интервал между фотографиями — 10 мс. В таком режиме дополнительный стимульный материал был предъявлен испытуемому три раза с интервалом 5 с. Согласно вербальному отчету испытуемого, он не смог понять, что показывалось на экране, а видел только «какое-то мельтешение». В последующих сериях предъявлений время экспозиции каждой фотографии увеличивалось интервалами по 10 мс до того момента, пока испытуемый не заявил о том, что видит на экране «каких-то людей, похоже, что женщин», но не может разобрать, кто это. Таким образом, нами было определено пороговое значение длительности экспозиции визуального стимула, необходимое для создания условий неосознаваемого восприятия. У данного испытуемого пороговое значение длительности экспозиции визуального стимула равнялось 50 мс.

На третьем этапе мы провели основной эксперимент, в ходе которого испытуемому предъявлялся основной стимульный материал. Условия основного эксперимента были иден-

тичны условиям установочного эксперимента, за исключением содержания стимульного материала и особенностей его предъявления. Визуальные стимулы предъявлялись сериями последовательностей, описанными выше. Время экспозиции каждой фотографии в последовательности составляло 50 мс. Интервал между фотографиями в последовательности был 10 мс. Интервал между последовательностями в серии, а также интервал между сериями составлял 5 с. В таком режиме основной стимульный материал был предъявлен испытуемому пять раз с интервалом между предъявлениями 2—3 мин. Всего в ходе эксперимента испытуемому 50 раз была предъявлена последовательность фотографий, содержащая целевую фотографию, и 150 раз были предъявлены последовательности фотографий, не содержащие целевую фотографию.

В процессе предъявления фотографий, при помощи компьютерного полиграфа марки «Поларг-М», регистрировались кожно-гальванические реакции (КГР) испытуемого. Запись КГР осуществлялась со средних фаланг указательного и безымянного пальцев руки испытуемого. Графики КГР сохранялись в памяти компьютера при помощи программного обеспечения «Полигон», которое позволяло выразить амплитуду графика КГР в условных миллиметрах. Показатели амплитуды КГР были подвергнуты статистической обработке с использованием компьютерной программы Statistica 10.

Результаты исследования

В ряде описанных выше научных работ доказано возникновение у испытуемых физиологических реакций (в том числе кожно-гальванических реакций) в ответ на предъявление неосознаваемых, но значимых для испытуемых стимулов. Это дает основание предположить возможность диагностики факта опознавания испытуемым фотографии знакомого (значимого) человека в условиях неосознаваемого восприятия. Такая диагностика может базироваться на анализе регистрируемых при помощи компьютерного полиграфа кожно-гальванических реакций опознающего, возникающих в ответ на предъявление ему значимых и незначимых неосознаваемых визуальных стимулов (фотографий).

Для проверки данного предположения нами был проведен психологический эксперимент с лицом, подозреваемым в совершении кражи. В ходе эксперимента был получен массив данных из 200 показателей амплитуды КГР. В массиве данных были выделены две выборки. В первую выборку были включены 150 показателей амплитуды КРГ, которые возникали после предъявления испытуемому последовательностей фотографий, содержащих только нецелевые фотографии. Во вторую выборку были включены 50 показателей амплитуды КРГ, которые возникали после предъявления испытуемому последовательностей фотографий, среди которых была целевая фотография. Среднее значение амплитуды КГР в первой выборке составило 1,8 мм. Среднее значение амплитуды КГР во второй выборке составило 7,2 мм. Используя критерий Стьюдента (t), мы определили, что различия между двумя выборками достоверны ($p < 0,05$).

Проведенный эксперимент с уверенностью позволил констатировать статистически значимую разницу в выраженности (интенсивности) кожно-гальванических реакций подозреваемого, возникающих в ответ на предъявление серий фотографий, содержащих фотографию предполагаемого сообщника подозреваемого, по сравнению с реакциями, возникающими в ответ на серии фотографий, не содержащих фотографию предполагаемого сообщника подозреваемого.

Был сделан вывод, что фотография предполагаемого сообщника подозреваемого является для подозреваемого эмоционально значимой и, вероятно, подозреваемый знаком с предполагаемым сообщником.

Результаты исследования были озвучены следователю и подозреваемому, после чего подтвердились признательными показаниями подозреваемого и результатами других следственных действий.

Заключение

Приведенные в статье результаты позволяют сделать вывод о том, что на основе анализа физиологических реакций допустимо осуществление диагностики субъективной значимости для испытуемого предъявляемых ему неосознаваемых визуальных стимулов. Полученные в исследовании результаты могут быть использованы в работе правоохранительных органов при расследовании преступлений. Так, с помощью описанного метода можно попытаться определить особенности осведомленности участников преступного события о некоторых конкретных обстоятельствах расследуемого преступления. Например, если подозреваемое в преступлении лицо отрицает факт своего знакомства с жертвой преступления, а на самом деле факт такого знакомства существует, то фотография жертвы преступления будет для подозреваемого эмоционально значимой. Через вышеописанную процедуру психологического эксперимента можно выявить эмоциональную значимость данной фотографии и косвенно подтвердить факт «знакомства» подозреваемого с жертвой преступления.

Литература

1. Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984. 176 с.
2. Гершуни Г.В. Изучение субсенсорных реакций при деятельности органов чувств // Физиологический журнал СССР. 1947. Том 33. С. 393–412.
3. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. СПб: Питер, 2000. 320 с.
4. Еникеев М.И. Психология оперативно-розыскной деятельности // Юридическая психология. 2008. № 2. С. 2–8.
5. Костандов Э.А. Восприятие и эмоции. М.: Медицина, 1977. 248 с.
6. Оперативно-розыскная деятельность: учебник. 2-е изд., доп. и перераб. / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова, А.Ю. Шумилова. М.: ИНФРА-М, 2004. 848 с.
7. Abakumova I.V., Ivanov R. S., Kruteleva L.J. Research of psychophysiological characteristics of a person in the situation of revealing concealed information by means of polygraph // International Journal of Psychophysiology. 2016. Vol. 7. P. 146–147. doi:10.1016/j.ijpsycho.2016.07.426
8. Ahlmeyer S., Heil P., McKee B., English K. The impact of polygraphy on admissions of victims and offenses in adult sexual offenders // Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment. 2000. Vol. 12(2). P. 123–138. doi:10.1177/107906320001200204
9. Aleksandrov A.Yu., Uplisova K.O., Ivanova V.Yu. Evoked physiological tremor dynamics on deception related stimuli in concealed information test // International Journal of Psychophysiology. 2018. Vol. 131(S). P. 84. doi:10.1016/j.ijpsycho.2018.07.238
10. Bruner J.S., Minturn A.L. Perceptual identification and the perceptual organization // Journal of General Psychology. 1955. Vol. 53. P. 21–28. doi:10.1080/00221309.1955.9710133

11. Carter B.T., Luke S.G. Best practices in eye tracking research // *International Journal of Psychophysiology*. 2000. Vol. 155. P. 49–62. doi:10.1016/j.ijpsycho.2020.05.010
12. Dunlap K. Studies from the California Psychological Laboratory: Some peculiarities of fluctuating and inaudible sounds // *Psychology Review*. 1904, Vol. 11(4-5). P. 308–318. doi:10.1037/h0073696
13. Gordon N.J., Fleisher W.L. A Realistic Perspective of the Art and Science of Forensic Psychophysiology // *European Polygraph*. 2013. Vol. 7(3(25)). P. 121–126.
14. Haan E.H.F., Young A.W., Newcombe F. Face recognition without awareness // *Cognitive Neuropsychology*. 2007. Vol. 4(4). P. 385–415. doi:10.1080/02643298708252045
15. Lee E.J., Lee J.H. Increase of Lie Detection Accuracy through Integrated Measurement of Pupil Dilation and Polygraph // *International Journal of Psychophysiology*. 2018. Vol. 131. P. 124–125. doi:10.1016/j.ijpsycho.2018.07.336
16. Mao Y., Liang Y., Hu Z. Accuracy rate of lie-detection in China: Estimate the validity of CQT on field cases // *Physiology & Behavior*. 2015. Vol. 140. P. 104–110. doi:10.1016/j.physbeh.2014.11.063
17. Maschke G.W., Scalabrini G.J. The Lie Behind the Lie Detector. 2018 [Электронный ресурс] // *AntiPolygraph.org*. URL: <https://antipolygraph.org/lie-behind-the-lie-detector.pdf> (дата обращения: 04.12.2021).
18. Mcgrath M. The Polygraph: Uses and Misuses // *Forensic Investigations. An Introduction*. 2017. P. 277–293. doi:10.1016/B978-0-12-800680-1.00011-0
19. Trotman G.P., Williams S.E., Quinton M.L., Veldhuijzen van Zanten J.J.C.S. Challenge and threat states: examining cardiovascular, cognitive and affective responses to two distinct laboratory stress tasks // *International Journal of Psychophysiology*. 2018. Vol. 126. P. 42–51. doi:10.1016/j.ijpsycho.2018.02.004

References

1. Ganzen V.A. *Sistemnye opisaniya v psikhologii*. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1984. 176 p. (In Russ.).
2. Gershuni G.V. Izuchenie subsensornykh reaktsii pri deyatel'nosti organov chuvstv. *Fiziologicheskii zhurnal SSSR = Physiological Journal of the USSR*, 1947. Vol. 33, pp. 393–412 (In Russ.).
3. Druzhinin V.N. *Eksperimental'naya psikhologiya*. Saint Petersburg: Piter, 2000. 320 p. (In Russ.).
4. Enikeev M.I. Psikhologiya operativno-rozysknoi deyatel'nosti [Psychology of operational investigative activity]. *Yuridicheskaya psikhologiya = Juridical Psychology*, 2008, no. 2, pp. 2–8 (In Russ.).
5. Kostandov E.A. *Vospriyatie i emotsii*. Moscow: Meditsina, 1977. 248 p. (In Russ.).
6. Goryainov K.K., Ovchinsky V.S., Sinilov G.K., Shumilov A.Yu. (eds.). *Operativno-rozysknaya deyatel'nost': Uchebnik*. 2nd ed. Moscow: INFRA-M, 2004. 848 p. (In Russ.).
7. Abakumova I. V., Ivanov R. S., Kruteleva L. J. Research of psychophysiological characteristics of a person in the situation of revealing concealed information by means of polygraph. *International Journal of Psychophysiology*, 2016, no. 7, pp. 146–147. doi:10.1016/j.ijpsycho.2016.07.426
8. Ahlmeyer S., Heil P., McKee B., English K. The impact of polygraphy on admissions of victims and offenses in adult sexual offenders. *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*, 2000. Vol. 12, no. 2, pp. 123–138. doi:10.1177/107906320001200204

9. Aleksandrov A.Yu., Uplisova K.O., Ivanova V.Yu. Evoked physiological tremor dynamics on deception related stimuli in concealed information test. *International Journal of Psychophysiology*, 2018. Vol. 131, no. S. P. 84. doi:10.1016/j.ijpsycho.2018.07.238
10. Bruner J.S., Minturn A.L. Perceptual identification and the perceptual organization. *Journal of General Psychology*, 1955. Vol. 53, pp. 21–28. doi:10.1080/00221309.1955.9710133
11. Carter B.T., Luke S.G. Best practices in eye tracking research. *International Journal of Psychophysiology*, 2000. Vol. 155, pp. 49–62. doi:10.1016/j.ijpsycho.2020.05.010
12. Dunlap K. Studies from the California Psychological Laboratory: Some peculiarities of fluctuating and inaudible sounds. *Psychology Review*, 1904, Vol. 11, no. 4-5, pp. 308–318. doi:10.1037/h0073696
13. Gordon N.J., Fleisher W.L. A Realistic Perspective of the Art and Science of Forensic Psychophysiology // *European Polygraph*. 2013. Vol. 7, no. 3(25), pp. 121–126.
14. Haan E.H.F., Young A.W., Newcombe F. Face recognition without awareness. *Cognitive Neuropsychology*, 2007. Vol. 4, no. 4, pp. 385–415. doi:10.1080/02643298708252045
15. Lee E.J., Lee J.H. Increase of Lie Detection Accuracy through Integrated Measurement of Pupil Dilation and Polygraph. *International Journal of Psychophysiology*, 2018. Vol. 131, pp. 124–125. doi:10.1016/j.ijpsycho.2018.07.336
16. Mao Y., Liang Y., Hu Z. Accuracy rate of lie-detection in China: Estimate the validity of CQT on field cases. *Physiology & Behavior*, 2015. Vol. 140, pp. 104–110. doi:10.1016/j.physbeh.2014.11.063
17. Maschke G.W., Scalabrini G.J. The Lie Behind the Lie Detector. 2018 [Elrekrtonnyi resurs]. *AntiPolygraph.org*. URL: <https://antipolygraph.org/lie-behind-the-lie-detector.pdf> (Accessed 04.12.2021).
18. Mcgrath M. The Polygraph: Uses and Misuses. *Forensic Investigations. An Introduction*. 2017, pp. 277–293. doi:10.1016/B978-0-12-800680-1.00011-0
19. Trotman G.P., Williams S.E., Quinton M.L., Veldhuijzen van Zanten J.J.C.S. Challenge and threat states: examining cardiovascular, cognitive and affective responses to two distinct laboratory stress tasks. *International Journal of Psychophysiology*, 2018. Vol. 126, pp. 42–51. doi:10.1016/j.ijpsycho.2018.02.004

Информация об авторах

Свободный Феликс Константинович, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра управления и психологии следственной деятельности, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации (ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета РФ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8010-8756>, e-mail: sfk_felix@mail.ru

Лаврешкин Никита Владимирович, заместитель декана по внеучебной работе, старший преподаватель, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5556-2057>, e-mail: lavrashkinv@gmail.com

Information about the authors

Felix K. Svobodny, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Management and Psychology of Investigative Activity, Moscow Academy of the Investigative Committee of the

Свободный Ф.К., Лаврешкин Н.В.
Опознавание лица по фотографии
в условиях неосознаваемого восприятия
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 197–208.

Svobodny F.K., Lavreshkin N.V.
Identification of a Person from a Photo
in Conditions of Unconscious Perception
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 197–208.

Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8010-8756>, e-mail: sfk_felix@mail.ru

Nikita V. Lavreshkin, Deputy Head, Senior Lecturer, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5556-2057>, e-mail: lavreshkinnv@gmail.com

Получена 06.12.2021
Принята в печать 06.06.2022

Received 06.12.2021
Accepted 06.06.2022